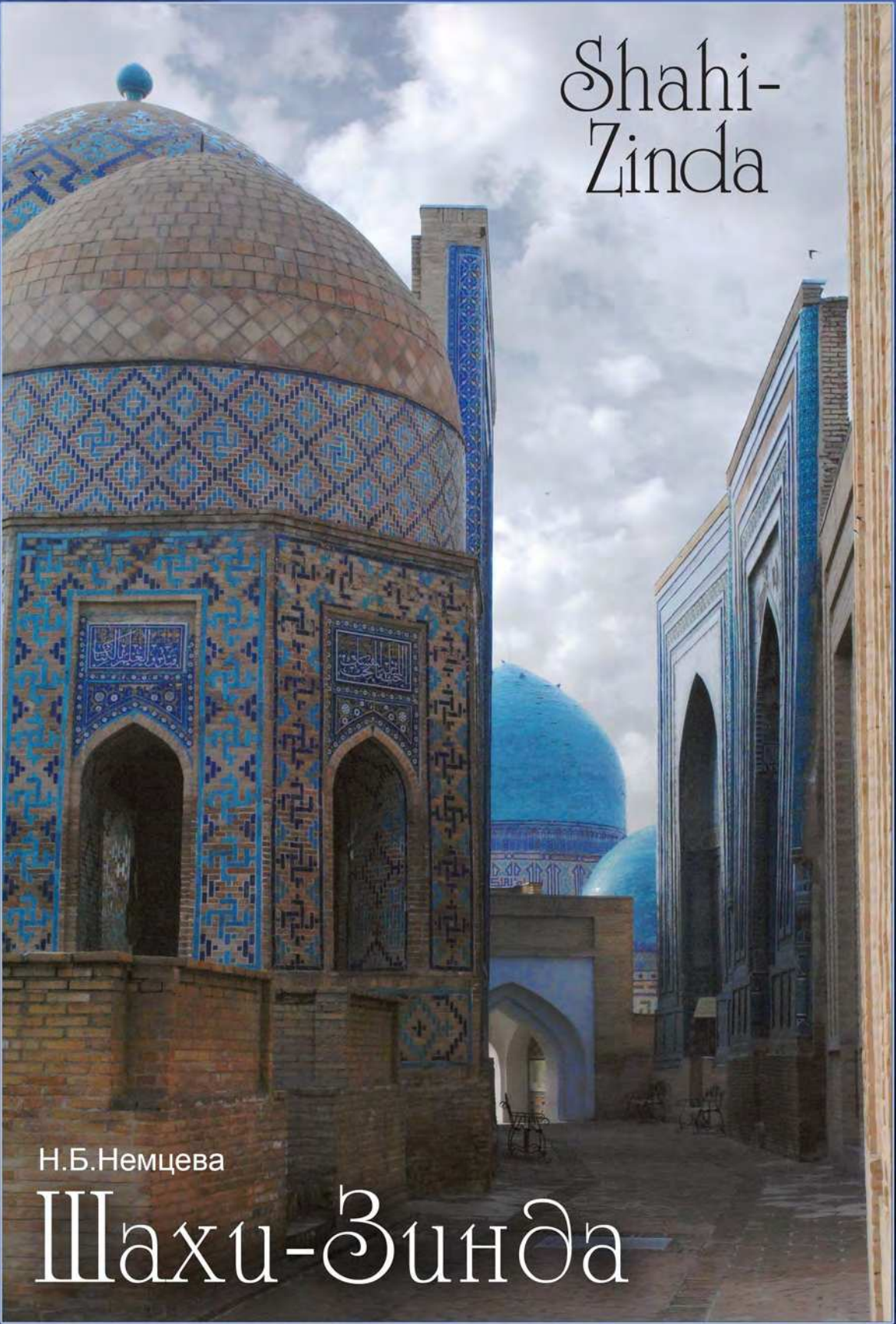




Shahi- Zinda

Н.Б.Немцева

Шахи-Зинда

история - археология - архитектура

Н.Б. Немцева

Ансамбль

ШАХИ-ЗИНДА:

история – археология – архитектура
XI–XXI вв.

Самарканд
2019

Памяти

архитекторов-реставраторов Узбекистана:

*Б.Н. Засыпкина, А.Н. Виноградова, В.М. Филимонова,
И.Е. Плетнева, К.С. Крюкова, Ю.З. Шваб, А.З. Зайнутдинова,
художника Г.Н. Никитина, химика-технолога Н.С. Гражданкиной,
для которых изучение и сохранение средневековой архитектуры
Средней Азии стало делом всей жизни.*

Немцева Н.Б. Ансамбль Шахи-Зинда: история — археология — архитектура. — Самарканд, 2019. — 310 с., ил.

Руководитель проекта: Д.А. Воякин

Отв. редактор: академик АН Республики Узбекистан, доктор исторических наук, профессор Э.В. Ртвеладзе.

Ответственный за выпуск: А. Искандерова

Предлагаемая читателю книга — второе монографическое издание по исследованиям крупнейшего памятника зодчества Средней Азии — ансамбля Шахи-Зинда в Самарканде, издаётся в рамках международного проекта «История архитектуры Центральной Азии», иницированного Международным институтом центральноазиатских исследований (МИЦАИ).

Шахи-Зинда — царский некрополь эпохи Темуридов, сложился в XIV–XV вв. у крупной мусульманской святыни — «машада Кусам», которая существует около тысячи лет.

Этот сакральный центр возник в XI в. и связан с именем Кусам ибн Аббаса — миссионера ислама, кровного родственника и сподвижника Пророка. В средние века «машад Кусам» являлся второй по значению святыней в мусульманском мире после гробницы Мухаммада в Медине, как сообщает «Малая Кандия» (письменный источник XII в.).

Ансамбль Шахи-Зинда — уникальный памятник средневекового зодчества, источник познания историко-культурного наследия и строительного искусства Средней Азии.

В XI–XII вв. это важный сакральный и образовательный центр Самарканда, включавший ханифитское медресе и богатый некрополь караханидской знати. В XIV–XV вв. Шахи-Зинда — царский некрополь эпохи Темуридов. На протяжении веков святыня почиталась на государственном уровне, являлась важной частью внутренней политики правителей.

На основе многолетних археолого-архитектурных исследований комплекса, проведенных во второй половине XX в., в книге прослеживаются этапы формирования царского некрополя в разные периоды, развитие мемориально-культовой архитектуры и монументального декора Средней Азии. В книге впервые показано важное значение идейной доминанты ансамбля Шахи-Зинда — «машада Кусам», как универсального феномена в жизни мусульманского общества.

Переработанное и расширенное второе монографическое издание по архитектурному комплексу Шахи-Зинда рассчитано на специалистов по истории культуры мусульманского Востока и будет интересно широкому кругу читателей.

This book is the second edition of a monographic study on the largest monument of architecture of Central Asia — Shahi-Zinda ensemble in Samarkand, published as a part of the international project 'The History of Architecture of Central Asia' initiated by the International Institute for Central Asian Studies.

Shahi-Zinda, a royal necropolis of the Timurid period, was formed in the 14th–15th centuries around a great Muslim shrine — 'Mashad Kusam' existed about a thousand years.

The sacral center originated in the 11th century and associated with the name of Kusam ibn Abbas — a missionary of Islam, a blood relative and a companion of the Prophet Muhammad. In the Middle Ages 'Mashad Kusam' was the second most important shrine in the Muslim world after tomb of Muhammad in Medina, according to 'Small Kandiya' (the written source of the 12th century.)

Shahi-Zinda ensemble is a unique monument of medieval architecture, the source of information on historical and cultural heritage and the art of construction in Central Asia.

In the 11th–12th centuries it was an important sacred and educational centre of Samarkand, which included Hanafi madrasah and rich necropolis of the Karakhanid nobility. In the 14th–15th centuries Shahi-Zinda was the royal necropolis of the Timurid period. For centuries the shrine was of the state level being an important part of domestic policy of the rulers.

Based on the long-termed archaeological and architectural studies of Shahi-Zinda conducted in the late 20th century, this book traces the steps of forming of the royal necropolis in different periods, the development of the memorial and religious architecture and monumental decoration of Central Asia. The book is the first to show the importance of ideological dominance of Shahi-Zinda — 'Mashad Kusam' in the life of Muslim society as a universal phenomenon.

Revised and expanded, the second edition of the monograph on Shahi-Zinda is designed for professionals in the cultural history of the Muslim East and will be interesting to a wider audience.



Авторы несут ответственность за выбор и представление фактов и мнений, содержащихся в этом издании и не выражающих идеи ЮНЕСКО. Обозначения и материалы, предоставленные в книге, не заключают в себе мнения ЮНЕСКО относительно легального статуса какой-либо страны, территории, города или зоны влияния, границ.

Фото на обложке: Мавзолей «Восьмигранник», первая половина XV в. Самарканд.

©МИЦАИ, 2019
ISBN 978-9943-357-47-1

От ответственного редактора

Автор этой книги — Нина Борисовна Немцева — хорошо известна в Средней Азии и за ее пределами своими масштабными археологическими раскопками на таких выдающихся археолого-архитектурных памятниках, как Ходжа-Машад, Рабат-и Малик и особенно Шахи-Зинда, которым она посвятила более 60 лет своей жизни.

Перу Н.Б. Немцевой принадлежат многочисленные труды по археологии и так называемой архитектурной археологии, в которой она является непревзойденным специалистом. К сожалению, сейчас этому важнейшему разделу изучения архитектуры уделяется значительно меньше внимания, чем прежде. И в этом отношении данная книга Н.Б. Немцевой является подлинным примером того, как надо изучать архитектуру как с точки зрения методологии, так и исторической интерпретации.

В современной научной литературе об архитектурных памятниках Средней Азии уже нет подчас книг, отве-

чающих тем высоким подходам к изучению архитектурных памятников, подобных книге Н.Б. Немцевой. Это ее третья книга о замечательном архитектурном ансамбле Шахи-Зинда в Самарканде. Первая — обстоятельная монография, подготовленная ею совместно с Ю.З. Шваб, и вторая — научно-популярный альбом, написанный Н.Б. Немцевой, давно уже стали библиографической редкостью.

Третья книга Н.Б. Немцевой отличается от предыдущих более широким взглядом. В ней анализируются многие вопросы стратиграфии, исторической топографии и водопользования в юго-восточной части Афрасиаба.

Как научный редактор этой книги, внимательно прочитавший ее текст, могу с удовольствием констатировать, что Н.Б. Немцева создала настоящую научную монографию о прославленном на весь Восток архитектурном ансамбле блистательной эпохи Амира Темура и Темуридов, которая вряд ли будет превзойдена в обозримом будущем.

**Академик АН РУз,
иностраннный член АН Грузии,
профессор Э.В. Ртвеладзе.**

Предисловие

Предлагаемая читателю книга посвящена археолого-архитектурным исследованиям всемирно известного памятника зодчества Средней Азии, комплексу мавзолеев в Самарканде — ансамблю Шахи-Зинда.

Автор книги — известный среднеазиатский археолог Нина Борисовна Немцева — занималась изучением памятника в течение более тридцати лет во второй половине XX — начале XXI в. Автором были получены основные данные, являющиеся базой современных научных представлений о комплексе Шахи-Зинда.

В книге обобщены материалы, полученные в процессе изучения некрополя, которые дали возможность охватить весь тысячелетний путь функционирования памятника, проследить этапы его развития с XI по XIX вв., выявить значение комплекса Шахи-Зинда в жизни мусульманского общества на протяжении столетий, характерные для каждого периода особенности архитектурно-художественного стиля, конструкций и монументального декора.

Наряду с изучением собственно ансамбля Н.Б. Немцовой проведены обширные археологические исследования южной части городища Афрасиаб — территории Самарканда с древности до монгольского разгрома в 20-е годы XIII в. Были получены достоверные данные о возрасте древнего Самарканда и градостроительной структуре его южной части.

Интерес к научной информации о средневековом зодчестве в исторических городах Средней Азии растет с каждым днем. Она особенно актуальна сейчас, когда международный познавательный и религиозный туризм получил в конце XX — начале XXI в. очередной виток развития. Необходимость издания новой книги о памятнике Шахи-Зинда продиктована также развитием исторической науки, новой интерпретацией известных материа-

лов по памятнику, которые опубликованы в последние годы в научных сборниках и остаются недоступными широкому кругу читателей.

В книге впервые дается более глубокое представление о «машаде Кусам» в Самарканде, идеологической доминанте некрополя Шахи-Зинда, как древнейшего в основе историко-культурного феномена в жизни народов Евразии, анализируются особенности архитектуры и декора раскопанных памятников XI—XII вв. — первого и важнейшего этапа в истории ансамбля Шахи-Зинда и Самарканда вообще, где на поверхности земли не сохранилась архитектура домонгольской поры.

В книге приведены результаты исследований и реставрации, выполненные в советское время и в период независимости Республики Узбекистан.

Необходимость демонстрации связи истории комплекса Шахи-Зинда и древнего Самарканда потребовала введения в книгу трех специальных разделов, касающихся стратиграфии и исторической топографии юга Афрасиаба, водоснабжения ансамбля Шахи-Зинда на протяжении веков, а также роли и значения южных Кешских (Железных) ворот Самарканда, близ которых сложился ансамбль Шахи-Зинда.

В качестве приложения в книгу включен перевод надписей на мавзолеях Шахи-Зинда, выполненный В.А. Шишкиным в 1970 г., так как публикация затерялась среди множества статей о комплексе и недоступна широкому кругу читателей.

В книге использованы графические реконструкции, выполненные в 60—70-е гг. XX в. архитектором Юдифью Зеликовной Шваб, с которой автор много лет вместе изучала некрополь Шахи-Зинда. Археологические исследования, обмеры, фото, реконструкции и анализ результатов раскопок выполнены автором книги.

От автора

В начале 50-х годов прошлого века, почти сразу после окончания университета я впервые оказалась на некрополе Шахи-Зинда. Прошло больше полувека с первых моих работ на памятнике, а кажется, все было только вчера. Эпизодические раскопки в 60-е годы переросли в систематические исследования, началась планомерная реставрация комплекса Шахи-Зинда, первая в таких масштабах, для чего потребовались исходные данные.

Я благодарю судьбу, подарившую мне этот памятник, который стал для меня школой, вторым университетом, где я на практике изучала специфические формы и конструкции средневековой архитектуры, вникала в процессы технологии изготовления декора, геометрических построений. Это был увлекательный путь в моем профессиональном становлении.

В Специальной научно-реставрационной мастерской, где я в то время работала, сложилась особая интеллектуальная и дружелюбная среда романтиков-энтузиастов, бескорыстно преданных делу изучения и реставрации средневековой архитектуры. Вместе со мной на памятнике работали архитекторы Володя Филимонов, прекрасный натурный исследователь, который нашел резное дерево XIV в. в комплексе Кусамы, Юдя Шваб, которая готовила проекты реставрации на мемориалы Шахи-Зинда, Георгий Николаевич Никитин - художник-реставратор, удивительно теплый человек с тонким юмором, изучавший росписи в комплексе Кусамы ибн Аббаса.

Мой научный интерес к памятнику, первые открытия выстроились в конечном итоге в понимание исторически закономерных основ формирования этого многослойного объекта.

Мне везло в жизни на хороших людей, на интересные, проблемные объекты. С большим теплом я вспоминаю администраторов — директора СНРПМ Абдуллу Шамурадовича Шамурадова, сменившего его Эдуарда Атанесовича Осипянца, которые, не будучи историками, с большим интересом и пониманием относились к моим работам. Из года в год в планах мастерской стояли археологические исследования на комплексе Шахи-Зинда — действующем, очень трудном для

раскопок, плотно застроенном памятнике, где артефакты собирались годами.

Параллельно я вела археологическое изучение юга городища Афрасиаб, где в XIV в. возник ансамбль Шахи-Зинда. В слоях под ним были выявлены остатки жилого квартала IX—XIII вв., артефакт этот снимал гипотезу о доисламском культе на месте некрополя. Был найден древний канал, который снабжал водой юг Самарканда и являлся доходным вакфом для главной мусульманской святыни города. Также установлено, что юг Самарканда, как и все городище, обживался с древнейших времен.

Сейчас хорошо известен возраст Самарканда, прошли юбилеи, а в начале 60-х среди археологов велись ожесточенные споры о возрасте и величине города. Исследования юга Афрасиаба были крайне важны.

Я не могу забыть коллег, которые в 60-е годы изучали северную и центральную часть Афрасиаба — Маргариту Филианович, Галину Шишкину, Сергея Кузьмича Кабанова и других археологов. В непростой ситуации того времени на основе материалов раскопок удалось доказать, что древний Самарканд сложился на всем городище в середине I тысячелетия до н.э. Хочется добрым словом вспомнить известного археолога Средней Азии Василия Афанасьевича Шишкина, который был во главе исследований на Афрасиабе и внимательно относился к археологическим работам на памятнике и в его округе.

В заключение я хочу выразить благодарность Равшану Тохтаеву — талантливому архитектору, специалисту по архитектурному наследию Средней Азии, который выполнил ряд графических работ при подготовке книги.

Особенно я благодарна моему сыну Владимиру, первому внимательному читателю электронного варианта этой книги, за поддержку, полезные советы и замечания.

Выражаю признательность издательству «SMI-Asia» и ее руководителю Алексею Арапову за верстку первого варианта книги.

Более всего я искренне благодарна дизайнеру Ирине Кокозиди, разделившей со мной трудности оформления первого варианта издания.

Введение

Безжизненные холмы Афрасиаба¹. Давно умерший город погребен под серовато-желтыми пластами лесса. На юге раскинулось огромное кладбище, которому более тысячи лет. Две прямые магистрали рассекают городище на части. Множество тропинок вьется меж холмов и оврагов. Лишь археологические вскрытия, которые ширятся из года в год, являют взору то, что таится под мертвым покровом земли в этом огромном теле бывшего города.

Это городище древнего и средневекового Самарканда покинуто в начале XIII в. после монгольского нашествия. Именно здесь, на пустынных ныне холмах, в середине первого тысячелетия до н.э. возник один из древнейших центров Средней Азии — Самарканд. Теперь городище Афрасиаб — музей-заповедник. Более ста лет, начиная с конца XIX века, на нем ведутся археологические исследования, которые из года в год дополняют наши представления о древней и средневековой культуре Средней Азии.

Самарканд (Мараканда в греческих письменных источниках), расположенный в самом сердце Мавераннахра, возник на реке Зеравшан и его притоках, являлся крупнейшим центром цивилизации Евразии, какими были Афины, Рим или Фивы. В конце VI — начале IV в. до н.э. Самарканд входил в состав иранского государства Ахеменидов, в 329 г. до н.э. он был завоеван войсками Александра Македонского. Город упоминается в греко-римских источниках.

Самарканд не раз подвергался разрушению и запустению. Но каждый раз город вновь поднимался из руин, застраивался новыми домами, дворцами и храмами, а его базары заполняла шумная и пестрая толпа.

¹ Афрасиаб — легендарный герой, царь Турана. С этим именем в XVII-XVIII вв. народная молва связала руины городища древнего и средневекового Самарканда.

В начале VIII в. город был завоеван арабами и вошел в состав Аббасидского халифата.

После выхода Средней Азии из Халифата при Тахиридах и Саманидах в IX—X вв. Самарканд расцветает как крупный городской центр Мавераннахра.

В XI в. Самарканд — столица западных Караханидов. В 1220 г. Самарканд был razорен полчищами Чингисхана, после чего жизнь на Афрасиабе замерла. Постепенно город начал восстанавливаться южнее городища, в бывшем пригороде — рабаде (теперешний «старый город»).

С 70-х гг. XIV в. Самарканд — столица огромного государства Амира Темура, охватывавшего всю Среднюю Азию, Иран, Ирак, Афганистан, Ближний Восток, значительную часть Индии.

Во времена правления Амира Темура, желавшего прославить Самарканд, превратить город в «сияющую точку мира», сюда свозились лучшие мастера, художники, ученые и зодчие из завоеванных стран Востока. В городе возводилось большое число монументальных зданий, роскошь убранства которых должна была возвеличить силу и мощь государства Амира Темура, прославить имя ее создателя. Часть этих сооружений до сего дня доминирует в силуэтах города, входит в градостроительную структуру старого Самарканда.

Один из шедевров этого времени — ансамбль Шахи-Зинда — расположен на юго-восточной окраине городища Афрасиаб, среди выжженных солнцем холмов и могил. Дошедший до нас ансамбль представлен однокамерными портално-купольными мавзолеями XIV—XV вв., принадлежавшими семье главы государства, Амира Темура, и первых Темуридов по женской линии, а также придворной военной и духовной знати. Только в наземной части ансамбля Шахи-Зинда сохранилось более двадцати мавзолеев и мечетей разного времени. Благодаря археологиче-

ским работам установлено, что общее число подобного типа культовых зданий было около 50.

Ансамбль Шахи-Зинда в Самарканде возник в начале XI века при первых Караханидах как важная мусульманская святыня. В дальнейшем на этой идейной основе в связи с широким распространением суфизма и культа святых в Средней Азии на юге города сложился крупный в масштабах Среднего Востока городской религиозно-культовый и образовательный центр, оказавший большое влияние на формирование духовной культуры, психологии и менталитета населения региона. Одновременно у сакрального центра складывается царский некрополь Караханидов, на месте которого в XIV—XV вв. возник существующий ансамбль Темуридов.

Сооружения ансамбля XI—XII вв. почти полностью стерты с лица земли. Частично сохранился лишь неоднократно перестроенный комплекс Кусам ибн Аббаса XI в. — архитектурная основа и идеологическая доминанта комплекса Шахи-Зинда. Однако остатки стен и архитектурный декор XI—XII вв., найденные при раскопках, а также немногочисленные данные письменных источников позволяют с достаточной точностью восстановить начальный период его функционирования.

Сейчас ансамбль Шахи-Зинда окружает «город мертвых» — разросшееся мусульманское кладбище с тесно расположенными современными надгробиями из мрамора и гранита. Это кладбище тоже своего рода исторический памятник, которому более 1300 лет. Именно здесь, на юге Самарканда, согласно «Малой Кандии» («Сахарная книга Самарканда»), в конце VII века вблизи Кешских ворот возникло первое кладбище арабов племени Бану Нахийя. На нем был похоронен Кусам ибн Аббас — один из миссионеров ислама, погибший во время завоевания Самарканда арабами в VII в. Кусам ибн Аббас — двоюродный брат пророка Мухаммада, происходил из рода Аббасидов — второй правя-

щей династии после Омейядов в Арабском халифате. Он упомянут в письменных источниках IX—XI вв. (ат-Табари, ал-Белазури, ан-Наршахи, ан-Насафи).

В XI в. близ Кешских ворот города в честь именитого шахида (араб. шахид — погибший за веру) был основан мемориально-поминальный комплекс — «машад Кусам» с мнимой могилой Кусам ибн Аббаса. В позднее средневековье окутанная преданиями и легендами святыня стала известна как Шахи-Зинда («Живой царь»).

Судьба ансамбля Шахи-Зинда была самым непосредственным образом связана с развитием ислама, с политическими и социально-экономическими переменами как в самом Самарканде (монгольское нашествие, перемещение города на юг в сторону рабада, изменение статуса святыни и ее функциональной роли), так и Средней Азии в целом.

В отличие от монументальных медресе Регистана или соборной мечети Биби-ханым, силуэты которых и сейчас доминируют над городом, ансамбль Шахи-Зинда открывается не сразу. Его можно увидеть, только повернув от старгородского рынка направо, когда уже издали на фоне оплывших крепостных стен Афрасиаба вдруг возникают голубые купола. Но по-настоящему всю неповторимую красоту этого уникального средневекового памятника архитектуры можно увидеть, лишь попав внутрь ансамбля, где он предстает во всем своем очаровании — неожиданных изломах узкого коридора, вдоль которого возвышаются портално-купольные гробницы, сверкающие глазурованным многоцветием мозаичного и майоликового декора.

Тесно застроенный «ломаный» коридор ансамбля как бы вторит узким улицам средневековых городов Средней Азии. Впечатление это не случайно. Памятник возник, как установлено, в черте жилого квартала южной окраины Самарканда, застраивался вдоль улицы IX—X вв. и отраз-

ил в своей композиции исторически сложившуюся градостроительную структуру.

От городской сети сохранилась вымощенная камнем улица-дорога, идущая по направлению север-юг, вдоль которой сложилась планировочная композиция комплекса Шахи-Зинда, а также расположенный перпендикулярно к дороге канал, обнаруженный при раскопках (возник не позднее III-II вв. до н.э.), протекавший когда-то от главного распределителя воды Джуи-арзис у южных ворот города в сторону Шахи-Зинда. Все остальные элементы городской планировки юга Самарканда поглотило многоярусное мусульманское кладбище.

Ни на одном архитектурном памятнике Самарканда не ощущается настолько время, как в ансамбле Шахи-Зинда. Интимность настроения, погружение в прошлое создается не только за счет полной изоляции ансамбля от современного города, его шумов, улиц, света, многоликой толпы, но и камерностью гробниц, обаянием общего художественного облика святыни.

Возникшие в разное время замкнутые дворики, сложные крытые группы в сочетании с лестничными переходами и сквозными купольными чартаками разделяют ансамбль Шахи-Зинда на отдельные части.

Еще сравнительно недавно, немногим более 100 лет тому назад, это изумительное творение народного гения было окутано преданиями и легендами. Изучение таинственного ансамбля Шахи-Зинда шло медленным и сложным путем. Для европейцев памятник долгие годы был под запретом, опасным для жизни. Первый переводчик арабской эпиграфики комплекса С.А. Лапин принял ислам в конце XIX в., чтобы попасть к загадочной на том этапе мусульманской святыне. На пути стояли ревнивые и одновременно безразличные к шедеврам искусства муллы и шейхи, не выпускавшие столетиями из рук этот популярный на Востоке культовый комплекс, паломничество к которому заменяло в свое

время хадж в Мекку и приносило большие доходы.

Между тем ансамбль Шахи-Зинда является чрезвычайно многогранным источником познания истории и культуры народов Средней Азии в прошлом. Это блестящее воплощение архитектурных идей, эстетических эталонов, инженерных решений, монументально-декоративного искусства средневековой Средней Азии.

Не меньшее значение в истории Средней Азии, духовно-религиозной жизни мусульманского общества имеет идеологическая основа главной святыни Самарканда, действующей на протяжении десяти веков. Это гробница Кусамы ибн Аббаса с мнимой могилой и группой культовых помещений, детерминированных ритуалом поклонения святым местам (зиарат).

Ансамбль Шахи-Зинда складывался почти тысячелетие, с XI по XIX вв. Основные строительные этапы приходились на время правления Караханидов (XI—XII вв.) и эпоху Темуридов (XIV—XV вв.). В ансамбле представлена вся архитектурная школа Мавераннахра в последовательном развитии монументального, декоративно-художественного искусства Средней Азии на протяжении этого времени.

Шахи-Зинда — единственный в Самарканде археолого-архитектурный памятник, где, включая культурные напластования Афрасиаба, отразилась почти вся многовековая история города.

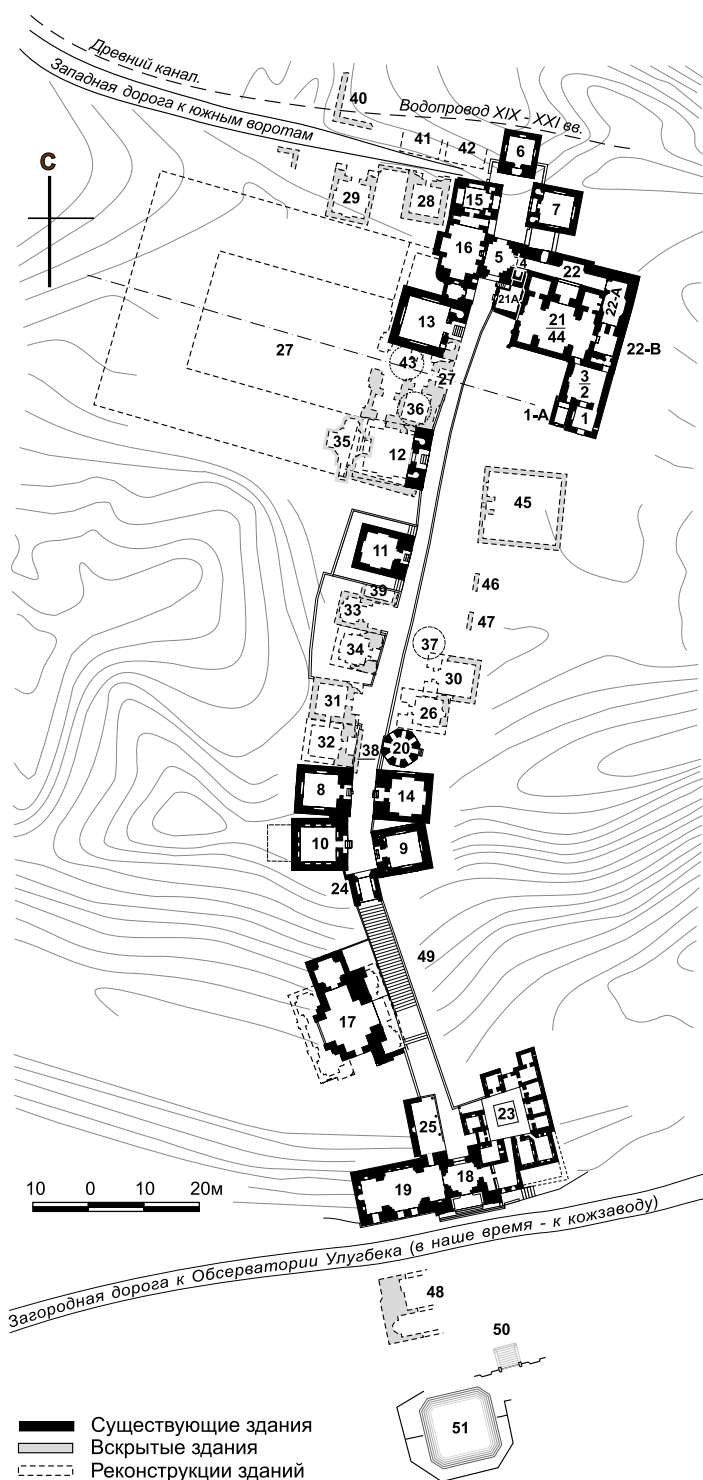
В наше время ансамбль Шахи-Зинда представлен тесными группами мавзолеев, построенных то «визави», то пустующими участками, где вскрыты основания исчезнувших строений XI—XV вв. Уцелевшие гробницы относятся главным образом к эпохе Амира Темура и Улугбека.

Ансамбль условно делится на три группы: «нижнюю», «среднюю» и «верхнюю» («северный дворик»). Все они связаны между собой проходными арочно-купольными чартаками.

В северо-восточной части ансамбля расположена четвертая по счету, самая древняя

Рис. 1. План ансамбля Шахи-Зинда

1. Гурхана мавзолея Кусамы ибн Аббаса. XI в.
2. Чилляхана. XI в.
3. Зиаратхана мавзолея Кусамы ибн Аббаса. XI–XIV вв.
4. Минарет комплекса Кусамы ибн Аббаса. XI в.
5. Третий проходной чартак. XIV в.
6. Мавзолей Ходжи Ахмада. Середина XIV в.
7. Мавзолей 1360/61 г.
8. Мавзолей Шади-Мульк-ака (Туркан-ака). 1372 г.
9. Мавзолей Туглу-Текин (амира Хусейна). 1376 г.
10. Мавзолей Эмир-заде. 1386 г.
11. Мавзолей работы усто Алима Насафи («Безымянный-1»). 80-е гг. XIV в.
12. Мавзолей «Безымянный-2». 90-е гг. XIV в.
13. Мавзолей эмира Бурундука. 90-е гг. XIV в.
14. Мавзолей Ширинбек-ака. 1385/86 г.
15. Мавзолей Туман-ака. 1405/06 г.
16. Мечеть Туман-ака. 1405/06 г.
17. Мавзолей «Матери султана». Первая треть XV в.
18. Входной портал и дарвазахана Улугбека. 1434/1435 г.
19. Зимняя мечеть XV в. слева от входного портала Улугбека (1434/35 г.).
20. Мавзолей «Восьмигранник». XV в.
21. Большая мечеть в комплексе Кусамы ибн Аббаса. Середина XV в.
22. Северо-восточный обводной коридор в комплексе Кусамы ибн Аббаса. XI–XIX вв.
23. Медресе Давлета Кушибеги. Начало XIX в.
24. Второй проходной чартак. XVIII–XX вв.
25. Летняя мечеть. Начало XIX в.
26. Склеп и остатки мавзолея 80-х гг. XIV в. (раскопки 60-х гг. XX в.).
27. Медресе Кусамийя. 1066 г. (раскопки 60-х – 90-х гг. XX в.).
28. Склеп и основание мавзолея начала XV в., «западный коридор» (раскопки 60-х гг. XX в.).
29. Склеп и основание мавзолея начала XV в., «западный коридор» (раскопки 60-х гг. XX в.).
30. Склеп и основание мавзолея 80-х гг. XIV в. (раскопки 60-х гг. XX в.).
31. Склеп и основание мавзолея с порталом. XIV в. (раскопки 60-х гг. XX в.).
32. Остатки порталной ниши мавзолея. XIV в. (раскопки 60-х гг. XX в.).
33. Мавзолей с айваном. Начало XIV в. (раскопки 60-х гг. XX в.).
34. Остатки порталной ниши и двухкамерного склепа мавзолея XIV в. (раскопки 60-х гг. XX в.).
35. Крестовидный склеп XV в. за мавзолеем «Безымянный-2» (раскопки 60-х гг. XX в.).
36. Склеп мавзолея XVI в. на руинах медресе XI в. (раскопки 60-х гг. XX в.).
37. Завал декора XI в. (раскопки 60-х гг. XX в.).



38. Основание стены и завал резной неполивной терракоты XII в. (раскопки 60-х гг. XX в.).
39. Остатки стен XI-XII вв. (раскопки 60-х гг. XX в.).
40. Фрагмент стены мавзолея начала XV в., «западный коридор» (раскопки 60-х гг. XX в. — 2004 г.).
41. Остатки сводчатого склепа мавзолея начала XV в., «западный коридор» (раскопки 60-х гг. XX в. — 2004 г.).
42. Основание склепа с куполом балхи мавзолея начала XV в., «западный коридор» (раскопки 60-х гг. XX в. — 2004 г.).
43. Склеп с куполом балхи мавзолея XVI – XVII вв. на территории входного айвана медресе Кусамийа, XI в. (раскопки 60-х гг. XX в.).
44. Мечеть XI в., вскрытая под мечетью XV в. в комплексе Кусам ибн Аббаса.
45. Гробница Лачин-бека. XI в. (раскопки 2004 г.).
46. Фрагмент стены XI – XII вв. (раскопки 2004 г.).
47. Фрагмент стены XI – XII вв. (раскопки 2004 г.).
48. Зимняя баня для ритуальных омовений. 30-е гг. XV в. (раскопки 2004 г.).
49. Лестница. XVIII – XX вв.
50. Ступенчатый подъем в лесопарковую зону. 30-е гг. XV в. (?)
51. Хайз. 30-е гг. XV в. (?)

Fig. 1. Plan of Shahi-Zinda ensemble.

1. Gurkhana of Kusam ibn Abbas mausoleum, the 11th century.
2. Chillyahana, the 11th century.
3. Ziayrathana of Kusam ibn Abbas mausoleum, the 11th-14th centuries.
4. Minaret of Kusam ibn Abbas complex, the 11th century.
5. Third transit chartak, the 14th century.
6. Khodja-Ahmad mausoleum, the middle of the 14th century.
7. Mausoleum, 1360/61.
8. Shadi Mulk-aka mausoleum, (Turkan-aka), 1372.
9. Tuglu-Tekin (Amir Hussein) mausoleum, 1376.
10. Emir-Zade mausoleum, 1386.
11. Usto Alim Nasafi ('Unnamed-1') mausoleum, the 1380–90s years, the 14th century.
12. 'Unnamed-2' mausoleum, the 1390s, the 14th century.
13. Emir Burunduk mausoleum, the 1390s, the 14th century.
14. Shirinbek-aka mausoleum, 1385/86.
15. Tuman-aka mausoleum, 1405/06.
16. Tuman-aka mosque, 1405/06.
17. 'Sultan's Mother' mausoleum, the first third of the 15th century.
18. Entrance portal and Darvaza Khana of Ulugbek, 1434/1435.
19. Winter Mosque to the left of the Ulugbek's entrance portal, the 15th century.
20. 'Octagon' mausoleum, the 15th century.
21. Grand Mosque of Kusam ibn Abbas complex, the middle of the 15th century.
22. Northeast bypass corridor to the Kusam ibn Abbas complex, the 11th - 19th centuries.
23. Davlet Kushbegi madrasah, the beginning of the 19th century.

24. Second chartak, the 18th - 20th centuries.
25. Summer mosque, the beginning of the 19th century.
26. Crypt and the remains of the mausoleum of the 1380s of the 14th century (excavations of the 1960s, the 20th century)
27. Kusamiya madrasah, 1066 (excavations of the 1960s, 1990s, the 20th century).
28. Crypt and base of a mausoleum, the beginning of the 15th century. 'Western Corridor'.
29. Crypt and base of a mausoleum, the beginning of the 15th century. 'Western Corridor' (excavations of the 1960s, the 20th century).
30. Crypt and base of a mausoleum, 1380s of the 14th century (excavations of the 1960s, the 20th century).
31. Crypt and base of a mausoleum with portal, the 14th century (excavations of the 1960s, the 20th century).
32. Remains of portal niche of a mausoleum, the 14th century (excavations of the 1960s, the 20th century).
33. Mausoleum with ayvan, the beginning of the 19th century (excavations of the 1960s, the 20th century).
34. Remains of portal niche and two-chamber tomb of a mausoleum, the 14th century (excavations of the 1960s, the 20th century).
35. Cruciform crypt of a mausoleum, the 15th century, behind the 'Unnamed-2' mausoleum (excavations of the 1960s, the 20th century).
36. Crypt of a mausoleum, the 16th century, on the ruins of a madrasah in Kusam ibn Abbas complex, the 11th century.
37. Ruined décor of the 11th century (excavations of the 1960s, the 20th century).
38. Base of a wall and fragment of carved unglazed terracotta, the 12th century (excavations of the 1960s, the 20th century).
39. Remains of walls, the 11th-12th centuries (excavations of the 1960s, the 20th century).
40. Fragment of a mausoleum wall, the beginning of the 15th century, 'Western Corridor' (excavations of the 1960s, the 20th century).
41. Remains of vaulted crypt of a mausoleum, the beginning of the 15th century, 'Western Corridor' (excavations of the 1960s, the 20th century – 2004).
42. Base of a crypt with 'Balkhi' dome of a mausoleum, the beginning of the 15th century, 'Western Corridor' (excavations of the 1960s, the 20th century – 2004).
43. Crypt with 'Balkhi' dome of a mausoleum, the 16th-17th centuries on the territory of entrance ayvan of Kusamiya madrasah, the 11th century (excavations of the 1960s, the 20th century).
44. Mosque of the 11th century, unearthed under a mosque of the 15th century in Kusam ibn Abbas complex (excavations of the 1960s, 1990s, the 20th century).
45. Lachin-Bek Tomb, the 11th century (excavated in 2004).
46. Wall fragment the 11th-12th centuries (excavated in 2004).
47. Wall fragment, the 11th-12th centuries (excavated in 2004).
48. Winter bath for ritual ablutions, the 1430s, the 15th century (excavated in 2004).
49. Stairs, the 18th-20th centuries.
50. Staircase leading to the forest-park zone, the 1430s, the 15th century (?).
51. Hauz, the 1430s, the 15th century (?).

в основе, несколько изолированная группа строений — комплекс Кусама ибн Аббаса («машад Кусама»). Это главное святилище ансамбля, попасть в которое сейчас можно через восточную арку третьего чартака.

В XI—XII вв. «машад Кусама» был открыт со всех сторон, и его можно было обойти семь раз согласно древнейшему традиционному ритуалу поклонения святым местам, как сообщает «Малая Кандия» (письменный источник XII в., дошел до нас в редакции XV в.)

«Нижняя», наиболее поздняя, группа построек открывается обращенным на загородную дорогу величественным порталом первой трети XV в., выстроенным во времена Улутбека. Портал ведет в проходную четырехарочную сень — дарвазахану. С запада к ней примыкает не раз перестроенная мечеть XV в., с востока — помещения служебного характера (археологически не исследованы). Северная арка дарвазаханы ведет в небольшой нижний дворик; справа от него небольшое заурядное медресе Давлета Кушбеги начала XIX в., слева — айван деревянной летней мечети того же времени.

Широкая лестница, взбегающая тридцатью двумя ступенями на гребень городского вала, венчается второй купольной сенью (чартаком) XVIII—XIX вв. Слева от лестницы на внешнем склоне городища стоит одно из наиболее монументальных сооружений ансамбля Шахи-Зинда — двухкупольная, сверкающая голубыми куполами женская усыпальница «Матери султана» (первая треть XV в.). Голубые купола мавзолея, видные издали при подходе к памятнику, как бы открывают ансамбль. Это самый импозантный мавзолей ансамбля. И хотя еще в середине 70-х гг. XX в. над южным входом расшифрована посвятельная надпись — «мавзолей «Матери султана», по-прежнему более популярно романтическое название усыпальницы «Ульджай Инага и ее кормилицы Биби-сенеб», зафиксированное преданиями XIX в.

«Средняя» группа ансамбля начинается со второй купольной сени на оплывах крепостной стены Афрасиаба. Эта группа представлена однокамерными портално-купольными мавзолеями времени Амира Темура и связана с именами его ближайших родственников (жен, сестер, племянницы), придворной военной и духовной знати. Эта главная часть царского некрополя XIV в. сложилась на месте караханидских усыпальниц XI—XII вв. в пределах крепостной стены городища Афрасиаб.

Галерею гробниц XIV в. составляют близкие по стилю и архитектурному типу мавзолеи, выстроенные «визави» вдоль дорожки-коридора. Слева, впритык друг к другу, стоят две портално-купольные усыпальницы: мавзолей Эмир-заде 1386 г. и мавзолей племянницы Амира Темура Шади-Мульк-ака (и его сестры Туркан-ака) 1372 г.

Справа от чартака стоят два других мавзолея XIV в.: Туглу-текин (или эмира Хусейна) 1376 г.², рядом с которым под небольшим углом расположена усыпальница сестры Амира Темура Ширинбек-ака (1385/86 г.) в мозаичной облицовке.

Мавзолеи у крепостной стены открывают изумительную по тональности сине-голубую палитру красок сплошной панорамы фасадов, в то же время они донесли до нас «коридорный» характер общей композиции ансамбля, направление и ширина которого были определены старой уличной магистралью IX-X вв.

Далее по коридору на западной стороне сохранились лишь три однокамерные портално-купольные гробницы: «Безымянный-1», выстроенный мастером Алимом Насафи, мавзолей «Безымянный-2» и мавзолей эмира Бурундука. Судя по надписям, архитектурным формам и стилю декоративного убранства, все усыпальницы были построены в 80-90-е годы XIV в. Между гробницей Шади-Мульк-ака и мавзолеем работы усто Алима Насафи

² В 50-е гг. XX в. стены и купол мавзолея восстановлены на основании остатков.

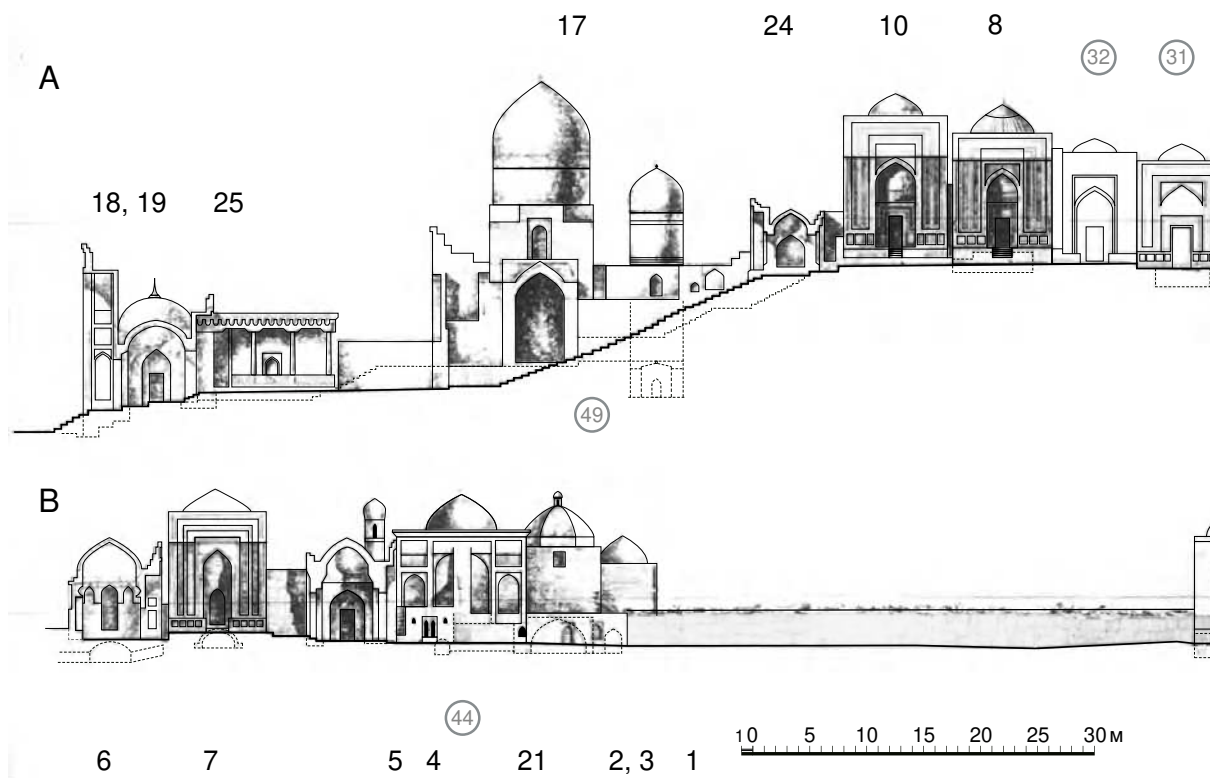


Рис. 2. Разрез по оси ансамбля с-ю. А – западная сторона, В – восточная сторона. 1, 2, ... – сохранившиеся памятники; 36, 27, ... – реконструкции по вскрытым остаткам. Нумерация соответствует плану на стр. 13. 36 – лестница в 32 ступени, под ней террасы XI в. при Улугбеке

вскрыты основания еще четырех исчезнувших с лица земли мавзолеев со склепами конца XIII – первой половины XIV века.

Далее, справа по коридору, на восточной стороне стоит весьма своеобразная для памятника октагональная крытая куполом ротонда со сквозными арками по граням в мозаичном уборе. Она датируется первой половиной XV в. и условно названа «Восьмигранник».

Рядом с ротондой стоял не дошедший до нас, раскопанный в 50-е годы XX в. мавзолей 26 конца XIV века, от которого сохранился вытянутый в восточном направлении склеп и несколько майоликовых намогильников на полу. Этот мавзолей был последним по восточной стороне ансамбля, установленным строго по «красной» линии коридора. Следующий мавзолей 30 (раскопан в 60-е годы XX в.) стоял с большим отступом в 6–7 м на восток от дорожки-коридора. Это позволяет думать,

что южнее комплекса Кусамы ибн Аббаса во все времена была открытая площадь.

«Средняя» группа заканчивается третьим купольным чартаком с четырьмя открытыми арками, построенным во второй половине XIV в. Западная арка ведет в мечеть Туман-ака, восточная – в комплекс Кусамы ибн Аббаса, северная выходит в «северный дворик».

«Северный дворик» составляют три обращенных друг к другу мавзолеев. Наиболее ранний из них – мавзолей Ходжи Ахмада (40-е годы XIV в.) – установлен поперек дорожки-коридора и замыкает ансамбль с севера. Мавзолей 1360/61 г. (по преданиям – жены Амира Темура) стоит справа, фасадом на запад. Слева на западной стороне высится стройный, на высоком цилиндрическом барабане, купол усыпальницы жены Амира Темура Туман-ака (начало XV века). Это единовременный комплекс Туман-ака, в состав которого

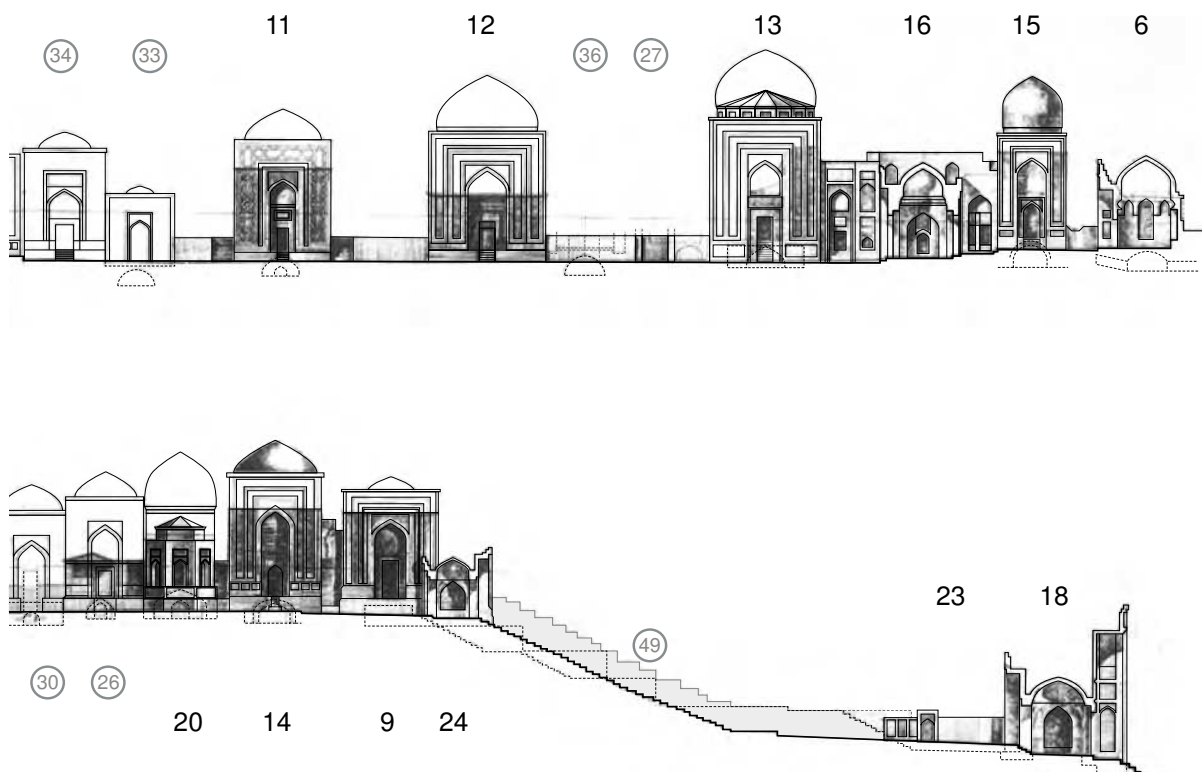


Fig. 2. Cross-section along north-south axis of the ensemble, A- western side, B- eastern side. 1, 2 – remained monuments; 36, 27 ...– reconstruction by disclosed remains. Numeration corresponds to the plan.

кроме мавзолея входила трехчастная мечеть с тремя входами, в том числе южной худжрой (теперь это отдельное служебное помещение). Окончательная отделка комплекса Туман-ака кирпичной и наборной кашинной мозаикой относится к 1405 г., как следует из надписей на памятнике.

За восточной аркой чартака расположена главная святыня памятника — **комплекс Кусама ибн Аббаса** («машад Кусама» XI в.). Сейчас комплекс представлен разновременной группой помещений, куда входит и самая древняя основа — мавзолей Кусама ибн Аббаса, названный в «Малой Кандии» гробницей «царевича Кусама». Гробница «царевича Кусама» состоит из небольшой гурханы и смежной с ней зиаратханы с чилляханой в подпольной части. На месте большой мечети XV в. находилась более ранняя, первая мечеть XI в. с плоской кровлей на резных деревянных консолях. Кроме большой мечети XV в. в комплекс входит мионхана XV–XVI в.

и минарет XI в., сохранившийся на полную высоту. Основание его можно видеть справа от чартака.

Письменные данные и история изучения

Еще в конце XIX века представления о памятнике Шахи-Зинда, его первоначальном облике, архитектурно-планировочной композиции были «белым пятном» в истории сложения ансамбля. И хотя письменные известия, устные предания, остатки старых кладок и говорили о существовании архитектурного некрополя еще в домонгольское время, ни одно строение этого периода до середины XX в. не было вскрыто. Огромный интерес к памятнику приводил к разного рода догадкам и домыслам относительно сооружений первого периода, почти полностью погребенных под культурными наслоениями или застроенных мавзолеями XIV–XV вв.

Археологические исследования, проведенные во второй половине XX в., вскрытые остатки зданий XI–XVIII вв. впервые дали представление о всех этапах сложения этого крупнейшего средневекового царского некрополя Средней Азии, истории его появления и этапах развития.

Комплексные исследования и реставрационные работы второй половины XX в. были самыми крупными за весь период столетнего изучения ансамбля Шахи-Зинда начиная с конца XIX века. Впервые на территории некрополя были проведены широкомасштабные археологические раскопки, охватившие не только архитектурный памятник, где были вскрыты исчезнувшие с лица земли мавзолеи разного времени, но и южную часть Афрасиаба, где была изучена стратиграфия городища с момента возникновения города в середине первого тысячелетия до н.э. вплоть до монгольского нашествия в XIII в, когда городище было покинуто, а Самарканд начал развиваться южнее, на территории бывшего пригорода-рабада (нынешний «старый город»).

Впервые для юга Афрасиаба серийной шурфов была выявлена сквозная стратиграфия городища, позволившая говорить (с учетом данных в других частях Афрасиаба) о возрасте Самарканда, отдельных элементах исторической топографии, сложившейся к моменту появления здесь культового центра³.

На протяжении более столетия (последняя четверть XIX — начало XXI в.), главным образом в советское время, ансамбль Шахи-Зинда планомерно и систематически изучался. Работы, начатые с визуальных осмотров, фотофиксаций и первых ремонтов XIX в., в XX в. развернулись в широкий фронт комплексных исследований и реставраций. За этим стоит огромный кропотливый и самоотверженный труд профессионалов — архитекторов, археологов, инженеров-конструкторов, художников,

искусствоведов, мастеров-керамистов, разнорабочих самаркандских реставрационных мастерских, которые не одно десятилетие отдавали свои силы и творческую энергию благородному делу сохранения непреходящей красоты ансамбля.

В кратком обзоре по истории изучения ансамбля Шахи-Зинда отражена лишь небольшая, самая общая часть многочисленных работ, проведенных на памятнике за последние сто с лишним лет.

Письменные данные. Наиболее ранние письменные свидетельства о комплексе Шахи-Зинда относятся к XI в. Исключительно ценным является опубликованный в середине XX в. вакуфный акт первого караханидского правителя Самарканда Ибрахима Тамгач Богра-хана на медресе, построенное им к 1066 г. у «машада Кусам»⁴. Фрагмент из вакфа XI в. о том же медресе в «Шурут ал-Мухит» («Всеобъемлющее юридическое условие») был ранее опубликован А.А. Семеновым⁵.

В XII в. о памятнике упоминает хорезмский ученый Насир-ибн Абдусейид (1143–1213). Его сочинение «Ал-Мугриб фи тартиб ал-муриб» («Словарь редких арабских слов») никаким переделкам не подвергалось, заслуживает полного доверия и относительно Шахи-Зинда гласит следующее: «Кусам, сын дяди Пророка — мир над ним. Это Кусам ибн ал-Аббас ибн Абд-ал-Мутталиб. По нему назван квартал в Самарканде, потому что он похоронен в нем. И в нем медресе Кусам»⁶. Этот краткий текст очень информативен. В нем не только подтверждаются сведения вакфа XI в. о медресе, построенном Ибрахимом Тамгач Богра-ханом, но дано и название этого медресе — Кусамийа, известное по другим более поздним источникам.

³ Немцева Н.Б. Стратиграфия южной окраины городища Афрасиаб // Афрасиаб. Вып. 1. Ташкент, 1969. С. 153–205.

⁴ Khadr M. Deux actes de waqf d'un Qarahaniide d'Asie Centrale avec une introduction par Claude Cahen // Journal Asiatique. T. CCLV. Paris, 1967. P. 330–333.

⁵ Семенов А.А. К вопросу о датировке Рабат-и Малика в Бухаре // Труды САГУ. Вып. 22. Ташкент, 1951. С. 26.

⁶ Волин С.Л. Старейшие письменные известия о Шахи-Зинда // Изв. УзФАН. Ташкент, 1940. № XI.

Наиболее полные и важные сведения о гробнице «царевича Кусама», с описанием зиарата и пути к мавзолею Кусама ибн Аббаса, имеются в «Малой Кандии» («Сахарная книга Самарканда»)⁷. Источник этот, в основе своей относящийся к XII в., дошел до нас в редакции XV в. с соответствующими изменениями и дополнениями разного времени. Крупномасштабные исследования комплекса Шахи-Зинда в середине XX в., полученные историко-топографические данные позволяют относительно правдоподобно интерпретировать текст «Малой Кандии». В книге описан сложный путь зиарата к святыне, упомянуты «пороги» могил (мавзолеев) правителей Хорасана, указано местоположение самого раннего на юге Самарканда арабского кладбища Бану Нахийа, скрещение путей (перекресток). Эти данные после археологических исследований комплекса довольно точно проецируются на реальную топографию, выявленную у ансамбля, и планировочную композицию «машада Кусама».

Путь зиарата начинался у южных Кешских ворот (Железных по «Малой Кандии») и шел вдоль канала, местоположение которого соответствует современной водопроводной сети к комплексу Шахи-Зинда вдоль асфальтовой дорожки от мечети Хазрет-Хызр. Перпендикулярно к каналу по направлению север-юг шла мощеная камнем дорога-улица, вдоль которой сложился караханидский ансамбль Шахи-Зинда, а в XIV—XV вв. эту планировочную композицию повторил царский некрополь Темуридов.

Весьма ценным является краткое описание памятника, оставленное известным марокканским путешественником шейхом Ибн Баттутой (30-е гг. XIV в.), который, судя по всему, еще застал здания Шахи-Зинда XI—XII вв. до коренных переделок ансамбля при Амуре Темуре. Сведения Ибн Баттуты в целом заслуживают полно-

го доверия, хотя неточные описания (или перевод?) гробницы Кусама, как показали исследования, внесли путаницу в понимание комплекса. В частности, фрагмент текста: «...над ней (гробницей) возведено четырехугольное здание с куполом; у каждого угла стоят две мраморные колонны; мрамор зеленого, черного, белого и красного цвета. Стены здания (также) выстроены из разноцветного мрамора с золотыми орнаментами; крыша сделана из свинца»⁸ — не соответствует действительности. Ни свинцовой крыши, ни мраморных колонн по углам гурханы и зиаратханы никогда не было. Это недоразумение в свое время разъяснил В.М. Филимонов⁹, который убедительно доказал, что Ибн Баттута в данном случае описывал купол зиаратханы. Новенький полихромный майоликовый купол, возведенный над зиаратханой в 1334/35 г., разделенный парными гуртами по радиусу, как и парные колонки подкупольного восьмигранника, у Баттуты «превратились» в мраморные колонны по углам гробницы.

В XVI в. в «Бабур-наме» ансамбль у гробницы Кусама впервые назван «Мазари-шах» (могила царя, позже «живого царя» — Шахи-Зинда).

Очень важны поздние полулегендарные сведения о Кусаме, собранные Абу Тахиром Ходжой в «Самарии» (30-е годы XIX в.)¹⁰ из разных сочинений, утраченных в наше время. Этим в основном ограничивается круг местных исторических известий о памятнике.

История изучения. Начиная с середины XIX в. некоторые сведения об ансамбле Шахи-Зинда проникли в европейские и русские издания. Это был период большо-

⁷ Малая Кандия (перевод В.Л. Вяткина) // СКСО. Вып. VIII. Самарканд, 1906. С. 260—262.

⁸ Путешествие Ибн Баттуты. Арабский мир и Центральная Азия (перевод с арабского Н. Ибрагимова, Т. Мухтарова). Ташкент, 1996. С. 278.

⁹ Филимонов В.М. Новые данные о мавзолее Кусама-ибн-Аббаса // Зодчество Узбекистана. Вып. 2. Ташкент, 1970. С. 228—229.

¹⁰ Абу Тахир Ходжа. «Самария». Описание древностей и мусульманских святынь Самарканда (перевод В.Л. Вяткина) // СКСО. Вып. VI. Самарканд, 1899. С. 18—40.

го стратегического интереса к азиатскому Востоку и фактически первого с ним знакомства, вызванного политическими амбициями европейских государств и царской России, уже в 60-е годы завершившей подчинение Средней Азии.

При этом имел место и бескорыстный научно-познавательный интерес к малоизвестной азиатской старине. Он привлек в древние города Средней Азии целый ряд военных, чиновных и ученых лиц, которые оставили свои интересные для истории заметки и описания.

Первые описания Шахи-Зинда сделаны европейцами, зачастую совершенно не знакомыми с местной культурой. Приводимые ими сведения часто не верны, но чрезвычайно интересны и важны, как первый этап в изучении среднеазиатской старины.

В 1841 г. в Самарканде побывали члены официальной дипломатической русской миссии ко двору бухарского эмира под руководством К.Ф. Бутенева в составе ориенталиста Н. Ханькова, М. Соловьева, натуралиста А. Лемана и др. Путешественники, по словам М. Соловьева, были первыми образованными европейцами, вступившими в этот город со времен Тамерлана через 440 лет после испанского дипломата и путешественника Клавиho¹¹.

Мемориальный ансамбль Шахи-Зинда членами экспедиции был воспринят **как дворец Амира Темура**. «Из зданий вне города, — сообщает Н. Ханьков, — мы упомянем только об одном дворце Темур-лянга. Он находится в северной части города и называется Хозрети-Шахи-Зинда... остатки стенных украшений, состоящие большей частью из фарфоровой мозаики, поразительны своей красотой и великолепием...»¹².

Более подробные сведения приведены А. Леманом, по представлениям которого

Шахи-Зинда — **«красивый дворец-резиденция великого завоевателя**, который в некоторых своих частях обвалился, но еще служит для верующих местом благоговения и молитвы, и поэтому во многих его покоях расстелены платки и войлок для коленопреклонения. Мраморные ступени ведут в благородное роскошное сооружение. Через довольно длинный проход можно попасть к заднему плану строения, над которым возвышается высокий купол. По обеим сторонам прохода находятся покои и залы, в двух из них, расположенных в конце коридора, наблюдается куча камней»... В другом зале — «священное место за решеткой, где под покрывалом сохранились части оружия и одежды Темура. Также висели здесь на обычных штангах пара старых лоскутков с кистями из черной шерсти. Это, должно быть, остатки знамени Темура. К ним перед началом войны приходит бухарский эмир, совершает молитву и кормит народ перед этой руиной. Муллы говорят, что каждый такой пир стоит 500 тилля»¹³.

Примерно так же понял группу усыпальниц венгерский ученый А. Вамбери, проезжавший по Средней Азии в 1863 г. Он сообщает, что «мазар Хазрети Шах-Синде» (святой Казым-биби-Аббас) находится в здании, **«служившем летним жилищем великому Темуру»**¹⁴.

После присоединения Средней Азии к России (60-е годы XIX в.) были проведены первые обмеры ансамбля военно-инженерной дистанцией и художественная фотофиксация (А.Л. Кун, С.М. Дудин и др.). Чуть позже были составлены краткие путеводители, проведено первое научное осмысление памятника, чтение и перевод надписей, старых текстов, касающихся

¹¹ Соловьев М.М. Экскурсия в Бухару 1841-1842 г. при участии натуралиста А. Леманна. Москва-Ленинград, 1936. С. 110.

¹² Ханьков Н. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843. С. 104.

¹³ Lehmann A. Reise nach Buchara und Samarkand in den Jahren 1841 und 1842. Nach den hietzlasfenen Schriften des selhen bearbeitet und mit Anmerkungen veruchen von G.V. Helnersen. St.-Petersburg, 1851. S. 154 — 155.

¹⁴ Вамбери А. Путешествие по Средней Азии из Тегерана по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, предпринятое в 1863 г. с научной целью по поручению Венгерской академии в Пеште членом ее А. Вамбери. Москва, 1867. С. 154 — 155.



Рис. 3. Вид на нижнюю и среднюю группы памятников. Фото 1890 г.

Fig. 3. View of the lower and middle groups of monuments. Photo, 1890

Шахи-Зинда (С.А. Лапин, Н.Н. Щербина-Крамаренко, Д.И. Эварницкий, Э.П. Сенкульский, Н. Крафт, Г.А. Панкратьев и др.).

Одновременно с такого рода случайными посещениями памятников в среде прогрессивной русской интеллигенции, особенно после завоевания Средней Азии в 1868 г., начинает проявляться подлинный интерес к богатейшему прошлому Самарканда. В первые же годы после присоединения Средней Азии к России ставится вопрос о ремонте зданий средневековой архитектуры, ее изучении. Прислушиваясь к общественному мнению и одновременно понимая необходимость укрепления власти на местах, русская администрация выделяет некоторые средства для поддержания памятников. Уже в конце 60-х — начале 70-х годов XIX в. военно-инженерной дистанцией выполняются первые обмерные работы по ансамблю и эскизные чертежи. Был сделан схематичный план всего ансамбля, вычерчены разрезы и фасады усыпальниц.

К этому времени относится выпуск так называемого «Туркестанского альбома», составленного ориенталистом А.Л. Куном по заказу Императорской Археологической комиссии. Альбом содержит очень ценную первую в истории ансамбля Шахи-Зинда фотофиксацию усыпальниц¹⁵. Судя по ней, мавзолеи Шахи-Зинда к этому времени находились в крайне запущенном состоянии.

В 1868 г. туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман издает распоряжение о ремонте самаркандских памятников, в том числе ансамбля Шахи-Зинда, который осуществляется военными инженерами на протяжении нескольких последующих лет. Работы эти носили чисто укрепительный характер, без какого-либо изучения мавзолеев, но имели большое значение для сохранения памятника от дальнейшего разрушения.

¹⁵ Туркестанский альбом. Часть археологическая, 1 (составлен А. Л. Куном). Ташкент, 1871-1872.

Со времени присоединения Средней Азии к России краткие путевые заметки об ансамбле Шахи-Зинда все чаще стали появляться в русской печати. По-прежнему оценки памятника были самые общие, сведения в большинстве случаев сводились к пересказу легенд — сказывалось плохое знание истории и культуры края. В наше время, более ста лет спустя, этот чрезвычайно интересный фольклорный источник (легенды и предания), в какой-то мере отражавший реальную историю памятника, к сожалению, почти исчез.

Случайные заметки XIX в. о Шахи-Зинда очень важны как определенный этап в изучении святыни. В конце 60-х гг. XIX в. здесь несколько раз побывал художник В.В. Верещагин, который называет ансамбль «летним дворцом Тамерланга»¹⁶. Позже, в конце 70-х гг. XIX в., здесь были А. Костенко, известный исследователь Средней Азии А.П. Федченко, А.П. Хорошхин. Первый лишь вскользь упоминает о Шахи-Зинда, называя некрополь «монастырем»¹⁷. А.П. Хорошхин и А.П. Федченко ограничиваются пересказом легенд о Кусаме ибн Аббасе, услышанных от местных мулл. А.П. Федченко первым заметил, что это **не летний увеселительный дворец Темура, а кладбище**¹⁸.

Приток европейцев, их интерес к памятнику имел и свои отрицательные стороны. Началось активное растаскивание декоративной облицовки туристами, русскими чиновными лицами, любителями старины, иностранцами и муллами. В лучшем случае изразцы попадали в руки знатоков или в музеи, часто они терялись, увозились за границу.

В конце 80-х — начале 90-х годов XIX в. внимание к памятникам Самарканда значительно ослабло, средств на ремонт не

выделялось. «Мало того, около них возились разного рода дельцы, которые открыто, на глазах у всех, растаскивали и продавали чудесные изразцы»¹⁹. Памятники давно нуждаются в поправке, но туземцы смотрят равнодушно на разрушение замечательных построек Темура. Самая великолепная из этих построек Шах-Синдех (живой царь) совершенно уже разрушена, и к ней нужно приближаться с большой осторожностью из боязни быть раздавленным треснувшей колонной или сводом — так описывают ансамбль Шахи-Зинда путешественники 80-х годов.

С середины 90-х г. XIX в. начинается новый этап в изучении и охране памятников. Местная интеллигенция на страницах туркестанской периодики поднимает вопрос об охране памятников, выдвигаются предложения о возложении ответственности за сохранение облицовки на мулл, кстати, чуть ли не первых торгашей изразцами, назначается контроль за сохранением облицовки со стороны членов Самаркандского статистического комитета.

Активизирует к этому времени свою деятельность и Археологическая комиссия. В 1895 г. в Самарканд отправляется специальная научная экспедиция под общим руководством Н.И. Веселовского, члены которой (С.М. Дудин, Джаниев, Фридолин, Б. Басин и др.) в течение 1900-1902, 1905, 1908 гг. занимаются изучением мавзолеев ансамбля Шахи-Зинда. Была проделана колоссальная работа по художественному фотографированию изразцовой облицовки, обмерам усыпальниц, конечной целью которой предполагался выпуск красочного альбома. С 1899 г. в Археологическую комиссию начинают поступать планы, чертежи, рисунки и фотографии мавзолеев. Однако дело это за отсутствием средств постепенно заглохло. Проектируемый Археологической комиссией альбом по ансамблю так и не вышел в свет, а огромная проделанная работа

¹⁶ Самарканд в 1868 г. Из воспоминаний художника В.В. Верещагина // Русская старина. СПб., 1888. С. 620.

¹⁷ Костенко А. Поездка в Самарканд // Туркестанский сборник. Т. 24. СПб., 1870. С. 14.

¹⁸ Федченко А.П. Топографический очерк Зарафшанской долины и заметки о соседних бекствах и памятниках Самарканда. Москва, 1870. С. 187, 276.

¹⁹ Якубовский А.Ю. Из истории археологического изучения Самарканда // ТОВЭ. Ленинград, 1940. С. 293.



Рис. 4. Вид на среднюю группу памятников с западной стороны. Фото 1907 г.

Fig. 4. View of the middle group of monuments from the west side. Photo, 1907

была отражена в печати лишь в незначительной своей части.

Публикации С.М. Дудина «Орнаментика и современное состояние старинных самаркандских мечетей» и «К вопросу о технике изразцов мозаик Средней Азии», составленные главным образом по материалам ансамбля Шахи-Зинда, — фактически первое научное осмысление технологических принципов изготовления декоративной облицовки, классификации ее по определенным типам.

Во время неоднократных поездок С.М. Дудину особенно заметны были опустошения, происходившие на памятнике. Он замечает, что изразцы — давно предмет бойкой торговли. Мулты не придают никакого значения декору, охраняют лишь те части, которые непосредственно связаны со священными преданиями и гробницей Кусама. Все остальное не ремонтируется, а раньше, до вмешательства русской администрации, прямо разбиралось на постройки. Но и сам С.М. Дудин в каждый свой приезд увозил из ансамбля Шахи-Зинда коллекции изразцов для Русского музея. Только в 1908 г. местная адми-

нистрация запретила ему вывоз изразцов, несмотря на разрешение Археологической комиссии. Более того, в делах Археологической комиссии за 1900 г. сохранился документ, свидетельствующий, что одному из членов Совета Петербургского центрального училища технического рисования было выдано разрешение на полную разборку портала мавзолея Ходжи Ахмада, который в «ближайшем будущем должен был рухнуть». Предварительно были сделаны обмеры, рисунки и фотографии с портала. По ним в помещении училища должны были восстановить «стену» и таким образом ее «сохранить». Только благодаря активному вмешательству местных военных властей было предотвращено полное уничтожение этого памятника. Мавзолей Ходжи Ахмада археологически исследован (М.Е. Массон) и восстановлен в советское время (60-е годы XX в.). Однако нужно отметить, что всем этим руководила искренняя озабоченность состоянием архитектурных памятников Самарканда. Документы, публикации того времени полны тревоги за их судьбу и одновременно полной беспомощности из-за отсутствия средств. «Дело это (охрана

и ремонт памятников) составляет, в сущности, нравственную обязанность русского управления в Туркестанском крае как перед подвластной нам страной, так и перед историей, которая не простит России ее бездействия», — обращаясь к военному министру за помощью, пишет председатель Археологической комиссии граф А. Бобринский.

В конце XIX в. изучением материалов, связанных с ансамблем Шахи-Зинда, занимается местная интеллигенция. В частности, С.А. Лапиным сделана выборка текстов, касающихся жизнеописания Кусамы ибн Аббаса, из ряда поздних рукописных источников. С.А. Лапин также первым прочел и опубликовал надписи, сохранившиеся на памятниках Шахи-Зинда²⁰.

В 1897 г. мавзолеи ансамбля обследуются художником-архитектором Н.Н. Щербиной-Крамаренко, обратившей особое внимание на пейзажную живопись в интерьерах мавзолеев Ширинбек-ака и Туман-ака. Практически была заложена определенная научная основа в изучении ансамбля Шахи-Зинда.

Последующие работы на памятнике носили случайный, эпизодический характер и были ограничены фотофиксацией, мелкими зарисовками, краткими заметками в периодической печати, в лучшем случае — выпуском путеводителей по Самарканду, где ансамблю Шахи-Зинда уделено определенное место. Следует отметить красочное французское издание памятников Самарканда Н. Крафтом (1902)²¹, путеводитель Л.П. Сенкульского (1908), альбом и путеводитель Г.А. Панкратьева (1910) с путанным названием мавзолеев Шахи-Зинда без учета уже имеющихся переводов С.А. Лапина. К началу XX века относятся переводы В.Л. Вяткиным «Малой Кандии» и «Самарии» с важными историко-этнографическими данными.

²⁰ Лапин С.А. Перевод надписей на исторических памятниках Самарканда // СКСО. Вып. IV. Самарканд, 1896. С. 39—42; Лапин С.А. Шахи-Зинда и его намогильный памятник // СКСО. Вып. IV. Самарканд, 1896.

²¹ Krafft H.A. A travers le Turkestan russe. Paris, 1902. P. 49—52.

Краткий обзор изучения ансамбля Шахи-Зинда в дореволюционный период показывает, как мало еще было известно об этом сложном памятнике, изучение которого только началось. Работы имели чисто «собираательный» характер, шел естественный процесс накопления «банка данных», отражался общий уровень представлений о среднеазиатской старине, состояние науки по исследованию и реставрации памятников архитектуры Средней Азии. Сбор легенд, старых преданий, широко бытовавших среди местного населения, чтение надписей, перевод рукописей, первые схематические обмеры ансамбля, подробная фиксация изразцового убранства мавзолеев, попытка его классифицировать по отдельным видам — таков общий вклад в историю исследования ансамбля в XIX — начале XX века. Он представляет большой интерес как начальный этап в изучении ансамбля Шахи-Зинда.

Следующий период в истории изучения ансамбля относится к советскому времени. В первые же годы после революции были созданы специальные органы по охране памятников старины (в 1920 г. — Туркомстарис, с 1924 г. — Средазкомстарис). Памятники зодчества, на протяжении столетий использовавшиеся мусульманским духовенством для нужд культа, были взяты под охрану государства. Специальными постановлениями от 1923 и 1925 гг. наиболее ценные из них, в том числе «мечеть-мавзолеев Шахи-Зинда», были переданы в полное ведение Средазкомстариса. Впервые за время существования ансамбля стало возможным более глубокое его исследование. Уже в 20-е гг. были поставлены вопросы научной реставрации, проведена целая серия обмерных работ, первые археологические вскрытия (В.Л. Вяткин, М.Е. Массон). Обмеры, изучение декоративных приемов были продолжены в 30-е годы (Г.Н. Томаев, Ш.Е. Ратия, С.Н. Полупанов, Н.Н. Соколова, С.А. Судаков, Б.В. Веймарн, Е. Кон-Винер).

В 1921—1922 гг. Главмузеем и Российской академией истории материальной

культуры в Самарканд была послана первая после установления Советской власти научная экспедиция, имевшая в составе восемь сотрудников во главе с архитектором А.П. Удаленковым. Экспедиция провела в Самарканде в общей сложности четыре месяца. В составе экспедиции был химик и технолог А.Т. Федотов, занимавшийся вопросами технологии глазури, но, к сожалению, не было ни историка, ни археолога-востоковеда. Была проделана наиболее крупная по своему объему, в сравнении с предыдущим периодом, детальная графическая фиксация ансамбля, включая обмеры главных и боковых фасадов, интерьеров отдельных помещений «верхней» и «средней» группы с детальной прорисовкой орнамента декора. Сделаны разрезы отдельных групп, аксонометрический разрез всего ансамбля, в крупном масштабе прорисованы отдельные панно, детали, тимпаны²². К сожалению, намеченного анализа архитектурных форм, конструкций и строительных приемов не последовало, и в публикациях эти работы отражения не нашли. На очереди стояла практическая реставрация памятника, поскольку общее его состояние в целом было критическим, а отдельных усыпальниц — аварийным.

С 1922 г. ансамбль Шахи-Зинда ремонтируется по инициативе Самаркандской комиссии Туркомстариса; главное внимание было уделено «северному дворику». Наиболее крупному ремонту подвергся мавзолей Ходжи Ахмада. Наклонившийся портал здания требовал немедленного вмешательства. Самаркандской комиссией был выдвинут проект, предполагавший полную перекладку портала. Проект вызвал принципиальные возражения Всесоюзной коллегии по охране памятников старины и искусства и был отклонен.

²² Чертежи А.П. Удаленкова в количестве 27 листов ватмана хранятся в отделе Востока Гос. Эрмитажа. Они выполнены в графической манере, черной тушью на ватмане (шифр К-С-У-287—321). План нижней группы ансамбля, большое количество акварелей с отдельных усыпальниц хранятся в архиве ГУОП Мин. Культуры РУз в г. Ташкент.

В 1922 г. М.Е. Массоном проведены первые в истории памятника археологические раскопки у мавзолея Ходжи Ахмада. Впервые получено представление о склепе однокамерной усыпальницы Шахи-Зинда, способе погребения²³. Вскрытые стены позже явились основой реставрационно-укрепительных работ на памятнике.

В 1925 г. в Шахи-Зинда проведены очередные археологические вскрытия под наблюдением В.Л. Вяткина и Б.Н. Засыпкина. В процессе этих работ западнее мавзолея Туман-ака раскопаны остатки целого ряда усыпальниц, в дальнейшем получивших условное название «западный коридор». Однако результаты работ 1925 г. не публиковались. Более того, по ним не сохранилось почти никакой документации. Смысл этих работ фактически был утрачен. Отсутствие данных по раскопкам вызвало в дальнейшем неверную датировку мавзолеев «западного коридора» как наиболее ранних (XI–XII вв.) и создало неправильное представление о первоначальной композиции всего ансамбля. В 60-е гг. «западный коридор» был заново вскрыт (работы Н.Б. Немцевой), было установлено, что застроен он был в начале XV века, после мавзолея Туман-ака.

В конце 20-х гг. австрийский архитектор Юлиус Смолик выпустил хорошо иллюстрированный альбом материалов по памятникам Самарканда темуридского времени, собранных им в годы Первой мировой войны. В нем ансамблю Шахи-Зинда уделено значительное место. Однако прекрасно изданная монография по содержанию своему находилась, по оценке М.Е. Массона, на уровне устаревших работ XIX века.

Определенное оживление в изучении некрополя наблюдалось в конце 30-х гг. Тогда впервые был сделан точный генеральный план ансамбля с топосъемкой

²³ Массон М.Е. Краткое сообщение о результатах исследования фундаментов мавзолея Ходжа Ахмада в группе Шахи-Зинда в 1922 г. // Известия ТОРГО. Т. 17. Ташкент, 1924. С. 152—157.

прилегающей территории городища Афрасиаб. Архитектором Г. Томаевым, затем Ш.Е. Ратия были обмерены почти все мавзолеи ансамбля. Одновременно с попытками натурного обследования, обмерами и мелкими ремонтами в конце 20-х и, особенно, в 30-е гг. уникальный майоликовый и мозаичный декор усыпальниц некрополя стал предметом искусствоведческих оценок. Накопленные данные по декоративному искусству Средней Азии позволили перейти к сравнительному анализу, классификации, уточненным датировкам богатейшего изразцового убранства ансамбля. Исследования носили типичный для того времени искусствоведческий характер: происхождение орнаментальных мотивов, живопись отдельных усыпальниц ансамбля рассматривались в отрыве от общей историко-культурной конъюнктуры. Но уже оценки Б.П. Денике и Б.В. Веймарна (конец 30-х гг.), наиболее полно охвативших изразцовое убранство ансамбля, с глубоким анализом декоративного искусства Средней Азии не утратили своего значения до сего дня.

В 1939–1940 гг. исследованиями росписей ансамбля занимался искусствовед С.А. Судаков. Был проделан огромный объем работ по обследованию усыпальниц, выявлены первоначальные росписи по гульганчу на 12 сооружениях из 18 обследованных, детально разобраны приемы росписей, менее удачно дан историко-искусствоведческий анализ. К сожалению, эта работа до сих пор является достоянием архива.

На этом заканчивается довоенный период в истории изучения некрополя Шахи-Зинда в советское время. Этот качественно новый, по сравнению с предыдущим, период в исследовании ансамбля отличался не только объемом проделанных работ, но главным образом их содержанием. Впервые за время существования «царского некрополя» XIV–XV вв. были поставлены вопросы научной реставрации памятников Шахи-Зинда на докумен-

тальной основе, выполнена целая серия обмеров, детальная съемка генерального плана, первые археологические вскрытия. Однако в целом на этом этапе, при всей его безусловной значимости, преобладало увлечение декоративной облицовкой усыпальниц. Исследования носили эпизодический характер, не всегда доводились до конца. Оценка М.Е. Массона, высказанная им в 1950 г., что «архитектурный ансамбль Шахи-Зинда в Самарканде, несмотря на большую популярность, изучен слабо и до сих пор нет не только ни одного удовлетворяющего научной точности описания, но даже перечня слагавших его отдельных памятников», по существу относился к этому этапу.

Третий период в изучении ансамбля Шахи-Зинда в советское время, по масштабам отличавшийся от двух предыдущих, относится к послевоенному времени. В годы Второй мировой войны (1941–1945) был естественный период стагнации в деле охраны и реставрации памятников старины в исторических городах Средней Азии. Только во второй половине XX в. развернулись широкие комплексные археолого-архитектурные исследования ансамбля Шахи-Зинда и первая реставрация на основе строго документальных данных.

После войны, в конце 40-х — начале 50-х гг., в Управлении по делам архитектуры при СМ УзССР существовал отдел охраны памятников. В начале 50-х гг. его преобразовали в Научно-реставрационную производственную мастерскую (СНРПМ) на хозяйственной основе. Во главе СНРПМ стоял энтузиаст и знаток средневекового зодчества Средней Азии — кандидат архитектуры Б.Н. Засыпкин, посвятивший много лет изучению комплекса. В ансамбле начались первые после войны археологические работы, связанные с исследованием фундаментов и освобождением стен мавзолеев от земли, обмеры, ремонтные работы.

Постепенно в СНРПМ сложилась уникальная группа молодых специалистов — архитекторов, археологов,



Рис. 5. В.А. Булатова-Левина, А.Н. Виноградов, Н.Б. Немцева у ансамбля Шахи-Зинда, 1951 г.

Fig. 5. V.A. Bulatova-Levina, A.N. Vinogradov, N.B. Nemtseva at Shahi-Zinda. 1951



Рис. 6. Н. Немцева и Ю. Шваб у ансамбля Шахи-Зинда, 1964 г.

Fig. 6. N. Nemtseva and Yu. Shvab at Shahi-Zinda, 1964



Рис. 7. Н. Немцева, В. Филимонов, Ю. Шваб у комплекса Кусам ибн-Аббаса. Фото 60-х гг. XX в.

Fig. 7. N. Nemtseva, V. Filimonov, Yu. Shvab at Kusam ibn Abbas complex. Photo, the 1960s

конструкторов, художников, для большинства которых изучение средневековой архитектуры Средней Азии стало делом всей жизни. Это архитекторы А.Н. Виноградов, В.М. Филимонов, И.Е. Плетнев, К.С. Крюков, Ю.З. Шваб, И.И. Ноткин, Н. Кузмина, Х. Мамышев, А.З. Зайнутдинов, А. Фрейтаг, художник В. Горохов, археологи Б.А. Левина-Булатова, К.А. Шахурин, Н.Б. Немцева, специалист по древним строительным материалам Н.С. Гражданкина, художник Г.Н. Никитин, искусствовед И.Ф. Бородин и многие другие.

На базе СНРПМ в конце 70-х гг. был создан Институт реставрации при Министерстве культуры УзССР с большим штатом сотрудников²⁴, развернулась огромная исследовательская работа с последующей реставрацией средневековой архитектуры во всех исторических городах не только Узбекистана, но и других республик Средней Азии (Казахстан, Туркмения, Таджикистан).

²⁴ Огромная работа по изучению и реставрации средневековой архитектуры Узбекистана в период существования Института реставрации (80–90-е годы XX в.) не затрагивается в данной монографии.

С созданием СНРПМ в середине XX в. связан очень важный период в изучении и реставрации Шахи-Зинда, когда в ансамбле начались последовательные и планомерные работы. Большое значение имело развитие туризма на этом этапе, в том числе международного. Это определило серьезное отношение к сохранению архитектурного наследия. В 50-е гг. многие памятники находились в аварийном состоянии, заросли культурными наслоениями, исторические города были закрыты для иностранцев (в частности, Шахрисябз, Бухара, Хива). Осуществлялись срочные работы по реставрации, консервации и благоустройству.

В начале 50-х гг. начались комплексные археолого-архитектурные исследования комплекса Шахи-Зинда. Исследования и реставрация, в первую очередь, охватили «нижнюю группу» ансамбля, а также мавзолеев «Восьмигранник» и требующий срочного укрепления мавзолеев Ходжи Ахмада. Был откопан от прилегающей земли и отремонтирован «Восьмигранник»²⁵.

Особое внимание было уделено наиболее разрушенному и сложному в объемно-планировочном отношении двухкупольному мавзолеев «Матери султана» (Кази-заде Руми для того времени), расположенному на внешнем склоне городища. В результате раскопок были сделаны коррективы в строительной периодизации памятника. Раскопками было установлено, что основания обоих помещений мавзолеев конструктивно взаимосвязаны и выстроены одновременно, по единому проекту. Установлено также, что зиаратхана сплошь заполнена грунтовыми могилами (раскопки Н.Б. Немцевой, 1950–1951 гг.)

Разведочная шурфовка у мавзолеев Туглу-Текин, начатая в 1951 г., переросла в 1952–1953 гг. в развернутые археологические исследования В.А. Левиной-Булато-

вой и архитектора И.И. Ноткина. Раскопки охватили почти всю группу строений на оплывах крепостного вала (купольная сень, лестница, мавзолеев) и позволили проследить сложную картину жизни этой части памятника на протяжении XIV–XVIII вв.²⁶

С 1957 г. изучаются росписи комплекса Кусамы ибн Аббаса, мавзолеев «Восьмигранник» и Ширинбек-ака. В зиаратхане мавзолеев Кусамы ибн Аббаса выявлено три разновременных слоя росписей по ганчу XIV, XV и XVIII столетий (работы И.Ф. Бородиной, Г.Н. Никитина).

Изучение ансамбля, начатое еще в середине XIX в. с первого поверхностного с ним знакомства, фиксации существующих строений и декора и проведения небольших ремонтов, к 60-м гг. XX в. сменилось комплексными архитектурно-археологическими исследованиями, научно обоснованной реставрацией и консервацией памятников. Был пройден сложный путь изучения архитектурного наследия Средней Азии, формирования методов исследований и реставрации, объем и интенсивность которых определялись возможностями финансирования в те или иные периоды жизни республики.

В конце 50-х – начале 60-х гг. появляются первые сводные публикации Г.А. Пугаченковой и Л.И. Ремпелья по архитектурному наследию Самарканда, где ансамблю Шахи-Зинда уделено достаточно большое место. Памятник рассматривается на фоне историко-культурной среды, что создавало целостную картину развития архитектуры и декора ансамбля²⁷. Архитектор И.И. Ноткин изучает сталактитовую систему, конструкции и пропорциональный строй мавзолеев ансамбля. Богатейшее декоративное убранство средневековой архитектуры, в том числе ансамбля Шахи-Зинда, с детальным анализом развития орнамента и теории

²⁵ Виноградов А.Н. Мавзолеев восьмигранник в ансамбле Шахи-Зинда в Самарканде // МИТАУ. Вып. 1. 1956. С. 1–13; Тереножкин А.И. Отчет об археологических работах в Шахи-Зинда // Зодчество Узбекистана. Вып. 2. Ташкент, 1970. С. 109–112.

²⁶ Булатова В.А., Ноткин И.И. Мавзолеев Туглу-Текин (Эмира Хусейна) // Зодчество Узбекистана. Вып. 2. Ташкент, 1970. С. 194 и далее.

²⁷ Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана. Ташкент, 1958. С. 108–115.



*Рис. 8. Н.Б. Немцева и С.Г. Хмельницкий
в ансамбле Шахи-Зинда, 1996 г.*

Fig. 8. N.B. Nemtseva, S.G. Khmelnitsky in Shahi-Zinda, 1996

его построения рассмотрены Л.И. Ремпельем²⁸.

В конце 50-х годов начался новый этап в изучении ансамбля Шахи-Зинда. Исследования и реставрация коснулись практически всего памятника. Работы выполнялись целой группой специалистов в области архитектуры, археологии и чтения арабских надписей, знатоков конструкций, строительных материалов и технологии их изготовления. Портал мавзолея Ходжи Ахмада с уникальной облицовкой из поливной резной терракоты, наклонившийся вперед (подпертый бревном) и готовый рухнуть, в начале 60-х годов был разобран и восстановлен заново (автор проекта И.Е. Плетнев).

Исследования и реставрационно-укрепительные работы на мемориале в 60-е годы приняли исключительно широкие масштабы. Архитектурные работы (обмеры, зондирование на предмет установления строительной периодизации, состав-

ление проектов реставрации, авторский надзор и т.д.) выполнялись главным образом Ю.З. Шваб при участии В.М. Филимонова.

Археологические раскопки, проведенные в этот период Н.Б. Немцевой, охватили всю территорию памятника, включая «западный коридор» и южную окраину Афрасиаба. Впервые были выполнены историко-топографические и стратиграфические исследования на юге городища, где расположен ансамбль Шахи-Зинда. Вскрытиями обнаружена целая серия (более 20) неизвестных ранее строений XI–XVII вв., выявлены скрытые под землей основания зданий, одновременно обследовано 15 склепов существующих и вновь раскопанных мавзолеев. Были проведены обмеры и исследования 19 строений ансамбля, подготовлена проектная документация по 14 памятникам, 12 из них отреставрированы.

Полученные материалы впервые дали представление о путях сложения и этапах развития ансамбля Шахи-Зинда на протяжении XI–XIX вв. Обобщение данных исследований в 60-е — начале 70-х гг. XX в. по всему ансамблю выполнены архитектором Ю.З. Шваб и археологом Н.Б. Немцевой, изучавших комплекс на этом этапе.

Изучение большого хорошо датированного краниологического материала из склепов мемориала, связанного с проблемой этногенеза Средней Азии, выполнялось В.Я. Зезенковой, в отдельном случае Т. Ходжаевым. Новое прочтение надписей (после первых переводов С.А. Лапина, частично М.Е. Массона) в Шахи-Зинда в 60-е гг. XX в. выполнил В.А. Шишкин, поправки к некоторым более ранним прочтениям сделали А.А. Иванов, О.Ф. Акимускин, П. Захидов.

Изучением строительных материалов и растворов, способа изготовления изразцов, химического состава глазури на разных памятниках, в том числе на ансамбле Шахи-Зинда, занималась Н.С. Гражданкина. Эти уникальные исследования имели

²⁸ Ремпель Л.И. Архитектурный орнамент Узбекистана (история развития, теория построения). Ташкент, 1961. С. 264–308, 382 и сл.

огромное практическое значение, явились основой для восстановления полузабытого опыта средневековых мастеров для нужд современной научной реставрации, которая в больших масштабах начала проводиться с середины XX в. во многих исторических городах Узбекистана и соседних республик (мавзолеев-ханака Ходжи Ахмада Ясави в Туркестане на юге Казахстана, комплекс Ходжа Машад на юге Таджикистана, мечеть Кок-гумбаз в Ура-Тюбе и др.).

В результате усилий большого числа исследователей разного профиля был накоплен огромный документальный материал по комплексу Шахи-Зинда. Многочисленные обмерные чертежи, стратиграфические разрезы, зарисовки общих видов и декоративных деталей, проекты укреплений и реставрация, художественные фотографии, отчеты, хранящиеся в архивах Москвы, Ленинграда и главным образом Ташкента (архив ГлавНПУ Министерства культуры РУз, архив Института искусствознания им. Хамзы), составили обширный научный фонд по ансамблю Шахи-Зинда.

Материалы исследований мемориала, выполненные археологом Н.Б. Немцевой и архитектором Ю.З. Шваб, легли в основу двух диссертаций и первой обобщающей монографии по ансамблю, вышедшей в 1979 г.

Реставрация и исследования почти всех памятников ансамбля Шахи-Зинда в основном были завершены к концу 80-х годов. Однако со временем отдельные мавзолеи стали вновь нуждаться в ремонте, который периодически возобновлялся в 90-е годы XX в., археологические наблюдения при этом осуществляла автор книги.

Глобальные благоустроительные работы были проведены в 2004 г., археологическое наблюдение за процессом велось сотрудниками Института археологии АН РУз (А. Атаходжаев, Н. Алмазова, Ш. Насриддинов и др., научный консультант Н.Б. Немцева).

Благоустройство комплекса Шахи-Зинда в 2004 г. велось по линии ГлавНПУ Министерства культуры Республики Узбекистан и Самаркандского хокимията. Оно было связано с большими земляными работами, реконструкцией планировочной композиции в «средней группе», возведением новых мавзолеев на месте раскопанных руин, восстановлением утраченных частей на главных фасадах и обновлением росписей в интерьерах.

Наибольший объем исследований в середине XX в. проведен по линии и за счет Главного управления по охране памятников культуры Министерства культуры Узбекской ССР (сейчас ГлавНПУ Министерства культуры РУз), частично работы финансировало Общество охраны памятников истории и культуры Узбекистана (упразднено в 90-е гг.) и Институт искусствознания имени Хамзы Министерства культуры Узбекской ССР (с 2009 г. в системе АН РУз).

Стратиграфия и историческая топография юга городища Афрасиаб

Задачи археологических работ в 60-е годы XX в. не ограничивались изучением архитектуры ансамбля. Они вышли за пределы комплекса Шахи-Зинда, охватив значительную часть юга городища Афрасиаб. В это время наиболее остро стоял вопрос выяснения возраста Самарканда. В северо-западной части городища исследования велись археологами Отдела археологии Института истории АН УзССР (сейчас Институт археологических исследований АН РУз). Юг городища в округе Шахи-Зинда изучал частично А.И. Тереножкин в конце 40-х годов. Н.Б. Немцева изучала стратиграфию юга городища в округе комплекса Шахи-Зинда параллельно с изучением ансамбля²⁹.

²⁹ Немцева Н.Б. Шахи-Зинда. К истории ансамбля и исторической топографии юга Самарканда. Автореферат кандидатской диссертации. Ташкент, 1972.

В результате заложения 39 шурфов и зачисток близ ансамбля была определена стратиграфия (общая мощность культурного слоя 6–10 м) и выявлены элементы городской сети на юге городища. Было установлено, что южная часть Афрасиаба, как и остальная территория, обживалась с середины первого тысячелетия до н.э. (работы Узбекско-французской экспедиции последних лет определили нижнюю дату серединой VII в. до н.э.) до монгольского разгрома города в 20-е годы XIII в.³⁰

В разных местах юга городища обнаружены культурные слои эпохи Ахеменидов (VI–V вв. до н.э.), античного периода, раннего и развитого средневековья.

Из-за расположенного здесь старинного кладбища исследование юга городища велось шурфами. Это не позволило говорить о степени обживания разных участков на юге Самарканда, но помогло определить основные направления градостроительной сети. В основе планировки был естественный микрорельеф на юге Афрасиаба, который определил направление главных магистралей и общую градостроительную структуру южной части города.

Раскопками выявлено русло древнего магистрального канала (или отвода от магистрального), который шел от южных Кешских ворот на восток в сторону будущего комплекса Шахи-Зинда, а также перпендикулярная каналу мощенная камнем дорога, которая протянулась с севера на юг до крепостной стены городища. Эти сложившиеся на юге города главные магистрали позже легли в основу планировочной композиции ансамбля Шахи-Зинда.

По письменным данным известно, что в период арабского завоевания на юге города были пустующие земли, которые арабы использовали под захоронения. В их числе было кладбище племени Бану Нахийя, где похоронен Кусам ибн Аббас. Данные «Малой Кандии», а также основные магистрали городской сети свидетель-

ствуют о том, что кладбище Бану Нахийя (основа действующего мусульманского кладбища на юге Афрасиаба) находилось близ южных Кешских ворот города, между теперешней мечетью Хазрети-Хызр и комплексом Шахи-Зинда.

В культурных слоях, «подстилающих» ансамбль Шахи-Зинда, нет никаких признаков кладбища или какого-либо доисламского культа, как допускалось на заре первого знакомства с архитектурным наследием Самарканда в начале XX в. (В.В. Бартольд). Непосредственно под ансамблем, в том числе под гурханой и чилляханой комплекса Кусам ибн Аббаса, были выявлены культурные слои периода обживания этой части Афрасиаба до конца X века. Археологические и письменные данные позволили определить время появления «машада Кусам» на юге Самарканда — начало XI века.

Из сообщения Ибн Баттуты (XIV в.) известно, что «машад Кусам» располагался у канала. Вакф XI в. указывает на площадь Малики-Хатун, которая, судя по всему, находилась между каналом и крепостной стеной. «Машад Кусам» был основан на площади Малики-Хатун на берегу канала. Вся территория ансамбля Шахи-Зинда и его округи вдоль канала до конца XV в., как показали раскопки, являлась жилым кварталом со всеми атрибутами быта того времени. Найдены глинобитные стены домов, бадрабы, водопроводная и канализационная сеть из керамических кубуров, подземные холодильные хозяйственные камеры — тагхана.

На заселенность этого участка ко времени появления «машада Кусам» указывают и данные вакфа XV в., где в округе медресе Кусамийа перечисляются ханака, жилые дома, тим (торговый пассаж), площадь, дорога-улица, водный канал. Часть указанных объектов точно локализована (ирригационный канал, мощенная дорога-улица, расположение медресе XI в., площадь Малики-Хатун). О жилом квартале у машада в XII в. сообщает также хорез-

³⁰ Немцева Н.Б. Стратиграфия... 1969. С. 153–205.

мийский ученый Насир ибн Абдусейид (1143-1213)³¹.

Ансамбль Шахи-Зинда располагался на возвышенной части городища, разделенного глубокой впадиной от большого холма западнее комплекса. Именно там шурфами обнаружены наиболее мощные культурные слои (до 10 м) со сквозной стратиграфией от древнейшего ахеменидского периода (VI—V вв. до н.э.) до XIII в.³²

Там же найдены керамические мастерские, традиционно располагавшиеся на одном месте с X до начала XIII в. Поблизости наверняка жили мастера-керамисты. Жилые кварталы и керамическая мастерская были органически связаны с каналом и располагались близ него. Как установлено раскопками, для подъема воды на холм к керамическим мастерским на канале был устроен чигирь.

Сложившаяся на юге Афрасиаба историческая топография, определенная естественным микрорельефом, хорошо прослеживается и в наши дни (фото 3). В частности, древнейшая дорога вдоль канала от Южных ворот к комплексу Шахи-Зинда существует до сего дня. Это единственный путь, по которому и сейчас осуществляется транспортная связь некрополя с городом через кладбище от мечети Хазрети-Хызр. В древности эта дорога пролегала вдоль русла канала, в средневековье по этому пути шли паломники к «машаду Кусамы», в наше время здесь проложены водопровод и асфальтовая дорожка.

Хорошо фиксируется вторая средневековая магистраль. Это перпендикулярная к каналу мощенная камнем дорога-улица направления север-юг, выявленная раскопками под вымосткой коридора Шахи-Зинда. Дорога-улица стала основой планировочной композиции ансамбля и благодаря этому не исчезла под многоярусным кладбищем, которое поднялось вокруг него.



Рис. 9. План-схема городища Афрасиаб

Fig. 9. Layout of the Afrosiab site

До 30-х годов XV в., времени реконструкции некрополя при Улугбеке, западный путь к нему был единственным, который связывал темуридский город с загородной святыней. В начале XV в. этот путь стал особенно престижным, там сложился «западный коридор», по обеим сторонам которого визави друг к другу стояли портално-купольные мавзолеи со склепами³³.

Только в 30-е годы XV в. при Улугбеке сложился двусторонний вход в комплекс. При Улугбеке в основании городища по линии ансамбля север-юг была выстроена входная монументальная группа сооружений с порталом на оси, которая выходила на загородную дорогу. Дорога, видимо, располагалась на месте оплывшего рва, который окружал Самарканд в древности. Эта дорога стала главной в XV в. после возведения Улугбеком обсерватории северо-восточнее Афрасиаба на возвышенности Кухак. По этой дороге к обсерватории и загородным дворцам проезжала царская свита, ученые астрономы и математики во главе с Улугбеком, которые останавливались на зиарат к «машаду Кусамы».

³¹ Волин С.Л. Старейшие письменные... . 1940.

³² Немцева Н.Б. Стратиграфия... . 1969. С.153 и сл.

³³ Немцева Н.Б. Исследования в «западном коридоре» архитектурного ансамбля Шахи-Зинда // ИМКУ. Вып. 5. Ташкент, 1964. С. 123—137.

Западный путь к святыне через оплывшие южные ворота с этого времени стал второстепенным, но не утратил своего значения, он по-прежнему оставался самым удобным и близким к «машаду Кусамы» для населения темуридского города. И в наше время «западный путь» по асфальтовой дорожке через кладбище остается также актуальным, как говорилось ранее.

Третья, четко выраженная в рельефе магистраль, фиксирующая развилку дорог, упомянутую в «Малой Кандии», также существует до сих пор. Эта дорожка (в настоящее время асфальтированная) идет от «западного коридора» в основании западного холма к оплывам крепостной стены городища. На выходе этой дороги за пределы стены (примерно в 100–150 м западнее портала XV в.) еще недавно была небольшая керамическая мастерская по изготовлению глиняных поделок для туристов. Возможно, в средние века это была внутриквартальная улица-дорога (?).

Эта сохранившаяся с древних времен обусловленная рельефом местности развилка у «западного коридора» заставляет вспомнить указание «Малой Кандии» на «расхождение трех путей при подходе к гробнице царевича Кусамы»³⁴. Где-то здесь у расхождения путей во времена составления «Малой Кандии» было «кипарисовое дерево», близ которого находилось кладбище Бану Нахийа³⁵. Там находилась могила шейх-ул-ислама Абу-л-Хасана и других похороненных лиц. «Кто желает увидеть людей божьих, пусть явится сюда субботней ночью и пройдет, снявши обувь»³⁶. Эти указания книги позволяют говорить о расположении первого кладбища арабов в районе южных Кешских (Железных) ворот города.

Надо отметить, что в средней части ансамбля Шахи-Зинда с XI в. до сего дня не изменился «дневной» уровень, который четко фиксируется основанием минарета

XI в., а также основанием восточного фасада медресе Кусамийа 1066 г. и главного портала этого медресе. Основание портала медресе сохранялось с XI в. во времена всех государственных перемен в Самарканде почти тысячу лет до реконструкции ансамбля в 2004 г., когда этот важнейший артефакт XI в. был уничтожен.

Водоснабжение комплекса Шахи-Зинда

В книге впервые затронут вопрос водоснабжения комплекса Шахи-Зинда на протяжении всего средневековья³⁷. Этот раздел основан на материалах историко-топографического изучения мемориала и письменных данных, которые не были учтены ранее.

При исследованиях в середине XX в. было обнаружено русло древнего канала, протекавшего от южных Кешских ворот в сторону будущего ансамбля Шахи-Зинда. В монографии 1979 г. высказано неверное предположение, что этот канал, шедший также по всему Афрасиабу, перестал действовать после разрушения монголами головного водораспределителя Джуи-Арзис в XIII в. При этом было упущено важное сообщение Ибн Баттуты о канале, действовавшем у гробницы Кусамы во время его посещения Шахи-Зинда в 30-е годы XIV в., то есть спустя более 100 лет после монгольского нашествия.

Ибн Баттута называет служителей завитии и благословенной могилы, а также главного смотрителя святой гробницы эмира Гийас ад-Дина Мухаммад ибн Абд ал-Кадир ибн Абд ал-Азиз ибн Йусуфа, сына Аббасидского халифа ал-Мустансира из Ирака³⁸. Все это свидетельства важного значения загородной святыни в жизни города, переместившегося в рабад.

³⁴ Малая Кандия. 1906. С. 261.

³⁵ Там же. С. 261.

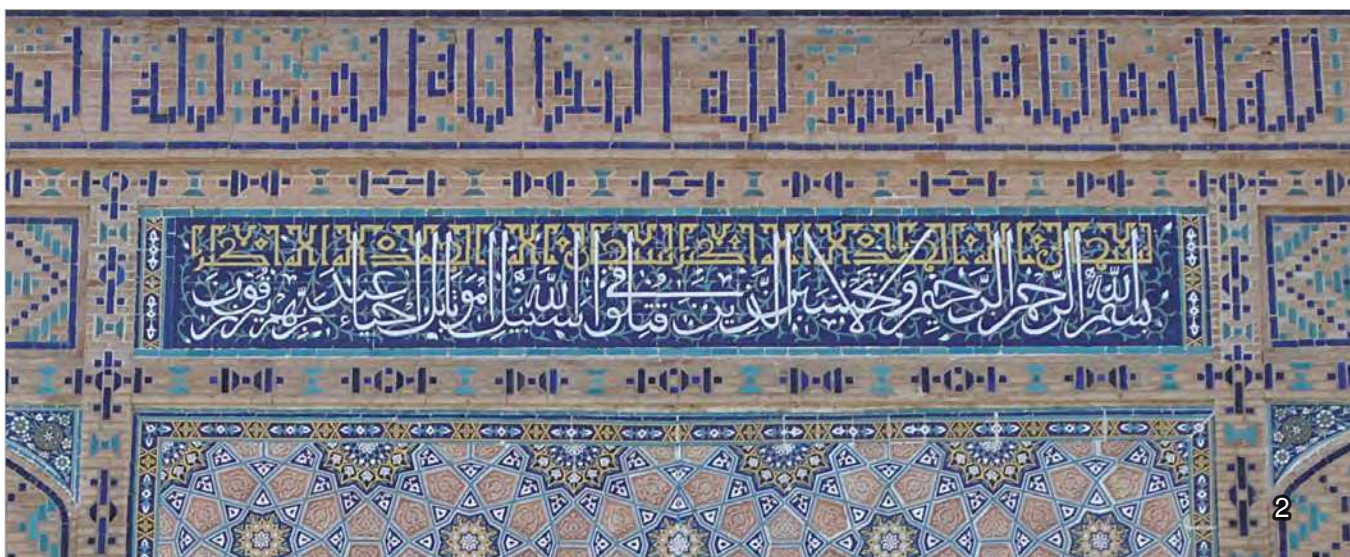
³⁶ Там же.

³⁷ Немцева Н.Б. О водоснабжении юга Афрасиаба (по материалам Шахи-Зинды) // ИМКУ. Вып. 35. Ташкент, 2006. С. 289 и сл.

³⁸ Путешествия Ибн-Баттуты. 1996. С. 278.



1



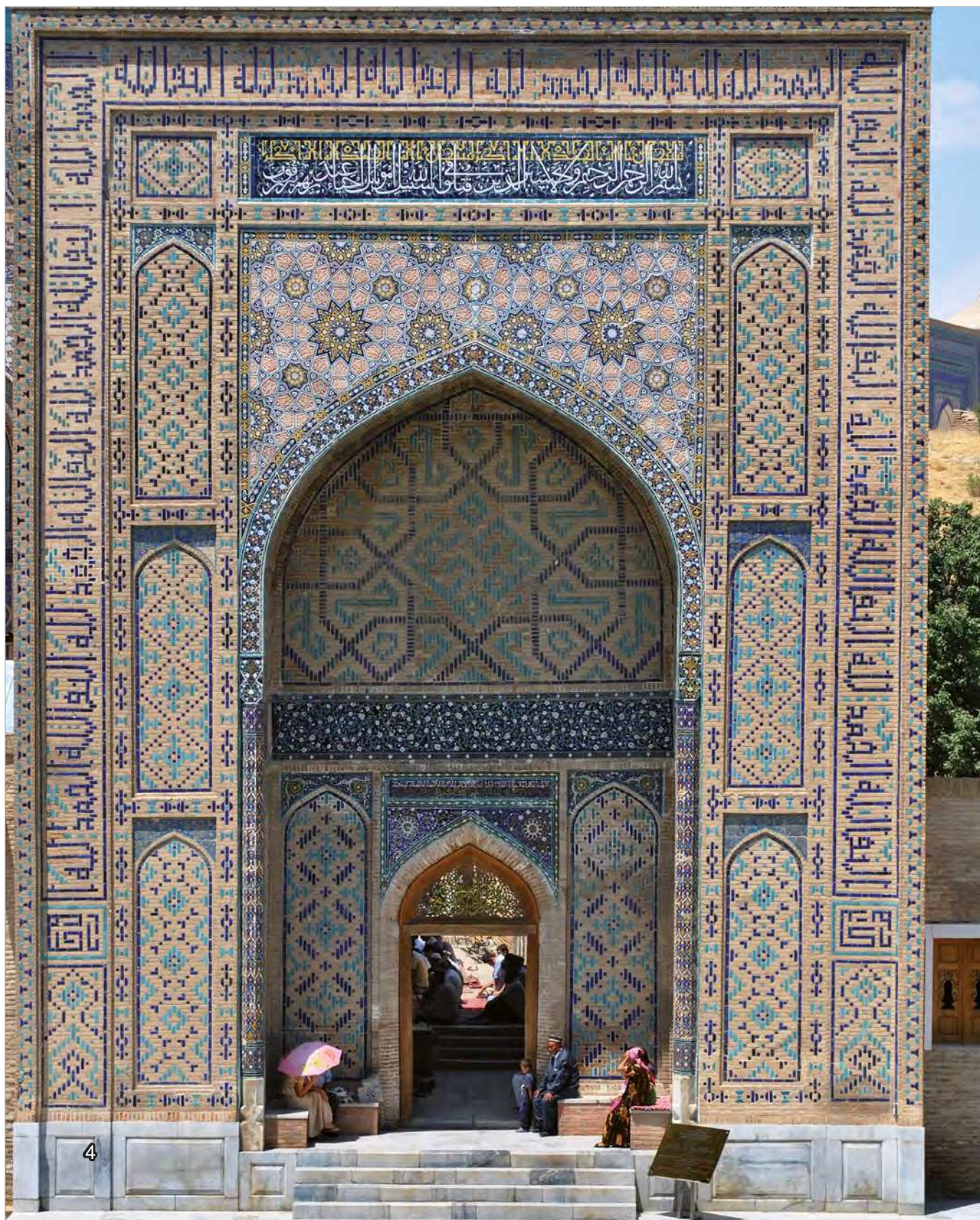
2

1. Ансамбль Шахи-Зинда. Вид с юго-востока
2. Фрагмент декора входного портала
3. Ансамбль Шахи-Зинда. Аэрофото, Жан Пьер Жантель (Франция), 60-е гг. XX в.

1. Shahi-Zinda ensemble. View from south-east
2. Fragment of décor of the entrance portal
3. Shahi-Zinda ensemble. Aero photograph by Jean-Pier Jentelles (France), the 1960s







4. Входной портал, 30-е гг. XV в.

5. Нижняя группа памятников

6. Айван мечети, лестница к среднему чартаку, XIX-XX вв.

7. Айван мечети, XIX в.

4. Entrance portal, the 1430s

5. Lower group of monuments

6. Ayvan of the mosque, stairs to the middle chartak, the 19th – 20th centuries

7. Ayvan of the mosque, the 19th century

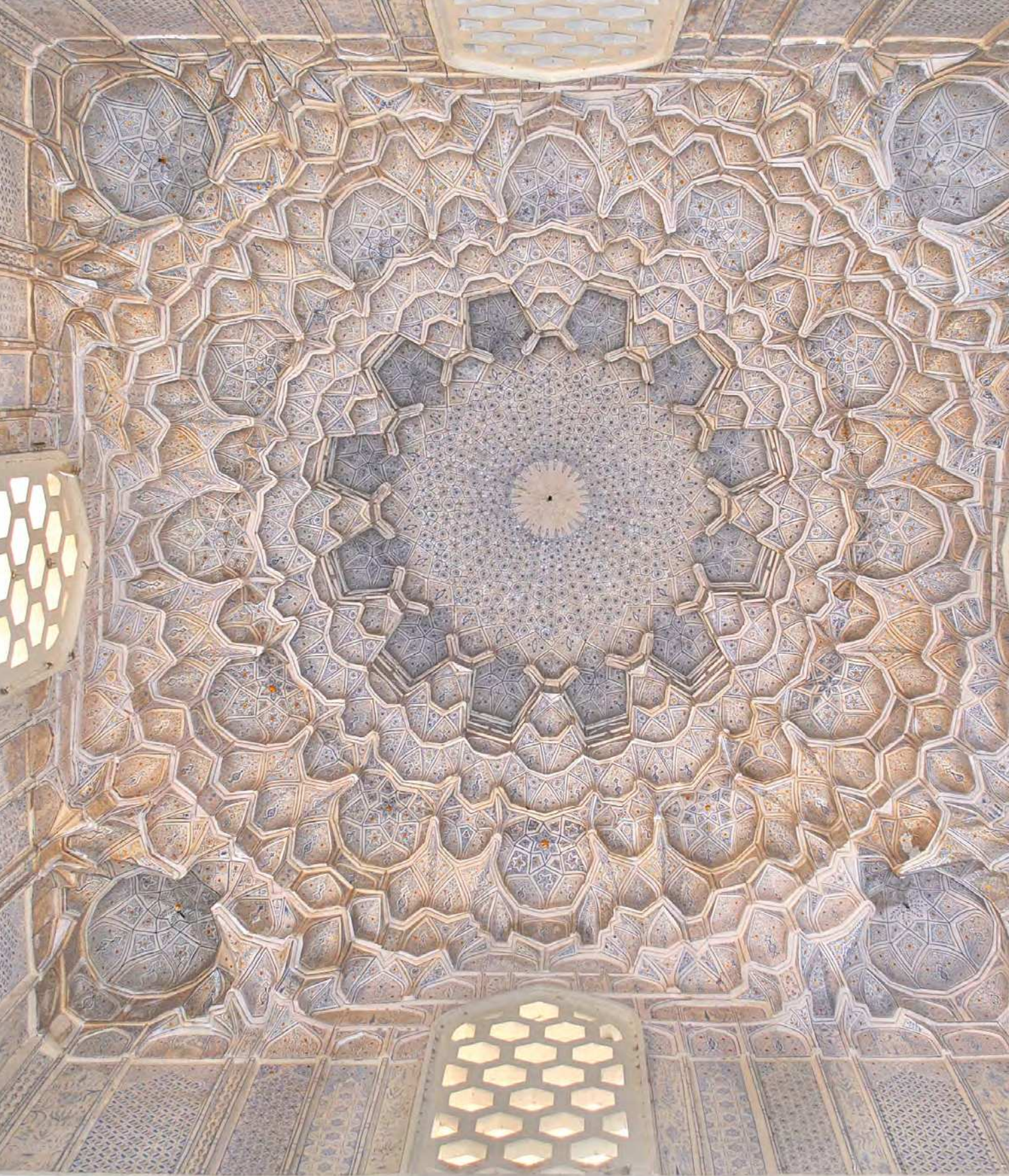


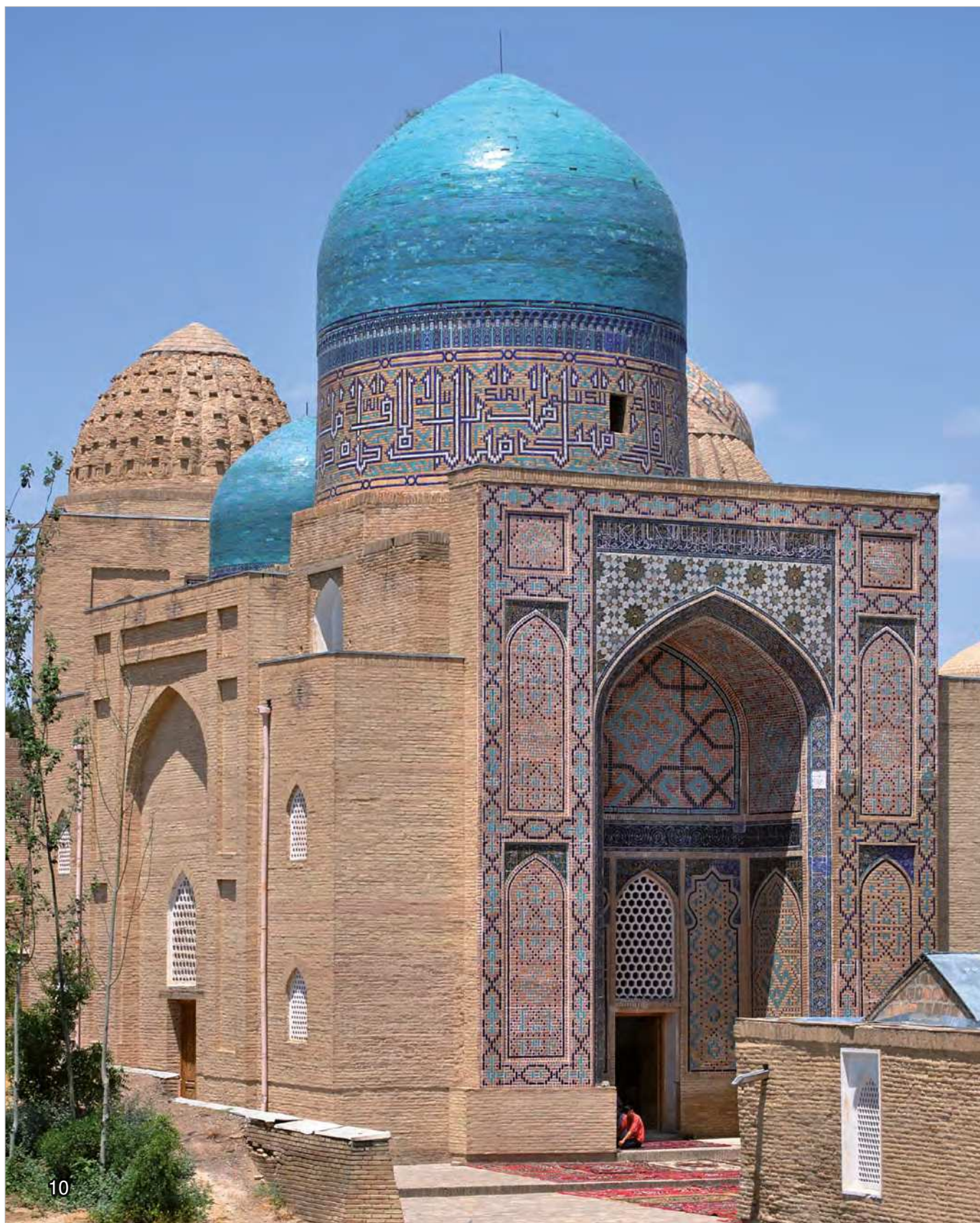


8

8. Мавзолей «Матери Султана», 30-е гг. XV в.
9. Внутренний купол гурханы мавзолея
«Матери Султана»

8. 'Sultan's Mother' mausoleum, the 1430s
9. Inner dome of gurkhana in 'Sultan's Mother'
mausoleum





10. Мавзолей «Матери Султана», южный портал, 30-е гг. XV в.

11. Мавзолеи на гребне крепостной стены

12. Вид на нижнюю группу с северо-востока

13. Средняя группа памятников и второй чартак

10. 'Sultan's Mother' mausoleum, the southern portal, the 1430s

11. Mausoleums on the crest of fortifications

12. View at the lower group from N-E

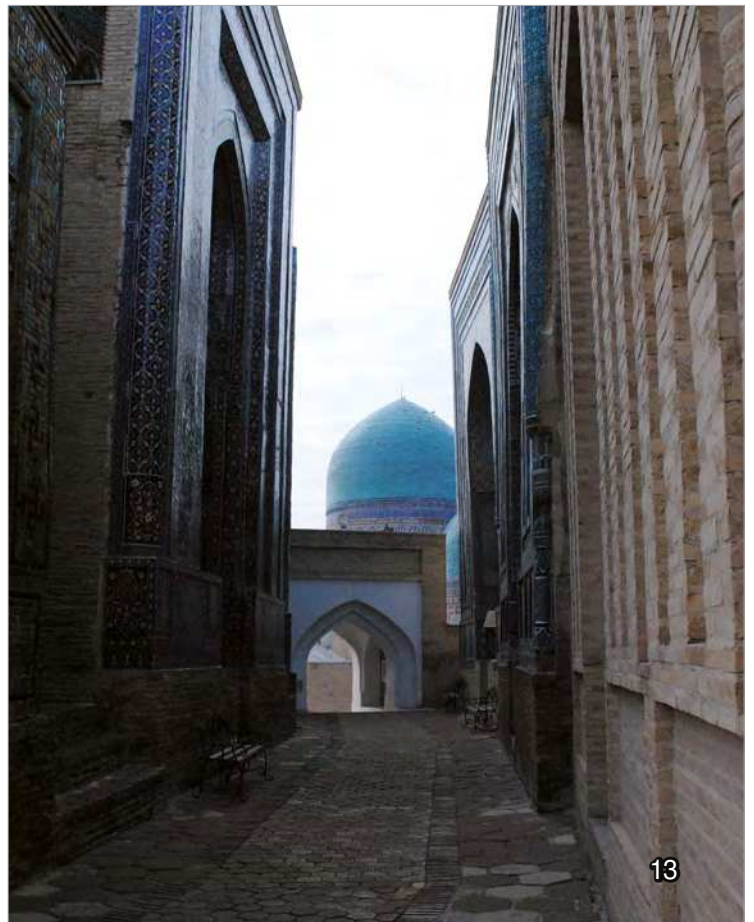
13. The middle group of monuments and the second chartak



11



12



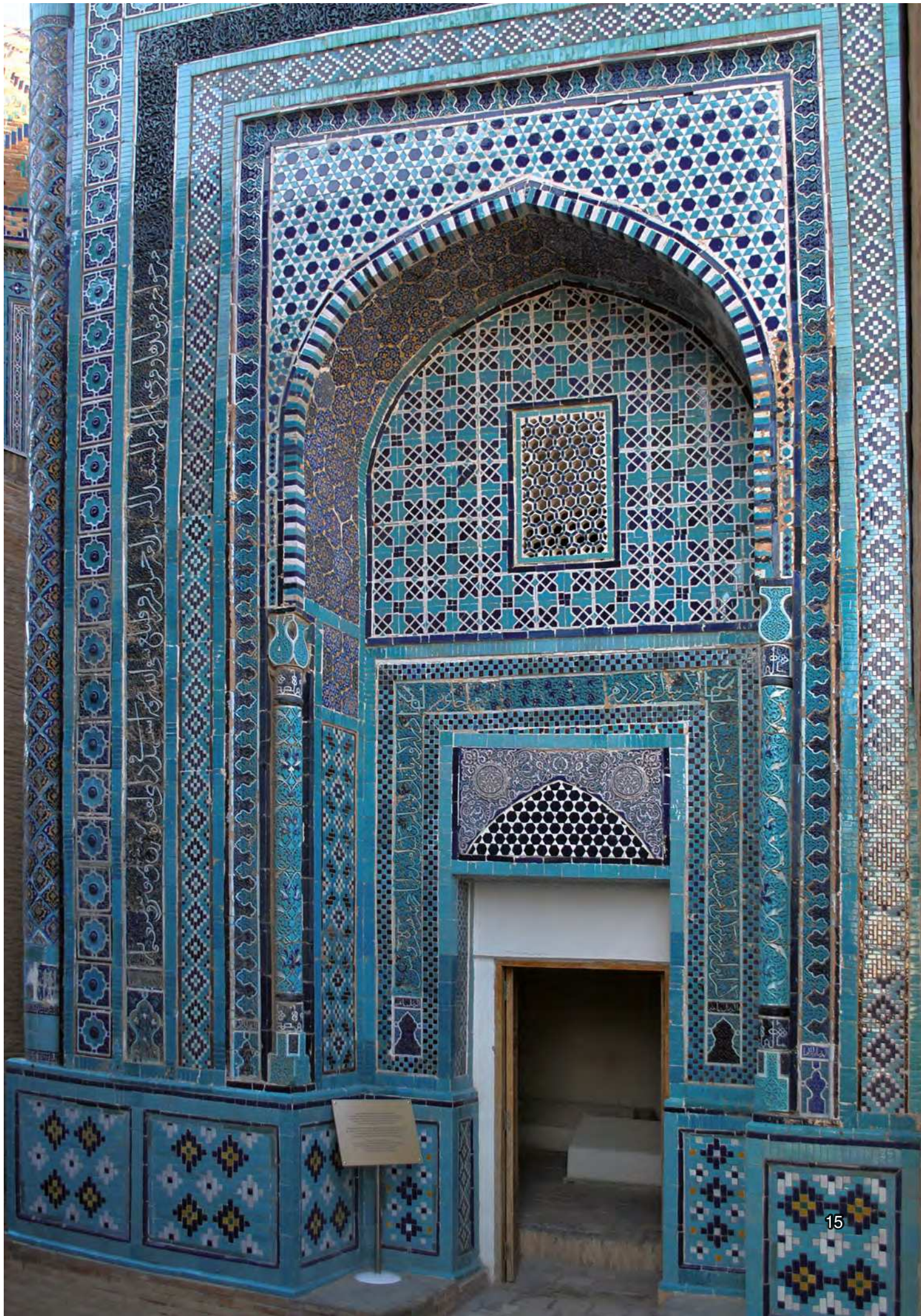
13



14

Мавзолей Туглу-Текин (амира Хусейна), 1376 г.
 14. Детали декора портала
 15. Портал

Tuglu-Tekin (Amir Hussein) mausoleum, 1376
 14. Details of portal décor
 15. Portal







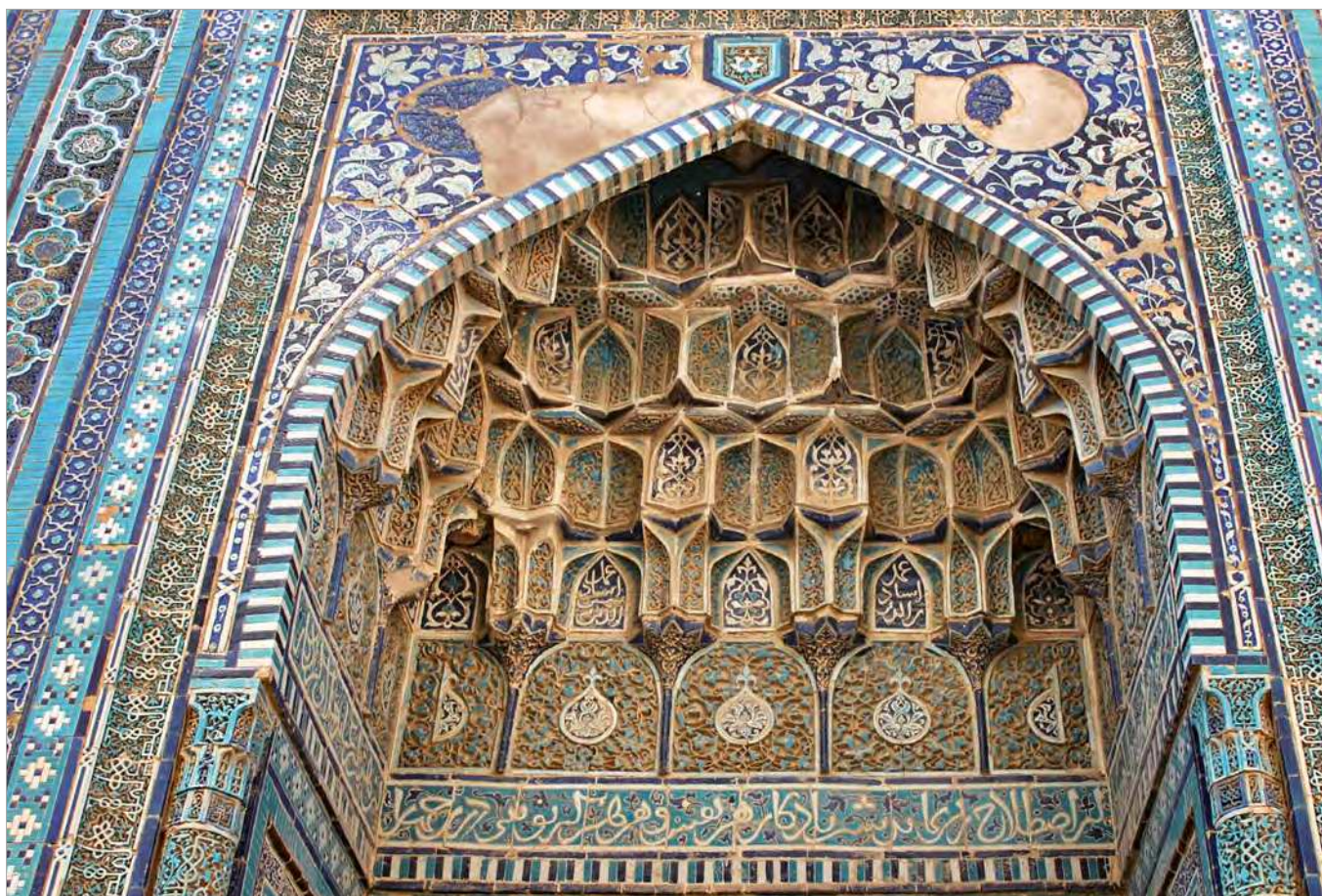
Мавзолей Эмир-заде, 1386 г.

- 16. Портал
- 17. Купол (в центре)
- 18, 19. Детали декора

Emir-Zade mausoleum, 1386

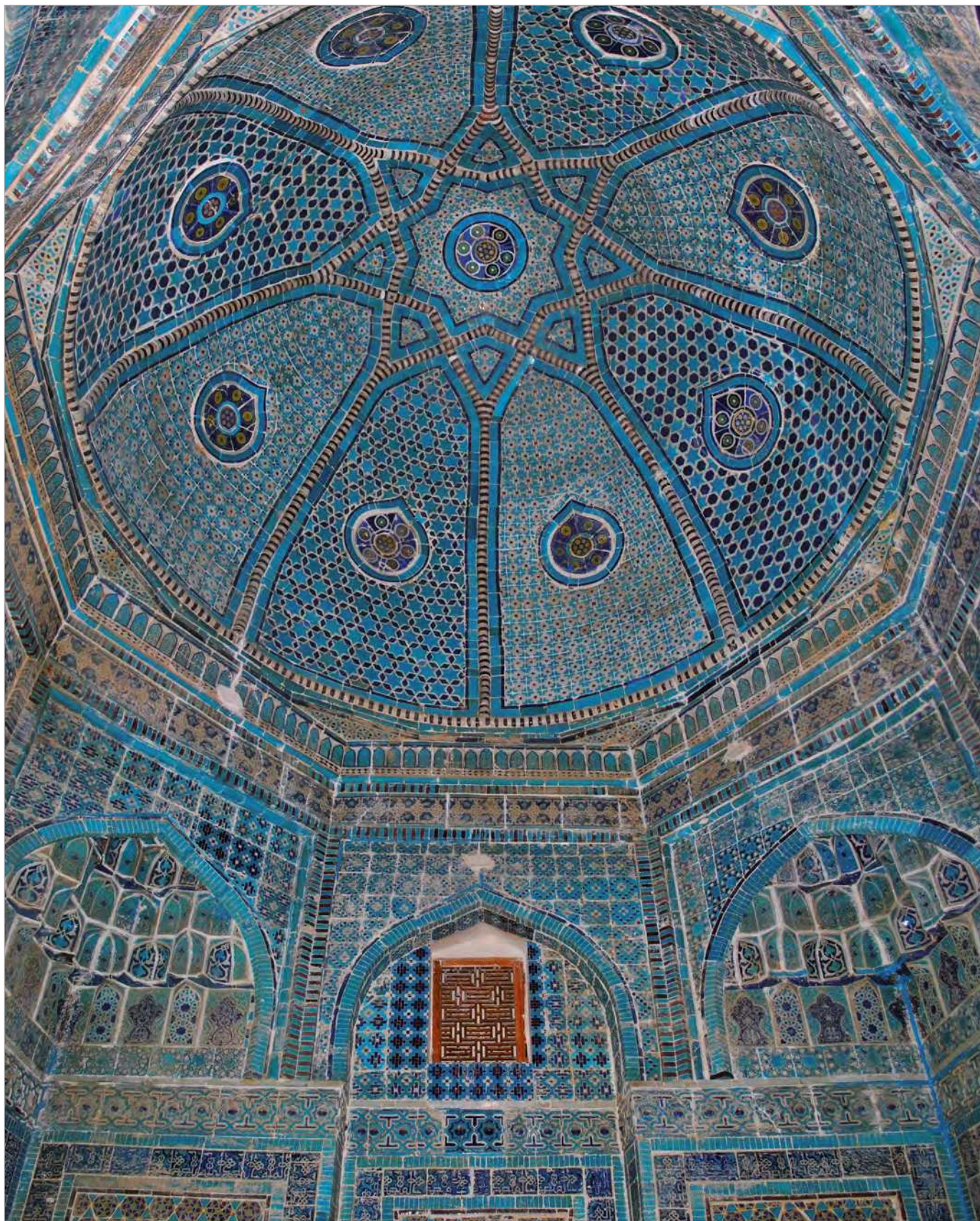
- 16. Portal
- 17. Dome (in the center)
- 18, 19. Décor items





Мавзолей Шади-Мулк-ака (Туркан-ака), 1372 г.
 20. Портал
 21. Сталактиты в арке порталной ниши
 22, 23. Детали декора портала

Shadi Mulk-aka (Turkan-aka) mausoleum, 1372
 20. Portal
 21. Stalactites in the niche of portal arch
 22, 23. Details of portal décor



24. Мавзолей Шади-Мулк-ака (Туркан-ака), 1372 г.,
интерьер

24. Shadi Mulk-aka (Turkan-aka) mausoleum, 1372,
the interior

Данные Ибн Баттуты о действующем канале у гробницы Кусамы в XIV в. позволяют рассмотреть вопрос о водоснабжении некрополя во все предшествующие и последующие времена.

Существование загородной святыни Самарканда со штатом обслуживающего персонала (шейхи, муллы, чтецы Корана, уборщики и т.д.), куда на протяжении всего средневековья стекались паломники со всего мусульманского мира, а в XIV—XV вв. велись огромные строительные работы по возведению царских гробниц, было немыслимо ни единого дня без постоянно действующего полнокровного водного источника. При массовой застройке комплекса в эпоху Амира Темура в пределах крепостной стены Афрасиаба таким источником мог быть только выявленный нами канал, подводивший воду от головного распределителя Джуи-Арзис к некрополю Шахи-Зинда.

Полагаю, что этот древний канал, обнаруженный на городище в районе некрополя, действовал не только при Ибн Баттуте в XIV в., но и позже, возможно, вплоть до появления современного водопровода (?), который проложен точно по тому же пути, что и древнее русло — вдоль дорожки от мечети Хазрети-Хызр к Шахи-Зинда.

Только в XV в. во времена Улугбека при застройке внешнего юго-восточного склона городища для водоснабжения «нижней группы» Шахи-Зинда мог быть использован Оби-Машад (Оби-Мугон в древности), до сих пор протекающий вдоль восточного склона городища. Оби-Машад находится сравнительно далеко от некрополя (около полукилометра), но вода из этого русла могла подводиться к нижней группе ансамбля путем арычной сети. При этом ансамбль XIV в., сложившийся в эпоху Амира Темура в пределах крепостной стены городища, и главная святыня — комплекс Кусамы, по-прежнему, видимо, снабжались водой из канала, протекавшего от южных Кешских ворот к памятнику. Как была устроена эта водоподача — неизвестно,

но очевидно, что существовать без воды загородная святыня и застройка некрополя царскими мавзолеями в XIV — начале XV века не могли ни единого дня.

Подача воды на городище из Оби-Машада, до сего дня протекающего близ восточного основания Афрасиаба, нереальна из-за большого перепада уровней (не менее 15 м).

Протекал ли выявленный на городище канал дальше комплекса Шахи-Зинда на восток после XIII в., когда жизнь в этой части городища замерла? Если вода подавалась к некрополю, то и жилой квартал в округе мог какое-то время существовать.

Возникает в связи с этим и другой вопрос: был ли вообще разрушен Джуи-Арзис, если да, то до какой степени? Во всяком случае, восстановление его в XIII в. не представляло, видимо, больших проблем. Необходимость в воде на Шахи-Зинда во все времена оставалась крайне актуальной, и подача воды по старому руслу была быстро восстановлена после разгрома Самарканда монголами. Другого источника воды в некрополе не было.

Южные ворота Самарканда в X—XII вв.

Одной из важных задач археологических исследований городища Афрасиаб является историческая топография и связанный с ней вопрос о городских воротах древнего и средневекового Самарканда, изучение которых археологами началось еще в 60-е годы XX в. (Г.В. Шишкина, Ю.Ф. Буряков и др.) и продолжается до сего времени узбекско-французской экспедицией (Клод Рапен).

Данный небольшой экскурс касается южных Кешских ворот Самарканда³⁹, археологическое исследование которых никогда не проводилось, хотя значение их в градостроительной структуре и жизне-

³⁹ Немцева Н.Б. Южные ворота Самарканда // ИМКУ. Вып. 37. Самарканд, 2013. С. 113—116.

деятельности города имело первостепенное значение во все времена. Особенно роль этих ворот возросла в средние века после сложения близ этих ворот на юге Самарканда сакрального и научно-образовательного центра города «машада Кусам».

Южные Кешские ворота, название которых менялось временами (Большие, Железные, Машада, Мазара), известны по данным местных и арабских источников X—XII вв. (Истахри, Хаукаль, Факих, «Малая Кандия», вакф XI в.) Эти ворота, располагавшиеся когда-то в районе мечети Хазрети-Хызр, были важнейшим коммуникационным узлом города, к которому подходили основные питающие водные русла (Навадон, Даргом), через них осуществлялась основная связь шахристана с пригородом. Неслучайно одно из названий этих ворот было «Большие» — через них шел груженный транспорт⁴⁰ и происходила связь с внешним миром (рис. 9).

У южных ворот находился головной водораспределитель Джуи-Арзис, от которого вода растекалась по каналам древнего и средневекового Самарканда. Через эти ворота в середине первого тысячелетия до н.э. в город вошли иранские войска Ахеменидов, а в начале IV в. до н.э. — армия Александра Македонского. С конца VII в. н.э., еще до окончательного взятия Самарканда Кутейбой ибн Муслимом, через южные ворота проникали арабы, основавшие там первую мечеть Мухаммада ибн Васи с катакомбой (чилляхана, хыват?), где концентрировались «люди божьи», по данным «Малой Кандии»⁴¹. Близ этих ворот, как сообщает автор сочинения «Малой Кандии», похоронено много мучеников за веру и возникло первое кладбище арабов Бану Нахийа (Наджийа). На основе этого кладбища сложилось действующее в наше время самое привилегированное

мусульманское кладбище у Шахи-Зинда, которому более 1300 лет.

На кладбище Бану Нахийа был похоронен Кусам ибн Аббас, погибший за веру в последней четверти VII в. (676/677). А в начале XI века, три с половиной века спустя, чуть дальше на юго-восток в его честь был установлен мемориально-поминальный комплекс — «машад Кусам», у которого в XI—XII вв. сложился богатый некрополь Караханидов, а в XIV—XV вв. его перекрыл ансамбль Шахи-Зинда эпохи Темуридов.

В XIX в. на месте первой арабской мечети Мухаммада ибн Васи была построена существующая мечеть Хазрети-Хызр, а в начале XXI в. местным духовенством установлена монументальная сагана с мнимой могилой Мухаммада ибн Васи.

Близ Южных ворот, чуть западнее, до сих пор действует старогородской базар, которому более 1000 лет, а на юго-запад от ворот (по линии теперешней Ташкентской улицы) в раннее и развитое средневековье разрастался Самарканд, сначала в качестве пригорода-рабада, а позже, в XIV—XV вв., в качестве столицы Амира Темура и Темуридов.

Еще в домонгольское время (может быть, много раньше) у южных Кешских ворот (напротив теперешней мечети Хазрети-Хызр) сложился существующий в наше время дорожно-магистральный узел, планировочная развилка которого вела на четыре стороны: в наше время — на аэропорт, улицу Ташкентскую, загородную дорогу через городище в Ташкент, на улицу Дагбитскую; восточная дорога у юго-восточного подножья Афрасиаба вела к загородным садам Амира Темура, а с XV в. — к порталному входу в ансамбль Шахи-Зинда и далее, к обсерватории Улугбека (в настоящее время эта дорога ведет к Кожзаводу).

Этот краткий обзор показывает, что вся сложная история домонгольского Самарканда была более всего связана с южными Кешскими воротами — главным ком-

⁴⁰ По мнению М. Исамиддинова (см.: Ширинов Т.Ш., Исамиддинов М.Х. Археология древнего Самарканда. Ташкент-Самарканд, 2007. С. 109), в седловине крепостной стены Афрасиаба восточнее комплекса Шахи-Зинда могли быть ворота для груженого транспорта, что мало вероятно.

⁴¹ Малая Кандия. 1906. С. 246.

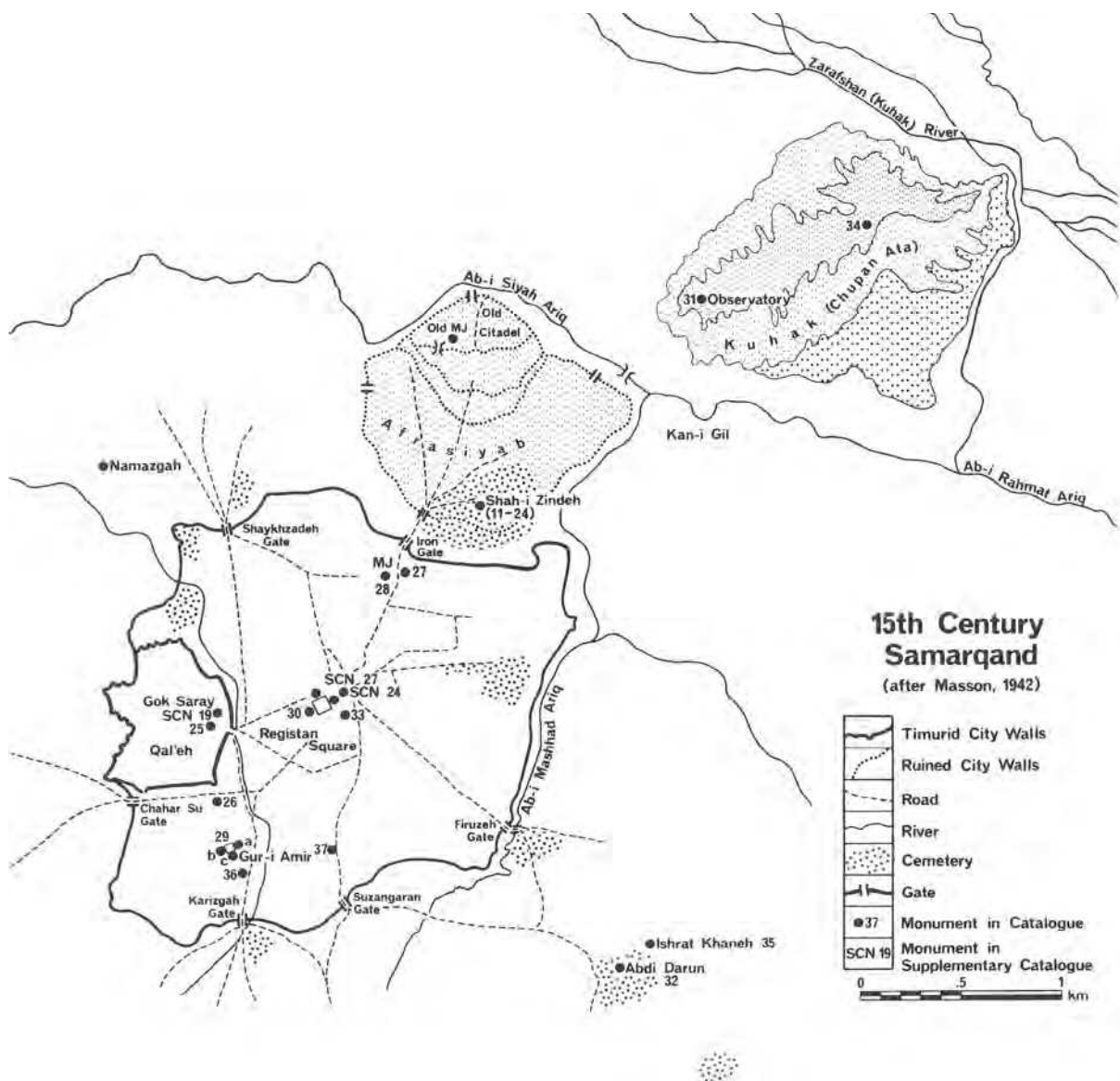


Рис. 10. Самарканд в XV в. из книги Lisa Golombek and Donald Wilber. *The Timurid Architecture of Iran and Turan*. V. 2. Map 6.

Fig. 10. Samarkand in the 15th century, from the book 'The Timurid Architecture of Iran and Turan' by Lisa Golombek and Donald Wilber, v. 2, Map 6

муникационным узлом города. При этом южные городские ворота во все времена были наименее защищенным местом Самарканда в силу естественного понижения плато Афрасиаб. Неслучайно правительственная цитадель города, монументальное строительство, в том числе соборная мечеть при арабах, находились в наиболее защищенной северной части Афрасиаба с крутыми внешними обрывами. Север-

ные, восточные и западные ворота города (Бухарские, Китайские, Наубехарские) извне были мало доступны в силу более высокого и крутого рельефа плато.

Бухарские ворота в середине XX в. были исследованы Г.В.Шишкиной⁴² и другими ар-

⁴² Шишкина Г.В. Бухарские ворота средневекового Самарканда // Афрасиаб. Вып. IV. Ташкент, 1975. С. 23 и сл.

хеологами. В последнее время они изучались узбекско-французской экспедицией (Клод Рапен⁴³). Северо-восточные Китайские ворота были расположены так высоко от подножия Афрасиаба, что извне туда вели ступени (Ибн Хаукаль), со стороны шахристана они не имели крутого спуска или подъема. Западные Наубехарские ворота размыты настолько, что точное место их расположения не локализуется в рельефе.

Южные ворота никогда археологически не изучались, от них в микрорельефе не сохранилось никаких следов, но местоположение их в районе мечети Хазрети-Хызр по всем косвенным данным не вызывает сомнений.

В XIV в. при Амуре Темуре практически на том же месте близ старых южных ворот, но уже в новой крепостной стене, установлены «Дарваза-и Охонин» (Железные ворота). Однако из этого вовсе не следует, что ворота XIV в. были железными. Название ворот «Дарваза-и Охонин» XIV в., я думаю, традиционно унаследовано от южных ворот X в., построенных из железа при Саманидах.

По письменным данным известно, что в X в. на южных воротах города была железная плита с надписью на непонятном «химьяритском» языке (не согдийском⁴⁴). Во время пребывания ал-Истахри в Самарканде южные ворота при народном мятеже были разрушены и сгорели, на их месте при Саманидах построили ворота из железа⁴⁵. Видимо, уже с этих пор южные Кешские ворота назывались также и Железными. Это следует из вакфа 1066 г., где южные ворота, около которых возведен «машад Кусамы» и медресе Кусамийа, на-

званы Железными⁴⁶, а позже подтверждается «Малой Кандией» (XII-XV вв.). При посещении гробницы Кусамы надо войти со стороны Железных ворот, сообщает источник⁴⁷.

Важность южных Кешских (Железных) ворот в системе коммуникаций средневекового Самарканда особенно возросла с XI в., после возведения мусульманской святыни «машада Кусамы» в юго-восточной части города.

«Машад Кусамы» в средние века был настолько популярен, что с его появлением на юге города южные ворота стали называть «воротами Машада», и даже канал Оби-Мугон, протекающий у юго-восточного подножия Афрасиаба с XI в., стал называться Оби-Машадом.

Эти данные общеизвестны и важны для правильного понимания местоположения «машада Кусамы» в градостроительной структуре средневекового Самарканда, ориентации подходов к святыне на разных исторических этапах, которые до сих пор являются предметом заблуждений.

Связь медины Самарканда, когда город был на Афрасиабе, с «машадом Кусамы» сама собой разумеется, вопрос этот даже не ставился. Шахристан (араб. меина) Самарканда в это время был еще достаточно населен, там находился административный центр города, жилые и производственные кварталы, действовала соборная мечеть.

«Машад Кусамы» в XI–XII вв. являлся внутригородской святыней, постоянная связь городского населения со святыней на южной окраине определялась высоким идейным и политическим статусом «машада». В середине XI в. там сложился типичный для средневековья полифункциональный религиозно-культовый и научно-образовательный центр, куда кроме главной святыни входило государственное

⁴³ Исамиддинов М.Х. Истоки городской культуры самаркандского Согда. Ташкент, 2002. С. 80–91.

⁴⁴ Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Ленинград, 1973. С.222.

⁴⁵ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I. Москва, 1963. С. 138; Бетгер Е.К. Извлечение из книги «Пути и страны» Абуль Касима ибн Хаукаля // Труды САГУ. Т. IV. Ташкент, 1957. С. 15.

⁴⁶ Буниятов Дж.З., Гасанов Т.Б. Два самаркандских вакфа середины XI в. // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 2. Москва, 1994. С. 56.

⁴⁷ Малая Кандия. 1906. С. 260.

ханифитское медресе Кусамийа, отстроенное к 1066 г. от имени караханидского государя Ибрахима Тамгач Бограхана для «людей науки и религии». Как показали раскопки⁴⁸, одновременно около машада сложился некрополь караханидской знати с богатыми гробницами. Несомненно, из шахристана к комплексу Шахи-Зинда в XI—XII вв. шли внутригородские дороги, перекрытые к нашему времени действующим кладбищем.

Столь же оживленной была постоянная связь со святыней населения рабада и иногородних паломников через Южные ворота, которые в вакфе XI в. и «Малой Кандие» названы Железными.

Через бывшие Южные ворота на городище Афрасиаб продолжало сообщаться с некрополем и население темуридского Самарканда. В начале XV в. в направлении к этим воротам сложился «западный коридор» — группа мавзолеев, выстроенных вдоль канала в виде небольшого коридора.

Этот западный путь от Южных ворот в сторону комплекса Шахи-Зинда существовал во все времена и особенно важен в наши дни как единственный, через который подвозят стройматериалы для реставрации ансамбля, а по руслу древнего канала проложен современный водопровод.

Только при Улугбеке, в 30-е годы XV в., впервые появился двусторонний вход в святыню через главный входной портал, устроенный в основании городища, с выходом на загородную дорогу, которая проходила вдоль юго-восточного склона Афрасиаба. Мусульманская святыня с мнимой могилой Кусамы при Улугбеке, как и во времена его деда Амира Темура, почиталась на государственном уровне. Об этом свидетельствуют огромные строительные работы, которые Улугбек провел на некрополе Шахи-Зинда во времена своего правления. При Улугбеке (1409—1449 гг.) был осуществлен большой государственный

проект по благоустройству внешнего склона городища Афрасиаб, связанный с возведением обсерватории за северо-восточными пределами Самарканда на возвышенности Кухак у Оби-Рахмата.

В обсерваторию из города вела загородная дорога (по руслу бывшего рва, окружавшего Самарканд в древности). Еще при Амире Темуре эта дорога связывала город с загородными садами, а при Улугбеке она стала особенно актуальной — по ней осуществлялась связь города с важным научным центром — обсерваторией. По этой дороге следовал царский кортеж во главе с Улугбеком, ученые астрономы и математики, обслуживающий персонал, которых ученый правитель привлекал к работам в обсерватории. Загородная дорога вдоль внешнего склона городища приобрела статус «царской».

В благоустроительную программу Улугбека входило не только строительство входного портала в комплексе Шахи-Зинда, но и благоустройство всего внешнего склона. Крутой склон городища с перепадом уровней в 14—15 м от основания Афрасиаба до гробниц XIV в. на крепостной стене был оформлен тремя террасами со ступенчатыми переходами⁴⁹. Это решало проблему торжественного зиярата царской свиты к святыне.

Входная группа, кроме портала, включала просторную дарвазахану на оси с четырьмя сквозными арками по сторонам и зимнюю мечеть слева⁵⁰, выстроенные при Улугбеке от имени его малолетнего сына Абд ал-Азиза в 1434/35 г. Напротив портала была установлена баня для зимних омовений, раскопанная в 2004 г.⁵¹

На нижней террасе был возведен самый презентабельный в некрополе двух-

⁴⁸ Немцева Н.Б. Ансамбль Шахи-Зинда в XI—XII вв. // Зодчество Узбекистана. Вып. 2. Ташкент, 1970. С. 120 и сл.

⁴⁹ Булатова В.А. К истории сложения ансамбля Шахи-Зинда в XV в. // Из истории эпохи Улугбека. Ташкент, 1965. С. 257—258.

⁵⁰ Одновременность портала и зимней мечети подтверждена конструктивно единым фундаментом обоих строений (раскопки автора в 50-г. XX в.).

⁵¹ Насреддинов Ш.Н. Баня XV в. у ансамбля Шахи-Зинда // Археологические исследования в Узбекистане 2004-2005 гг. Ташкент, 2006. С. 172 и сл.

купольный мавзолей «Матери султана». В XVIII—XIX вв. террасы заменила существующая одномаршевая лестница в 32 ступени, несколько раз переложённая в XX—XXI вв.

Входная монументальная группа с порталом на оси при Улугбеке стала официальным входом в святыню и служила главным образом для представителей царского двора и элиты общества. Для простого люда в XIV—XV вв. по-прежнему была самой доступной и короткой старая «западная дорога» вдоль канала (канал, как показано выше, видимо, функционировал вплоть до появления современного водопровода).

Территория перед порталом Улугбека никогда не обживалась. Отсутствие рабада перед порталом XV в. — один из ключевых вопросов исторической топографии в округе ансамбля, который вызвал на первом этапе изучения памятника путаницу в его ориентации и ошибочные представления об истории его сложения. Априори, до больших археологических работ в 60—70-е годы XX в., в начале 50-х существовала уверенность, что улугбековский портал XV в. выходил в рабад Самарканда.

В начале исследований вопрос о границах рабада даже не ставился, был расхожим штампом, что портал XV в. был обращен к рабаду (зачем же иначе нужен портал?). Первые археологические работы были ориентированы на эту идею и фактический материал интерпретировался в соответствии с ней. Возникла даже рабочая версия о воротах в крепостной стене на оси ансамбля Шахи-Зинда⁵². При последующих исследованиях эта версия отпала, как и многие другие, которые появлялись и исчезали с получением новых археологических данных. Шел естественный процесс изучения стратиграфически сложного многовекового памятника.

⁵² Небольшой фрагмент стенки из типично караханидского кирпича прямоугольного формата, характерного для Самарканда XI—XV вв., вскрытой между мавзолеями Ширинбек-ака и Туглу-Текин, был принят за фрагмент городских ворот в крепостной стене (см.: Булатова В.А. К истории сложения... . 1965. С. 270).

Вопрос о воротах в крепостной стене Афрасиаба на оси ансамбля Шахи-Зинда, которые якобы связывали святыню с рабадом, в начале 50-х годов даже не ставился. На этом этапе изучения памятника была популярна другая идея. Из одной публикации в другую (Г.А. Пугаченкова, Л.И. Ремпель, Б.Н. Засыпкин, В.А. Булатова⁵³), как штамп, кочевало утверждение, что монголы якобы разрушили крепостную стену и комплекс Шахи-Зинда XI—XII вв. при взятии города. В историографии того периода многое приписывалось монгольскому нашествию. Без внимания при этом оставались письменные данные Ибн Баттуты (30-е годы XIV в.), свидетельствующие о том, что монголы не только не тронули некрополь, но суеверно почитали мусульманскую святыню и приносили туда дирхемы, динары и коров⁵⁴.

Путь изучения ансамбля Шахи-Зинда был длительным и трудоемким, раскопки на тесно застроенном и действующем памятнике (не иссякал поток туристов) ограничивались небольшими шурфами, артефакты собирались годами по крупицам, долго не было общей картины сложения ансамбля Караханидов и последующего темуридского некрополя. Только к 70-м годам XX в. после систематических археологических работ выстроилась общая картина этапов сложения комплекса Шахи-Зинда и стратиграфии юга Афрасиаба⁵⁵.

Многолетние исследования юга Афрасиаба в районе некрополя в 60—70-е гг. показали, что рабада перед порталом XV в. никогда не было, крайние его границы в северо-восточной части находились чуть ниже современной дорожной развилки у мечети Хазрети-Хызр. Напротив портала XV в. во все времена был пустырь, зафиксированный топосъемкой Афрасиаба и его округи на карте 1895—97 гг., выполненной военным ведомством Российской империи. Дорога перед улугбековским

⁵³ Булатова В.А. К истории сложения... . 1965. С. 257—258.

⁵⁴ Путешествия Ибн Баттуты. 1996. С. 278.

⁵⁵ Немцева Н.Б. Шахи-Зинда. 1972.

порталом XV в. всегда была загородной, как и сейчас.

Версия о рабаде перед входным порталом XV в. окончательно отпала после земляных работ в 2004 г. Перед порталом для организации автостоянки бульдозером вскрывался чистый материк. Это послужило подтверждением, что территория перед порталом никогда не обживалась. До реконструкции 2004 г. напротив портала можно было видеть остатки ступеней на верхнюю площадку лесопарка, а на его территории — котлован хауза, зафиксированный на карте 1897 г. Возможно, это также следы благоустройства при Улугбеке (?).

Даже в советское время напротив портала XV в. был пустырь, на заднем плане которого появились типовые четырехэтажки, а на загородной дороге восточнее комплекса Шахи-Зинда на водах Оби-Машада был выстроен кожзавод.

В недавней краткой публикации А. Атаходжаева реанимируется давно устаревшая версия о городских воротах на оси комплекса Шахи-Зинда с названием «Новые ворота»⁵⁶. Это название взято из неверного перевода вакфа XI в. французским востоковедом М. Хадром, где южные ворота из-за отсутствия диакритики в списке ошибочно названы Новыми (Баб ал-Джадид⁵⁷). Это же слово другими востоковедами читается «Баб ал-Хадид» — Железные (А.А. Семенов, Дж. Буниятов, Т. Гасанов, О.Д. Чехович). Идея же о воротах взята из устаревших, начала 50-х годов, представлений В.А. Булатовой и И.И. Ноткина⁵⁸. Никаких данных для доказательства существования ворот при работах 2004 г. получено не было.

Надо сказать, что на первом этапе изучения Афрасиаба была путаница с названием ворот, восходящая еще к X в. Арабские географы X в. при описании ворот

Самарканда, перечисляя Китайские, Наубехарские, Бухарские и Кешские (южные), Железных ворот не упоминают⁵⁹. Только Ибн ал-Факих, автор конца IX — начала X в., ошибочно назвал Наубехарские ворота Самарканда Железными⁶⁰. Ошибка Ибн ал-Факиха (Наубехарские — Железные) была повторена В.В. Бартольдом, затем В.Л. Вяткиным⁶¹ и из-за этого в середине XX в. явилась причиной неправильной локализации медресе Кусамийа у Наубехарских ворот О.Г. Большаковым⁶², принявшем чтение М. Хадра (видимо, по ассоциации Нау — Новые).

В последующих переводах вакфа XI в. Дж. Буниятовым, Т.Б. Гасановым⁶³, а еще раньше А.А. Семеновым, южные ворота правильно названы Железными⁶⁴. Этот сюжет с путаным названием самаркандских ворот уже более тридцати с лишним лет подробно рассмотрен в моей публикации⁶⁵ и в критическом замечании Е.А. Давидович⁶⁶.

Никаких данных о воротах в крепостной стене на оси ансамбля Шахи-Зинда после работ 2004 г. не появилось⁶⁷, и представления, что подход к комплексу с юго-востока был наиболее удобным в XI в. для

⁵⁹ Истахри. *Bibliotheca Geographorum Arabicorum* (Перевод с арабского Чехович О.Д.). I-1870. С. 316; Хаукаль. *Bibliotheca Geographorum Arabicorum* (Перевод с арабского Чехович О.Д.) II-1873. С. 493; Мукаддаси. *Bibliotheca Geographorum Arabicorum* (Перевод с арабского Чехович О.Д.). III-1876 (2-е изд 1906). С. 278.

⁶⁰ Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. *Средневековый город...* 1973. С. 223—225.

⁶¹ Вопрос о воротах рассмотрен в статье: Немцева Н.Б. Медресе Тамгач Богра-хана в Самарканде // *Афрасиаб*. Вып. III. Ташкент, 1974. С. 128—129, пр. 41.

⁶² Большаков О.Г. Два вакфа Ибрахима Тамгач-хана в Самарканде // *Страны и народы Востока*. Вып. X. Москва, 1971. С. 172.; Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. *Средневековый город...* 1973. С. 229.

⁶³ Буниятов Дж.З., Гасанов Т.Б. Два самаркандских вакфа середины XI в. 1994. С. 48—62.

⁶⁴ Семенов А.А. К вопросу о... 1951. С. 26.

⁶⁵ Немцева Н.Б. Медресе... 1974. С. 128—129. прим. 41.

⁶⁶ Давидович Е.А. Дискуссионные вопросы в книге Беленицкого А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. *Средневековый город Средней Азии // Древность и средневековые народы Средней Азии (История и культура)*. Москва, 1978. С. 114.

⁶⁷ Атаходжаев А. Работы Шахи-Зиндинского отряда в 2004 г. // *Археологические исследования в Узбекистане 2004-2005 гг.* Вып. 5. Ташкент, 2006. С. 40—46.

⁵⁶ Атаходжаев А. К исторической топографии домонгольского Самарканда // *Вклад Узбекистана в развитие исламской цивилизации*. Ташкент-Самарканд, 2007. С. 267—270.

⁵⁷ Khadr M. *Deux actes...* 1967. С. 330—333.

⁵⁸ Булатова В.А., Ноткин И.И. Мавзолей Туглу-Текин. 1970. С.194 и сл.

населения Самарканда⁶⁸, не соответствует действительности.

Как известно, «машад Кусама» в XI в. являлся внутригородской святыней. Населению шахристана (на Афрасиабе) не было нужды в «Новых» воротах. Это была городская святыня, которая функционировала с начала XI века до монгольского нашествия в начале XIII в. на территории живого города. Придуманные «Новые ворота» для населения домонгольского шахристана Самарканда бессмысленны. Горожанам пришлось бы выйти из медины (шахристан) через Кешские южные ворота, обогнуть крепостную стену со рвом (если ров еще сохранялся) снаружи, прошагать примерно полкилометра на восток по загородной дороге и подняться на крутой склон городища с перепадом уровня в 14–15 м (напомним, что ни террас XV в., ни одномаршевой лестницы еще не существовало), чтобы войти в святыню через мифические «Новые» ворота.

Что касается населения рабада, то оно направлялось к святыне со стороны южных Железных ворот, как сказано в «Малой Кандие»⁶⁹ и в вакфе XI в. (чтение А.А. Семенова, Дж. Буниятова и Т. Гасанова, О.Д. Чехович), а не через придуманные «Новые» ворота. К ним надо было бы также проделывать кружной путь по загородной дороге и подняться по крутому склону к воротам на крепостной стене. «Новые» ворота в крепостной стене Афрасиаба на оси комплекса Шахи-Зинда и для населения пригорода Самарканда были бессмысленны.

Пандус в основании теперешней одномаршевой лестницы, который автор «Новых» ворот приводит как аргумент, также не имел места. Под существующей лестницей находится обыкновенная уплотненная земляная насыпь (в XV в. насыпь была необходима для организации террас), без которой лестница повисла бы в воздухе. Эта насыпь была исследована в середине XX в.

при перекладке лестницы⁷⁰, в результате чего был отмечен неравномерной плотности грунт, разновременная керамика.

К сожалению, на уровне предположений остался важный вопрос о дороге-улице IX–X вв., мощенной чупанатинским сланцем, которая явилась основой планировочной композиции ансамбля и связана с проблемой ворот на его оси.

В 60-е годы XX в. под современной вымосткой коридора Шахи-Зинда (60–80 см) в двух местах (у мавзолея «Безымянный-2» и перед порталом мавзолея Шади-Мульк-ака⁷¹) обнаружена каменная отмостка улицы периода обживания юга городища в IX–X вв. Эта же вымостка в 2004 г. вторично была расчищена напротив мавзолея «Безымянный-2», но уже на всю ширину в 5,5 м. Самый близкий к городской стене ее участок зафиксирован у портала мавзолея Шади-Мульк-ака. Куда вела мощеная улица, как она была связана (или не связана) с крепостной стеной города, к сожалению, осталось неясным. В 2004 г. при больших земляных работах на памятнике была упущена возможность это установить.

Обнаруженная под коридором Шахи-Зинда мощенная камнем дорога-улица, упомянутая в вакфе XI в., вполне могла быть тупиковой. В градостроительной практике средневековой Средней Азии тупики в планировке улиц — частое явление, как это следует из письменных данных (такие тупики даже запирались на ночь⁷²). В наше время тупиковые улицы сохраняются в старогородских частях Самарканда, Ташкента и Бухары. Однако вопрос о связи мощеной улицы на месте ансамбля Шахи-Зинда с крепостной стеной города на юге домонгольского Самарканда окончательно может быть решен только путем возможных археологических исследований в будущем.

⁶⁸ Атаходжаев А. К исторической топографии... . 2007. С. 268–270.

⁶⁹ Малая Кандия. 1906. С. 260.

⁷⁰ Немцева Н.Б., Шваб Ю.З. Ансамбль Шахи-Зинда (историко-архитектурный очерк). Ташкент, 1979. С. 140.

⁷¹ Немцева Н.Б. Ансамбль... . 1970. С. 158–159.

⁷² Воронина В.Л. Средневековый город Средней Азии // Советская археология. Москва, 1959. № 1. С. 104.

Глава 1

ШАХИ-ЗИНДА ПРИ КАРАХАНИДАХ, XI–XII вв.

История и легенды

История Средней Азии XI–XII вв. была связана с образованием трех крупных тюркских империй под управлением недавних кочевников из династий Караханидов, Сельджукидов и Газневидов (позже Гуридов), которые просуществовали здесь с переменным успехом, постоянными войнами, изменением государственных границ и статуса (независимость сменялась вассалитетом и наоборот) почти до монгольского нашествия в 20-е годы XIII в.⁷³

Это было время политического выхода Средней Азии из подчинения Арабскому халифату, начавшегося уже в IX–X вв. при Тахиридах и Саманидах, и утверждения суверенитета региона.

В конце X в. на политической арене Восточного Туркестана появляется крупное государственное образование тюрков Караханидов, которые после нескольких попыток в 999 г. окончательно завоевали Мавераннахр (араб. территория между Амударьей и Сырдарьей) и положили конец правлению династии Саманидов. Государство Караханидов, разделенное на уделы между членами клана, занимало огромную территорию, куда входило Семиречье, Восточный Туркестан, Фергана и Мавераннахр.

В начале 40-х годов XI в. в результате междоусобной борьбы государство Караханидов практически разделилось на два независимых каганата: Восточный (Семиречье, Восточный Туркестан с центрами в Баласагуне, Кашгаре, периодически в Таразе, Узгенде) и Западный — тюркский каганат на территории Мавераннахра.

С приходом к власти в Мавераннахре известного караханидского правителя Тамгач Бограхана Ибрахима (правил в 1046–1068 гг.) Самарканд становится столицей Западно-тюркского каганата. Ибрахим Тамгач Богра-хан, один из самых видных караханидских правителей в Мавераннахре середины XI в., проводил независимую внешнюю политику и не признавал восточных караханидов своими сюзеренами⁷⁴. При нем окончательно оформилось в Мавераннахре независимое государство западных Караханидов. Еще при жизни Ибрахим отказался от власти в пользу своего сына Шемс аль-Мулька (1068–1080), при котором столицей стала Бухара.

Из западных Караханидов надо отметить второго крупного правителя, известного как Арслан-хан, который, как и Ибрахим, был у власти почти 30 лет (1102–1130) и вошел в историю региона как «царь-строитель». С его именем связаны до сих пор возвышающийся над Бухарой минарет Калян (1127 г.), мечеть Калян XII в. (стояла на месте мечети XV в.), не дошедшие до нас дворцы в Бухаре и Самарканде, известные по письменным источникам, реконструкция Рабат-и Малика в бухарской степи около Кермине.

В 1178 г. на престоле Самарканда утвердился один из выдающихся караханидских государей Тамгач-хан Ибрахим ибн ал-Хусейн, который правил Самаркандом чуть менее 30 лет⁷⁵. Остальные западные Караханиды были кратковременными правителями.

С конца XII в. Мавераннахр стал объектом притязаний и грабительских набегов

⁷³ Кочнев Б.Д. Караханидский каганат // Очерки по истории государственности Узбекистана. Ташкент, 2001. С. 65 и сл.; Ртвеладзе Э.В. Государство Газневидов // Очерки по истории государственности Узбекистана. Ташкент, 2001. С. 56 и сл.

⁷⁴ Там же. С. 123.

⁷⁵ История Самарканда. Т. 1. 1969. С. 152.

каракитаев и хорезмшахов⁷⁶. При последнем караханидском правителе Османе (1204—1212) Мавераннахр был захвачен хорезмшахом Мухаммадом, который сделал Самарканд главным городом хорезмшахов, укрепил городские стены, провел некоторые строительные работы. В марте 1220 г. город пал под ударами монгольских орд Чингисхана.

В данном контексте наиболее интересен период правления первого западного Караханида Ибрахима Тамгач Бограхана (1046—1068), который у «машада Кусамы» в Самарканде основал ханифитское медресе Кусамийа «для людей науки и религии» и передал вакф в пользу этого медресе⁷⁷. Мусульманская святыня во времена правления этого кагана превратилась в крупный религиозно-культовый и образовательный центр Самарканда, где сложилась определенная интеллектуальная среда города, развился привилегированный караханидский некрополь с богато украшенными мавзолеями, как показали археологические вскрытия.

При Тамгач Бограхане Ибрахиме (1046—1068) столица Западного каганата Самарканд становится одним из наиболее культурных для своего времени центров Средней Азии. Более чем 20-летнее правление Ибрахима Тамгач Бограхана источники характеризуют как наиболее благоприятное для экономики и процветания города и страны в целом и отмечают прочные отношения кагана с верхушкой местного ортодоксального мусульманского духовенства⁷⁸.

Тесный союз тюркских правителей с местным духовенством, почитание мусульманских могил (святынь), связанных с историей ислама в Средней Азии, было важнейшей стороной внутренней политики Караханидов (как и последующих династий), одним из ключевых моментов

в управлении государством в завоеванных землях.

Создаваемые в этот период культовые комплексы над почитаемыми могилами в духе и стиле времени в ряде случаев представляют собой шедевры средневекового монументального строительного искусства. Часть их дошла до наших дней.

В зодчестве Средней Азии XI—XII вв. на основе местных традиций складываются локальные архитектурные школы, художественно-декоративный стиль, характерный для искусства ислама. Перемены были обусловлены утверждением мусульманской идеологии на широких просторах восточного мира, развитием науки, новых технологий. По числу памятников гражданской и культовой архитектуры, ее художественному и техническому совершенству период XI—XII вв. не имеет равных, его можно сравнить разве только с широким размахом строительной деятельности в эпоху Амира Темура и Темуридов в XIV—XV вв.

Одним из важных факторов инноваций в зодчестве Средней Азии явилось широкое распространение в массовом строительстве жженого кирпича, который в X—XII вв. стал постепенно вытеснять сырцовый кирпич и пахсу, характерные для древней Средней Азии. Легкий и прочный жженный кирпич позволил возводить более совершенные инженерные конструкции, купола и своды большого диаметра, порталы и минареты такого масштаба, которого не знала строительная практика Средней Азии предшествующей поры. Эти прогрессивные явления в строительном деле были связаны с общим развитием технических наук, математики, геометрии, химии, требованиями и вкусами феодальной элиты средневекового общества.

С конца IX — начала X в. страны мусульманского Востока, в том числе Иран и Средняя Азия, вступили в фазу развитого феодального общества, одной из особенностей которого является развитие идей, обосновывающих исламское учение

⁷⁶ Там же. С. 148—153.

⁷⁷ Немцева Н.Б. Медресе... . 1974. С. 99—144.

⁷⁸ О.Г. Большаков в кн.: Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город... . 1973. С. 349.

в его ортодоксальной форме⁷⁹. На рубеже VIII–IX вв. в западных странах мусульманского мира (Египет, Сирия, Ирак) возникают различные мистические течения в рамках ислама, главным из которых был суфизм (тасаввуф), сыгравший огромную роль в духовной жизни средневекового общества. К X в. и особенно в XI в. в результате учений теоретиков ислама (ал-Газали и др.) суфизм складывается в прогрессивное для своего времени течение и широко распространяется по всему Востоку от Египта и Испании на западе до Восточного Туркестана на востоке, в том числе в Иране и Средней Азии.

С развитием суфизма связано распространение различного рода подвижничества и возрождение древнейшего культа «святых», появление большого числа святынь — мазаров.

Эпопея арабских завоеваний положила начало культу «мучеников» — шахидов, павших в войне за веру⁸⁰. В числе культовых построек были машады — мемориальные комплексы над мнимыми могилами, которые становились местом паломничества, важными религиозными центрами в городах и их округе, играли важную роль в социально-политической и духовной жизни средневекового общества.

Один из крупнейших сакральных центров Средней Азии — «машад Кусамы» (Шахи-Зинда по поздним легендам) — сложился в Самарканде в первой половине XI в. На протяжении XI–XII вв. около святыни вырос богатый некрополь караханидской знати.

Самарканд с приходом к власти в Мавераннахре династии Караханидов становится столицей Западного тюркского каганата.

Самарканд этого времени был одним из крупнейших городов Центральной Азии. Только основное ядро города — об-

веденный крепостными стенами шахристан — занимал всю территорию городища Афрасиаб. Арабские географы X в. (Ибн ал-Факих, ал-Истахри, Ибн Хаукаль, ал-Мукаддаси), описывая город, сообщают о цитадели-Арке с тюрьмой и дворцом, соборной мечети, каналах, базарах и каменных мостовых, большом количестве зелени, окружавшей город⁸¹.

Археологические исследования показали, что это был город с разветвленной канализацией и водопроводной системой (магистральные каналы, арычная сеть, хаузы, система кубуров), общественными банями, богатыми домами, отделанными резным шtukом, резной неполивной терракотой и полихромной росписью.

Город растет, но главным образом за счет пригорода-рабада («старый город» в настоящее время), заселение которого началось еще в доарабское время. Территория шахристана в XI–XII вв. по-прежнему оставалась главной административной частью города с богатыми домами, дворцами и храмами в цитадели-акрополе, в северной части действовала соборная мечеть. Большие пространства занимали ремесленные мастерские керамистов, жилые кварталы, общественные строения (бани, давилы винограда) и сады.

Существующий в наше время комплекс Кусамы ибн Аббаса на городище Афрасиаб и есть «машад Кусамы» — самая древняя идеологическая и архитектурная основа некрополя Шахи-Зинда, возникшая в первой половине XI в. В 1066 г. у «машада Кусамы» главой Западного тюркского каганата Ибрахимом Тамгач Бограханом было возведено ханифитское медресе Кусамийа «для людей религии и науки». В Самарканде сложился типичный для средневековой Евразии городской полифункциональный культовый и культурно-образовательный центр, где отправлялись важные в жизни общества религиозно-ритуальные церемонии,

⁷⁹ Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII–XV вв. Ленинград, 1966. С. 214 и сл.

⁸⁰ Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII–XV вв. 1966. С. 234 и сл.

⁸¹ Бартольд В.В. Туркестан... . 1963. С. 136.

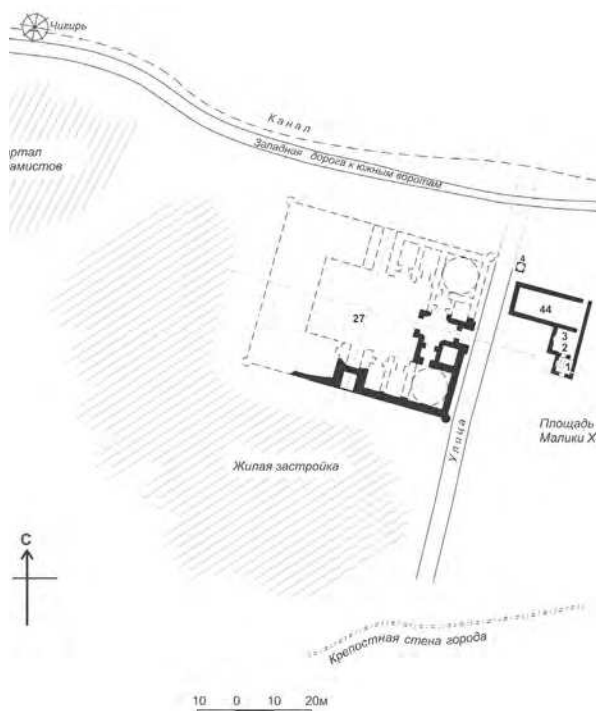


Рис. 11. Шахи-Зинда, XI в.:

1. Гурхана; 2. Чилляхана; 3. Зиаратхана;
4. Минарет; 44. Мечеть XI в., вскрытая под
Большой мечетью; 27. Медресе Кусамийа

Fig. 11. Shahi-Zinda plan, the 11th century.
1. Gur-khana, 2. Chillya-khana, 3. Ziyarat-khana,
4. Minaret, 44. Mosque of the 11th century,
near the Grand Mosque, 27. Kusamiya
madrasah

одновременно действовало высшее учебное заведение, где изучалось богословие и светские науки (в вакфе на медресе указан адаб — комплекс гуманитарных наук), сложилась определенная интеллектуальная среда того времени.

Одной из причин формирования культурного комплекса на юге Самарканда, инициированного тюркскими правителями в союзе с духовенством, было стремление Караханидов к утверждению власти в завоеванной стране.

«Власть могил» в средние века, как известно, играла важнейшую роль в идеологии и социальной жизни общества. Внимание к святыням являлось одним из ключевых моментов во внутренней по-

литике правителей на протяжении всего средневековья⁸².

«Машад Кусам» связан с именем Кусам ибн Аббаса — кровного родственника и сподвижника пророка Мухаммада. Как сообщают источники и предания, Кусам ибн Аббас прибыл в Самарканд с войсками арабов в последней четверти VII в., еще до окончательного взятия города арабами, и погиб от рук неверных.

Легенды и предания повествуют о том, как войско Кусам ибн Аббаса во время намаза было перебито кафирами (не мусульманами), но с самим Кусамом произошло чудо — перед ним раскрылся михраб (или скала), и он скрылся в нем. По другим легендам, Кусам, взяв в руки свою отрубленную голову, спустился в колодец (пещеру), где и живет до сих пор (Шахи-Зинда — живой царь)⁸³.

Народный вымысел здесь причудливо переплелся с действительными событиями. Завоевание арабами Средней Азии и обращение населения в ислам на первых порах, как известно, сопровождалось сильным противостоянием, долгое время сохранялись старые верования — язычество, зороастризм, буддизм, несторианство. Различные варианты преданий о Кусаме ибн Аббасе представляются лишь легендарным отражением реальных драматических событий, разыгравшихся в последней четверти VII в. в Самарканде, где высокочтимый своим родством с Пророком «борец за веру» пал «мученической смертью» во время молитвы от рук жителей, неприимых в тот период к исламу.

Кусам ибн Аббас — реальное историческое лицо, упомянутое в источниках IX—X вв. (ат-Табари, ал-Белазури, ан-Наршахи и др.). Имя и дата его смерти — 56/7 г.х. (676/677) вплетены в орнаментальную композицию майоликового намогильника XIV в. в гурхане комплекса

⁸² Додхудоева Л. Культ святых при Тимуридах: социально-политический аспект // Культурные ценности. 2004-2006. Санкт-Петербург, 2008. С. 32—33.

⁸³ Лапин С.А. Шахи-Зинда... 1896. С. 39.

Кусам. Эта же дата 56/676 г. зафиксирована письменными источниками, где сообщается, что двоюродный брат Пророка Кусам ибн Аббас пришел в Самарканд вместе с Саидом ибн Османом и был там убит⁸⁴.

Хорезмийский ученый Насир ибн Абдусейид (XII в.) сообщает: «Кусам, сын дяди Пророка — мир над ним. Это Кусам ибн ал-Аббас ибн Абд ал-Мутталиб. По нему назван квартал в Самарканде потому, что он похоронен в нем. И в нем медресе Кусам»⁸⁵. Это один из наиболее важных письменных документов, где сообщается не только о «машаде», но и медресе Кусамийа XI в. у святыни в Самарканде.

Основание «машада Кусам» — мемориально-поминального комплекса в Самарканде, сведения источников о первом кладбище арабов Бану Нахийа близ южных ворот города, где в VII в. был похоронен Кусам, не оставляют сомнений, что события, связанные с Кусамом ибн Аббасом, гибель шахида за веру произошли именно у стен этого города или близ него.

Сюжет, связанный с Кусамом, прекрасно вписывается в историко-культурную конъюнктуру того времени⁸⁶.

«Машад Кусам» был возведен на удобном для паломничества возвышенном месте на юге города (перекресток канала и мощеной улицы-дороги) спустя примерно 3,5 столетия после гибели именитого шахида. Как и в других местах мусульманского мира, здесь был основан мемориально-поминальный комплекс с мнимой могилой Кусам. Ни могилы VII в., ни вообще раннеарабского кладбища непосредственно под ансамблем Шахи-Зинда и под гурханой комплекса Кусам ибн Аббаса нет, как показали археологические исследования.

Действительная могила шахида осталась близ южных ворот Самарканда на

кладбище Бану Нахийа, которое явилось основой действующего до сего дня мусульманского некрополя Самарканда.

Подвижников ислама, погибавших за веру во времена завоевательных арабских походов в конце VII — начале VIII века, еще до окончательного взятия Самарканда Кутейбой ибн Муслимом, было огромное число. «По близости Железных ворот похоронено много известных мучеников за веру и место это внушает страх и уважение», сообщает «Малая Кандия»⁸⁷. Но к «лику святых» после утверждения ислама был причислен именно Кусам ибн Аббас, и «машад» был возведен в его честь благодаря его кровнородственной связи с Пророком и не без влияния Аббасидов (вторая правящая династия в багдадском халифате).

Машады в мусульманском мире

В XI—XII вв. машады с мнимыми могилами получили широкое распространение по всему мусульманскому Востоку как универсальное явление, характерное для всех конфессий мира, связанное с почитанием святых. Появление в XI в. «машада Кусам» в Самарканде исторически закономерно, определено общей конъюнктурой в странах мусульманского мира после окончательного утверждения ислама, сложения обрядовой системы и распространения суфизма.

Возведение памятных мемориалов над святыми могилами, в том числе мнимыми, — древняя традиция у народов Евразии, уходящая в глубину веков. Установление кенотафов, сооружение курганов, где нет реальных захоронений, у кочевых и полукочевых народов Евразии — древнейший обычай, зафиксированный во многих местах доарабской Средней Азии.

⁸⁴ Бартольд В.В. Туркестан... 1963. С. 142.

⁸⁵ Волин С.Л. Старейшие письменные... 1940.

⁸⁶ Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII-XV вв. 1966. С. 214—239.

⁸⁷ Малая Кандия. 1906. С. 246.

Важный материал по этой теме подобран О.В. Обельченко, где он сообщает не только о пустых кенотафах под древними курганами Средней Азии, но и о поминальных памятниках древней Греции и Рима, а также современного мира⁸⁸, где нет реальных захоронений.

Создание поминальных мемориалов в древности и в средние века перекликается в наше время с сооружением во многих городах и странах Евразии памятников в честь героев, погибших во время Второй мировой войны. Как и средневековые машады, современные мемориалы с перечнем имен погибших ставятся в большинстве случаев за тысячи километров от места гибели и действительного захоронения. Многогранное, универсальное понятие «машад» в XX в. трансформировано в новую форму почитания памяти погибших, но смысл этого живучего у всех народов явления остался прежним.

История религиозной жизни средневековой Евразии VII—VIII вв. была связана с бурными и часто кровопролитными процессами принятия новых верований. Славянские языческие племена Восточной Европы в эти столетия принимали христианство. Народы Ближнего и Среднего Востока (Египет, Сирия, Ирак, Иран, Средняя Азия и Кавказ), входившие в состав Арабского халифата, принимали ислам.

Всюду утверждение новых верований было сложным и длительным процессом. Оно заняло полтора-два столетия, сопровождалось народными протестами, появлением в истории этих стран «борцов за веру» — мучеников. В последующем имена наиболее известных религиозных подвижников культивировались духовенством, они получили статус святых, и часть из них в исламе и христианстве почитается до сего дня.

Как отмечают исламоведы, мусульманский Восток знает немало культовых цент-

ров, мазаров святых, не связанных с реальным лицом или местом его погребения. Искусственное перенесение святынь, создание фиктивных могил одновременно в разных местах — явление чрезвычайно распространенное⁸⁹ и характерное не только для ислама, но и других конфессий (христианство, буддизм). Часть таких святых мест в исламе обозначалась арабским термином «машад».

В названиях памятников зодчества, кладбищ, топонимах и гидронимах Центральной Азии хорошо известно такое понятие, как «машад» (машхад, мешхед) — условное место мученической кончины, отмеченное мазаром или крупным культовым комплексом, связанное с событиями давних лет.

История наиболее почитаемых машадов уходит в глубину веков. Они являются объектами поклонения до сего дня, хотя истинный смысл термина «машад» и даже сам термин в большинстве случаев давно утрачен в исторической памяти.

Термин «машад» имеется в средневековых юридических документах Средней Азии (два самаркандских вакфа 1066 г.), сохранился в топонимах и гидронимах той или иной местности и является косвенным, но важным документом для реконструкции истории завоевательных походов арабов в Средней Азии, географии распространения наиболее кровопролитных событий, связанных с внедрением ислама.

Часть машадов дошла до наших дней в виде названий кладбищ (Мешхеди-Мисриан, машад у мавзолея Абу-Саида в Мехне в Туркменистане⁹⁰), культовых комплексов (мавзолеев-ханака Ходжа Машад на юге Таджикистана, «машад Кусам» в Самарканде), в названиях медресе (Шахи-Машад на севере Афганистана) и т.д.

⁸⁸ Обельченко О.В. Кенотафы Согда // Средняя Азия: археология, история, культура. Материалы международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г.В. Шишкиной. Москва, 2000. С. 171 и сл.

⁸⁹ Гольдциер И. Культ святых в исламе. Москва, 1938. С. 122.; Мец А. Мусульманский ренессанс. Москва, 1966. С. 255; Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII-XV вв. 1966. С. 238.

⁹⁰ Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры южного Туркменистана. Москва, 1958. С. 279-280.

Крайне интересная проблема машадов применительно к памятникам зодчества, местам поклонения святым, которые до сего дня актуальны, практически не изучена.

В наше время предания и легенды, связанные с машадами, в большинстве случаев утрачены, и восстановление имен святынь, атрибуция на этой основе функции памятников архитектуры и правильная их интерпретация весьма затруднительны, часто невозможны.

Места поклонения святым, которые множатся в последние годы по всем регионам Средней Азии в связи с новой волной религиозности, представляют огромный познавательный и историко-культурный интерес как крайне важное социальное, психологическое и ментальное явление в истории и духовной жизни мусульманского общества. Изучение святынь, их исторической основы, выявление придуманных, вновь создаваемых в наше время мест поклонения, спекуляций на тему «святыя места» — важнейший аспект современных этнографических и социально-антропологических исследований.

Впервые машады (по-арабски *муашшир* — причастие от глагола *ашара* — что-то отмечающее, на что-то указывающее) попали в поле зрения известного будапештского востоковеда и этнографа Игнатия Гольдциера в конце XIX века (1896 г.) в научной поездке по Египту⁹¹.

Словом «машад», пишет И. Гольдциер, выражается мысль, что святой, погребение которого почитается в определенном месте, в действительности погребен где-то в другом, но святой явился во сне шейху и указал место своего почитания. Поэтому в мире святынь много двойников. Могилы одних и тех же лиц имеются в разных местах стран ислама (с равной претензией на подлинность), являются объектом почитания и паломничества до сего дня⁹².

Среди местного духовенства и образованных людей Верхнего Египта в XIX в., от-

мечает И. Гольдциер, существовало четкое различие между понятиями «кабр» (или турба) — то есть действительная могила мученика, и «машад» — место фиктивной могилы, простой же народ уже в то время не знал этого различия⁹³. Такая же ситуация наблюдалась в средневековой Средней Азии. В настоящее время ни термин «машад», ни его смысл никому не известен. Ни мусульманское духовенство, ни тем более простой народ не знают этого слова.

Среднеазиатские легенды наличие нескольких мусульманских святынь (мазаров), связанных с одним и тем же именем, иногда объясняют тем, что человек погиб в одном месте, а тело его было отправлено на белом верблюде в Медину для захоронения⁹⁴.

В средние века, главным образом в XI—XII вв., многочисленные архитектурно оформленные машады, связанные с именем какого-либо святого, устанавливались одновременно в разных местах, часто предельно отдаленных от действительного захоронения означенного лица, и множились в большом количестве как места паломничества. При этом реальные могилы известных в истории халифата лиц также оформлялись крупными архитектурными мемориалами и почитаются до сего дня.

Например, крупный культовый комплекс Мазари-Шариф над мнимой могилой (машад) четвертого праведного халифа Али окончательно сложился в XV в. в одноименном городе близ Балха на севере Афганистана. Первый машад Али был устроен в XII в., почти 600 лет спустя после гибели халифа, но был разрушен при монголах. Существующий машад Али (Мазари-Шариф) основан в 1481/1482 г.⁹⁵ при Темуриде Хусейне Байкаре. По преданию там похоронен зять Пророка Мухаммада, глава шиитской партии халиф Али (убит

⁹¹ Гольдциер И. Культ святынь в исламе. 1938. С. 110.

⁹² Там же. С. 109.

⁹³ Там же. С. 109—111.

⁹⁴ Муминов А.К. Кокандская версия исламизации Туркестана // Подвижники ислама. Культ святынь и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. Москва, 2003. С. 148.

⁹⁵ Бартольд В.В. Сочинения. Т. III. Москва, 1965. С. 473.

в 661 г.). В действительности реальные могилы халифа Али и его сыновей ал-Хасана (ум. 669 г.) и ал-Хусейна (убит в 680 г.) находятся в Ираке — в городах Неджефе и Кербеле, и являются главными святынями шиитов на Ближнем Востоке. Мазари-Шариф в Афганистане — типичный, классический машад⁹⁶.

Култ Али и его сыновей, имамов ал-Хасана и ал-Хусейна, был широко распространен и по всей Средней Азии. Почитаемые фиктивные могилы (машады) ал-Хасана и ал-Хусейна имеются в Нуратинском районе Навоийской области Узбекистана (около Бухары). С именем Али связан Шахимардан в Ферганской области⁹⁷, мазар в окрестностях Хивы⁹⁸.

Другой крупный машад сложился в Иране, в городе Мешхед. Само название города связано с «машадам» восьмого шиитского имама ар-Резы, мученически погибшего (был отравлен) в IX в. около деревни Санабад. Близ села Санабад с реальной могилой мученика вырос г. Мешхед, впервые упомянутый в X в. Позже, в XV в. во времена правления Шахруха, по инициативе просвещенной его жены Гаухаршад в Мешхеде в память ар-Резы была построена гробница, вокруг которой разросся огромный культовый комплекс с мечетью, несколькими медресе, каравансараем, базаром. На протяжении многих веков комплекс ар-Резы является главной святыней мусульман-шиитов Ирана. Сюжеты, связанные с халифом Али и имамом ар-Резой, показывают, что машады возникали не только на местах гибели шахидов за веру, мучениками считались и погибшие в борьбе за власть.

Многочисленные мавзолеи (куба — в местной транскрипции) были

воздвигнуты в честь известного в исламе основателя суфийского ордена (тарики) Кадирийя — Абд ал-Кадири Джилани (в народе Гилани), они распространены по всему мусульманскому Востоку от Алжира до Индии и Индонезии, хотя реальная могила ал-Кадири находится в Багдаде⁹⁹. Почитание фиктивных могил Гилани распространено в странах ислама благодаря разветвленной деятельности дервишского ордена Кадирийя. Легенды о нем проникли в самые отдаленные области мусульманского мира.

Часть машадов в Средней Азии безымянна, и историческую основу культа в наше время установить невозможно. Ярким примером неверной атрибуции служит крупный культовый комплекс — мавзолей-ханака Ходжа Машад на юге Таджикистана. Памятник возник в XII в. и функционировал до начала XVI в., как показали археологические исследования¹⁰⁰. Односторонний взгляд, без учета всего комплекса данных, привел автора монографии по Ходжа Машаду к грубой ошибке в определении функции памятника как медресе¹⁰¹. Атрибуции Ходжа Машада как медресе противоречит, в первую очередь, географическое положение и стратиграфия памятника¹⁰². Ходжа Машад стоит на материке (данные моих раскопок в 60-е годы XX в.), на проселочной дороге примерно в 100 км от какого-либо города (Термез, Кабадиан, Балх), в то время как медресе в средние века возникали в крупных городах (Бухара, Самарканд, Нишапур, Багдад, Газна, Мосул и др.), где

⁹⁶ О Мазаре-Шариф см.: Бартольд В.В. Сочинения. Т. III. Москва, 1965. С. 473; Додхудоева Л. Култ святых... . 2008. С. 37.

⁹⁷ Абашин С.А. Шахимардан // Ислам на территории бывшей Российской Империи. Энциклопедический словарь. Вып. 2. Москва, 1999. С. 109—111.

⁹⁸ Снесарев Г.П. Хорезмийские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии. Москва, 1983. С. 55.

⁹⁹ Гольдциер И. Култ святых в исламе. 1938. С. 112.

¹⁰⁰ Немцева Н.Б. Раскопки архитектурного комплекса Ходжа Машад в Саяте на юге Таджикистана // Советская археология. Москва, 1969. № 3. С. 171—185.

¹⁰¹ Хмельницкий С. Ходжа Машад. 2001. С. 153 и сл.

¹⁰² Атрибуция памятника как медресе, равно как и строительная периодизация и датировка (С. Хмельницкий. Ходжа Машад, 2001. С. 159—171) противоречит данным археологических исследований. Памятник построен в XII в. единовременно (см.: Немцева Н.Б. Многофункциональный мемориально-культовый комплекс Ходжа Машад на юге Таджикистана // ОНУ. Ташкент, 1995. № 5, 6, 7, 8. С. 122—134).

уже сложились известные научные центры¹⁰³.

Действительная же функция Ходжа Машада, как и в большинстве других случаев, закодирована в его названии. Название Ходжа Машад, быть может, отражает давние, вполне реальные исторические события времен завоевания Средней Азии арабами в VII—VIII вв., — гибель за веру сподвижников Мухаммада — ходжей. В XII в. на месте этих событий в честь погибших за веру был установлен мемориально-культовый комплекс. Ходжа Машад — ярко выраженный сакральный комплекс, в котором предусмотрены все составные части, необходимые для совершения зиарата: михраб в западном мавзолее, чилляхана в пилоне южного портала, где паломники могли практиковать «халва», один из важных обрядов аскетизма и подвижничества в тасаввуфе (суфизме)¹⁰⁴, огромный двор с худжрами для паломников.

Очень выразительный машад существует в юго-западной части Туркмении. Он сложился на городище Мешхеда — Мисриан (средневековый Дахистан), где сохранились руины мечети, два минарета и несколько мавзолеев XI—XII вв., в том числе мечеть-мавзолей святого Машад-ата IX—X вв. (он же Шир-Кабир)¹⁰⁵. Может быть, название Мешхеда-Мисриан несет следы значительно более давних исторических событий — гибель за веру времен завоевательных походов арабов в VII — начале VIII в.?

Большой интерес представляют руины медресе Шахи-Машад XII в. (1165 г.), расположенного в северо-западной части Афганистана (верховья Мургаба). Памятник полностью не изучен, топография и стра-

тиграфия места, где он расположен, неизвестна. Остатки мечети и фортификации, упомянутые в первой публикации, говорят об укрепленном городке или селении периода Гуридов в этой части Северного Хорасана. Для окончательных суждений памятник нуждается в археологическом изучении.

На территории мусульманского Востока распространено также сакральное в христианской и мусульманской мифологии понятие «кырк» (сорок), связанное с гибелью сорока святых воинов-мучеников за веру (существуют и другие сакральные цифры¹⁰⁶). На Северном Кавказе (Дербент) до сих пор почитается Кырхляр — место захоронения сорока «мучеников за веру». Это одно из древнейших почитаемых мусульманами кладбищ Кавказа по местным хроникам и преданиям («Дарбанд-наме») связывается с арабским завоеванием VII в., гибелью за веру арабских мучеников во главе с Салманом ибн Раби'а¹⁰⁷, что кажется вполне вероятным.

Около машадов, как и у других сакральных мест, возникали кладбища, складывался выработанный в исламе поминальный обряд — зиарат, совершались жертвоприношения. У наиболее почитаемых святых от имени правителей и духовенства выстраивались ханаки для паломников, караван-сарай, действовали медресе, складывались крупные некрополи с богатыми гробницами (сакральный центр имама ар-Резы в Мешхеде, Джалаледдина Руми в Конье, ханака-мавзолей Ходжи Ахмада Ясави в Туркестане и др.).

«Машад Кусама» в Самарканде — один из наиболее ранних и крупных религиозно-культовых центров Средней Азии, значение которого в жизни мусульманского общества не иссякает с XI в. до сего дня.

¹⁰³ Немцева Н.Б. Истоки медресе Средней Азии (краткий обзор) // Роль города Самарканда в истории мирового культурного развития (материалы международного научного симпозиума, посвященного 2750-летию юбилею города Самарканда). Ташкент-Самарканд, 2007. С. 235 — 240.

¹⁰⁴ Кныш А.Д. Мусульманский мистицизм. Санкт-Петербург — Москва, 2004. С. 365.

¹⁰⁵ Демидов С. Машад-ата // Ислам на территории бывшей Российской Империи. Энциклопедический словарь. Вып. 4. Москва, 2003. С. 47 — 48.

¹⁰⁶ Гольдциер И. Культ святых в исламе. 1938. С. 114 — 116.

¹⁰⁷ Аликберов А.К. Кырхляр // Ислам на территории бывшей Российской Империи. Энциклопедический словарь. Вып. 3. Москва, 2001. С. 62 — 63.

«Машад Кусама»

«Машад Кусама» документирован письменными источниками (вакф XI в., сведения средневековых авторов) и к настоящему времени хорошо изучен археологически.

Мемориально-поминальный комплекс был основан в XI в. на юге Самарканда. Он связан, как сказано ранее, с мнимой могилой Кусама ибн Аббаса, погибшего за веру в конце VII века при первых попытках арабов завоевать город.

Венгерский востоковед И. Гольдциер, изучавший в конце XIX века машады в долине Нила, сообщает легенду, по которой место для возведения машада должно было присниться шейху во сне¹⁰⁸. Для «машада Кусама» местными шейхами было выбрано удобное для зиарата (обряд поклонения святыням) место на юге города близ крепостной стены. «Машад» был установлен на перекрестке канала и мощенной камнем улицы, выявленных археологически, на площади Малики-Хатун в жилой части города. На первом этапе культовые постройки сосуществовали с жилыми и общественными зданиями (торговый тим и жилой дом Малики-Хатун, ханака, усадьбы других жителей), указанными в вакфе XI в.

Действительное захоронение Кусама ибн Аббаса в VII в. было совершено на первом кладбище арабов Бану Нахийя, как сообщает «Малая Кандия»¹⁰⁹. Смутные данные источника позволяют предполагать, что это кладбище располагалось поблизости от южных Кешских (Железных) ворот города, между современными комплексом Шахи-Зинда и мечетью Хазрети-Хызр. Там же находилась и самая ранняя в Самарканде мусульманская мечеть с катакомбой (чилляханой?) Мухаммада ибн Васы, где хранились исламские знамена. Позже, при возведении «машада Кусама», ислам-

ские знамена, видимо, были перенесены в гробницу Кусама и находились там вместе с другими священными реликвиями вплоть до середины XX в. (упомянуты путешественниками XIX в.), их можно было видеть в тугхане еще в начале 50-х годов XX в.

Во времена составления «Малой Кандии» в XII в. место расположения кладбища Бану Нахийя на юге города было хорошо известно, судя по детальному описанию зиарата от Железных ворот к гробнице Кусама. В наше время существующее вокруг комплекса Шахи-Зинда мусульманское кладбище стерло все признаки топографии и не оставило следов его древней основы. Но независимо от точной локализации понятно, что кладбище Бану Нахийя было юго-западнее ансамбля близ южных ворот города.

К XI в., когда начался активный процесс возведения памятных мемориалов у почитаемых могил по всему мусульманскому Востоку, могила Кусама ибн Аббаса, надо полагать, уже не отвечала масштабам сложившегося зиарата и требованиям времени. Известно, что могилы первых мусульман на раннем этапе ничем не отмечались. Это мог быть земляной холм с шестом в головах, и чем больше (по поверию) холм стирался, тем большую святость приобретала могила.

Однако имя именитого родством с Пророком шахида не кануло в веках. В начале XI века духовенством на юге Самарканда, столицы Западного тюркского каганата, был создан мемориально-поминальный комплекс для важной в истории ислама персоны.

Исследования в гурхане комплекса Кусама ибн Аббаса подтвердили сведения вакфа 1066 г. о возведении в Самарканде именно «машада Кусама», где нет ни могилы VII в., ни следов раннеарабского кладбища. Перезахоронение останков в исламе рассматривалось как преступление, достойное самой страшной кары Аллаха¹¹⁰.

¹⁰⁸ Гольдциер И. Культ святых в исламе. 1938. С. 109.

¹⁰⁹ Малая Кандия. 1906. С. 260–262.

¹¹⁰ Гольдциер И. Культ святых в исламе. 1938. С. 51.

Архитектура «машада Кусама»

Комплекс Кусама ибн Аббаса («машад Кусама») — несколько изолированная в планировочном отношении компактная группа помещений, слитых в единый целостный объем, расположена в северо-восточной части ансамбля Шахи-Зинда (фото 62, 63). В XI—XII вв. это была открытая со всех сторон группа взаимосвязанных помещений (гробница Кусама ибн Аббаса из гурханы и зиаратханы, мечеть, минарет и полуподземная чилляхана), которую можно было обойти вокруг семь раз (сакральная цифра семь — семь небес по Корану), как сообщает «Малая Кандия»¹¹¹. Выполнялся традиционный, доисламский в основе обряд поклонения святым местам (таваф).

Внешний вид комплекса Кусама XI в., как и сейчас, ничем особенно не примечателен. Здесь нет архитектурно разработанных фасадов, порталных входов, следов внешнего декора. Сложный конгломерат нарастающих к центру разномасштабных объемов и куполов со следами перестроек и ремонтов выдержан в однородной серовато-желтой фактуре жженого кирпича.

Аскетизм внешнего облика «машада Кусама» особенно диссонировал на фоне богато убранных гробниц караханидского некрополя и блестящих мавзолеев ансамбля XIV—XV вв. с голубыми куполами и монументальными порталами, покрытых полихромной глазурованной майоликой и мозаикой. Тем не менее, общий внешний и внутренний облик этой группы чрезвычайно выразителен, обаяние старины и таинства ощущается на каждом шагу пути следования по святыне.

Сейчас попасть в комплекс Кусама можно единственным путем — через восточную арку третьей сени — чартак середины XIV в., который связал в единый планировочный узел древнюю святыню и ансамбль мавзолеев эпохи Амира Темура.

Комплекс Кусама — самый сложный объемно-планировочный узел в комплексе Шахи-Зинда, разбираться в котором пришлось на протяжении многих лет в процессе реставрации и исследований во второй половине XX в. Главная святыня Самарканда на протяжении веков была предметом внимания правителей города и духовенства, много раз перестраивалась, внешние стены укреплялись «рубашкой», менялись перекрытия, обновлялись интерьеры. И тем не менее, в ходе исследований удалось получить общие представления о первоначальном облике «машада». Данные о перестройках, изначальной объемно-планировочной структуре корректировались в ходе работ на протяжении многих лет, в публикациях появлялись и исчезали гипотезы, которые не нашли дальнейшего подтверждения¹¹². Это был трудный и увлекательный путь поиска.

«Машад» был установлен на берегу канала фасадом на север, в сторону шахристана. О канале говорят археологические (выявлены в 60-е годы XX в., как указывалось) и письменные данные (вакф XI в.). О канале в XIV в. сообщает также марокканский шейх Ибн Баттута, проделавший беспрецедентное путешествие от Танжера (Марокко) до Индии и посетивший гробницу Кусама в 30-е годы XIV в. Текст гласит: «...за Самаркандом находится могила Кусама ибн ал-Аббаса. Снаружи гробницы Кусама **течет большой арык** (выделено мной), по обоим берегам его растут деревья, виноградная лоза и жасмин, там же находится завия для паломников» (по В.В. Бартольд) ¹¹³. Жители города, сообщает Баттута, посещают могилу каждый вечер в понедельник и пятницу, татары тоже приходят сюда, дают огромные пожертвования, приводят коров и баранов, приносят дирхемы и динары; все это расходуется

¹¹² Наиболее путанные и неверные представления о комплексе Кусама ибн Аббаса можно видеть в статье: Филимонов В.М. Новые данные... . 1970. С. 220 и сл.

¹¹³ Имеется разночтение в переводе — «по берегам арыка жилища для путешествующих» см.: Путешествия Ибн Баттуты. 1996. С. 278.

¹¹¹ Малая Кандия. 1906. С. 262.

для угощения паломников и содержания служителей завии и благословенной могилы. «Татары еще в то время, когда были язычниками, ничего не изменили в этой святой гробнице и даже стали почитать ее, будучи свидетелями ее чудес»¹¹⁴.

Сведения Ибн Баттуты о гробнице Кусама, ее значении в XIV в., жертвоприношениях и действовавшем в XIV в. канале дополняют археологические и более ранние письменные сведения. Вырисовывается вполне реальная картина жизнедеятельности гробницы Кусама в средние века.

Объемно-планировочная структура «машада Кусама» включает группу ритуально-культовых помещений, детерминированных функцией. Это уникальный архитектурный комплекс с двухъярусным пространственным решением. Компактное двухэтажное (с перепадом в 2,5 м) строение включает гробницу «царевича Кусама» (гурхана+зиаратхана) в верхнем ярусе, чилляхану, мечеть и минарет — в нижнем. Нужно отметить, что гурхана никогда не была отдельно стоящим мавзолеем, как не очень внятно, но все же следует из первой монографии по комплексу Шахи-Зинда (раздел, написанный Ю.З. Шваб). Археологические исследования показали конструктивную связь всех смежных помещений комплекса и единовременность их строительства.

Идеологической доминантой во все времена, как и сейчас, была двухкамерная гробница Кусама ибн Аббаса — небольшая гурхана и примыкающая к ней с севера более крупная зиаратхана, сохранившиеся в основе с XI в. Это один из ранних примеров двухкамерного мавзолея, где еще нет четкой симметрии и единой планировочной оси, как в мавзолеях XIV—XV вв. (Сайф ад-Дина Бохарзи в Бухаре, «Матери султана» в Шахи-Зинда и др.), но уже четко выражены две функционально разные составные — погребальное и поминальное помещения, детерминирован-

ные сложившимся в исламе заупокойным ритуалом.

С севера к зиаратхане примыкала мечеть, связанная с ней общей стеной, где сохранились резные деревянные конструкции от плоского перекрытия. Это еще один неоспоримый факт единовременности возведения всего мемориала. У северо-западной части мечети находился минарет, сохранившийся до сего дня на полную высоту. Под зиаратханой располагалась конструктивно связанная с ней полуподземная чилляхана (хелветхана) для сорокадневных бдений и поста. Как и сейчас, с северо-восточной стороны «машад Кусама», видимо, был обведен коленчатым галереей-коридором, остатки которого обнаружены при земляных работах в 90-е годы XX в.¹¹⁵ Весь этот сложный конгломерат после многих мелких и крупных ремонтов и переделок существует в наши дни.

Архитектурно-планировочное решение «машада Кусама» уникально. Мне не известен другой пример такого столь идеально продуманного мемориала на мусульманском Востоке. Самаркандскому сакральному центру аналогов нет. Сочетание наземных и полуподземных помещений, слитых в единый архитектурно-планировочный объем, как и полный состав ритуальных помещений, определялось, видимо, важностью «машада Кусама», созданного в честь именитого шахида.

Несомненно также, что к XI в. в Мавераннахре сложился оптимально продуманный архитектурный тип мемориала (хотя и не повторенный более нигде в известных памятниках) с полным составом культовых помещений, необходимых для поминальной службы. Состав помещений «машада Кусама», куда входила чилляха-

¹¹⁴ Путешествия Ибн Баттуты. 1996. С. 278.

¹¹⁵ В начале 90-х годов в связи с ремонтом был вскрыт северо-восточный угол обводного коридора, который показал, что существующая стена коридора стоит на более ранней стене из караханидского кирпича в ганчевой штукатурке (сохранилась на высоту до 2 м). Основание стены находится на одном уровне с первой мечетью. Это показывает, что уже в XI—XII вв. северный фасад комплекса, как и сейчас, был обведен какой-то стеной (коридором?).

на для отправления «халва» — главного обряда суфизма, показывает, что самаркандский мемориал отвечал сложившимся в исламе требованиям мистико-аскетического течения суфизма, широкой волной охватившего страны ислама к XI в.

«Машад» был выстроен по проекту зодчего единовременно, о чем свидетельствуют конструктивно-планировочная связь всех помещений, перевязка всех смежных стен в местах стыков, один материал из прямоугольного жженого кирпича (28—30×16—18×3—4 см) на глиняном растворе и строительные приемы. Стены всех помещений пронизаны поперечной и продольной деревянной арматурой — характерный инженерный прием для комплекса Шахи-Зинда домонгольского времени. Основания гурханы и мечети подстилает деревянная опалубка.

В наше время, как уже говорилось, попасть в комплекс Кусам ибн Аббаса («машад Кусам» для XI в.) можно только через третий чартак. Восточная арка чартака, откуда начинается путь в комплекс Кусам ибн Аббаса, в начале XV в. (1405 г.) была перекрыта тяжелой двустворчатой дверью из карагача. Тонкая двухплановая резьба, инкрустированная когда-то слоновой костью, сплошь покрывает оба ее полотнища (фото 64).

Надпись на правой створке гласит: «Двери рая, открытые для народа», на левой: «Работа Сейида Юсуфа Ширази», внизу дата изготовления двери — 807 г. хиджры (1404/1405). Над дверью можно увидеть полихромное мозаичное панно с надписью: «Сказал Пророк арабский, хашимитский, корейшитский, мекканский, мединский. Привет ему: — Ал-Кусам ибн ал-Аббас больше всех людей похож на меня внешностью и характером».

Минарет XI в. Справа у входа в темный обводной коридор комплекса Кусам можно видеть основание минарета XI в. (башня для созыва мусульман на молитву), вскрытого В.М. Филимоновым под поздними кладками в 1961 г. Это единственное со-

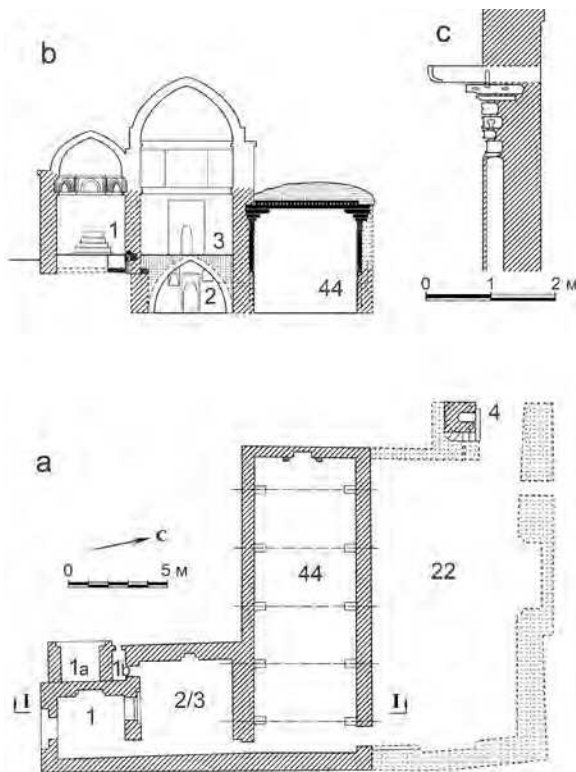


Рис. 12. Машад Кусам, XI в.

a - план, *b* - разрез I - I, *c* - деревянная конструкция кровли мечети XI в.

1. Гурхана; 1a. Поминальная ниша; 1б. Вход в чилляхану XI-XV вв.; 2. Чилляхана; 3. Зияратхана; 4. Минарет; 44. Мечеть XI в.; 22. Помещение XI-XII вв. (реконструкция Н. Немцевой, графика Р. Тохтаева)

Fig. 12. Mashad Kusam, the 11th century. *a* - plan, *b* - cross-section I - I, *c* - wooden roof construction of the mosque, the 11th century, 1. Gur-khana; 1a. memorial niche, 1b. entrance to chillya-khana, the 11th - 15th centuries, 2. Chillya-khana, 3. Ziyarat-khana, 4. Minaret, 44. Mosque, the 11th century, 22. Room of the 11th - 12th centuries (Reconstruction by Nemtseva N., drawing by R. Tokhtaeva)

оружие, сохранившееся целиком в комплексе и Самарканде вообще с домонгольских времен (рис. 15—17).

Ствол минарета, вмурованный в стены поздних помещений, вновь возникает над куполами и сводами комплекса Кусам в виде круглой арочной ротонды, восстановленной в советское время.

В XI—XII вв. минарет доминировал над «машадам Кусам» и был самой его высо-

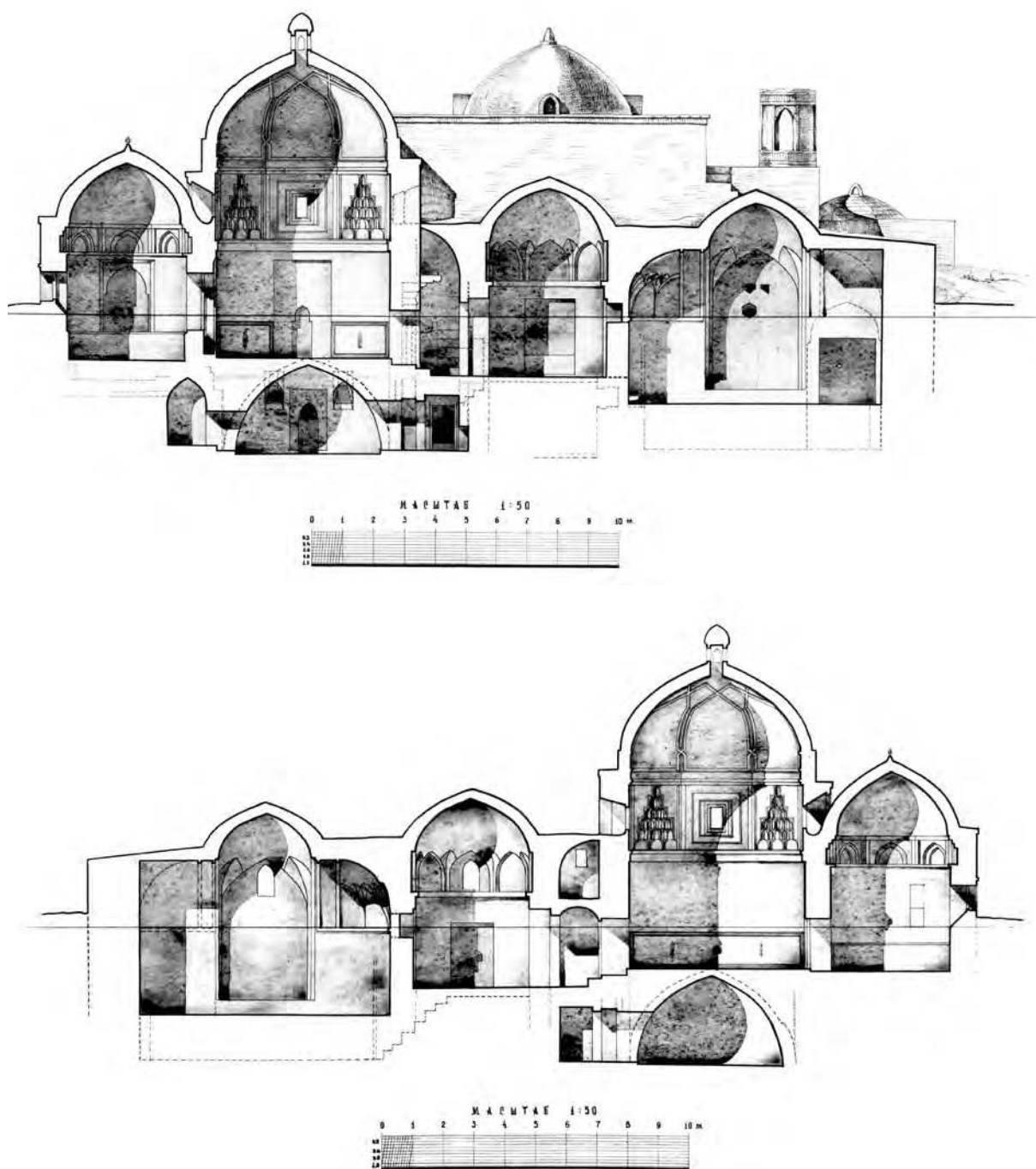


Рис. 13. Комплекс Кусамы ибн Аббаса, XV – XVI вв.: разрез по оси север-юг (по Ю.З. Шваб)

Fig. 13. Kusam ibn Abbas complex, the 15th – 16th centuries. Cross-section along N-S axis (according to Yu.Z. Shvab)

кой точкой. В настоящее время он затерялся среди куполов и сводов разных времен и его можно увидеть, только обойдя комплекс Кусам с востока.

Цилиндрический ствол минарета диаметром 1,7 м установлен на четырехгранную призму-цоколь высотой 2,2 м, шириной 1,7 м. Внутри минарета имеется винтовая лестница, которая маршем в 55 см ведет на верхнюю площадку фонаря-ротонды, откуда муэдзин созывал верующих на молитву. Ствол минарета облицован типичной для XI–XII вв. парной кладкой из шлифованного кирпича в сочетании с фигурными изразцами — «бантиками».

Призма-цоколь весьма оригинальна. Северную его грань прорезает глубокая (1 м) овальная в плане глухая ниша, стрельчатая форма наружной арки и декоративное убранство которой имитируют порталный вход. Прямоугольник цоколя и архивольт арки обведены рельефным округлым жгутом с переплетами, типичным для декора архитектуры Средней Азии XI–XII вв. Тимпан арки над глухой нишей заполнен узором из терракотовых «бантиков» в сочетании с резным ганчем, от которого остались лишь следы.

Северная декорированная лицевая сторона цоколя минарета свидетельствует об ориентации минарета и всего главного фасада «машада Кусам» на север, к мечети Самарканда.

Ствол минарета по вертикали с юга был прорезан небольшими световыми окнами (40×60–70 см). Несомненно, минарет конструктивно был связан с первой мечетью «машада», о чем говорит наружная лестница слева у минарета в 2,5 м, по которой можно подняться к внутренней винтовой лестнице. Минарет, расположенный в 4-х метрах от северо-западного угла мечети XI в. (вскрыта под большой мечетью), возможно, был связан с ней перекидным мостом, как минарет Калян в Бухаре. Сейчас этот участок застроен более поздними стенами и недоступен для исследований.

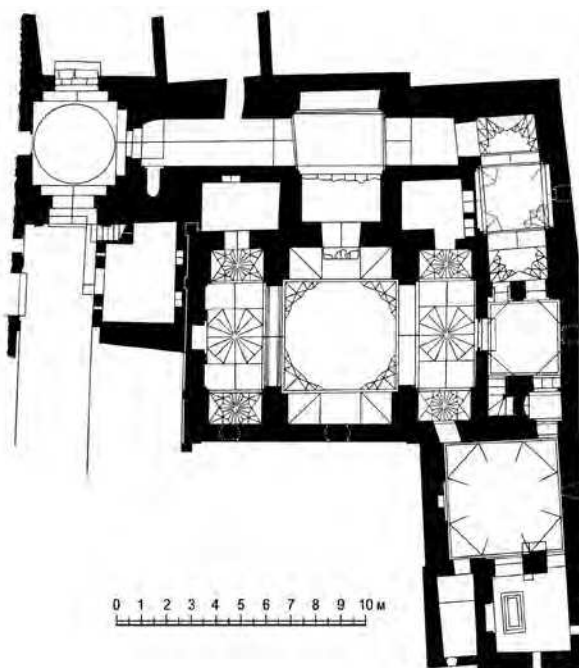


Рис. 14. План комплекса Кусам ибн Аббаса в XV–XVI вв. (по Ю.З. Шваб)

Fig. 14. Building plan of Kusam ibn Abbas complex, the 15th – 16th centuries (according to Yu.Z. Shvab)

Минарет из комплекса Шахи-Зинда — самый небольшой из известных в Средней Азии. Цилиндрический ствол минарета несколько своеобразен среди сооружений такого рода, находит лишь немногие аналоги среди ранних минаретов региона. Единственный пример цилиндрической формы на прямоугольном базисе — минарет мечети Чор-Сутун 1032 г. в средневековом Термезе¹¹⁶, на Среднем Востоке такую же форму имел минарет 1110 г. в Савэ¹¹⁷.

Мечеть XV в. (фото 65, 66). Следуя далее по крытому коридору и поднявшись на две высокие каменные ступени, мы попадаем в одно из поздних и самых крупных помещений комплекса Кусам — большую трехчастную мечеть середины XV в., выстроенную на остатках стен мечети XI в.

¹¹⁶ Засыпкин Б.Н. Архитектура Средней Азии. Москва, 1948. С. 19–22.

¹¹⁷ Pope A. Architectural ornaments, Survey of Persian Art. T. 11, V. London-New-York, 1939. P. 358.

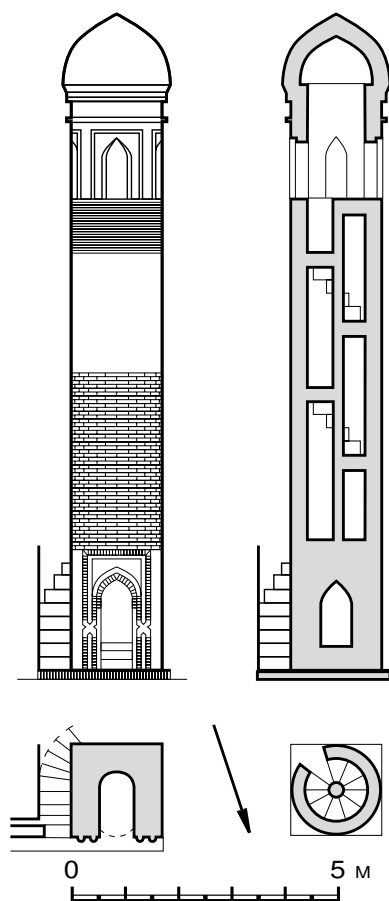


Рис. 15. Реконструкция минарета XI в.:
a - фасад, b - план в цокольном сечении,
c - разрез, d - сечение по стволу (по Ю.З. Шваб)

Fig. 15. Reconstruction of a minaret, the 11th century.
a - facade, b - plan at the ground level, c - cross-section, d - sectional view of a trunk (according to Yu.Z. Shvab)

Прямоугольный план мечети XV в. (внутри 12,6×8,5 м) вытянут по оси восток-запад, разбит мощными пилонами, которые на подпружных арках несут купола и своды и делят мечеть на три неравные части (**рис. 18, 19**). Общие внешние параметры мечети (14,5×13,5 м), включающие двухэтажные худжры по сторонам северного центрального входа, имеют подквадратный план.

Центральную часть мечети перекрывал стройный купол (высота от пола до замка 10,75 м), основанный на подпружных арках и сетке щитовидных парусов. Боковые,

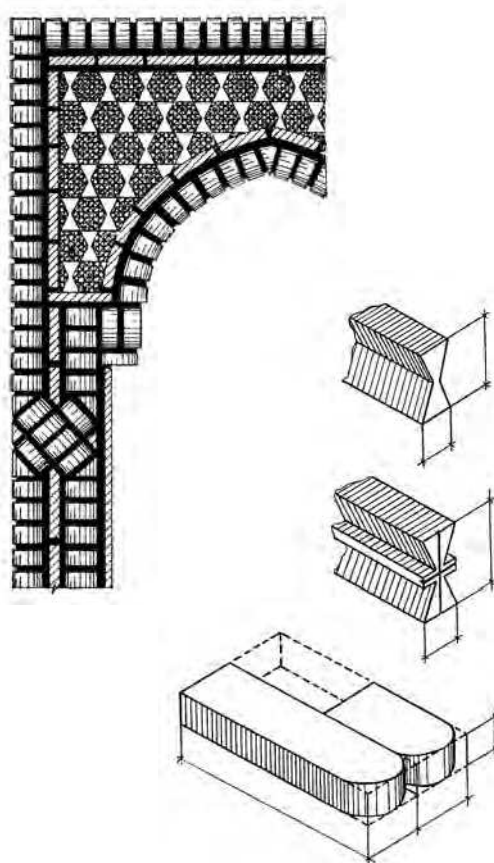


Рис. 16. Детали кирпичного декора минарета XI в.
(по Ю.З. Шваб)

Рис. 16. Details of brick décor of a minaret, the 11th century (according to Yu.Z. Shvab)

более низкие части мечети (высота 7,5 м), перекрывают малые купола и своды.

В основании легкого просторного интерьера мечети в белом ганче проходит полихромная мозаичная панель крупного звездчатого рисунка в сине-белой гамме, состоящая из отдельных панно. Панно обведены по периметру мозаичным бордюром с растительным побегом кош-ислими в типичной для мозаики XV в. белой и сине-зеленой гамме.

Наиболее эффектен сводчатый михраб в западной стене. Прямоугольная рама мозаичного михраба сплошь заткана тон-

чайшим растительным и эпиграфическим орнаментом, куда вплетены тексты из Корана и хадисы¹¹⁸. Цветовая палитра с преобладанием яркого чистого кобальта и белых арабесок производит впечатление свежести и новизны.

Все стены мечети, в том числе кыбловая, как установлено, первоначально были прорезаны дверными проемами, часть которых позже была заложена. Это открытие было сделано во время ремонта 1996 г. Два проема (2×1 м) по сторонам михраба выходили в коридор ансамбля. Два других, в южной стене, выходили на кладбище. Косой проем в юго-восточном углу мечети, пробитый в XV в., ведет в зиаратхану. Восточный проем на продольной оси выходил в мионхану, два северных — в упомянутые боковые худжры. Самый широкий северный проем на поперечной оси фиксирует главный вход в мечеть (рис. 19).

Выявленные в 1996 г. проемы по сторонам михраба явились для меня полной неожиданностью. Что это? Строительный прием, служебные проходы на время стройки? Изменение проекта в процессе работ? Или первоначальная объемно-планировочная композиция мечети?

Все проемы перекрыты сверху деревянными перемычками из резных балок от мечети XI в. и производят впечатление заранее спланированных. Это дает основание рассматривать планировочную композицию мечети XV в. из Шахи-Зинда не как замкнутое трехчастное пространство, каким она выглядит сейчас, после заложения всех проемов, а как мечеть со сквозными входами во всех стенах, в том числе кыбловой.

Не исключено, что проемы в стенах мечети на первом этапе были действующими и фиксируют первоначальный план здания. Генезис такой планировки восходит к ранним иранским и северо-хорасанским мечетям IX—XII вв. со сквозными проемами по трем, в ряде случаев четверем сто-



Рис. 17. Основание минарета XI в.

Fig. 17. The base of a minaret, the 11th century

ронам мечети, в том числе — михрабной (мечети в Исфагане, Эрдистане, Казвине, Ну-Гумбад и др.). В Средней Азии такой прием (сквозные ниши по сторонам) представлен в мечети Чор-Сутун в старом Термезе, в мечети Шир-Кабир XI в. в Туркменистане (по версии С. Хмельницкого)¹¹⁹.

В.Л. Воронина, прослеживая эволюцию такого типа мечетей, связала этот планировочный прием с доисламской традицией — храмами огня типа чартак-киоск в зороастрийском наследии Ирана¹²⁰. При этом отметила, что мечеть типа чартак-киоск более характерна для западной архитектуры, в Средней Азии в XI—XII вв. преимущественно развивается дворово-айванный тип¹²¹.

¹¹⁸ Шишкин В.А. Надписи в ансамбле Шахи-Зинда // Зодчество Узбекистана. Вып. 2. Ташкент, 1970. С. 45.

¹¹⁹ Хмельницкий С.Г. Между арабами и тюрками. Рига, 1992. Рис. на стр. 88.

¹²⁰ Воронина В.Л. Архитектура Ирана // ВИА. Т. 8. Москва, 1969. С. 150—151. Рис. 5.

¹²¹ Там же.

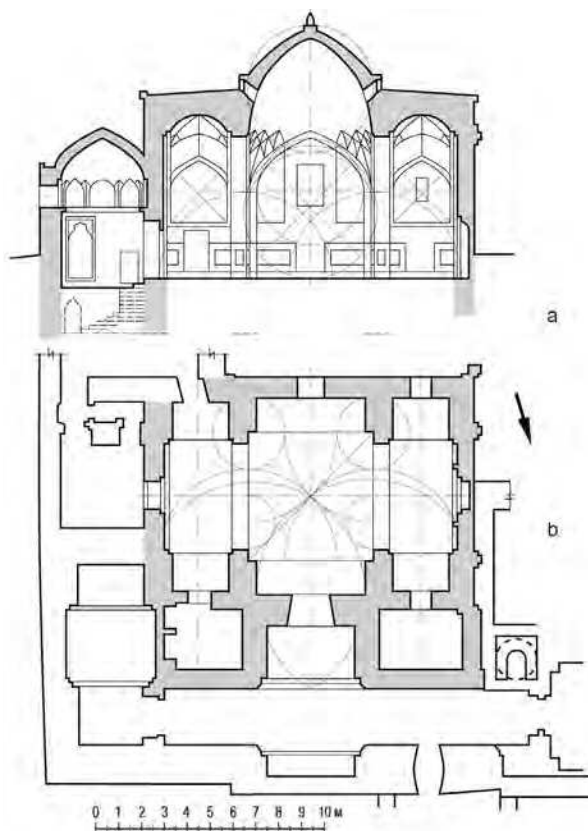


Рис. 18. Большая мечеть в комплексе Кусам ибн Аббаса, XV в.: а. разрез, б. план (по Ю.З. Шваб)

Fig. 18. Grand mosque in Kusam ibn Abbas complex, the 15th century: a-cross-section, b-plan (according to Yu.Z. Shvab)

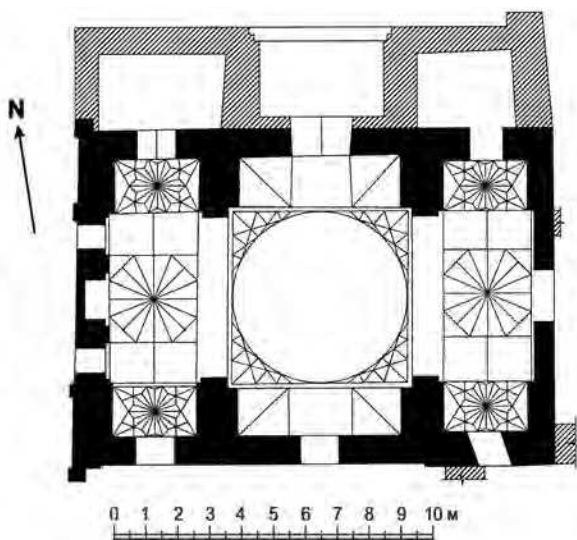


Рис. 19. Большая мечеть в комплексе Кусам ибн Аббаса, XV в. План по данным исследований

Fig. 19. Grand mosque in Kusam ibn Abbas complex, the 15th century, the plan according to the research data

Мечеть XV в. из комплекса Шахи-Зинда с проемами по всем сторонам — полная неожиданность. В то же время этот пример показывает, что процесс сложения и развития планировочных композиций мечетей на мусульманском Востоке был неоднозначен и оригинальные объемно-планировочные решения, истоки которых трудно уловить, возникали во все времена.

Мечеть XV в. из комплекса Шахи-Зинда не имеет прямых синхронных аналогов, но варианты планировки мечетей XV—XVI вв. со сквозными проемами в двух или трех сторонах помещения можно видеть в зиаратхане мавзолея Сайф ад-Дина Бохарзи XV в. (на центральных осях), в мечети-ханаке Ходжи Зайнулдина и мечети Баланд XVI в. в Бухаре. Пример сквозных проемов по сторонам михраба в кыбловый стене дает мечеть Анау XV в. в Южной Туркмении¹²², джума-мечеть XV в. в Йазде.

Кстати сказать, не только ранние мечети типа киоск, но и более поздние соборные мечети дворовой композиции с колоннадой по периметру имели по несколько входов в разных частях здания (мечеть на Афрасиабе IX—XII вв., мечеть Калян XV в. в Бухаре, большая мечеть VIII-X вв. в испанской Кордове и др.). Мусульманский храм был открыт и доступен со всех сторон!

Внешний вид мечети XV в. из комплекса Шахи-Зинда, вписанный в более раннюю планировочную структуру, ничем особенно не примечателен. Открытыми оставались только западный и часть южного фасада. Западный фасад, обращенный в коридор, был укреплен и одновременно декорирован четырьмя профилированными пилястрами. Две пилястры отмечали углы фасада, две другие расположены по сторонам михраба и проходов по его сторонам. Южный фасад, обращенный на кладбище, выполнен в гладкой черновой кладке.

¹²² Пугаченкова Г.А. Мечеть Анау. Ашхабад, 1959. Илл. 34, 36; Немцева Н.Б. О назначении мечети Анау // КЦ — 2002-2003. Санкт-Петербург, 2004. С. 223—224.

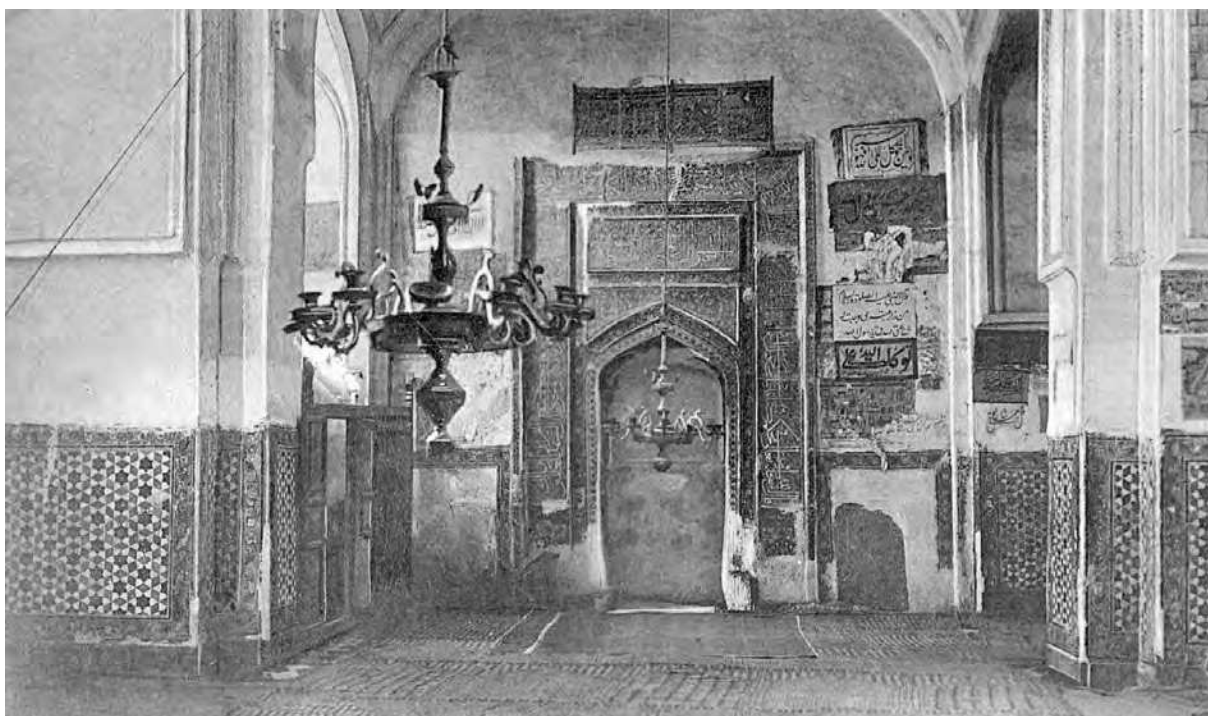


Рис. 20. Большая мечеть в комплексе Кусам ибн Аббаса, XV в. Интерьер. Фото начала XX в.

Fig. 20. Grand mosque in Kusam ibn Abbas complex, the 15th century. Interior. Photo, the early 20th century

Любопытны некоторые заметки путешественников о большой мечети, попавшие в русскую печать в начале XX века: перед михрабом мечети находилось «неизменное страусовое яйцо, сверху спускалась очень неказистая жестяная люстра», в северных худжах лежали тюфяки и одеяла старцев, карауливших святыню, там же было их небольшое хозяйство — медные узкогорлые кумганы и чайники. Муллы сидели, поджав ноги, в самой мечети, тихо покачиваясь и перебирая четки¹²³.

Мечеть XI в. (рис. 12 «44»). Остатки первой мечети «машада Кусам» XI в. вскрыты под большой мечетью XV в. Это одно из важных открытий в комплексе Шахи-Зинда, в результате которого было не только получено представление о полном составе культовых помещений «машада» XI в. и его изначальной планировочной композиции, но стало понятным назна-

чение резных деревянных конструкций (консоль, фриз), выявленных в 60-е годы XX в. на северной стене зиаратханы.

Мечеть XI в. находилась в одном уровне с чилляханой и минаретом, была вскрыта шурфами в 60-е годы XX в., но окончательная ее атрибуция произошла только во время моих исследований в конце 90-х, когда в западной стене помещения был обнаружен михраб.

Основание **михрабной ниши** шириной 88 см и глубиной 47 см сохранилось в черновой кладке на высоту 43–55 см. Этот главный атрибут мечети окончательно снял все сомнения относительно функции помещения. Судя по всему, михраб мечети, как и несущие конструкции (консоль, фриз), был когда-то отделан резным деревом, обломки которого найдены при раскопках и в перемычках дверей большой мечети XV в.

Стены мечети, покрытые многослойной ганчевой штукатуркой, сохранились на уровень 2,5 м под всей южной стеной мечети XV в. и на уровень 0,60–0,80 м с се-

¹²³ Марков Е. Памятники Самарканда // Азиатская Россия. Москва, 1903. С. 194.

верной стороны. Западная кыбловая стена сохранилась на 55–60 см. На участке, смежном с зиаратханой, южная стена мечети XI в. с деревянными конструкциями (консоль, фриз) сохранилась на полную высоту в 6 м. Это сняло все сомнения относительно первоначальной объемно-планировочной структуры всего комплекса.

Мечеть XI в. была вытянута с запада на восток, имела прямоугольный план (5,80×17–17,5 м), прочную структуру стен (толщина 65, 95 см), сложенных из прямоугольного кирпича (16–18×28–30×4 см) на глине. Стены армированы поперечными и продольными деревянными связями — по четыре балки в одном горизонте. В северной стене у восточного угла выявлен небольшой входной проем (ширина 1,5 м), рядом сквозная ниша-окно на уровне 1 м от пола. Все элементарно просто.

Мечеть имела плоское перекрытие, как показывают деревянные конструкции. Остатки конструкций от плоской кровли позволили вычислить параметры первой мечети «машада». Консоль и фриз от перекрытия мечети XI в. фиксируют высоту мечети, равную 6 м. Длина мечети из комплекса Шахи-Зинда (17–17,5 м), положение несущей консоли позволили просчитать «шаг» между опорами перекрытия, равный примерно 3,4–3,5 м. При таком «шаге» парных консолей в мечети, несущих перекрытие, могло быть пять или шесть (см. реконструкцию плана мечети).

Интерес представляют другие инженерные конструкции мечети. В основании стен шла деревянная обвязка из мощных бревен сечением 30×40 см, уложенных на три ряда кирпичной кладки, ниже которой шел плотный слой лессовых «заливок».

«Заливки» — известный с древности в Средней Азии строительный прием для устойчивости зданий, выстроенных на культурном слое, как в данном случае. Такие же «заливки» и обвязка прослежены в основании стен гурханы гробницы Кусамы и медресе Кусамийа XI в. из ансамбля Шахи-Зинда.

Мечеть XI в. за время своего существования много раз ремонтировалась, судя по многослойным ганчевым штукатуркам, функционировала вплоть до строительства на ее месте большой трехчастной мечети в XV в. Из мечети лестница в 6–9 ступеней вела к северо-восточному проему в зиаратхане (рис. 13, внизу).

Резные деревянные конструкции XI в.

Наибольший интерес для истории ансамбля Шахи-Зинда и самаркандской школы зодчих представляют сохранившиеся в комплексе Кусамы ибн Аббаса *in situ* деревянные конструкции, покрытые резьбой — выступающая консоль и горизонтальный фриз (архитрав) от плоского перекрытия мечети XI в. (рис. 21, 22, 23, 24). Эти деревянные конструкции — исключительно ценный памятник художественной резьбы по дереву начала XI века. Это одна из древнейших частей комплекса и единственное резное дерево, сохранившееся *in situ* в домонгольском Самарканде.

Резное дерево долгие годы было замуровано в небольшом помещении у северной стены зиаратханы, благодаря чему дошло до наших дней (вскрыто в 1961 г. В.М. Филимоновым).

Поначалу конструкции были неверно атрибутированы (приняты за внешнее убранство мечети, предполагаемой на месте зиаратханы), как и построенная на этой атрибуции фантастическая версия сложения первых построек святыни¹²⁴, ничего общего не имеющая с реальным комплексом Кусамы, основные стены которого с XI в. и функция помещений сохраняются неизменными по сей день.

Принадлежность и датировка резных деревянных частей определились после вскрытия остатков первой мечети XI в. Стало ясно, что консоль несла плоскую

¹²⁴ Филимонов В.М. Древнее резное дерево из комплекса Кусамы ибн Аббаса в ансамбле Шахи-Зинда // Искусство зодчих Узбекистана. Ташкент, 1962. С. 267 и сл.



Рис. 21. Резная деревянная консоль мечети XI в. в комплексе Кусам ибн Аббаса

Fig. 21. Carved wooden console of the mosque, the 11th century in Kusam ibn Abbas complex



Рис. 22. Резной деревянный фриз мечети XI в. в комплексе Кусам ибн Аббаса

Fig. 22. Carved wooden frieze of the mosque, the 11th century in Kusam ibn Abbas complex

кровлю, а резной фриз обрамлял верхнюю часть стен мечети.

Данные деревянные конструкции, кроме своей функциональной роли, определяющей характер перекрытия мечети XI в., важны и как самостоятельная художественная ценность.

Резьба по дереву в домонгольском Самарканде нигде более не представлена *in situ* и является важным документом для суждений об уровне этого вида искусства в Мавераннахре. Резное дерево из ансамбля Шахи-Зинда — практически единственный точно датированный всем комплексом материалов памятник первой половины XI в., который дает четкие критерии для оценки процессов развития резьбы по дереву не только самаркандской школы зодчих, но и всего верхнезеравшанского региона, где сосредоточено почти все средневековое резное дерево Средней Азии.

Деревянная консоль сечением 28×30 см выступает от стены на 87 см. Ее поддерживает подконсольный карниз, выступающий на 31 см от стены. Эту главную несущую часть конструкции оконтуривает триглиф (129×90 см) из четырех резных брусков, выступающий на 35 см. К консоли примыкает горизонтальный профилированный архитрав (фриз) из двух балок,



Рис. 23. Резная деревянная консоль и фриз XI в. в мечети комплекса Кусам ибн Аббаса. Фото 60-х гг. XX в.

Fig. 23. Carved wooden console and frieze, the 11th century in Kusam ibn Abbas complex. Photo of the 1960s

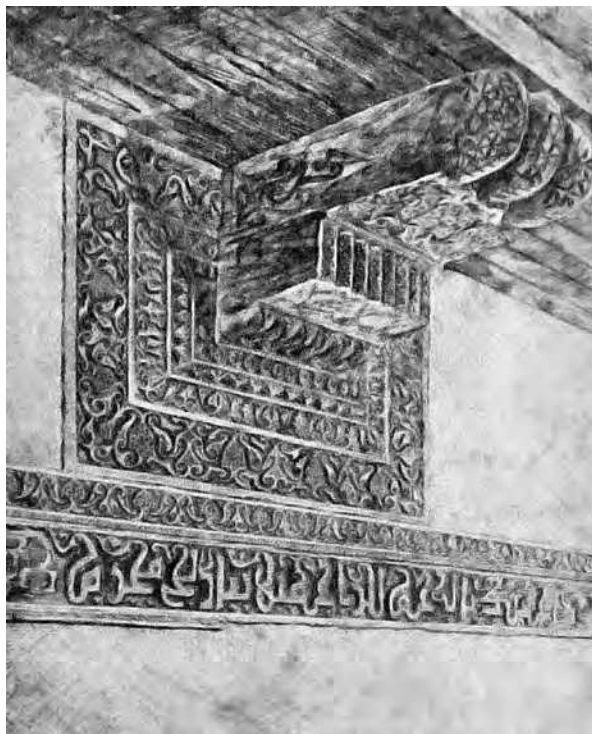


Рис. 24. Деревянные конструкции перекрытия мечети XI в. в комплексе Кусам ибн Аббаса (реконструкция В.М. Филимонова)

Fig. 24. Wooden roof construction of the mosque of the 11th century in Kusam ibn Abbas complex (reconstruction by V. Filimonov)

уцелевший на северной стене зиаратханы на длину 3,05 м¹²⁵.

Нижняя балка архитрава шириной 21 см покрыта эпиграфическим орнаментом в стиле «цветущего куфи» и содержит обрывок исторической надписи, верхняя, шириной 14 см, украшена ритмично повторяющимся стилизовanno-растительным орнаментом. Вся эта сложная деревянная конструкция опиралась на бревно диаметром 25–26 см, введенное в толщу кирпичной стены, и органически с ней связана.

Южная стена мечети с деревянными конструкциями являлась одновременно северной стеной зиаратханы и подтверждает датировку стен зиаратханы XI веком.

Это важное документальное свидетельство снимает все сомнения относительно степени сохранности помещений гробницы Кусам (гурхана + зиаратхана + чилляхана), уцелевших на полную высоту с XI в., — в них менялось только перекрытие.

Конструкции из ансамбля Шахи-Зинда покрыты великолепной, очень тонкой и выразительной художественной резьбой стилизовanno-растительного и эпиграфического характера. Нижняя балка архитрава содержит фрагмент исторической надписи, выполненной плоскими буквами в стиле «цветущего куфи»: «Да простит Аллах его, его родителей и всех мусульман. О милостивый из милостивых! В (месяце) мухарраме...»¹²⁶.

После вскрытия остатков первой мечети XI в. в комплексе Шахи-Зинда и определения места резного дерева в системе ее кровли время появления резного дерева не вызывает сомнений — это начало или первая половина XI в.

Верхняя балка архитрава шириной 14 см и найденные при раскопках балки фриза покрыты стилизовanno-растительным орнаментом с ритмичным узором, основу которого составляют «бутоны» на ножке, покрытые мелким «крапом», между которыми выются «виноградные усики». На балках, найденных при раскопках, рисунок с теми же составными элементами, но узор более насыщен «усиками», вместо «бутонов» появились фигуры в виде «вазонов», покрытых «крапом» (все эти определения условны, может быть, мастер исходил из других ассоциаций).

Стиль и характер орнаментальных деталей, как и общая композиция резного узора на архитраве из ансамбля Шахи-Зинда, находят почти прямые аналогии с резным деревом Верхнего Зеравшана, где сосредоточено почти все резное дерево Мавераннахра XI–XII вв., да по существу и всей Средней Азии. Это свидетельствует о принадлежности резного дерева из ком-

¹²⁵ Филимонов В.М. Древнее резное дерево... . 1962. С. 268–277.

¹²⁶ Шишкин В.А. Надписи... . 1970. С. 51–52.

плекса Шахи-Зинда к одной художественной школе мастеров-резчиков по дереву, которая сформировалась в этом по существу небольшом регионе домонгольской Средней Азии.

Всевозможные комбинации из «виноградных усиков» и составленных из них фигур, заполненных «крапом», можно видеть на резном дереве из селения Сангистан, на колоннах из Урметана и Обурдона, в бордюрах консолей из Чорку. Местами «усики» формируют откровенное ислими. Заполнение резервов или основного рисунка «крапом» — также широко распространенный прием, известный по поливной и штампованной керамике X-XIV вв., резному ганчу (порталы Магоки-Аттари, Рабат-и Малика). В XII в. «крап» можно видеть в резной терракоте из комплекса Шахи-Зинда. «Виноградные усики», «крап» и комбинации из них известны далеко за пределами Средней Азии — в резном ганче Нишапура¹²⁷, ближневосточной Самарры¹²⁸, и еще дальше — в Египте (резная доска в музее Каира¹²⁹). Прием был распространен по всему Среднему и Ближнему Востоку.

Наиболее выразительна консоль. Свободный конец ее завершен, как и большая часть синхронных консолей, стилизованным изображением головы животного. В.Л. Воронина считала, что все известные консоли Верхнего Зеравшана завершены зооморфным изображением (голова животного или птицы). Безусловно, В.Л. Воронина права, истоки волотообразных закрученных дисков в завершении консолей из Верхнего Зеравшана зооморфны и уходят корнями в местную символику глубокой древности. В доарабской Средней Азии фигурки барана с закрученными рогами хорошо известны по керамике первых веков н.э. так называемой «кауначинской культуры» в районах средней Сырдарьи.

Любопытно, что в начале 60-х годов я часто слышала от старожил, что в комплексе Кусамы ибн Аббаса замурована «голова барана». Поначалу я к этим рассказам отнеслась как к сказке, но после вскрытия деревянных резных конструкций с первого же взгляда на консоль поняла, как правдива оказалась народная молва. «Голова барана» так замурована в стены комплекса, и я была поражена, как точно в художественной резьбе был имитирован хорошо известный с глубокой древности символ благополучия. Внешний конец консоли (при взгляде снизу вверх) действительно был обработан в виде стилизованной головы барана — морда с низко свисающими ушами и глубоко посаженными кругами-глазами¹³⁰. Изображение предельно стилизовано, но узнаваемо. Поверхность «головы барана» со всех сторон обработана мелким геометрическим узором, что, на мой взгляд, имитирует курчавый шерстяной покров.

Б.А. Литвинский на широком материале Средней Азии, Кавказа и юга России проследил кангюйско-сарматский фарн (магический оберег), в большинстве случаев связанный со стилизованным изображением барана, который являлся символом благополучия, здоровья и счастья у кочевых и полукочевых народов Евразии¹³¹.

Культ барана как оберега и главного жертвенного животного в Средней Азии таджикские исследователи А.К. Писарчик, М.С. Андреев и И.И. Зарубин проследили по этнографическим данным вплоть до наших дней. Очень интересно описание магического обряда во время строительства дома в новое время: при закладке фундамента на месте закалывают барана, дальше при укладке двух первых балок перекрытия поднимают наверх барана, отрезают ему голову и покрывают кровью стены¹³².

¹²⁷ Wilkinson Ch. Nishapur. Some Early Islamic Buildings and Decoration. New-York, 1987. P. 235, 277.

¹²⁸ Herzfeld E. Der wandschmuck der Bauten von Samarra und seine ornamentik. Band I. Berlin, 1923. Abb. 54.

¹²⁹ Хмельницкий С.Г. Между арабами и тюрками. 1992. С. 305.

¹³⁰ Немцева Н.Б. Легенды и предания как исторический источник в изучении памятников зодчества Узбекистана // Археология и история Центральной Азии. Самарканд, 2004. С. 115–118.

¹³¹ Литвинский Б.А. Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968. С. 95–99.

¹³² Там же. С. 108.

Легенда о голове барана в святыне Шахи-Зинда, видимо, сложилась в то время, когда конструкции еще не были замурованы на северной стене зиаратханы, и очевидцы безошибочно угадали воплощенный в дереве замысел художника. Талантливый мастер почти 1000 лет тому назад в художественной резьбе зашифровал, а народный глаз уже в наше время распознал широко известный традиционный в Средней Азии символ благополучия и здоровья.

Деревянные конструкции от перекрытия мечети из комплекса Кусама ибн Аббаса находят многочисленные аналоги в интерьерах древней и средневековой архитектуры Средней Азии. Это обычная, в принципе, система плоского деревянного перекрытия.

Резная деревянная консоль из Шахи-Зинда по размерам (сечение, длина выноса) почти точно совпадает с резными консолями деревянного перекрытия мавзолея (поминальной мечети?) X—XII вв. из Чорку (Северный Таджикистан)¹³³. Совпадение неслучайно, это свидетельство твердо выработанных техническим расчетом и практикой определенных стандартов в средневековой деревянной архитектуре.

При раскопках мечети XI в. (под полами мечети XV в.) найден кирпичный бой, куски ганчевой штукатурки, большое количество соломы и камыша, куски не вполне истлевших камышовых циновок, отщепы резного дерева, которые хранились там 500 лет с XV в. Все это — составные части основанного на деревянных конструкциях плоского балочного перекрытия первой мечети «машада Кусама» XI в., разрушенной при возведении большой мечети в XV в.

Принцип устройства таких плоских перекрытий, при многочисленных вариантах, во все времена был один. На стены, иногда на стойки в стенах и выступающие консоли через определенный «шаг» укладывались горизонтальные несущие балки,

промежутки между которыми закладывались плоскими досками или круглыми брусками «васса». Выше всю эту деревянную систему перестилали соломенными циновками, камышом, засыпали землей (или гувальяками) и обмазывали глиносаманом. Система такой плоской кровли известна в Средней Азии с давних времен и существует по сей день в народном жилье.

Мавзолей «царевича Кусама»

Из большой мечети XV в. через косой проем в юго-восточном углу мы вступаем в главное святилище «машада Кусама» — зиаратхану и гурхану гробницы «царевича Кусама». Это и есть главная святыня комплекса Шахи-Зинда, существующая с XI в., описанная в XIV в. Ибн Баттутой, а еще раньше — автором «Малой Кандии». Именно сюда на протяжении почти тысячи лет совершается паломничество со всего мусульманского мира.

Мавзолей ал-Кусама (гурхана + зиаратхана) в «машаде» — один из ранних двухкамерных мемориалов Средней Азии, где еще нет строгой симметрии, единой центральной оси, как в памятниках XIV—XV вв., но уже четко представлены погребальное (гурхана) и поминальное (зиаратхана) помещения (рис. 25).

Входные проемы мавзолея идут вдоль стен по линии восточного фасада.

Гурхана — самое небольшое помещение «машада». Эта квадратно-купольная комната (3,67×3,36 м, высотой около 6,5 м внутри, с толщиной стен около 80 см) с нишами по сторонам, часть которых заложена.

Гурхана никогда не была отдельно стоящим помещением центрического типа, как следует из контекста книги по комплексу Шахи-Зинда (версия Ю.З. Шваб)¹³⁴. Она была выстроена одновременно с зиаратханой.

¹³³ Воронина В.Л. Резное дерево Чорку // Архитектурное наследство. Вып. 16. Москва, 1967. С. 175, 178.

¹³⁴ Немцева Н.Б., Шваб Ю.З. Ансамбль Шахи-Зинда. 1979. С. 96.

ратханой, чилляханой и мечетью XI в. и без особых изменений дошла до наших дней. Ремонты помещения касались главным образом отделки интерьера и перекладки перекрытия. Восточная стена снаружи в один из поздних ремонтов была укреплена кирпичной «рубашкой», в XIV в. заложены южная и западная ниши.

Как и все остальные помещения «машада», гурхана сложена из типичного для Самарканда XI–XII вв. прямоугольного жженого кирпича (16–18×29–30×4 см), перекрыта, видимо, в XIV в. небольшим одинарным куполком, который на протяжении последующих веков не раз перекладывался. Дошедший до нас купол гурханы был основан (в 1996 г. снова переложен) на архаичных перспективных арочных парусах, деформированных временем.

Полагаю, что первоначально все помещения «машада» XI в. (гурхана, зиаратхана и чилляхана), как и мечеть XI в., имели плоское перекрытие. Купола, видимо, появились при крупной реставрации святыни в 1334/35 г., незадолго до посещения святыни Ибн Баттутой.

Версия о первоначальном плоском перекрытии гурханы и других помещений «машада» основана на данных археолого-архитектурных исследований. В шурфе (заложен в северо-восточном углу гурханы в 60-е годы XX в.) под полом найдены ганчевая штукатурка, кирпичный бой, древесная щепка, большое количество камыша и гувалыков, которые могли быть только от плоской кровли гурханы.

В чилляхане также найдены явные следы первоначальной плоской кровли (шурф в юго-восточном углу зиаратханы), только в XIV в. там появился существующий до сего дня купол.

Одновременно в гурхане были заложены западная и южная ниши при установке керамической панели в XIV в. и поднят уровень пола примерно на 50 см¹³⁵.

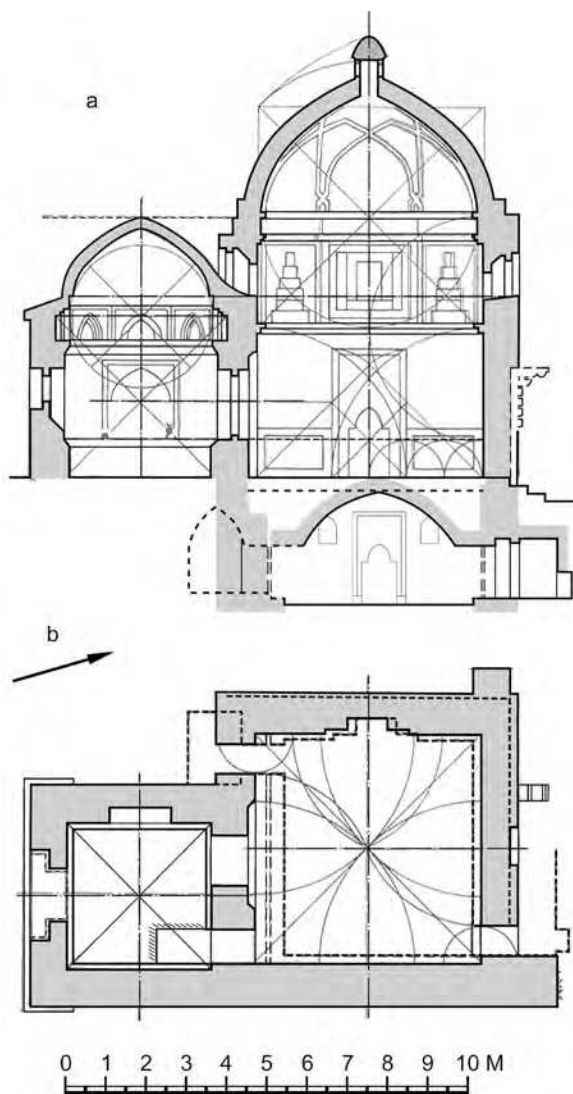


Рис. 25. Гурхана, зиаратхана и чилляхана мавзолея Кусам ибн Аббаса, XI–XIV вв. Разрез, план

Fig. 25. Gur-khana and ziyarat-khana of Kusam ibn Abbas mausoleum, the 11th – 14th centuries. Cross-section, plan

В северо-восточном углу гурханы находится небольшой (ширина около 1 м) служебный вход, который открывается в исключительных случаях для уважаемых гостей, уборки помещения, периодической смены кабрпушей (покрывала, ковры), покрывающих майоликовое надгробие. Это главное святилище комплекса Шахи-Зинда, как и сейчас, всегда было закрытым и самым почитаемым местом «машада».

¹³⁵ Немцева Н.Б. Ансамбль... . 1970. С. 129. Рис. 4.



Рис. 26. Деревянная решетка-панджара в зиаратхане мавзолея Кусамы ибн Аббаса. 80-е гг. XIV в. Фото 2010 г.

Fig. 26. Wooden lattice – pandjara in ziyarat-khana of Kusan ibn Abbas mausoleum, the 1380s. Photo, 2010

Северная стена гурханы, смежная с зиаратханой, почти на всю высоту прорезана широкой (1,4 м) смотровой нишей с деревянной решеткой-панджарой (рис. 26).

Представляют интерес **нижние конструкции** гурханы. Основание стен помещения, как и стены мечети XI в., подстилает деревянная опалубка, установленная на плотный слой лессовых заливок — прием, известный в строительном деле Средней Азии с глубокой древности. По всему периметру стен проложены мощные квадратные (40×40 см) в сечении балки, которые, в свою очередь, лежат на слое «залівок». Углы деревянной обвязки были укреплены

дополнительно диагональными брусками, подведенными под нее (вскрыты в 1996 г. при реставрации). Наружная поверхность деревянной обвязки при этом оказалась обугленной (на восточной и южной стене). Что это? Способ сохранения дерева от гниения? Или результат возжигания светильников у основания стен гробницы?

Деревянная обвязка в основаниях стен присуща не только каркасной архитектуре, но известна и в монументальном зодчестве Средней Азии; в частности, прослежена в мавзолеях Султан-Саодат XI—XII вв.¹³⁶, мавзолее-ханаке Мухаммада Бошаро XIV в.¹³⁷, в мечети-ханаке Анау XV в. Этот известный в строительной практике Средней Азии прием считается антисейсмическим, способным противостоять проникновению влаги и солей в стены здания¹³⁸.

Погребение в гурхане. При исследованиях в гурхане под ступенчатым надгробием XIV в. была обнаружена потревоженная могила XI—XII вв. с погребением¹³⁹ (зачищена с восточной стороны). Погребение совершено в цисте (ящике) из сырцового прямоугольного кирпича типично караханидского формата (18×34×7 см). Могила шириной 33–35 см (внутри в ногах) была перекрыта наискось на ребро «домиком» и дополнительно сверху плашмя более крупным сырцовым кирпичом (25×50×10 см).

Погребение XI—XII вв. принадлежало мужчине возмужалого возраста, было ориентировано головой на север с поворотом лица на запад. По заключению антрополога В.Я. Зезенковой, череп брахикранный, лицо высокое, хорошо профилировано, с сильно выступающим носом, сочетает

¹³⁶ Хакимов А., Шваб Ю.З. Султан-Саадат // Искусство зодчих Узбекистана. Вып. IV. Ташкент, 1969. С. 34–35.

¹³⁷ Бретаницкий Л.С. Об одном малоизвестном памятнике таджикского зодчества // МИА. 66. Москва-Ленинград, 1958. С. 335.

¹³⁸ Воронин Л.Н. Устройство оснований в памятниках архитектуры Средней Азии // МИАУ. Вып. 1. 1950. С. 20.

¹³⁹ Небольшой шурф был заложен в северо-восточном углу гурханы в 60-е годы XX в. при участии археолога Н. Немцевой, архитекторов В. Филимонова и Ю. Шваб, антрополога В.Я. Зезенковой.

черты переднеазиатского, средиземноморского со слабыми чертами андроновского типа (местный, самаркандский тип).

Скелет находился в анатомически непо тревоженном состоянии и, видимо, принадлежал какому-то важному духовному лицу, о чем можно только догадываться. Это таинственное захоронение караханидского времени, судя по формату кирпича, остается загадкой в истории ансамбля Шахи-Зинда. Ясно только, что могила XI–XII вв. не имеет отношения к погребению Кусамы ибн Аббаса VII в.

Под полом гурханы среди строительно-го мусора найден череп еще одного погребения, из чего следует, что гурхана «машада» в домонгольское время использовалась для захоронений не единожды.

Интерьер гурханы — один из самых скромных в «машаде Кусамы». Изначально стены его покрывала ганчевая штукатурка. В XIV в. (видимо, одновременно с возведением купола) в основании стен была установлена керамическая панель с полихромной росписью в рельефной технике с позолотой. Орнамент панели XIV в. из восьмиконечных позолоченных звезд на фоне синих крестовидных фигур традиционен и был широко распространен в средние века. Звезды поверх золочения были расписаны несложным цветочным орнаментом в желтой, красной, синей и оливково-зеленой гамме. В 2004 г. панель заново отреставрирована и расписана без точного следования оригиналу.

Северная смотровая ниша, обращенная в зиаратхану, забрана деревянной панджара тончайшего геометрического рисунка, выполненного из профилированных брусков старинным способом набора деталей без гвоздей (**рис. 26**). Эта решетка-панджара (в 2004 г. отреставрирована) на основании стиля геометрического гириха датируется XIV в. (по Б.П. Денике), но не исключено, что она более ранняя и сохранилась с XI в.

С конца XIV века в гурхане находится трехступенчатый **майоликовый намогильник** эпохи Амира Темура. До того,

с XI века, в гурхане стоял деревянный резной кенотаф в серебряной окантовке, описанный Ибн Баттутой. Резной кенотаф был сделан из черного (эбенового?) дерева, инкрустирован драгоценными камнями и обит по углам серебром. Над ним горели три серебряных светильника, пол гурханы был устлан коврами из шерсти и хлопка¹⁴⁰.

В интерьерах «машада Кусамы» XI в. резное дерево было главным и, может быть, единственным отделочным материалом, как показывает фриз и консоль в мечети XI в.

Майоликовый намогильник (80-е гг. XIV в.) — один из шедевров среднеазиатских мастеров-керамистов (**фото 70–73**). Грани его ступеней облицованы рельефными майоликовыми плитами. Тонкий вызолоченный растительный узор расписан в теплой светлой гамме, переплетен с арабской буквенной вязью, содержит тексты из Корана и хадисы. На стрельчатом навершии надписи в стиле сульс — эпитафия Кусамы ибн Аббаса с датой смерти 57 г. х. (676/677 г.). На третьей ступени текст из Корана, начало которого гласит: **«И никак не считай мертвыми тех, которые убиты на пути Аллаха. Нет, — они живы»**¹⁴¹. Не эта ли сентенция послужила поводом для легенды о Живом царе (Шахи-Зинда)?

Зиаратхана. Смежно с гурханой расположено более просторное и самое парадное по внутреннему убранству помещение мавзолея «царевича Кусамы» — поминальная зиаратхана с михрабом в западной стене (**фото 67–69**).

Значение этого функционально важного помещения было подчеркнуто всеми средствами архитектурно-художественной выразительности. Именно сюда после посещения мечети входили паломники для завершения зиарата у святыни.

Квадратная в плане зиаратхана (4,80×4,80 м, высотой в 9,45 м, толщина стен около 80 см) в 1334/35 г. была перекрыта куполом. В основании стен проходит моза-

¹⁴⁰ Путешествие Ибн Баттуты. 1996. С. 143.

¹⁴¹ Шишкин В.А. Надписи... 1970. С. 50–51.

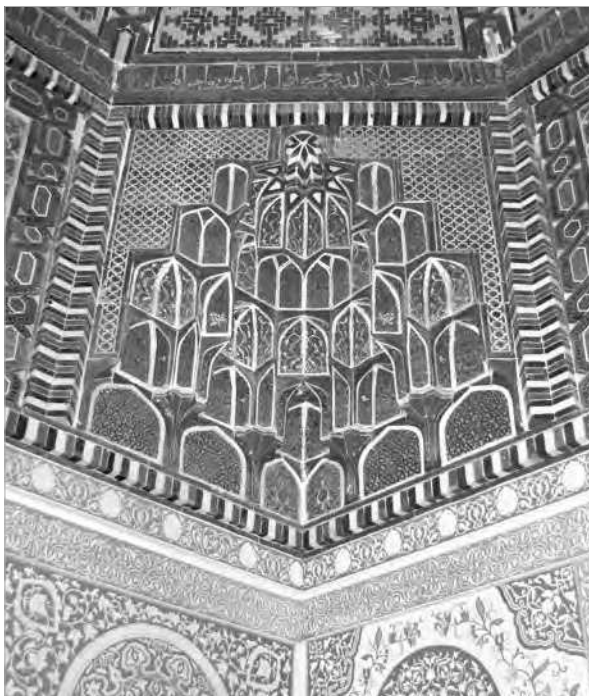


Рис. 27. Угловой трюмп переходного к куполу яруса зиаратханы мавзолея Кусам ибн Аббаса, XIV в. Фото 2010 г.

Fig. 27. Corner tromp of a tier supporting the dome in ziyarat-khana of Kusam ibn Abbas mausoleum, the 14th century. Photo, 2010

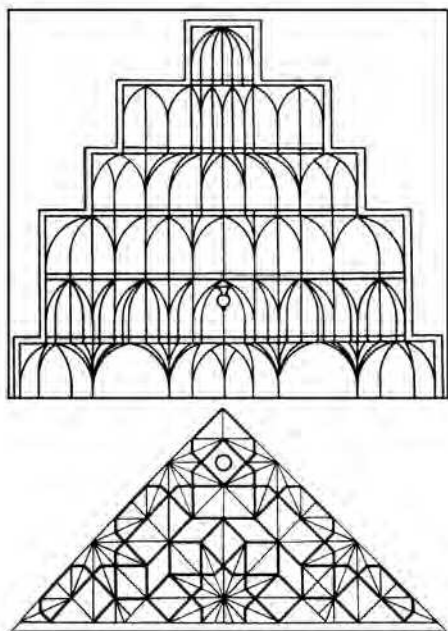


Рис. 28. Решение сталактитов в угловом трюмпе зиаратханы (по Ю.З. Шваб)

Fig. 28. Design of stalactites of a corner tromp archin ziyarat-khana (according to Yu.Z. Shvab)

ичная панель из голубых шашек с вазонами по центру, установленная в XV в. при возведении большой мечети. Выстроена зиаратхана из прямоугольного караханидского кирпича того же формата, что и все остальные стены «машада».

В углах зиаратханы находятся четыре небольших входных проема по два в южной и северной стенах. Все проемы первоначальные, за исключением северо-западного, пробитого в XV в. при строительстве большой мечети.

Вход в северной стене расположен на одной оси со входом в гурхану у восточной стены. Именно через него, видимо, с помощью лестничного перехода попадали из мечети XI в. в зиаратхану.

Не позже, чем к XIV в., относится изумительная виртуозной работы деревянная дверь в этом проеме (**рис. 29**), с трехплановой резьбой, обращенная не обработанным полотнищем в интерьер зиаратханы. Назидательная куфическая надпись, вплетенная в орнамент верхней части двери, гласит: «Молитва, но не власть и имущество»¹⁴².

Майоликовый купол, возведенный над зиаратханой в XIV в., основан на восьмигранном парусе, угловые арки которого заполнены сталактитами в резной поливной терракоте. В эпиграфическую ленту в стиле насх над юго-восточной гранью восьмерика вплетена дата возведения купола: «окончено в году семьсот тридцать пятом (1334/35)»¹⁴³.

Купол покрыт гравированной полихромной майоликой с геометрическим орнаментом, имитирующим кирпичный набор. Основная цветовая палитра глазури — зеленовато-голубой, синий (черный после реставрации 2004 г.), белый и марганцовый.

Традиционный для облицовки скуфьи радиальный геометрический узор образует четкий восьмигранник. Секции его разделены парными округлыми гуртами,

¹⁴² Шишкин В.А. Надписи... 1970. С. 49.

¹⁴³ Там же.

идут от основания купола к замку. Эти парные гурты купола зиаратханы и попеременно-полосатые полуколонки восьмерика, видимо, и навели в воображении Ибн Баттуты (или его публикатора Джувейни) «мраморные колонны» в углах гробницы.

Ибн Баттута сообщает: «Над ней (гробницей) возведено четырехугольное здание с куполом; у каждого угла стоят две мраморные колонны; мрамор зеленого, черного, белого и красного цветов. Стены здания (также) выстроены из разноцветного мрамора с золотыми орнаментами (или надписями), крыша сделана из свинца»¹⁴⁴. Эта далекая от реальности оценка несомненно относится к зиаратхане и куполу, установленному в 1334/35 г.

Известно, что ни черного, ни красного или зеленого мрамора в Средней Азии нет. В поделочном материале здесь известен белый и розоватый с прожилками. Никакого мрамора, независимо от цвета, в убранстве комплекса Кусамы, как и мраморных колонн в гробнице никогда не было. Резной мрамор как отделочный материал (панели, надгробия, отдельные детали) в Самарканде находит широкое применение лишь со времен Амира Темура, но главным образом в XV в. Описание Ибн-Баттуты (или неточный перевод?) относится к богато облицованному полихромной майоликой куполу зиаратханы с парными вертикальными гуртами в восьмигранной скупье и декоративными парными колонками в подкупольной части.

Ибн Баттута был в Самарканде после возведения купола, видел полихромный декор скупьи и писал, судя по всему, о нем.

Публикация дневников Ибн Баттуты была предпринята его секретарем Джувейни много лет спустя после возвращения Ибн Баттуты из длительного путешествия в Марокко, и появление в тексте «цветных мраморных колонн в углах гробницы Кусамы» — результат путаницы самого Ибн Баттуты либо его публикатора Джувейни.

Это заблуждение было прокомментировано еще в 70-е годы В.М. Филимоновым¹⁴⁵, но, к сожалению, до сих пор в справочной литературе по ансамблю Шахи-Зинда при описании гробницы Кусамы в домонгольское время приводится ссылка на неверные данные Ибн Баттуты.

Сложный «ковровый стиль» узора скупьи, отличное качество глазурей, не утративших блеск и яркость красок до наших дней (состояние в 60-е годы XX в.), свидетельствуют о высоком профессионализме средневековых мастеров-керамистов Самарканда в искусстве монументального декора. В 1959—1960 гг. (и в 2004 г.) купол был реставрирован самаркандскими мастерами по точному образцу старого, но с неизбежным искажением оттенков палитры глазурованного декора.

Росписи зиаратханы. В 60-е годы на стенах зиаратханы обнаружено три слоя полихромных росписей, различных по стилю и композиции. Художник Г.Н. Никитин датировал росписи XIV (30-е годы), XV и XVIII столетиями. Наиболее эффектными и хорошо сохранившимися оказались самые первые росписи, расчищенные на северной стене. Они покрывали среднюю часть стены, были выполнены в красной, синей и бирюзовой цветовой гамме (после реставрации 2004 г. в росписях остался красный и синий цвет).

Композиция рисунка включает прямоугольные панно, расположенные в два яруса, оконтуренных широким бордюром с цветочным орнаментом преимущественно красного цвета. В панно включены крупные круглые диски и каплевидные медальоны с таким же стилизованно-растительным заполнением. Общая красочная и эффектная роспись напоминает развешенные на стенах сюзаны. Крупный масштаб узора, насыщенный цвет придавали интерьеру интимность и нарядность (фото 69).

¹⁴⁴ Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Сочинения. Т. II. Ч. I. Москва, 1963. С. 143.

¹⁴⁵ В.М. Филимонов вполне убедительно прокомментировал сведения Ибн Баттуты о гробнице Кусамы, которые связал с зиаратханой. См. Филимонов В.М. Новые данные... 1970. С. 228-229.

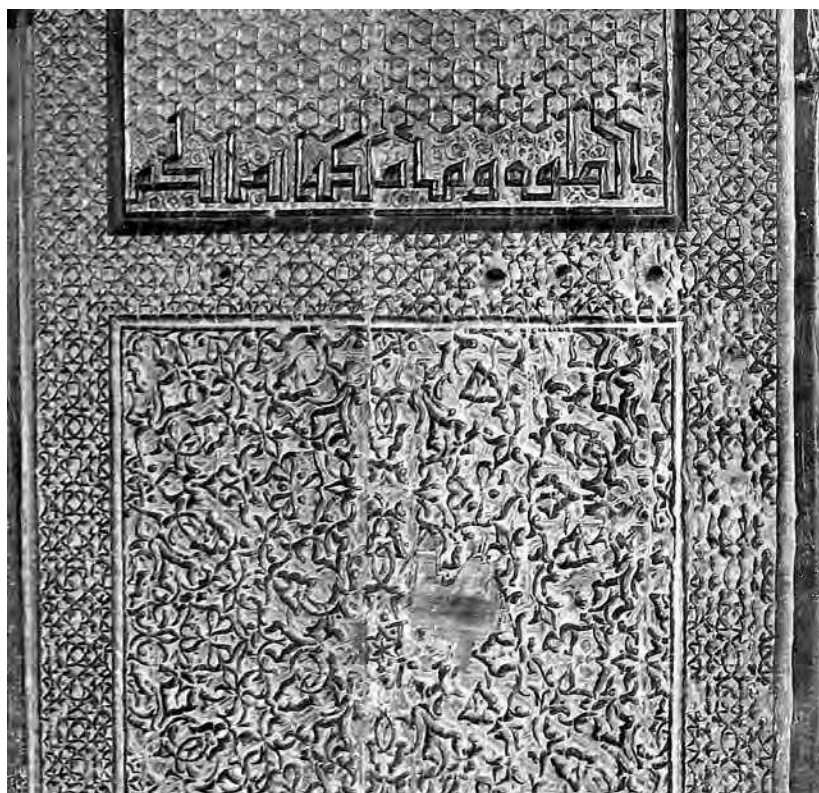
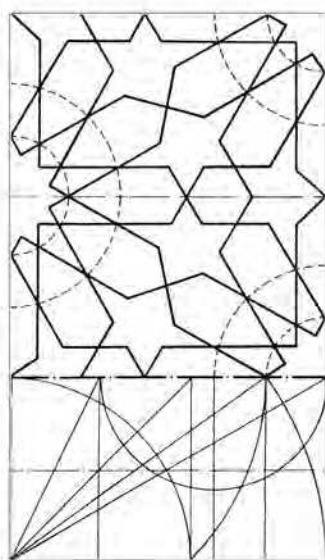


Рис. 29. Резная дверь между зиаратханой и мионханой мавзолея Кусам ибн Аббаса XIV в. и геометрическое построение растительного узора (по Ю.З. Шваб)

Fig. 29. Carved door between ziyarat-khana and mion-khana in Kusam ibn Abbas mausoleum, the 14th century and geometric design of vegetative pattern (according to Yu.Z. Shvab)

Аналогичную схему композиции росписей, имеющей древний местный генезис (квадратные панно, заполненные круглыми медальонами), можно видеть в интерьере мавзолея Абу Саида XII-XV вв. в Мехне (Туркменистан)¹⁴⁶. Вероятно, основание стены в зиаратханы, как и в мавзолее Абу Саида, оставалось в белой штукатурке.

Второй слой росписей с типичным для начала XV в. (аналог — росписи в Гур-Эмире) мелким геометрическим узором, расчищенных Г.Н. Никитиным, был выполнен в темно-синей гамме с вкраплением черного и позолоты (остатки ее можно было видеть на западной стене интерьера до реставрации 2004 г.).

Надо отметить декоративный пояс шириной в 25 см из парных шлифованных кирпичей в сочетании с «бантиками», расположенный под восьмериком. Этот типичный для XI–XII вв. фрагмент облицовки в завершении стен зиаратханы не находит убедительного объяснения. Остатки декора XI в.?

«Гробница Кусам» в XIX в. Лет сто тому назад у деревянной решетки гурханы со стороны зиаратханы можно было видеть типичные для мусульманских мазаров священные реликвии. Путешественники сообщают: у ореховой решетки стояло огромное зеленое знамя Пророка, покрытое пылью веков, водруженное на бамбучине, окруженное другими такими же знаменами. На громадном «раале» (деревянная подставка — пюпитр?) покоился огромный Коран, не менее 3 футов длины,

¹⁴⁶ Мамедов М.А. Архитектурный комплекс Меана-баба. Санкт-Петербург, 2008. С. 68–69.

писанный на древнем пергаменте с изъясно раскрашенными заглавными буквами¹⁴⁷.

Другой автор пишет: стены и пол усыпальницы покрыты голубыми изразцами (голубая панель зиаратханы?). Возле решетки стоит бунчук и два знамени — зеленое и красное. Над знаменами находится «ладонь руки» из дерева с резко растопыренными пальцами — «пятерня». Этот древнейший знак власти или победы в исламское время был символом того, что Пророк знает все, как свои пять пальцев — так гласят легенды. «Пятерня» была у римских легионеров (нач. II в. н.э.), древко знамени у которых завершала кисть руки¹⁴⁸, у крестоносцев, отмечена кисть на некоторых средневековых родовых гербах. В эпоху бронзы (4—5 тысяч лет тому назад), как и позже, открытая и закрытая ладонь завершала серебряные и костяные булавки¹⁴⁹, в античное время кисть руки с шариком украшала бронзовую шпильку (Каваткалинский оазис, I—II в. н.э.)¹⁵⁰. Распространенный со времен палеолита (наскальные росписи) символ открытой ладони, видимо, имел разное значение в разное время¹⁵¹ при сохранении главной ипостаси — победа, сила, власть.

Еще одно важное сообщение начала XX века: рядом с гурханой в особой комнате (тутхана?) хранился огромный Коран размером 6 футов длины и 4 фута ширины (примерно 1,82×1,20 м). В 20-е годы XX в. на деревянной решетке, обращенной в гурхану, можно было видеть развешенные разноцветные лоскутки (вотивные тряпочки у святых мест), в тутхане — кучу рогов горных козлов-архаров, цветные знамена

и жестяную ладонь — «пятерню». Сверху в зиаратхану спускаются чеканные старинные люстры, пол застлан мягким войлоком¹⁵².

В середине XX в. при наших исследованиях люстр уже не было, но тутхана (реликварий) была заполнена рогами горных козлов, шестью с конским хвостом и «пятерней». Куда делся огромный, видимо, старинный и очень ценный Коран, мне не известно, никаких рассказов о нем от служителей комплекса Шахи-Зинда слышать не приходилось. Возможно, именно этот Коран после длительных путешествий из Средней Азии в Санкт-Петербург (XIX—XX вв.), и затем в Ташкент, теперь хранится в старом городе на площади Хаст-Имам (?).

Чилляхана (рис. 30). Стены зиаратханы с небольшим смещением продолжают стены чилляханы. Это полутемное помещение нижнего яруса для уединений (халва), сорокадневной молитвы и поста¹⁵³ — главного обряда суфизма¹⁵⁴. В центре западной стены чилляханы находится михраб. По сторонам михраба два небольших симметричных световых окна, которые выходят наружу в виде сужающегося раструба и заканчиваются небольшой вертикальной щелью. Окна были заложены, когда кладбище перекрыло чилляхану, сейчас после расчистки в чилляхану снова проникает слабый свет. В восточной стене чилляханы — две небольшие ниши для светильников. Стены покрыты ганчевой штукатуркой.

Как мечеть, гурхана и зиаратхана, это полуподземное помещение входило в состав «машада» XI в. Перевязка стен, один строительный материал и инженерные приемы (деревянная поперечная арматура) говорят о единовременности возведения.

¹⁴⁷ Марков Е. Памятники Самарканда. 1903. С. 194.

¹⁴⁸ Ртвеладзе Э.В. Цивилизации, государства, культуры Центральной Азии. Ташкент, 2008. С. 205—206.

¹⁴⁹ Сарияниди В. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашхабад, 2002. Рис. на с. 123, 150.

¹⁵⁰ Культура и искусство древнего Узбекистана. Каталог выставки. Москва, 1991. Рис. 315.

¹⁵¹ Богомолов Г.И. К изучению этнокультурных связей Чача (предметы с изображениями руки с городища Канка) // Казахстан и Евразия сквозь века. Алматы, 2010. С. 380—397.

¹⁵² Северный Б. Эдем Востока // Вестник знания. 1926. № 4. С. 271.

¹⁵³ Сакральное число 40, по преданиям, — очищение, уходит в глубину веков, известно в христианской мифологии (Иисус, по преданиям, 40 дней провел в уединении) и с той же символикой перешло в ислам.

¹⁵⁴ Кныш А.Д. Мусульманский мистицизм. Санкт-Петербург — Москва, 2004. С. 365.



Рис. 30. Чилляхана, XI–XIV вв., западная сторона с михрабом. Фото 2010 г.

Fig. 30. Chillya-khana, the 11th – 14th centuries, western side with mihrab. Photo, 2010

Первоначально чилляхана имела плоское балочное перекрытие. В XV в. при строительстве большой мечети плоское перекрытие заменили сводом, существующим сейчас. До середины XV в. в чилляхану можно было попасть через наружный тамбурный вход в юго-западном углу.

Этот первоначальный вход был открыт в 1996 г. при понижении уровня земли у комплекса Кусамы. Открытие наружного входа позволило наконец понять сообщение «Малой Кандии», по которому зиарат начинался с посещения мечети и гробницы Кусамы, затем надо было выйти на расхождение трех путей, совершить семикратный ритуальный обход гробницы и только после этого зайти в чилляхану¹⁵⁵. Стало понятным, почему надо было выйти из «машада Кусамы», чтобы попасть

в чилляхану. С XI до XV в. действовал только этот наружный вход в юго-западном углу, сообщения с внутренними помещениями не было. В XV в. наружный вход был заложен и устроен из мионханы с помощью небольшой винтовой лестницы. Он действует поныне.

Тугхана — небольшое, но функционально важное служебное помещение прямоугольного плана (4×1,8 м), пристроено (неизвестно когда) к западной стене гурханы. Тугхана с самого начала являлась своего рода реликварием, где во все времена хранились главные ценности святыни. Помещение тугханы, как показали исследования, имеет тонкие стены (50 см), плоскую кровлю, двухэтажную структуру.

Верхняя часть тугханы находится на одном уровне с зиаратханой и связана с ней входным проемом (шириной 80 см). Нижняя часть — открытая ниша — расположе-

¹⁵⁵ Малая Кандия. 1906. С. 260–262.

на прямо под реликварием на одном уровне с чилляханой. До конца XX в. нижняя часть была скрыта под наслоениями кладбища, она была раскопана лишь в 1996 году.

Под тугханой вскрыта квадратная в плане, глухая сводчатая ниша (2,2×2,2 м) глубиной в 2 м (рис. 31). В задней стене ниши сохранились три деформированных неглубоких (20 см) нишки для светильников (60×40 см), выложенных путем напуска кирпичей.

Ниша в течение веков много раз ремонтировалась, играла, видимо, важную роль в культовом ритуале, являлась поминальной молитвенной нишей, как мне представляется.

В этой связи очень интересны данные «Малой Кандии», где сказано: поклонение могилам есть обязательное требование веры (суннат). Рекомендуются поклоняться преимущественно в конце дня до захода солнца в пятницу и до восхода солнца в субботу, понедельник и четверг, а также в благословенные дни «ашура», «арифы»¹⁵⁶. «Малая Кандия» рекомендует «при поклонении могилам стоять спиной к кыбле, лицом в сторону покойного, произнести приветствия, не гладить руками могилу, не целовать ее, не дотрагиваться до могилы, так как это обычай христиан»¹⁵⁷. Эти сведения не оставляют сомнений, что ниша у западной стены гурханы пристроена для выполнения поминального обряда. Можно было, не заходя в гробницу, встать лицом к могиле Кусамы (в гурхане), спиной к кыбле, возжечь светильники в нишах и совершить поминальную молитву.

Надо отметить, что поминальные ниши устраивались и в других местах комплекса Шахи-Зинда. В частности, две поздние небольшие сводчатые глухие ниши находились в западной подпорной стене коридора (разобраны вместе со стеной в 2004 г.), примерно напротив комплекса Кусамы. Полагаю, что эти ниши в подпорной сте-



Рис. 31. Поминальная ниша у гурханы с запада (нижний ярус)

Fig. 31. Memorial niche at gur-khana from the west (the lower tier)

не были устроены с той же целью — для совершения поминального обряда. Такую же роль выполняла, видимо, неглубокая глухая ниша в наружной задней стене мавзолея Шади-Мульк-ака 1372 г. Конструктивного или декоративного смысла в ней нет.

Позже, когда кладбище подступило ближе к «машаду» и дневной уровень поднялся более чем на 2 м, ниша под тугханой использовалась для захоронений. В основании ниши расчищены три могилы, совершенные по разному погребальному обряду: крайняя у стены в деревянном гробу, крайняя снаружи в цисте из караханидского кирпича, средняя втиснута между двумя первыми и перекрыта битым кирпичом.

Зиарат к гробнице Кусамы в XI в., как и сейчас, начинался с посещения мечети, остатки которой раскопаны под большой

¹⁵⁶ Малая Кандия. 1906. С. 257.

¹⁵⁷ Там же. С. 259.

мечетью XV в. Северный вход большой мечети XV в. традиционно повторяет ориентацию первой мечети XI в. и начало поминального обряда, сложившегося в XI в.

Каждый, желающий поклониться могиле царевича Кусамы, сына Аббаса, сообщает «Малая Кандия», должен войти со стороны Железных ворот¹⁵⁸. После входа через Железные ворота и посещения первой мечети Ибн Васы надо отправиться к месту упокоения царевича Кусамы. Этот западный путь к Шахи-Зинда через кладбище действует с XI в. по сей день.

Приблизившись к месту упокоения царевича Кусамы, в первую очередь надо войти в мечеть, как сообщает «Малая Кандия». Далее подробно описаны молитвы, обозначены суры Корана, которые надо произнести перед вступлением в гробницу Кусамы ибн Аббаса. Затем надо открыть дверь, но помедлить входить в усыпальницу и только потом «тому гробу можно возгласить приветствие»¹⁵⁹ — т.е. войти в зиаратхану и гурхану.

Далее следует важное для реконструкции поминального обряда указание: после посещения гробницы надо выйти на расхождение трех путей (перекресток канала и дороги?) и совершить семикратный обход святилища¹⁶⁰, и только затем войти в чилляхану. Именно это указание книги стало понятным после открытия в 1996 г. наружного входа в чилляхану в юго-западном углу.

Указание в «Малой Кандии» на «расхождение трех путей» может относиться к перекрестку канала и мощенной камнем дороги, вдоль которой позже сложился ансамбль Шахи-Зинда. Или к расхождению трех дорожек в конце «западного коридора», которое и сейчас можно видеть в топографии городища, как указывалось выше.

Этот небольшой экскурс важен для правительных представлений о первоначальном составе помещений, ориентации «ма-

шада Кусамы» по сторонам света и подходе к святилищу со стороны Южных ворот.

«Машад Кусамы» (композиция, типология, стиль)

Касаясь общей оценки комплекса Кусамы ибн Аббаса XI в. и его места в мемориальном зодчестве средневековой Средней Азии, следует вспомнить историко-культурную ситуацию, сложившуюся в XI—XII вв.

Это время полной победы ислама в регионе, сложения мусульманского законодательства и обрядовой системы, распространения различных религиозных течений, главным из которых являлся суфизм. Уже в IX-X вв. на этом идейном фоне возникают первые мавзолеи светских и духовных лиц, а в XI—XII вв. по всему мусульманскому Востоку складываются культовые центры у почитаемых могил, в том числе машады. Это был важный, знаковый период в религиозно-духовной жизни и культуре средневекового общества.

Культовые комплексы, во главе которых стояло духовенство, возникали под покровительством или при прямом участии правителей, крупных визирей, почитание святых могил было одним из ключевых моментов внутренней политики государей.

Возведение в XI в. «машада Кусамы» в Самарканде исторически закономерно, обусловлено всем ходом развития ислама. Благодаря культу Кусамы ибн Аббаса, известного своим родством с Пророком, основанный в его честь архитектурный комплекс стал одним из наиболее важных мусульманских святилищ региона.

«Следует знать, что после гробницы великой, благоухающей, пресветлой Пророка нет места поклонения выше мазара царевича Кусамы сына Аббаса, потому что он двоюродный брат Пророка», сообщает «Малая Кандия»¹⁶¹. В последующем значе-

¹⁵⁸ Малая Кандия. 1906. С. 260.

¹⁵⁹ Там же. С. 260—262.

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Малая Кандия. С. 260.

ние этого культового центра в Самарканде росло по восходящей.

Во второй половине XI в., после возведения медресе Кусамийа в 1066 г., главная святыня города получила еще более высокий общественный статус сакрального и образовательного центра Самарканда. Подобный симбиоз функционально разных структур, включавших гробницу почитаемого лица, медресе, ханаку, караван-сарай и другие общественно важные сооружения, характерен для всей средневековой Евразии вне зависимости от конфессий.

Роль религии и церкви (в широком смысле слова) была доминирующей в жизни общества, и независимо от веры (иудаизм, христианство, ислам) около почитаемых могил складывались крупные архитектурные ансамбли, включавшие разные по функции сооружения, привилегированный некрополь.

Большая часть таких святынь в Средней Азии появилась в XI–XII вв. и дошла до нас в перестройках XIV–XV вв. Святынями становились и светские гробницы правителей, вокруг мавзолеев которых также складывались архитектурные ансамбли, включавшие и другие гробницы, а также ханаки, медресе, госпитали, подсобные служебные строения, развивалось паломничество.

До сего дня сохранились и действуют такие крупные христианские ансамбли, как Гелати в Грузии (XIII–XVIII вв.), Киево-Печерская лавра в Киеве.

В странах ислама наиболее крупные: Мазари Шариф (XII–XV вв.) в Афганистане, шиитский комплекс у гробницы ар-Резы (XII–XV вв.) в Мешхеде, культовый комплекс у гробницы Джалал ад-Дина Руми в Конье (Турция), комплекс у мавзолея-ханаки Ходжи Ахмада Ясави в г. Туркестан (Южный Казахстан), комплекс султана Калауна (XIII в.) в Египте, включающий, кроме усыпальниц, мечети, медресе, госпитали, ханаки.

Позже, в XIV–XV вв., при Амире Темуре и Темуридах процесс сложения ансамблей и комплексов у святынь и светских гробниц продолжался, свидетельствуя о государственном значении таких культовых центров. В Самарканде у гробницы Бурхан ад-Дина Сагарджи (Рухабад, XIV в.) сложился ансамбль Гур-Эмир, в состав которого входило медресе и ханака Мухаммада Султана, мавзолей Амира Темура, его сыновей и внуков. В XV в. в эту группу был включен мавзолей поздних Темуридов Аксарай. В Герате сложился комплекс Гаухаршад (XV в.) и др.

Ансамбль Шахи-Зинда с «машадам Кусама» в основе — один из самых ранних религиозно-культовых и общественных центров Средней Азии, который сыграл огромную роль в жизни государственных образований на территории среднеазиатского Междуречья на протяжении всего второго тысячелетия н.э., отражая официальную идеологическую политику на всех этапах.

Основные периоды формирования комплекса Шахи-Зинда как главного святилища Самарканда приходятся на эпоху Караханидов в XI–XII вв. и эпоху Темуридов (XIV–XV вв.), когда некрополь застраивался, благоустраивался и почитался на государственном уровне. У святыни возникали богато украшенные гробницы, построенные в соответствии с последними архитектурно-художественными и инженерными достижениями в средневековой Средней Азии.

В процессе исследований получены представления об изначальной планировочной структуре и архитектурном облике «машада Кусама», которые в принципе не изменились с XI в. Основная реконструкция коснулась мечети XI в., на месте которой в XV в. построена существующая большая мечеть. Остальные же переделки были связаны с обновлением декора интерьеров и заменой перекрытий в XIV в., когда в зиаратхане, чилляхане и, возможно, гурхане появились купола.

Как показано выше, внешний облик комплекса Кусамы ибн Аббаса при всей важности святыни на всех этапах оставался чрезвычайно скромным. В «машаде Кусамы» не было архитектурно разработанных фасадов, внешнего декора, монументального порталного входа. Ординарная архитектура, непрезентабельный внешний облик главной святыни Самарканда диссонировал на фоне богатых гробниц караханидского некрополя, остатки которого вскрыты в середине XX в., и особенно блекнул на фоне блестящей полихромии глазурей и голубых куполов ансамбля эпохи Темура и Темуридов.

В XI—XII вв. в других городах и пригородах Средней Азии (Мерв, Бухара, Термез, Карши и др.) у почитаемых могил также появились архитектурные комплексы, которые отличает маловыразительный внешний вид. В большинстве случаев принадлежность их давно стерта в исторической памяти, письменных данных нет, в лучшем случае сохранилось название, окутанное легендами, часть их, возможно, построена на месте доисламских святынь¹⁶².

«Машад Кусамы» был построен для важной в исламском мире персоны из рода Аббасидов, кровной родни пророка Мухаммада, и подчеркнутая скромность архитектуры комплекса, выстроенного в черновой кладке, без декоративной разработки внешних стен, представляется неслучайной. Явный аскетизм внешнего облика «машада Кусамы», мне кажется, являлся отражением общего духа раннего суфизма, проповедующего отречение от мира, нищенство и осуждающего роскошь.

Эта дервишская мораль хорошо известна по историческим документам. Особенно ярко она представлена в вакфе XIV в. на суфийскую ханаку Сайф ад-Дина Бохарзи в Фатхабаде около Бухары, где подчеркивается, что суфию надо ходить в рубищах, в бедной одежде и не допускать богатого

одеяния даже членам семьи¹⁶³. Может быть, философия нищенства в суфизме, отрицающая роскошь в быту, на раннем этапе отразилась и на убранстве архитектуры святынь, где нет декоративной облицовки или она крайне скупа.

Суфийская мораль, конечно же, была далека от реальных ценностей феодального общества, в том числе сугубо религиозного. Известно, что основатель ханаки в Фатхабаде «шейх ал-алам» Сайф ад-Дин Бохарзи был очень богат, даже его внук Яхья, судя по вакфу, владел большим движимым и недвижимым имуществом. Мавзолей Сайф ад-Дина Бохарзи (первая половина XV в.) без внешнего и очень скупого внутреннего убранства следовал традиционной суфийской морали, где почиталась скромность.

Очень выразительно эту тему иллюстрирует стоящий рядом с гробницей ал-Бохарзи мавзолей Баян Кули-хана (умер в 1358/59 г.), одного из потомков Чингисхана. Он был «подставным ханом» при эмире Казагане, слыл очень умным, справедливым и «несущим с собой счастье царевичем», по свидетельствам источников¹⁶⁴.

Ревностный поклонник и духовный последователь суфийского шейха ал-Бохарзи, Баян Кули-хан выстроил (или завещал выстроить?) себе мавзолей у могилы шейха, равного по роскоши которому нет в Средней Азии¹⁶⁵. Уникальная усыпальница Баян Кули-хана была сплошь внутри и снаружи отделана резной поливной терракотой, а общий архитектурный строй гробницы, установленной на широкую суфу-постамент, покрытую голубыми поливными изразцами, ставит ее в один ряд с лучшими

¹⁶² Гольдциер И. Культ святых в исламе. Москва, 1938. С. 123.

¹⁶³ Чехович О.Д. Бухарские документы XIV в. Ташкент, 1965. С. 176—177.

¹⁶⁴ Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингизхана. Алматы, 2001. С. 101.

¹⁶⁵ Атрибуция мавзолея как ханаки и определение функции отдельных его конструкций (кровля, внутрстенные коридоры и т.д.) как зикрханы, самаханы, чилляханы (см. Аскаров Ш. Архитектура Темуридов. Ташкент. 2009. С. 24-25) — не более, чем выдумка.

произведениями архитектуры и художественного декора Средней Азии XIV в.¹⁶⁶

Гробница Баян Кули-хана, хоть и установлена на территории суфийской ханаки Сайф ад-Дина Бохарзи в Фатхабаде, по всем параметрам отвечала стилю царских гробниц XIV в. в комплексе Шахи-Зинда. Формальное царствование хана, как видно, стало решающим при оформлении места его упокоения на последнем пути, суфийские же взгляды — его личным делом.

Скромный внешний облик «машада Кусамы» начала XI в. был, как мне кажется, продиктован общим духом аскетизма, который царил у мусульманских святынь Средней Азии в пору раннего суфизма. И напротив, позже, в эпоху политизации суфизма (XIV—XV в.в.), в Средней Азии появились богатые по декору монументальные мавзолеи, в той или иной степени связанные с религиозными деятелями (мавзолеи-ханаки Ишратхана¹⁶⁷ в Самарканде, Ходжи Ахмада Ясави в г. Туркестан, комплекс-хазира Ходжи Абдаллаха Ансари близ Герата, мечеть-ханака в Анау на юге Туркменистана¹⁶⁸ и др.).

К созданию архитектурных комплексов и ансамблей, инициированного духовенством в союзе с правителями, привлекались мастера и зодчие самого высокого класса, реализовывались передовые инженерные и архитектурно-художественные достижения эпохи, и скромный облик самаркандского «машада» на этом фоне кажется неслучайным.

Природа этого феномена в «машаде Кусамы» не вполне ясна. Культ Кусамы не имел прямого отношения к какому-либо суфийскому ордену (братству) или общине. Во всяком случае, об этом нет никаких

письменных данных. В то же время в окружении «машада Кусамы» всегда были ханаки (место постоянного или временного проживания дервишей) для паломников. Ханака XI в. эмира Низам ад-Даула и постоянный дом, доходы с которого шли на содержание студентов медресе Кусамийа, названы в вакфе XI в.¹⁶⁹ В первой трети XIV в. завия (ханака) находилась рядом с гробницей Кусамы, как сообщает Ибн Баттута. Это, видимо, было здание медресе XI в., которое после монгольского разгрома и перемещения города на территорию рабада перестало действовать как учебное заведение и использовалось как ханака для пилигримов. По обоим берегам канала, протекающего рядом, во времена Ибн Баттуты находились и другие жилища для путешественников¹⁷⁰. Все это свидетельства того, что «машад Кусамы» в XI—XIV вв. был окружен домами для паломников.

Известно также, что в XIX — начале XX века в комплексе Шахи-Зинда совершался громкий зикр (джахр), который был слышен издали при подходе к ансамблю, как сообщалось об этом в русской периодической печати. Как далеко вглубь веков уходят суфийские радения в Шахи-Зинда, неизвестно, в письменных источниках это не отражено, но влияние раннего суфизма с присущими ему идеями аскетизма на внешний облик архитектуры важного святилища Самарканда мне представляется несомненным.

Об универсальности поминального обряда у «машада Кусамы» и прямой связи его с суфизмом, общих путях развития обрядовой системы у святых могил свидетельствует и наличие с самого начала в его составе чилляханы — полуподземного помещения для сорокадневного уединения. Практика халва (уход, уединение, одиночество) — один из столпов аскетизма и подвижничества в суфизме, как счи-

¹⁶⁶ Немцева Н.Б. Ханака Сайф ад-Дина Бахарзи. Бухара, 2003. С. 106 и сл.

¹⁶⁷ Возможно, сложная архитектура мавзолея (двухэтажные крылья по сторонам центрального купольного здания со склепом) связана с обрядами суфийского течения Накшбандийа.

¹⁶⁸ Представляется, что мечеть Анау близ Ашхабада является остатками огромного комплекса-ханаки, связанного с почитаемой могилой суфия, основателя общины. См. Немцева Н.Б. О назначении... . 2004. С. 223—224.

¹⁶⁹ Бунятов Дж.З., Гасанов Т.Б. Два самаркандских... . 1994. С. 56—57.

¹⁷⁰ Путешествия Ибн Баттуты. 1996. С. 278.

тает известный исследователь мистицизма А.Д. Кныш¹⁷¹.

Архитектура ранних культовых комплексов X—XII вв., как показывают сохранившиеся памятники Средней Азии, не имела еще строго выраженной типологической основы, комплексы у святых могил часто складывались поэтапно на протяжении веков. Большая часть ранних святынь выстроена в скромных архитектурных формах, история их часто неизвестна, от некоторых до нас дошли лишь названия памятников (комплекс Имам Маин в с. Каучин, Хусам-ата в Фудине, Султан Мир-Хайдар в Касби Кашкадарьинской области¹⁷²), деятельность которых в исторической памяти давно стерта.

Наиболее известные культовые комплексы или отдельные мавзолеи связаны с религиозными деятелями — основателями суфийских общин (шейх Сайф ад-Дин Бохарзи, Абу Саид Мехнейский) или орденцов (Хаким ат-Термизи, Наджм ад-Дин Кубра), известными миссионерами ислама (Кусам ибн Аббас), теологами и богословами, учеными законоведами (ал-Матуриди, ал-Бухари в Самарканде, Гиляни в Багдаде и др.), шейхами (мавзолей Бурхан ад-Дина Сагарджи — Рухабад конца XIV в. в Самарканде).

Архитектура таких религиозных святынь по сравнению с царскими гробницами, как правило, скромна, внешние фасады выполнены в черновой кладке, элементы художественного декора (богатые намогильники, отделка интерьеров, облицовка порталов) зачастую появились в таких комплексах в пору торжества и политизации суфизма в XIV—XV вв.

В этот период часть культовых комплексов перестраивалась, на местах старых святынь уже в новом стиле возводились монументальные и презентабельные здания, часто от имени правителей. Наиболее яркий пример — монументальный мавзо-

лей-ханака Ходжи Ахмада Ясави рубежа XIV—XV вв. в городе Туркестан, выстроенный при Амуре Темуре на месте подземного хылвата и мавзолея XII в. Другие примеры — мавзолей Сайф ад-Дина Бохарзи XV в. в Бухаре, построенный на месте однокамерной гробницы XIII в.¹⁷³, или разновременный комплекс мавзолеев-ханака Абди-Дарун (XII—XV вв.), перестроенный во времена Улугбека в Самарканде.

К сожалению, этот аспект в истории средневековой архитектуры Средней Азии почти не затронут¹⁷⁴. Гробницы в таких комплексах чаще всего археологически не обследованы, изучение ограничено в лучшем случае вскрытием фундаментов в реставрационных целях. Мавзолеев XI—XV вв., где произведено вскрытие склепов, исследован погребальный обряд, проведена идентификация реальных исторических лиц и их могил — считанные единицы.

Археологическое обследование гурханы комплекса Кусам ибн Аббаса — исключительно редкий прецедент в истории изучения мемориально-культовой архитектуры Средней Азии, который позволил установить хронологическое несоответствие найденной в гурхане могилы XI—XII вв. и якобы похороненного в ней шахида, погибшего в VII в.

«Машад Кусам» в Самарканде — классический образец культового комплекса над мнимой могилой, которые стали возникать и множиться по всему мусульманскому Востоку в XI—XII вв. Это один из ранних и по существу единственный культовый памятник в Центральной Азии из группы «машадов», хорошо археологически исследованный, точно датированный, имеющий ряд письменных свидетельств.

¹⁷³ Немцева Н.Б. Ханака Сайф ад-Дина... 2003. С. 125—128.

¹⁷⁴ Связь ряда мавзолеев с суфизмом проводит архитектор Д. Иманкулов при оценке мавзолея Шах Фазиль (Киргизия). Автор отмечает, что памятник без внешнего декора относится к типу «суфийских мавзолеев» в отличие от богато отделанных царских династических гробниц Караханидов. См. Иманкулов Д. Монументальная архитектура юга Киргизстана XI—XX вв. Бишкек, 2005. С. 126.

¹⁷¹ Кныш А.Д. Мусульманский мистицизм. 2004. С. 365.

¹⁷² Маньковская Л.Ю. Архитектурные памятники Кашкадарьи. Ташкент. 1971. С. 37—49.

В Самарканде при возведении «машада Кусама» был предусмотрен максимально полный состав помещений, детерминированных сложившейся в исламе системой поминального обряда — зиарата.

Сложная двухъярусная структура «машада Кусама» с перепадом в 2,5 м, куда входили гробница Кусама (гурхана + зиаратхана), мечеть, чилияхана и минарет, — уникальна. Мне не известен другой единовременный (и не единовременный тоже) культовый комплекс Центральной Азии, который можно было бы сопоставить по объемно-планировочному решению с самаркандским «машадом». При огромном разнообразии культовых святынь прямых аналогов «машаду Кусама» нет.

Все это свидетельствует о том, что единого типового решения в создании архитектуры святынь в зодчестве Средней Азии XI—XII вв. в принципе не существовало (как, впрочем, и позже), комплексы составлял в большинстве случаев элементарный набор функционально главных помещений: гурхана и зиаратхана, подсобные помещения, возникавшие поэтапно. Архитектура таких комплексов была скромна и разнообразна, в каждом отдельном случае отражены локальные строительные приемы и традиции.

«Машад Кусама» как важное городское святилище отражал государственный статус и одновременно философию аскетизма раннего суфизма. Здесь были предусмотрены все функционально важные помещения в соответствии с требованиями зиарата, но внешний облик комплекса оставался предельно скромным в отличие от богато декорированных царских гробниц Караханидов в Шахи-Зинда и других мест (мавзолей в Узгенте).

«Машад Кусама» был организован в строгом соответствии с зиаратом, в то же время архитектура комплекса возведена без претензии на монументальность и больше отвечала традиционному народному жилью Средней Азии, где разраба-

тывался и украшался только интерьер, а наружу выходили глухие стены без окон.

Архитектурно-планировочный строй «машада Кусама» дает наиболее ранний пример сочетания двух функционально неотъемлемых составных (погребальная гурхана + поминальная зиаратхана), еще не основанных на одной оси, но уже слитых в единый архитектурный объем. Это одно из первых звеньев в цепи формирования двухкамерных, сложносоставных мемориальных зданий в зодчестве Средней Азии, которые развивались в XIV—XV вв.

Известные культовые комплексы XI—XII вв. Средней Азии состояли из однокамерной гробницы, к которой примыкала (чаще пристроенная) зиаратхана или мечеть без строгого подчинения продольной или поперечной оси (комплекс Зуль-Кифль на острове Арал-Пайгамбар, Мухаммада ибн Зейды в Мерве, Убейды и Зубейды, комплекс Хакима ат-Термизи и др.). Позже святыни обрастали другими служебными помещениями.

Наиболее близкую параллель «машаду Кусама» в Самарканде можно видеть в синхронных культовых памятниках в селении Фудина (Хусам-ата) и Касби (Султан Мир-Хайдар) Кашкадарьинской области¹⁷⁵, которые возникли почти одновременно в XI—XII вв. Эти действующие до сих пор святыни включают обязательные гурхану и зиаратхану и более поздние пристройки. В отличие от «машада Кусама» здесь нет полного набора культовых помещений — чилияханы и мечети с минаретом.

Общее в архитектуре святынь (комплексы в Фудина и Касби близ Карши, Шах-Фазиль в Софит Буленде, Рухабад в Самарканде и др.) с «машадом Кусама» — полное или частичное отсутствие внешнего декора, архитектурной разработки стен, бесфасадность, в ряде случаев отсутствие парадных входных порталов, как это можно наблюдать в светских мавзолеях.

¹⁷⁵ Маньковская Л.Ю. О типологии мемориального зодчества Средней Азии. Мавзолей в Фудина и Касби // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. Москва, 1979. С. 106—104.

Отсутствием богатого декора отличались на первом этапе и интерьеры «машада Кусамы». Считается, что первые росписи в прямоугольных панно с медальонами относятся к XIV в., хотя я не исключаю более раннюю дату — XI—XII вв.

Единственным украшением интерьера домонгольского «машада Кусамы» было уникальное резное дерево мечети XI в., часть которого сохранилась *in situ*, а также кенотаф из резного черного дерева в серебряной окантовке, описанный Ибн Баттутой. Только в 1334/35 г. над зиаратханой появляется изразцовый майоликовый купол, мозаичные панели, изумительное по тонкости узора и совершенству керамическое майоликовое надгробие в гурхане гробницы Кусамы. А в XV в. на месте старой мечети сооружена большая мечеть в монументально-презентабельном стиле.

Смена скромного убранства интерьеров на более живописный хорошо укладывается в рамки развития суфизма в исламе, который в XIV—XV вв. переживает стадию политизации. На этом этапе появляются двухкамерные мемориалы, основанные уже на принципе симметрии с центральной осью (продольной или поперечной), слитые в единый организм сложные объемно-планировочные гробницы типа мавзолея «Матери султана» XV в. из комплекса Шахи-Зинда, мавзолея-ханаки Ишратхана, мавзолея-ханаки Мухаммада Башаро XIV в. в Таджикистане, Наджм ад-Дина Кубры в Куня-Ургенче, мавзолея Сайф ад-Дина Бохарзи XV в. в Бухаре и др.

Однако и позже продолжают встречаться своеобразные по объемно-планировочному решению культовые конгломераты или мавзолеи без внешнего убранства или частичного декора (Рухабат и Абди-Бирун в Самарканде, Наринджан-бобо, Исмамутата, шейха Мухтар-Вали в Хорезме и др.).

С веками трансформировался и поминальный обряд у почитаемых могил, хотя главная его ипостась (поминальная молитва и жертвоприношения) никогда не исчезала.

На всех этапах вплоть до сего дня па-ломничество к гробнице Кусамы не иссякает, меняется лишь качество и количество пожертвований — в обрядовой практике в конце XX — начале XXI вв. появились новые формы (например, посещение святыни молодоженами и др.).

Исчезнувшие памятники Шахи-Зинда, XI—XII вв.

Особую важность для представлений о строительном искусстве Самарканда XI—XII вв. имеют археологические материалы караханидского времени, полученные при раскопках в ансамбле Шахи-Зинда в середине XX и начале XXI в. В городе сохранились только памятники архитектуры XIV—XV вв., когда Самарканд стал столицей государства Амира Темура и первых Темуридов, а также сооружения XVI—XVII вв. В этом контексте вскрытые остатки стен и коллекция архитектурного декора XI—XII вв. из комплекса Шахи-Зинда имеют принципиальное значение для суждений о самаркандской школе зодчих домонгольского Самарканда.

Полученные при раскопках артефакты позволили выявить характерные черты строительной культуры XI—XII вв., определить специфику и локальные особенности в русле общего развития архитектуры домонгольского Мавераннахра. Крупные детали облицовки и целые блоки декора из резной неполивной терракоты по формам (плоские, выгнутые, овальные, подтреугольные) и аналогам позволяют представить внешний облик зданий исчезнувшего комплекса Шахи-Зинда XI—XII вв.

Этот важный документальный материал свидетельствует о сложившейся архитектурно-художественной школе в домонгольском Самарканде, где имели место портално-купольный и фасадный типы мавзолеев, дворовый четырехайван-

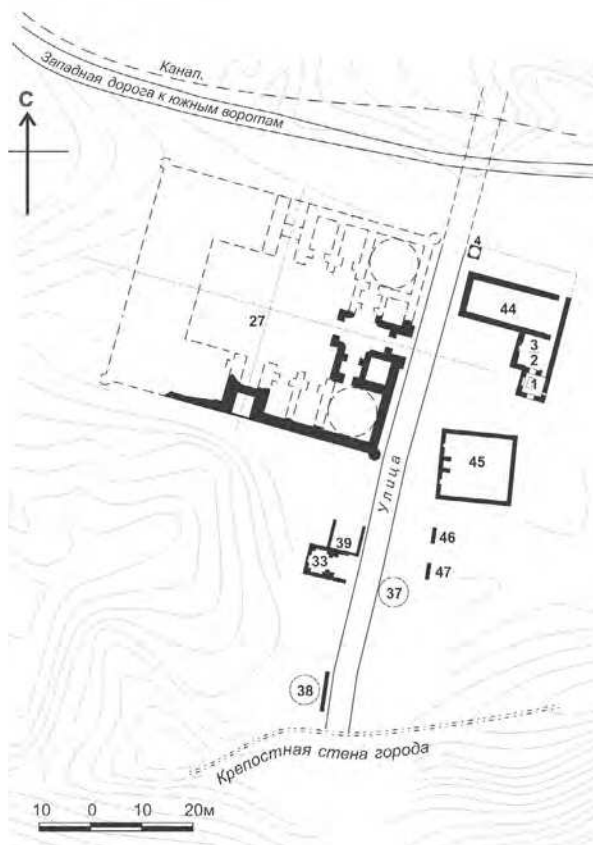


Рис. 32. Шахи-Зинда в XI–XIII вв.: 1, 2, 3, 4. Гурхана, зиаратхана, чилляхана, минарет; 44. Мечеть XI в., вскрытая под Большой мечетью; 27. Медресе Кусамийа, XI в.; 33. Мавзолей XIII – нач. XIV вв.; 37. Завал керамики строения XI в.; 38. Завал керамики и фрагмент стены строения XII в.; 39. Остатки сооружения XI–XII вв.; 45. Гробница Лачин-бека XI в.; 46. Фрагмент стены XI–XII вв.; 47. Фрагмент стены XI–XII вв.

Fig. 32. Shahi-Zinda in the 11th – 13th centuries: 1, 2, 3, 4. Gur-khana, ziyarat-khana, chillya-khana, and minaret; 44. Mosque, the 11th century, unearthed under the Grand Mosque; 27. Kusamiya madrasah, the 11th century; 33. Mausoleum of the early 13th – 14th centuries; 37. Accumulation of ceramics of structure of the 11th century; 38. Accumulation of ceramics and wall fragment of a structure of the 12th century; 39. Remains of structures of the 11th – 12th centuries; 45. Lachin-Bek tomb, the 11th century; 46. Wall fragment, the 11th – 12th centuries; 47. Wall fragment, the 11th – 12th centuries

ный тип медресе, а в декоре преобладала резная неполивная терракота, нигде более в Средней Азии не представленная в таком разнообразии геометрического, растительного и эпиграфического орнамента и его композиций.

Медресе Кусамийа, 1066 г.

Одно из наиболее важных открытий археологических работ в ансамбле Шахи-Зинда — вскрытие основания стен ханифитского медресе Кусамийа XI в., известного по письменным данным. Это самое крупное сооружение комплекса Шахи-Зинда за все время его существования. Медресе Кусамийа посвящена обстоятельная публикация¹⁷⁶.

Медресе было выстроено у главной святыни города — «машада Кусамы» в XI в. от имени Ибрахима Тамгач Бограхана (правил 1046–1068), первого правителя Западного тюркского каганата из династии Караханидов, который сделал Самарканд своей столицей.

До нас дошел исключительной важности юридический документ 1066 г. — **вакуфный акт Тамгач Бограхана**, в котором сообщается, что «хакан пожелал войти в число тех, чьи дела не прекращают свое существование, заведомо уготовил для себя добро, которое будет находиться для него у Аллаха и явится залогом для загробной жизни, прочным запасом на Судный день». «Он приказал основать около святыни (ал-машхад) мадрасу, которая станет местом собрания «людей науки и религии» и включит в себя мечеть, учебные классы, библиотеку для обучения Корану, класс чтеца Корана, класс преподавателя адаба, обучающего адабу (сеть гуманитарных наук, законоведение), подсобные помещения, двор и сад»¹⁷⁷.

В документе сообщается небезынтересная информация о личности кагана. «Он

¹⁷⁶ Немцева Н.Б. Медресе Тамгач Богра-хана... . 1974. С. 99 и сл.

¹⁷⁷ Бунятов Дж.З., Гасанов Т.Б. 1994. С. 56 и сл.

был набожным, никого не казнил, не отбирал имущества, пока на это не было разрешения факихов... Его разбил паралич в 460 году (1067/68) и главой династии стал Абу Бакр Шемс ал-Мульк»¹⁷⁸ — сын Ибрахима Тамгач-хана.

Появление ханифитского медресе у главной мусульманской святыни города в середине XI в., отстроенного от имени государя, — многозначительный факт. Основание медресе отражало не только личные заботы кагана о «судном дне», но и общую морально-этическую, духовную атмосферу в Самарканде XI в., где уже в IX-X вв. сложилась интеллектуальная среда, существовали крупные теологические школы (ханифитские и шафиитские), круг ученых богословов. Теологическое учение самаркандской школы под названием «ал-Матуридийа» стало общеханифитской доктриной¹⁷⁹.

Возведение в XI в. именно ханифитского медресе в составе «машада Кусама» подтверждало победу этого толка в Самарканде и Мавераннахре в целом, в то время как в Хорасане и Иране продолжалось противостояние и упадок теологических школ¹⁸⁰.

Вакф 1066 г. был обнаружен в середине XX в.¹⁸¹ в далекой Александрии (Египетской) почти одновременно с раскопками медресе в Шахи-Зинда. Этот крайне редкий документ XI в. был выборочно переведен на русский язык и прокомментирован в плане денежного обращения в Средней Азии XI в. (О.Г. Большаков), более полный перевод сделан Дж. Буниятовым и Т. Гасановым, частично О.Д. Чехович. По этому вакфу в пользу медресе и стоящей рядом гробницы Кусама — «машаду» главой государства завещалась большая личная не-

движимость и доходы с нее. Данные вакфа дополнили материалы археологических исследований и позволили получить сравнительно полную информацию о медресе Кусамийа в комплексе Шахи-Зинда.

В те же годы несколько списков того же вакфа 1066 г., хранящихся в Ташкенте (фонды Института востоковедения АН РУ), были переведены и сопоставлены с материалами археологических работ в ансамбле Шахи-Зинда (О.Д. Чехович, Н.Б. Немцева). Этот комплекс письменных и археологических данных позволил впервые на документальной основе рассмотреть одно из самых ранних медресе Средней Азии, изучить вопросы генезиса, ранние архитектурные формы медресе, внутреннюю структуру, программу обучения, финансирования и т.д.¹⁸²

Сведения об этом медресе еще в 50-е годы XX в., задолго до раскопок и обнаружения вакфа XI в. в Александрии, были опубликованы А.А. Семеновым. В «Шурут ал-Мухит» («Всеобъемлющие юридические условия») среди поздних документов XVI в. случайно оказалась небольшая вставка из вакфа XI в., где сообщается о медресе, основанном у «машада Кусама» тюркским каганом¹⁸³.

О медресе Кусамийа в Шахи-Зинда, как говорилось выше, сообщает также хорезмийский ученый Насир ибн Абдусейид (1143-1213)¹⁸⁴.

Ибн Баттута, посетивший святыню Шахи-Зинда в 30-годы XIV в., упоминает завию (ханаку) близ гробницы Кусама¹⁸⁵. Думаю, что это было здание бывшего медресе, по планировочной структуре оптимально отвечающее ранним ханакам дворовой композиции с худжрами по периметру для паломников. Ханакой могла быть унаследована и библиотека медресе, названная в вакфе, и даже штат служителей. Известно, что в крупных ханаках велось обучение.

¹⁷⁸ Буниятов Дж.З., Гасанов Т.Б. 1994. С. 49.

¹⁷⁹ Муминов А.К. Самаркандская среда теологов (VIII-XII века) // Роль города Самарканда в истории мирового культурного развития. Материалы международного научного симпозиума, посвященного 2750-летию юбилею города Самарканда. Ташкент-Самарканд, 2007. С. 237—238.

¹⁸⁰ Там же. С. 338.

¹⁸¹ Khadr M. Deux actes... 1967. P. 330 и сл.

¹⁸² Немцева Н.Б. Медресе Тамгач Богра-хана... 1974. С. 99 и сл.

¹⁸³ Семенов А.А. К вопросу о... 1951. С. 26.

¹⁸⁴ Волин С.Л. Старейшие письменные известия... 1940.

¹⁸⁵ Путешествия Ибн Баттуты. 1996. С. 278.



25. Мавзолей Ширинбек-ака, 1385/86 г.
Портал

25. Shirinbek-aka mausoleum, 1385/86.
Portal.



Мавзолей Ширинбек-ака, 1385/86 г.

- 26. Купол (слева)
- 27. Декор портала
- 28. Интерьер

Shirinbek-aka mausoleum, 1385/86.

- 26. Dome (left)
- 27. Portal décor
- 28. Interior



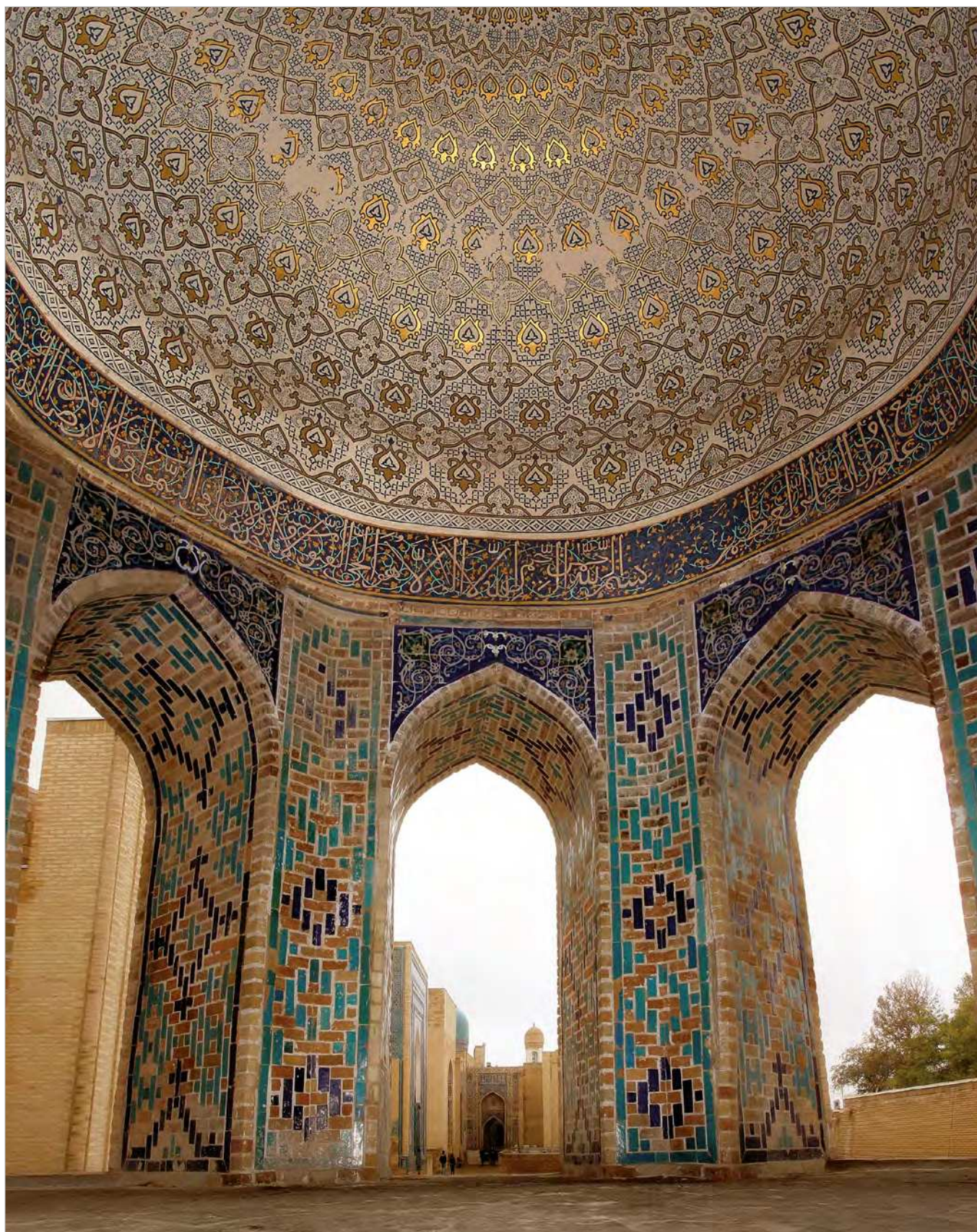


29. Мавзолей Ширинбек-ака, 1385/86 г. Интерьер. Купол
 30, 31. Средняя группа памятников
 32. Мавзолей «Восьмигранник». Декор

29. Shirinbek-aka mausoleum, interior, dome
 30, 31. The middle group of monuments
 32. 'Octahedron' mausoleum, décor





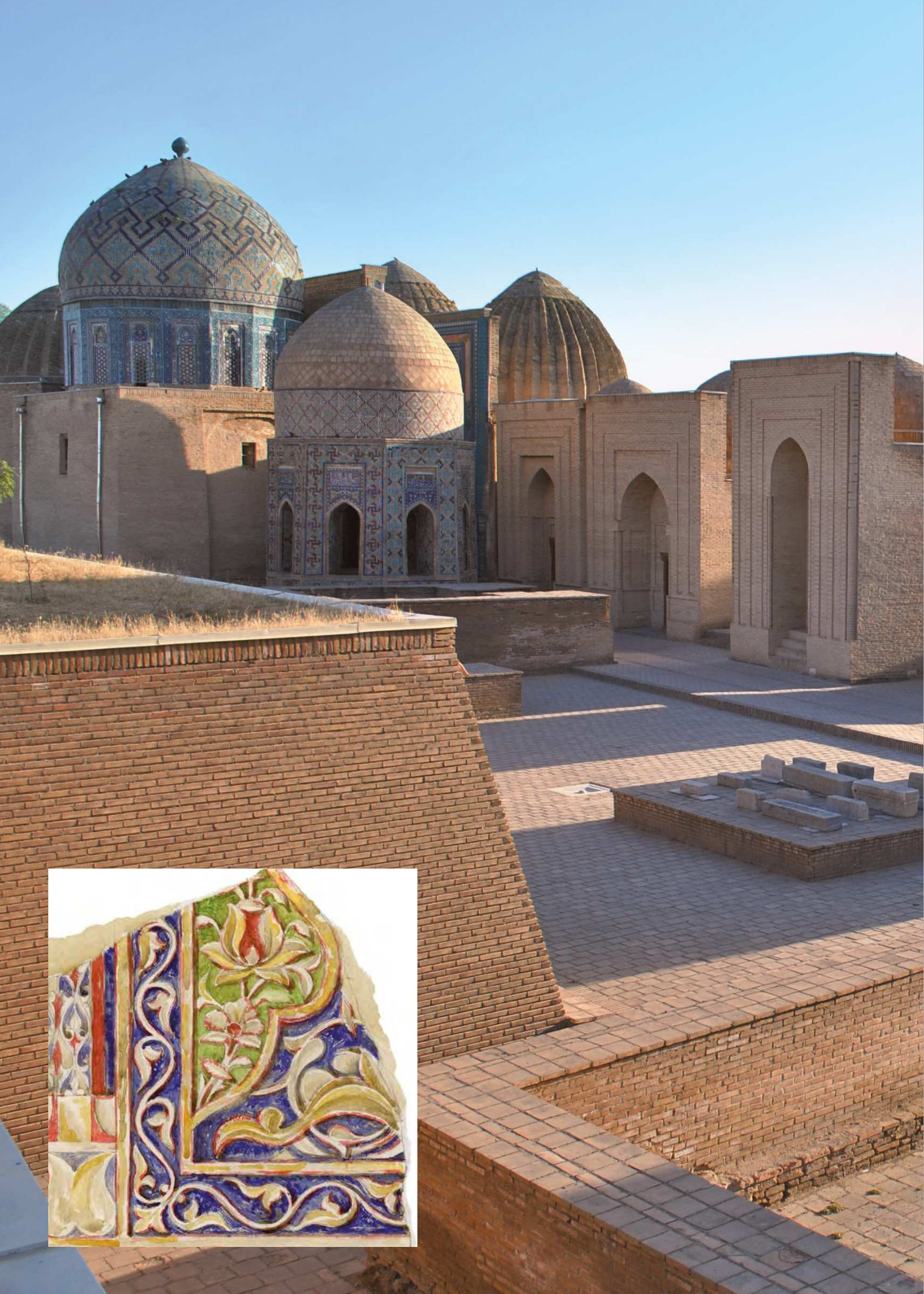


33. Мавзолей «Восьмигранник», первая пол. XV в.
34. Мавзолей «Восьмигранник». Интерьер

33. 'Octahedron' mausoleum, the early 15th century.
34. 'Octahedron' mausoleum. Interior.

35. Средняя группа памятников и фрагмент расписного резного мрамора из мавзолея 30

35. The middle group of monuments and fragment of painted carved marble from mausoleum '30'

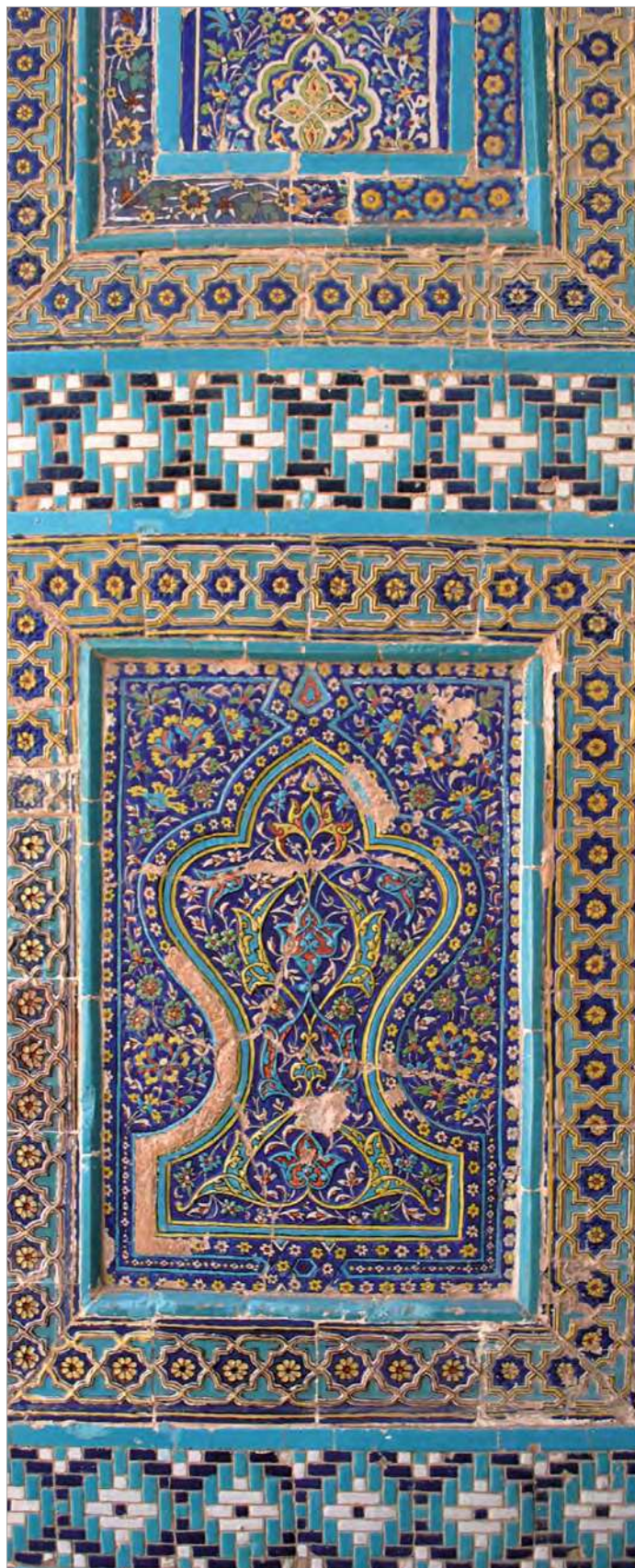




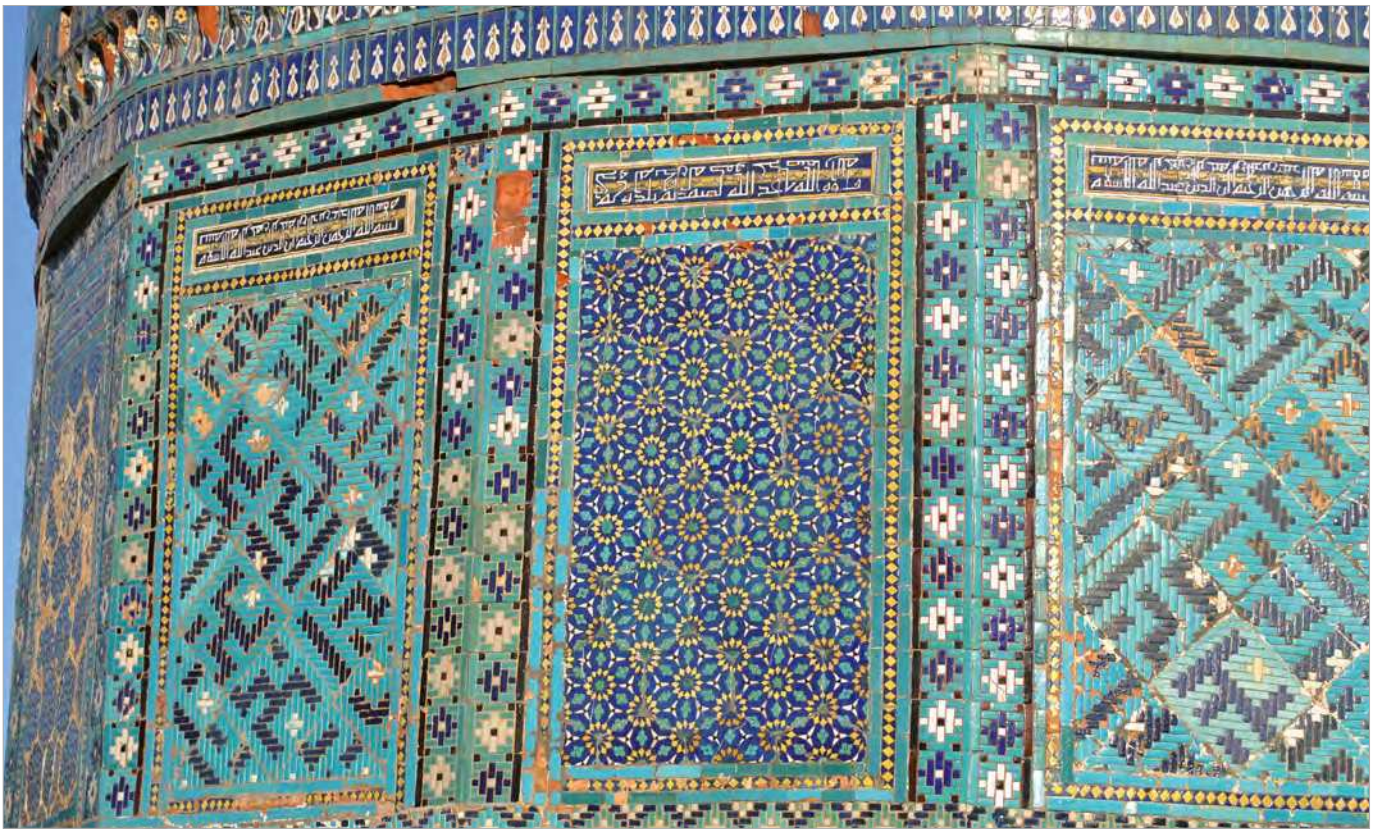




Мавзолей работы усто Алима Насафи
(«Безымянный-1»), 80 – 90-е гг. XIV в.
36. Общий вид
37-39. Детали декора



Usto Alim Nasafi ('Unnamed-1') mausoleum,
the 1380 - 90s
36. General view.
37 – 39. Décor items

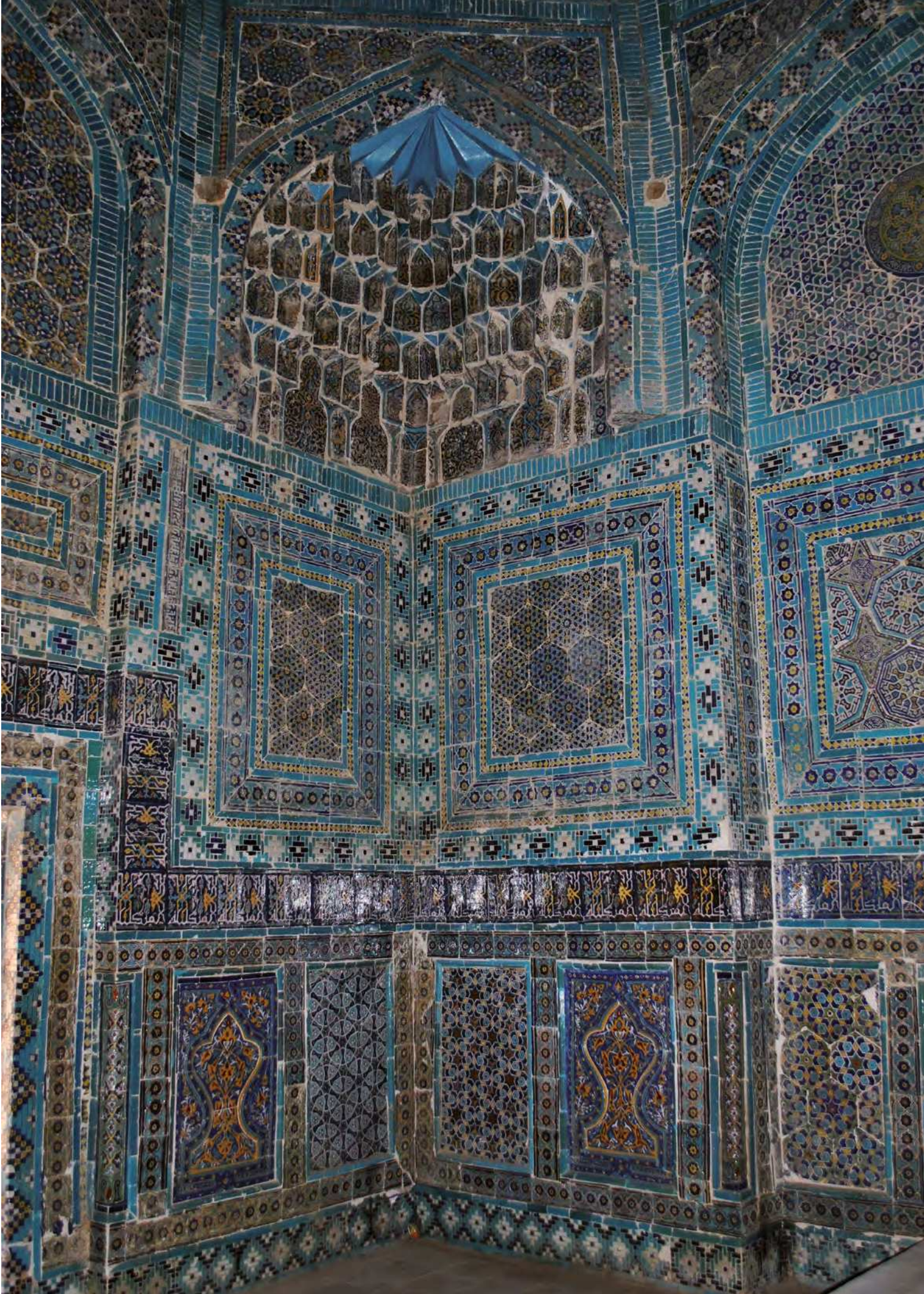


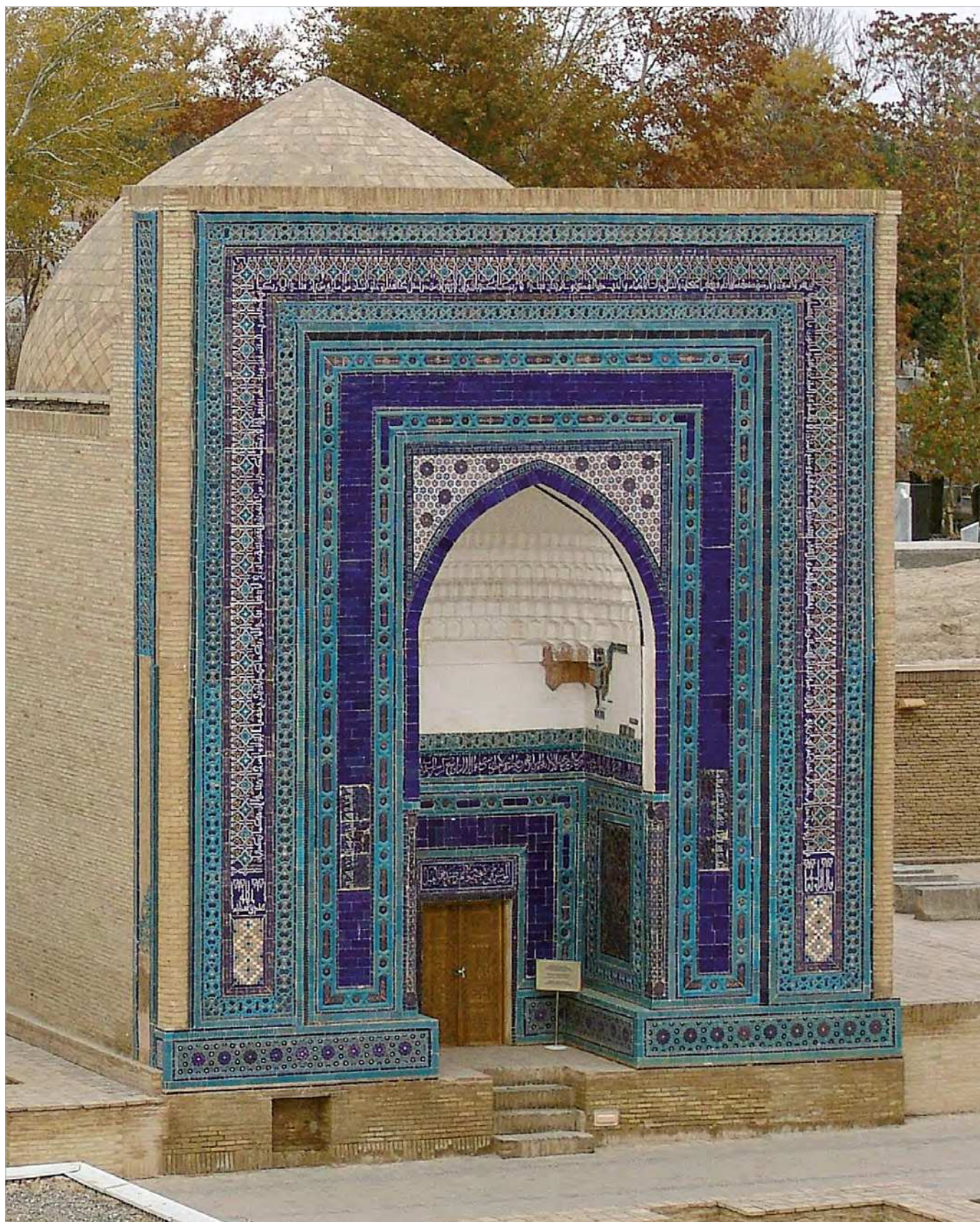
Мавзолей работы усто Алима Насафи («Безымянный-1»), 80—90-е гг. XIV в.

- 40. Барабан купола
- 41. Интерьер. Купол
- 42. Интерьер

Usto Alim Nasafi ('Unnamed-1'), mausoleum, the 1380 - 90s

- 40. Drum of the dome
- 41. Interior. Dome
- 42. Interior





Мавзолей «Безымянный-2», 80 – 90-е гг. XIV в.

43. Общий вид

44. Детали декора порталной ниши

'Unnamed-2' mausoleum, the 1380 – 90s

43. General view

44. Details of décor in the portal niche





45. Средняя и верхняя группы памятников
46, 47. Мавзолей «Безымянный-1», детали декора

45. Middle and upper groups of monuments
46, 47. 'Unnamed-2' mausoleum, décor items

После монгольского нашествия и постепенного перемещения шахристана Самарканда с территории Афрасиаба в рабад медресе как высшее городское учебное заведение перестало функционировать, а здание использовалось как ханака.

К XVIII в. сведения о медресе Кусамийа были полузабыты, и Абу Тахир Ходжа, называя медресе у оплывов крепостной стены городища Афрасиаб, приписывает его известному сельджукскому султану Санджару¹⁸⁶.

Нет сомнений, что во всех ранних и поздних источниках речь идет об одном и том же медресе Кусамийа, остатки которого вскрыты напротив «машада Кусам» на западной стороне ансамбля Шахи-Зинда. Никакого другого крупного строения дворовой композиции, характерной для мусульманских медресе, за все годы археологических работ в комплексе не обнаружено.

Надо отметить, что это одно из самых ранних медресе Самарканда, которые стали появляться в странах ислама уже в X в., почти одновременно с университетами в Западной Европе. Это показатель синхронности развития духовной культуры на широкой территории Евразии, которая складывалась в постоянных взаимосвязях и контактах, в том числе в сфере образования и науки, независимо от религиозных воззрений.

Обнаруженный вакф XI в. на медресе (и госпиталь¹⁸⁷) — редчайший случай в востоковедческой науке. Еще большая удача — почти синхронные археологические вскрытия медресе в комплексе Шахи-Зинда в 60-е годы XX в., которые подтвердили данные вакфа и наоборот. Двойное открытие — вскрытие остатков медресе Кусамийа и обнаружение вакфа на это медресе в 60-е годы XX в. — уникальный случай в истории комплекса Шахи-Зинда.

Медресе Кусамийа 1066 г. стояло напротив «машада Кусам», на западной стороне

улицы, вдоль которой сложился ансамбль Шахи-Зинда, на берегу канала (рис. 32). Здание было обращено главным фасадом с входным порталом на восток (в сторону «машада»). Северный фасад был обращен к каналу.

«Машад Кусам» и медресе составляли известный в градостроительной системе городов Средней Азии ансамбль «кош». Это один из ранних примеров такой композиции, которая позже доминировала в городах региона при возведении монументальной архитектуры.

В медресе Кусамийа учились студенты, исповедующие толк Абу-Ханифы, которых обучали богословию и светским наукам (в вакфе назван адаб — литература, этика, фикх), имелась библиотека.

В медресе готовили служителей мусульманской общины, учителей мактабов, чиновничий аппарат. В средние века преподавание богословия и светских дисциплин было обязательным не только для мусульманских медресе, но и университетов стран Европы¹⁸⁸.

Вся обрядовая практика, как следует из вакфа, повседневная служба и важные мусульманские праздники в исламе (Ураза, Хаит, Курбан-байрам) отмечались служителями «машада» и медресе совместно. Часть средств вакфа 1066 г. выделялась на нужды «машада» (содержание чтецов Корана, освещение, уборка и т.д.¹⁸⁹).

План медресе (рис. 33). При всех трудностях археологических работ в стратегически сложном, плотно застроенном ансамбле Шахи-Зинда, где некрополь XI—XII вв. был перекрыт гробницами эпохи Темуридов и более поздними культовыми сооружениями, удалось выявить основную схему плана медресе Кусамийа (вскрыта юго-восточная четверть здания) и на основе симметрии, характерной для памятника, графически реставрировать общую композицию здания. Ключом, дешифру-

¹⁸⁶ Абу Тахир Ходжа. «Самария». 1899. С. 176.

¹⁸⁷ Госпиталь находился в рабаде Самарканда.

¹⁸⁸ Немцева Н.Б. Истоки медресе... . 2007. С. 235—241.

¹⁸⁹ Буниятов Дж.З., Гасанов Т.Б. Два самаркандских вакфа... 1994. С. 59—60.

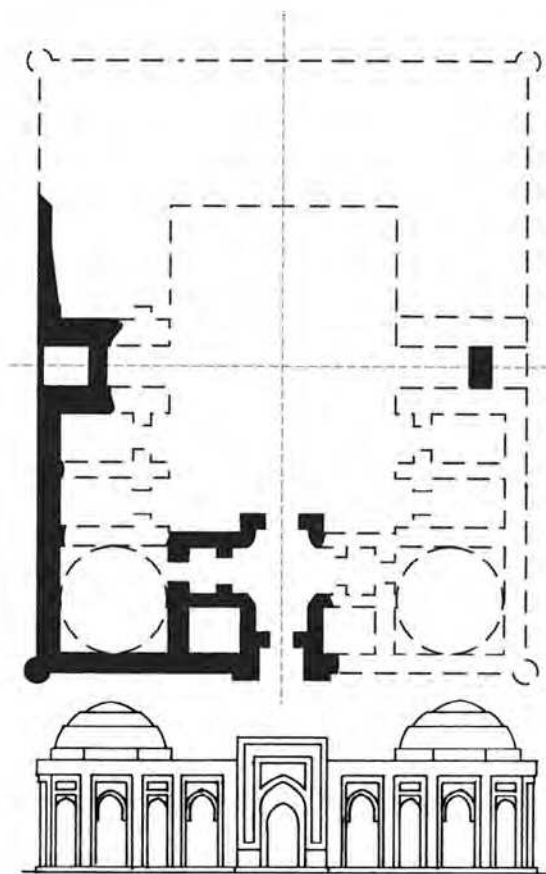


Рис. 33. Медресе Кусамийа, XI в.,
реконструкция: а – план, б – главный фасад

Fig. 33. Kusaamiya madrasah, the 11th century.
Reconstruction: a – plan, b – the main facade

ющим общую планировку медресе и его размеры, была его южная сторона с входным айваном на поперечной оси.

Медресе имело прямоугольный план (55×44–45 м по внешним параметрам), внутренний двор (около 20×30 м), четырехайванную композицию. На главной оси восточного фасада находился входной портал, основание которого можно было видеть в комплексе Шахи-Зинда до 2004 г. По сторонам портала располагались крылья стен, завершенные угловыми гильдаста.

Внутренний план здания заключал двор с айванами на осях, застроенный по сторонам худжрами для проживания студентов и учебными классами. По углам, судя по

вскрытому юго-восточному, располагались квадратно-купольные помещения — дарсхана или библиотека, названные в вакфе. Мечеть, надо полагать, традиционно располагалась в западной нераскопанной части медресе. Эта схема планировочной композиции типична для более поздних медресе Средней Азии.

Из центрального входного айвана шли поперечные проходы в угловые аудитории (раскопаны в юго-восточной четверти). Принцип планировки легко узнаваем. Эта композиция в более развитом виде хорошо известна по медресе Мавераннахра XV–XVII вв. На основе таких боковых проходов в XV–XVII вв. развивается характерный для медресе коленчатый проход, который можно видеть почти в каждом медресе Средней Азии (Ходжи Ахрара, Кукельдаша в Ташкенте, Мири Араба в Бухаре).

Главный фасад медресе Кусамийа (общая длина 44–45 м) представлял собой типичную фронтальную композицию, построенную на основе классической трехчастной симметрии. На центральной оси находился портал с выступающими на 50–60 см пилонами, по сторонам портала крылья стен, завершенные угловыми башнями-гильдаста (найлены лекальные облицовочные детали большого диаметра).

Основа этой фронтальной композиции зародилась в Средней Азии в глубокой древности (была известна уже в эпоху бронзы, как показывают храмовые комплексы Гонура и Тогалок на юге Туркменистана) и после многих трансформаций стала универсальной в средневековых зданиях с внутренним двором (медресе, мечети, дворцы, госпитали и караван-сарай). Основная схема фасада оставалась почти неизменной на протяжении веков, эволюционировала лишь в деталях соответственно моде времени.

Что касается входного портала с выступающими пилонами (в дворовых зданиях) или портала в виде выдвинутой и подчеркнутой декором передней стены

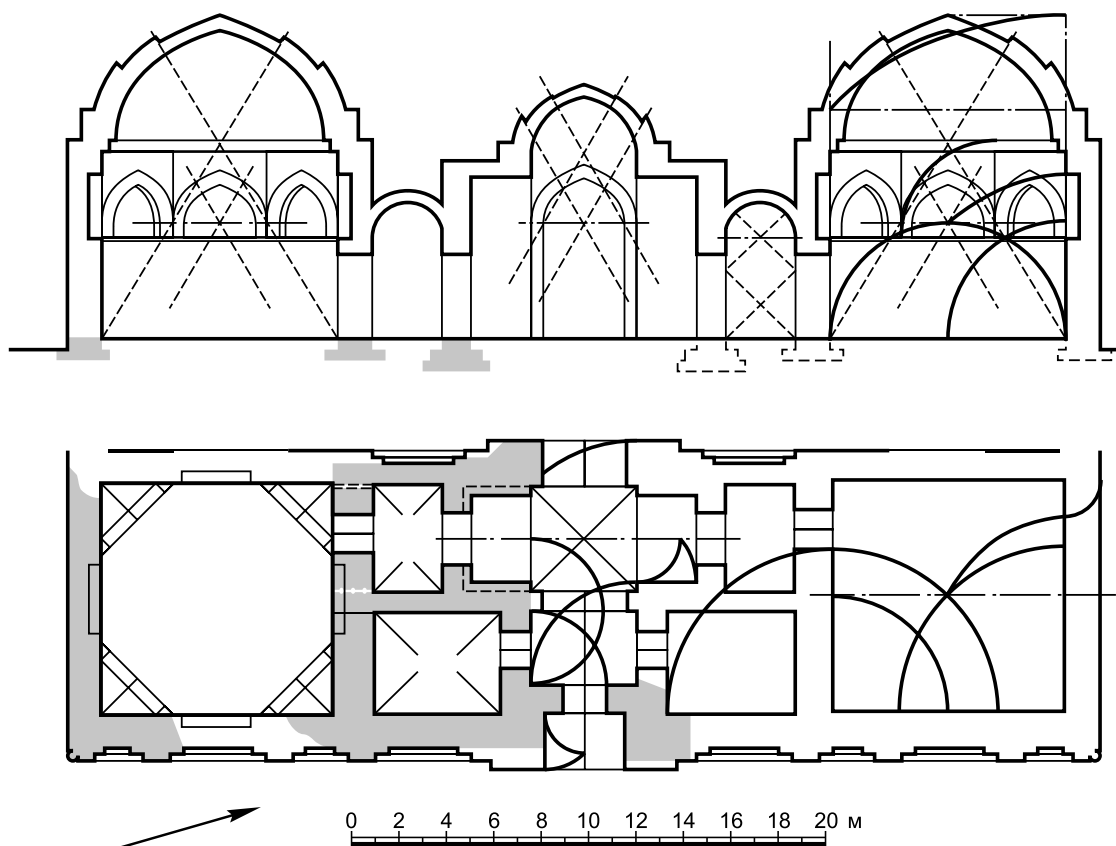


Рис. 34. Реконструкция восточной стороны медресе Кусамийа (по Ю.З. Шваб)

Fig. 34. Reconstruction of the east side of Kusamiya madrasah (according to Yu.Z. Shvab)

(однокамерные мавзолеи), генезис которого на протяжении многих десятилетий историки архитектуры и археологи (А.Н. Бернштам, Б.Н. Засыпкин, В.Л. Воронина, А.М. Прибыткова, Г.А. Пугаченкова, В.А. Нильсен и др.) пытались вывести из разных источников, вплоть до невероятных (из входа в юрту, например), подытожил киргизский архитектор Д. Иманкулов, который заключил, что форма объемного входа с аркой в центре возникла в доарабской Средней Азии, стала универсальной в процессе эволюции и применялась в типологически разных сооружениях на протяжении всего средневековья¹⁹⁰.

Главный фасад медресе был классически строг. Архитектурно-декоративная разработка была проста и лаконична. Кры-

лья стен членились пилястрами на отдельные панно. Заполненные глухими арками, они были облицованы парным шлифованным кирпичом в сочетании с «бантиками». Это самый популярный прием декоративной отделки в XI–XII вв. Пилястры (в жаргоне — лопатки) могли быть подчеркнуты более выразительным декором, как показывают синхронные и более поздние памятники.

Весь комплекс данных — размеры portalной ниши, определяющей в какой-то мере высоту портала (арка примерно 7,5–8 м, рама портала 12–13 м), планировочное решение помещений — позволяет думать, что медресе было одноэтажным.

Это пока единственное для домонгольской Средней Азии реальное медресе свидетельствует о том, что уже в середине XI в. на территории Мавераннахра сложился архитектурный тип здания, основная пла-

¹⁹⁰ Иманкулов Д. Монументальная архитектура... . 2005. С. 68.

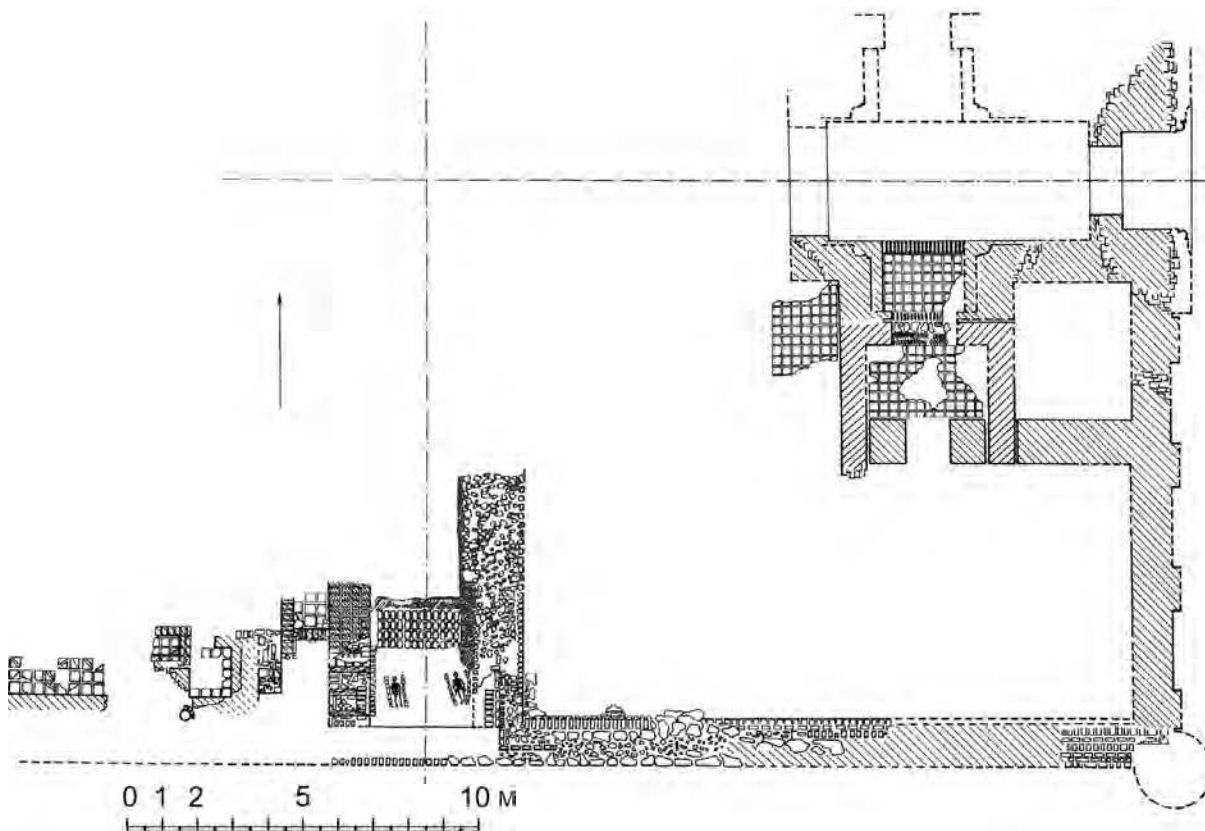


Рис. 35. План вскрытой юго-восточной части медресе Кусамийа, XI в. (обмер, графика Н.Б. Немцевой)

Fig. 35. Plan of unearthed southeastern part of Kusamiya madrassah, the 11th century (measurements and graphics by Nemtseva N.B.)

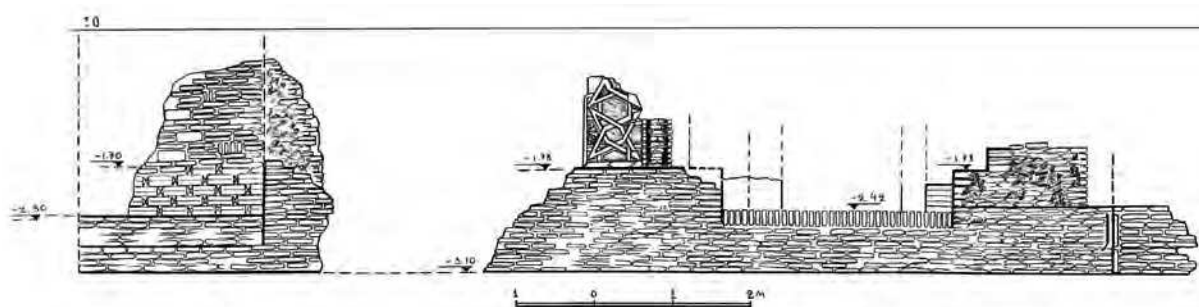


Рис. 36. Остатки стен южной стороны входного айвана медресе Кусамийа, разрез по оси восток-запад (по Н.Б. Немцевой)

Fig. 36. Remains of the walls in the southern side of entrance ayvan of Kusamiya madrassah, cross-section along the east-west axis (according to N.B. Nemtseva)

нировочная схема которого позже развивалась в классических медресе Центральной Азии и Хорасана XV – XVII вв.

Крупные размеры медресе Кусамийа из Шахи-Зинда сближают памятник с такими

синхронными сооружениями, как караван-сарай на городище Ерез-тепе (45×45 м), Дая-хатын (50×50 м) в Северном Хорасане, мавзолее-ханаке Ходжа Машад в Саяте (48×68 м) на юге Таджикистана.

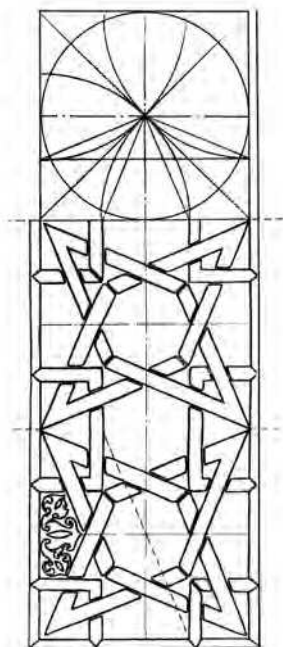


Рис. 37. Построение рисунка панно из центрального айвана медресе Кусамийа (по Ю.З. Шваб)

Fig. 37. The structure of panel graphics from the central ayvan of Kusamiya madrassah (according to Yu.Z. Shvab)

Рис. 38. Входной айван медресе Кусамийа (раскопки 60-х годов XX в.)

Fig. 38. The entrance ayvan of Kusamiya madrassah (excavations of the 1960s)

Декоративно-художественный облик медресе Кусамийа соответствовал стилю времени. Фасад медресе¹⁹¹ и порталная ниша были облицованы парным шлифованным кирпичом с поперечными фигурными вставками-«бантиками», как говорилось. Судя по находкам, наружные части пилонов портала (вскрыты в черновой кладке), возможно, украшала резная неполивная терракота с растительным, геометрическим и эпиграфическим орнаментом.

Резная терракота, которую предположительно можно отнести к облицовке портала, выполнена глубокой резьбой, рисунок крупный и несколько грубоват. Мотивы и узоры оригинальны по форме, сочетанию элементов и композициям, стилевые признаки не вызывают сомнений

в датировке их второй половиной XI в.¹⁹² Резная терракота XII в. из комплекса Шахи-Зинда отличалась более изящной, тонкой двух- и трехплановой резьбой и насыщенным цветочным узором.

Интерьер вскрытого углового юго-восточного зала покрывала полихромная роспись по ганчу. Пол зала был вымощен квадратными шлифованными керамическими плитами.

Роспись на стенах (сохранилось основание) представляла крупный стилизованный растительный орнамент, выполненный в синей, оранжево-красной, желтой цветовой гамме, контур узора — черный. Палитра красок, основанная на местном природном сырье, и орнамент хорошо известны по ряду синхронных памятников Северного Хорасана (мавзолей Мухаммада ибн Зейда, султана Санджара, термезский

¹⁹¹ В 60-е годы прошлого века можно было видеть часть фасада медресе на высоту 2.8 м, вмурованного в портал «Безымянного-2».

¹⁹² Найденные при раскопках фрагменты декора могли быть перемещены, учитывая большое количество ремонтов в ансамбле Шахи-Зинда.

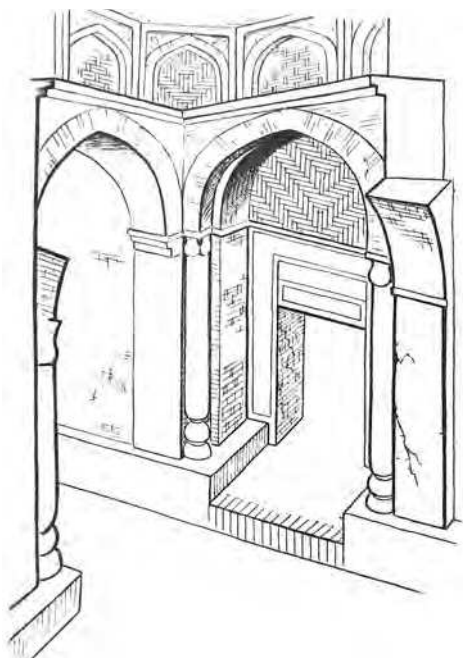


Рис. 39. Внутренний чартак в восточном айване медресе Кусамийа (схема-реконструкция Л.И. Ремпеля)

Fig. 39. Internal chartak in the eastern ayvan of Kusamiya madrassah (scheme-reconstruction by L. I. Rempel)



Рис. 40. Фрагмент декоративного панно из входного айвана медресе Кусамийа

Fig. 40. Fragment of decorative panel from the entrance ayvan of Kusamiya madrassah

дворец XI—XII вв.), Бухарского оазиса (росписи мечети Мах X в., вскрытой под мечетью XII в. Магоки-Аттари, росписи в бане и в порталной арке Рабат-и Малика) и других мест Средней Азии.

Наибольший интерес представляет декор, сохранившийся *in situ* в центральном входном айване. На углу прохода в угловой зал уцелело небольшое навесное декоративное панно (ширина 78 см) (рис. 36–38, 40). Геометрический узор панно представляет комбинацию из шлифованных брусков в сочетании с резным ганчем. Гирих развивался по вертикали, обрамлял входную часть прохода, по характеру близок памятникам центральных и северо-восточных районов Средней Азии (Бухара, Узгенд).

Фрагменты стеклянных дисков из завала от оконных панджара, хорошо известные по монументальной и жилой архитектуре Средней Азии, говорят о световых проемах в помещениях медресе.

По найденным фрагментам терракоты можно гипотетически представить внешний облик входного портала.

Угол тимпана со стилизовано-растительным узором, лекальные фрагменты от облицовки архивольта порталной арки с эпиграфическим орнаментом в стиле сульс, плиты-выкружки, опоясывающие порталную раму, позволяют умозрительно реконструировать общий облик портала медресе. Эпиграфический орнамент плит-выкружек содержит стереотипную арабскую формулу: «ал-мульк-лиллахи» — «вся власть Аллаху». На другой плите: «ал-вахид, ал-кахар» — «единственный, могущественный»¹⁹³. Этот художественный прием известен по ряду памятников XI—XII вв. Средней Азии (мавзолеи Узгенда) и традиционно использован в ранних мавзолеях XIV в. в комплексе Шахи-Зинда (Ходжи Ахмада, 1360/61 г., Шади-Мульк-ака и другие).

¹⁹³ Чтение всех надписей на терракоте из комплекса Шахи-Зинда выполнено в свое время научным сотрудником Института востоковедения АН Узбекистана востоковедом Д.Г. Вороновским.

Плиты-выкружки определяют и взаимосвязанные с ней другие детали облицовки — бордюры. Найдена серия бордюров (ширина 16-20 см) с глубоким резным геометрическим и растительным орнаментом типа ислими. Следует отметить фрагмент резной терракоты в виде крупной розетки (диаметр 80-85 см) с эпиграфическим орнаментом. Арабская надпись, содержащая формулу «ал-мульк-ли-ллахи», выполнена почерком сульс с включением растительных элементов ислими. Местоположение розетки не вызывает сомнений — это углы тимпана над аркой портала. Заполнение верхних углов тимпана порталов (и михрабов) орнаментальным диском — излюбленный прием в домонгольском зодчестве на всем мусульманском Востоке (Средняя Азия, Иран, Афганистан, Азербайджан, Турция).

К обрамлению архивольта портальной арки можно отнести криволинейный терракотовый резной бордюр (ширина 15 см) с «бегущим меандром», мотив которого издревле распространен на Ближнем и Среднем Востоке — он выполнялся в резьбе по ганчу, терракоте, камню (Ирак, Азербайджан, Турция).

Комплекс декоративно-облицовочного материала медресе, при всей оригинальности отдельных изразцов, орнаментальных мотивов и художественных приемов, находит много общего в домонгольском зодчестве Средней Азии.

Конструкции, инженерные приемы. Внешние стены медресе (толщина 1,70—1,90 м) были построены на мощных фундаментах из сборного материала. Фундамент южной стены (глубина 1,45 м) сложен камуфлетным способом из разного материала (крупные блоки рваного камня по краям, мелкий сланец, галька и кирпичный бой в заполнении) на глиняном растворе. Такой камуфлетный способ кладки стен, известный с древности (доарабский замок Джумалак-тепе), был широко распространен по всей Средней Азии в средние века (внешние обводные стены мавзолея-хана-



Рис. 41. Медресе Кусамийи, XIV в., основание бокового входа из центрального айвана в юго-восточное помещение

Fig. 41. Kusamiya madrasah, the 11th century, base of a side entrance from the central ayvan into the southeastern room



Рис. 42. Основание портальной ниши медресе Кусамийи: а — южный пилон, б — северный пилон портала

Fig. 42. Base of a portal niche of Kusamiya madrasah, a — southern pylon, b — northern pylon of the portal.



Рис. 43. Фрагмент облицовки угловой башни медресе Кусамийа, XI в.

Fig. 43. Fragment of facing in the corner tower of Kusamiya madrasah, the 11th century



Рис. 44. Фрагменты выкружки. Резная неполированная терракота из медресе, XI в.

Fig. 44. Fragments of round design. Carved unglazed terracotta, the 11th century



Рис. 45. Резная неполированная терракота, XI в.

Fig. 45. Carved unglazed terracotta, the 11th century

ки Ходжа Машад XII в. в Сайате, медресе Улугбека XV в. в Бухаре).

Такую же пеструю картину по строительному материалу и уровню заложения представлял фундамент главного восточного фасада. Он скомбинирован из жженого кирпича и каменного сланца, вынесен вперед относительно стен на 0,75 м. Глубина заложения колеблется от 0,6–1 м в районе главного портала и до 2,5 м у юго-восточного угла здания, где находилась угловая гульдаста.

Внутренние стены из прямоугольного жженого кирпича были установлены на «заливки» толщиной 50–70 см, что обеспечивало идеально ровную поверхность. Этот древнейший в Средней Азии строительный прием сохраняется до сего дня в народном жилье.

Особой конструкцией отличалась стена главного фасада, несущая декор. Стена имела трехслойную структуру¹⁹⁴, лицевая сторона была сложена комбинированной кладкой (чередование кирпича на ребро и плашмя), на плотном растворе из ганчаха (лесс + ганч). На эту кладку крепился декор из шлифованных парных кирпичей с поперечными «бантиками».

Все стены и фундаменты медресе были армированы деревянными связями. Деревянная арматура, известная в сырцово-архитектуре парфянского зодчества, широко применялась в средневековом строительном деле Средней Азии. Стены углового юго-восточного зала армированы поперечными деревянными балками (диаметр 15–20 см), пилоны главного портала — диагональными связями. Деревянная арматура пронизывала не только кирпичную кладку стен, но и каменно-бутовый фундамент.

Фундаменты внутренних помещений медресе (вскрыт и исследован угловой юго-восточный зал) сложены из того же прямоугольного кирпича, что и стены (18×30×5–6 см), имели небольшую глу-

¹⁹⁴ Немцева Н.Б. Медресе Тамгач Богра-хана... 1974. С. 112. Рис. 5 (Б).



Рис. 46. Фрагмент орнаментального диска. Резная неполированная терракота XI в.

Fig. 46. Detail of ornamental disc. Carved unglazed terracotta, the 11th century



Рис. 47. Резная неполированная терракота из медресе, XI в.

Fig. 47. Carved unglazed terracotta, the 11th century

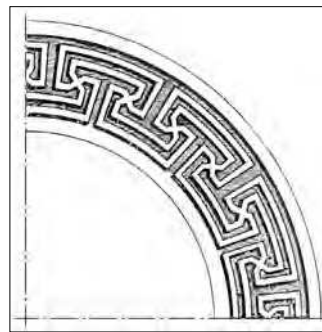


Рис. 48. Реконструкция декора XI в. (по Ю.З. Шваб)

Fig. 48. Reconstruction of décor, the 11th century (according to Yu.Z. Shvab)

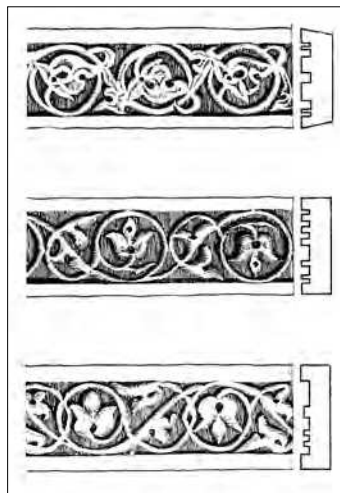


Рис. 52. Реконструкции бордюров (по Ю.З. Шваб)

Fig. 52. Reconstruction of curbs (by Yu.Z. Shvab)

Рис. 49 – 51. Бордюры, резная неполированная терракота из медресе, XI в.

Fig. 49 – 51. Curbs, carved unglazed terracotta, the 11th century



Рис. 53–55. Резная неполированная терракота, XI в.

Fig. 53–55. Carved unglazed terracotta, the 11th century



Рис. 56. Резная неполированная терракота, XI – XII вв.

Fig. 56. Carved unglazed terracotta, the 11th – 12th centuries

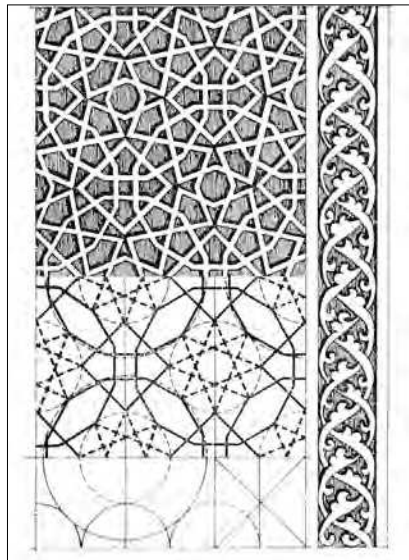


Рис. 57. Реконструкция орнамента, XI – XII вв.

Fig. 57. Reconstruction of ornament, the 11th – 12th centuries

бину заложения (75 см) и широкий (82 см) вынос-подушку, установленный на «заливки». В подошве фундамента углового зала проложен ряд сырцового кирпича (амортизатор?). Прием не имел широкого распространения, но отмечен в ряде памятников зодчества (мемориальное сооружение Миздахкана¹⁹⁵, основание колонн дворца в Варахше, где под жженым кирпичом фундамента выявлено несколько рядов кирпича-сырца¹⁹⁶).

«Культ порога». Представляют интерес разновременные захоронения на территории медресе, часть которых относится ко времени постройки здания и отражает древний «культ порога». При раскопках в основании порталной ниши южного айвана, у пилонов с внутренней стороны расчищены две детские могилы, может быть, совершенные в период постройки медресе (?). Эти явно ритуальные детские захоронения связаны с древнейшим охранным «культом порога» на

Востоке, который дожил до средневековья и на широком материале рассмотрен Х. Ахунбабаевым¹⁹⁷.

Архитектурный тип медресе. Медресе как высшая мусульманская школа, своего рода средневековый университет, известны с X в. Они появились в крупных городах, где уже до этого сложились научные центры (Нишапур, Газна, Багдад, Мосул, Самарканд, Бухара и др.), как свидетельствуют письменные данные. До нас дошли лишь немногие руины медресе XI – XII вв. Северного Хорасана (в Харгирде, Рее, Шахи-Машад в северо-восточной части Афганистана). Наршахи сообщает о сгоревшем медресе Фарджека X в. в Бухаре. В Мавераннахре самые ранние сохранившиеся медресе относятся к XV в. (медресе Улутбека в Самарканде, Бухаре и Гиждуване, и небольшое придворное медресе XIV в. в ансамбле Гур-Эмир).

Вскрытые остатки медресе Кусамийа XI в. в Самарканде в комплексе с данными вакфа впервые дали реальные представления об одном из домонгольских медресе

¹⁹⁵ Ягодин В.Н., Ходжайов Т.Т. Некрополь древнего Миздахкана, Ташкент, 1970. С. 129.

¹⁹⁶ Нильсен В.А. Архитектура Средней Азии V-VIII вв. Ташкент, 1966. С. 122.

¹⁹⁷ Ахунбабаев Х.Г. Дворец ихшидов Согда на Афрасиабе. Самарканд, 1999. С. 54 – 56.

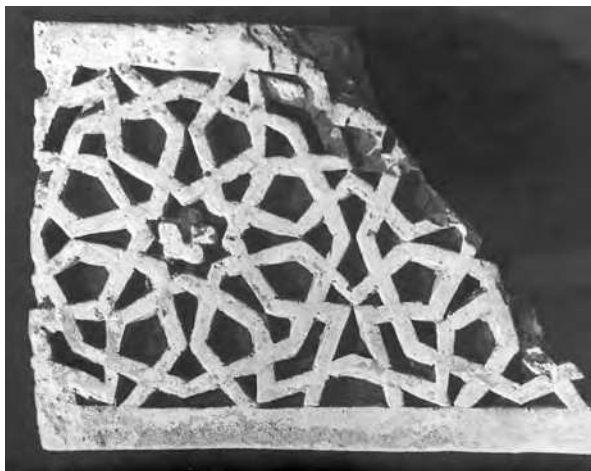


Рис. 58. Резная неполированная терракота, XI-XII вв.

Fig. 58. Carved unglazed terracotta, the 11th – 12th centuries

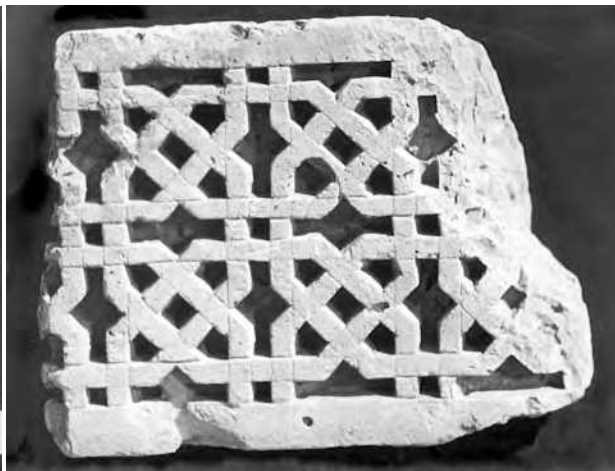


Рис. 60. Резная неполированная терракота, XI-XII вв.

Fig. 60. Carved unglazed terracotta, the 11th – 12th centuries

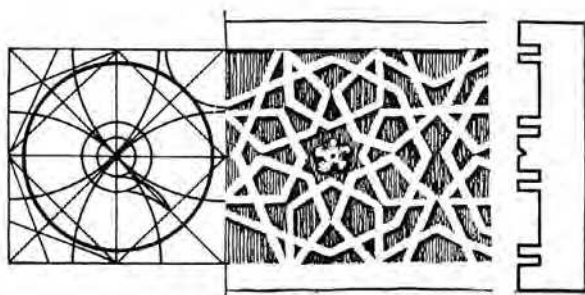


Рис. 59. Реконструкция орнамента (по Ю.З. Шваб)

Fig. 59. Reconstruction of ornament (according to Yu.Z. Shvab)

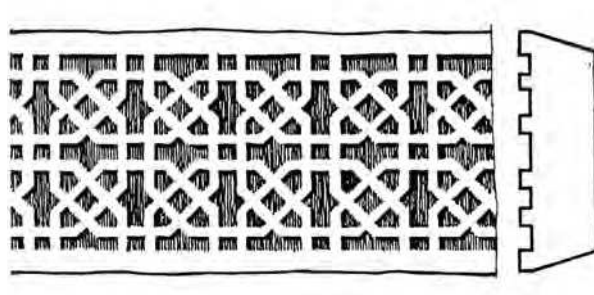


Рис. 61. Реконструкция орнамента (по Ю.З. Шваб)

Fig. 61. Reconstruction of ornament (according to Yu.Z. Shvab)

Средней Азии. Материалы позволили рассмотреть вопросы генезиса, архитектурных форм, инженерных решений и объемно-планировочный строй ранних медресе Средней Азии.

Раскопки показали, что в Самарканде к XI в. сложился дворово-айванный тип медресе, который в последующем развивался, не меняясь принципиально. Археологические материалы, дополненные данными вакфа XI в., где перечисляются двор, хужры вокруг двора и несколько крупных помещений, говорят о зрелой, развитой структуре плана здания. Это единственное пока в Средней Азии медресе XI в. показывает, что в домонгольское время в Самарканде существовал тип высшего учебного заведения, в плане которого были заложены основные элементы классических, канонизированных медресе Мавераннахра

XV – XVII вв.: четырехайванный двор, хужры для студентов по периметру, угловые залы общего пользования — мечеть, аудитории для лекций, библиотека.

Зодчий, строивший медресе Кусамийа, прекрасно владел методом совершенной пропорции — золотым сечением и его производных (4:5, 3:10), как показал К.С. Крюков¹⁹⁸.

К середине XI в., судя по медресе Кусамийа, сложилась матрица, которая в последующем стала универсальной для структуры медресе XV – XVII вв., отражая соответственно эпохе уровень развития инженерных приемов, архитектурных форм и художественной отделки.

¹⁹⁸ Крюков К.С. Пропорции в архитектуре (анализ памятников Древнего Египта, Греции, Рима, Центральной Азии). Ташкент, 1995. С. 104 – 107.

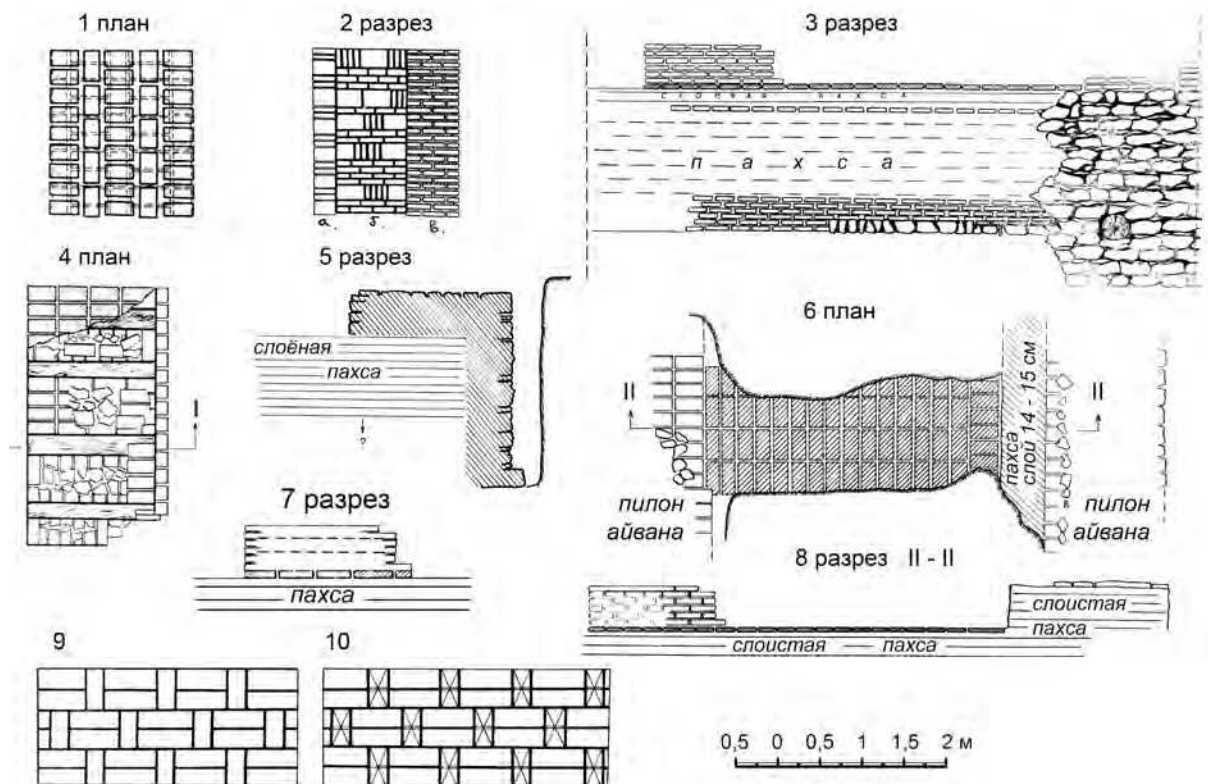


Рис. 62. Конструкция кладок стен и фундаментов медресе Кусамийа:

1. Перевязка кирпича в стенах (план); 2. Кладка стены главного фасада: а — декоративно-облицовочная кладка, б — кладка из горизонтальных и вертикальных рядов на ганчхаке, с — горизонтальная кладка на лессе; 3. Комбинированная кладка фундамента южной стороны у айвана (сочетание пахсы, жженого и сырцового кирпича, рваного камня с деревянными связями); 4, 7. Конструкция западного пилон южного айвана (пахса, сырцовый и жженный кирпич с деревянными связями), план, разрез; 5. Фундамент южной стены здания (со стороны интерьера); 6, 8. Комбинированная кладка южного айвана (пахса, сырцовый и жженный кирпич), план, разрез; 9. Декоративная облицовочная кладка небольшого помещения южной стороны; 10. Декоративно-облицовочная кладка главного фасада

Fig. 62. Design of brickwork in the walls and foundations of Kusamiya madrasah:

1. Bond of bricks in walls (plan) 2. Brickwork of the main facade wall: a - decorative facing brickwork, b - laying of horizontal and vertical lines on ganchkhak, c - horizontal brickwork on loess 3. Combined brickwork of foundation at the south side of ayvan (mixture of pakhsa, baked and mud brick, ragged stone with wooden ties), 4, 7. Design of western pylon of southern ayvan (pakhsa, baked and mud brick with wooden ties), plans, sections, 5. Foundation of the south wall of the building (from inside of interior), 6, 8. Combined brickwork of the southern ayvan (pakhsa, baked and mud brick), plans, sections, 9. Decorative brickwork of a small room of the southern side, 10. Decorative facing brickwork of the main facade

Вместе с тем вскрытая часть здания показывает, как отличались медресе Мавераннахра от синхронных медресе Северного Хорасана (медресе XI—XII вв. в Рее и Харгирде), где нет порталов, угловых аудиторий¹⁹⁹. Только в XV в. под влиянием

государственной централизации на территории Центральной Азии и Хорасана во времена Амира Темура (вывоз мастеров) и Темуридов эта разница нивелируется, медресе приобретают типологически единые черты (медресе Мухаммад Султана в комплексе Гур Эмир, медресе Улугбека в Самарканде, Бухаре, Гиждуване, медресе Ходжи Ахрара в Ташкенте, медресе Шах-

¹⁹⁹ Всеобщая история архитектуры, Т.8. С. 156; Godard A. Art de l'Iran. Paris, 1962. Fig. 223.



Рис. 63. Основание входного проема в южной стене медресе Кусамийа

Fig. 63. The base of the entrance in the southern wall of Kusamiya madrasah



Рис. 64. Основание южной стены медресе Кусамийа

Fig. 64. The base of the southern wall of Kusamiya madrasah

руха XV в. в Герате, иранское медресе XV в. в Харгирде)²⁰⁰.

Значительно меньше параллелей между медресе Кусамийа и несколько более поздними по времени медресе западных регионов мусульманского мира (сохранившиеся медресе XIII в. в Багдаде, Дамаске, Конье, Фесе, Каире и других местах), которые в архитектуре и конструкциях, в разработке внутренних объемов несут ярко выраженные черты местной школы, хотя и имеют в основе дворово-айванный план.

Наиболее близкий аналог медресе из комплекса Шахи-Зинда — недавно открытое медресе Шах-и Машад второй половины XII в. в северо-западной части Афганистана²⁰¹. Это медресе имеет четырехайванную дворовую композицию плана, развитый порталый вход, угловой зал, небольшие проходные помещения и представляет относительно близкое самаркандскому медресе планировочное решение.

²⁰⁰ Воронина В.Л. Архитектура Ирана. 1969. С. 168; Пугаченкова Г.А. Зодчество Центральной Азии XV в. Ташкент, 1976. С. 69—74.

²⁰¹ Casimir M.I., Glatzer B. Sah-I Mashad, A Recently discovered Madrasah of the Ghurid Period in Gargistan (Afghanistan) East and West. 1971. P. 53—66.

Статус «машада Кусама» при Караханидах

С появлением медресе Кусамийа у «машада Кусама» в 1066 г. меняется значение и роль главной святыни в домонгольском Самарканде. Сугубо религиозно-культурный центр города с появлением ханифитского медресе, выстроенного от имени караханидского государя, получает более высокий статус научно-образовательного и до некоторой степени политического центра города. Легитимность власти правителей в средние века, как известно, утверждалась и путем почитания святых могил, иногда это имело первостепенное значение в странах ислама²⁰². Религия, церковь и государственная власть в Евразии с глубокой древности находились в одних руках (жрец и правитель в одном лице), в средние века основывались на прочном взаимозависимом симбиозе.

Независимо от конфессий сложные культовые комплексы у почитаемых могил, в состав которых включались храмы, учебные заведения, общежития для пилигри-

²⁰² Додхудоева Л. Култ святых... . 2008. С. 32 и сл.



Рис. 65. Стена восточного фасада медресе Кусамийа в кладке портала мавзолея «Безымянный-2»

Fig. 65. The wall of the eastern facade of Kusamiya madrassah in the brickwork of the portal of 'Unnamed-2' mausoleum



Рис. 66. Черновая кладка пилонa портала медресе Кусамийа

Fig. 66. Rough masonry of a portal pylon in Kusamiya madrassah

мов, монастырские школы, мечети, медресе, ханаки, караван-сарай, в средние века стали формироваться повсюду в разных местах христианской Европы и мусульманского Востока. На протяжении веков такие идеологически важные комплексы, находившиеся под покровительством духовенства и правителей государства, благоустраивались, обрастали новыми зданиями и существуют по сей день, как важные полифункциональные центры.

Судьба медресе после XIII в. Медресе Кусамийа функционировало около 200 лет — с середины XI в. вплоть до монгольского разгрома города в 20-е годы XIII в. После монгольской катастрофы жизнь в шахристане постепенно замерла, Афрасиаб превратился в пустырь. Медресе, как типично городская образовательная структура, видимо, перестало функционировать, было заброшено как учебное заведение, но монументальное презентабельное здание использовалось уже в новом качестве.

Ибн Баттута, посетивший комплекс Шахи-Зинда спустя более ста лет после монгольского нашествия, упоминает завия домонгольского времени рядом с куполом гробницы Кусам ибн Аббаса. Несомненно, он видел в XIV в. именно медресе Кусамийа — по-прежнему самое крупное сооружение ансамбля Шахи-Зинда, которое использовалось уже как пристанище для паломников — ханака (завия) при загородной святыне. Именно в такой роли застал здание медресе марокканский паломник шейх Ибн Баттута в 30-е годы XIV в., совершая беспрецедентный вояж из Марокко в Китай и Индию через города Средней Азии.

К XIV в. функция медресе была утрачена, и Баттута не искажает действительного положения, сообщая о завие около гробницы Кусам ибн Аббаса. По планировочным данным медресе оптимально отвечало функции ранних ханак и использовалось вплоть до конца XIV в. Худжры медресе служили жилищем для паломников, которые по-прежнему стекались к могиле Кусам со всего Востока и окрестных мест.

Только при Амуре Темуре во время массовой застройки Шахи-Зинда в 80–90-е годы XIV в. медресе было частично разобрано на кирпич, а на главный его фасад (юго-восточное крыло) был установлен мавзолей «Безымянный-2», в XVI–XVII вв. — еще два мавзолея со склепами. Северное крыло медресе было разобрано на кирпич, на его месте установлен мавзолей эмира Бурундука и комплекс Туман-ака.

В середине XX в. можно было еще видеть часть главного фасада медресе Кусамийа высотой до 2,8 м с типичным для XI–XII вв. декором из шлифованного парного кирпича в комбинации с «бантиками», вмурованными в портал «Безымянного-2». Рядом почти 1000 лет сохранялось основание входного портала медресе Кусамийа 1066 г., бережно и деликатно в XIX в. обведенное по периметру подпорной стеной коридора. Остатки порталной ниши медресе, пережив все перипетии истории Самарканда, сохранялись при всех политических режимах вплоть до общей реконструкции ансамбля Шахи-Зинда в 2004 г., когда этот важный артефакт XI в. был уничтожен.

Такова многовековая история и судьба одного из ранних медресе Средней Азии, руины которого погребены под покровом более поздних построек на юге городища Афрасиаб в ансамбле Шахи-Зинда.

В результате археологических работ в научный обиход введены построенные на документальной основе данные о крупном медресе Самарканда XI в. — единственном медресе Средней Азии домонгольской поры, известном по письменным сообщениям и археологическим материалам.

Вакф 1066 г. и некоторые комментарии

Дошедший до нас вакф XI в. на госпиталь и ханифитское медресе Кусамийа в Самарканде — крайне редкий для домонгольской Средней Азии юридический

документ, представляющий исключительный информативный и научно-познавательный интерес.

Вакф дает представления о социально-экономических отношениях, заработках, уровне жизни и курсе денежных знаков (дирхем, динар), сообщает о расположении улиц, их названиях в домонгольском Самарканде, содержит важные данные об одном из первых медресе Средней Азии и его округе.

Как уже говорилось, первый караханидский правитель Ибрахим Тамгач Бограхан за два года до кончины в столице Самарканде у «машада Кусамы» основал ханифитское медресе «для людей науки и религии» и в пользу его завещал большую личную недвижимость, «желая увековечить доброе дело до скончания дней»²⁰³. Уже сам этот факт свидетельствует о важном значении самаркандской святыни во внутренней политике и идеологии западных Караханидов.

Комментарии о рабаде города в XI в., а также сравнительный анализ некоторых материалов вакфа с известными данными об уровне жизни того же периода на Ближнем Востоке (Сирия, Египет) еще в 70-е годы выполнил О.Г. Большаков²⁰⁴.

В контексте данной книги наиболее интересны сведения вакфа о застройке юга Афрасиаба (домонгольский Самарканд) в XI в., планировочной структуре медресе, финансировании и учебной программе в высшей мусульманской школе Средней Азии.

Данные вакфа уточняют выявленные при раскопках элементы городской сети²⁰⁵, в частности существование двух главных магистралей — канала и улицы-дороги, на перекрестке которых возникли первые сооружения сакрального центра на юге Самарканда.

²⁰³ Буниятов Дж.З., Гасанов Т.Б. Два самаркандских... . 1994. С. 57.

²⁰⁴ Большаков О.Г. Два вакфа... . 1971. С. 170 и сл.

²⁰⁵ Немцева Н.Б. Медресе... . 1974. С. 138 и сл.

Документ сообщает о **главном вакфе «машада Кусамы»**, о котором ничего не было известно. Это вакф с доходов от канала²⁰⁶, на берегу которого стояла святыня. Из этого следует, что «машад» имел первый и самый большой доход от протекающего рядом канала и небольшой (оплата четырех чтецов Корана, светильников, уборщиков) от вакфа на медресе Кусамийа.

В документе перечисляются доходные места, прибыль с которых завещалась в пользу медресе и частично «машаду». Это несколько ханов (торговых лавок) со всеми подсобками, мужская баня на базаре самаркандского Согда, дома землепашцев, засеянные поля, амбары, тока, которые находятся в деревне Чарма-ад из рустака Самарканда и т.д.

Какова общая сумма дохода от вакфа XI в., не сообщается, но до некоторой степени об этом можно судить по распределению средств на нужды медресе и «машада». Главный доход на нужды медресе шел от вакфа Кагана, но был также доход для студентов от рядом стоящего **жилища (манзил)**²⁰⁷. Видимо, это был приют для паломников, которые возникали у мусульманских святынь и о которых сообщает Ибн Баттута²⁰⁸.

Вакф уточняет состав помещений в медресе, косвенно сообщает о количестве студентов (больше 50 по О.Г. Большакову, около 70 по Дж. Буниятову) и преподавателей. По вакфу XI в. деньги завещались медресе и частично «машаду», что свидетельствует о тесной взаимосвязи этих двух общественно важных структур, расположенных визави и составлявших единый функциональный блок.

Распределение средств сухие, на первый взгляд, цифры вакфа наполняют зримой реальностью, делают понятной жизненную ситуацию у сакрального центра в Самарканде. Самая большая сумма, 3000 дирхемов в год, завещалась четырем

чтецам Корана в «машаде», из расчета 750 дирхемов на каждого. На покупку масла для светильников в медресе и «машаде», в мечети, кельях учащихся и туалете выделялось 700 дирхемов. На оплату льда для охлаждения воды каждое лето — 400 дирхемов.

Вакф сообщает о финансировании главных религиозных праздников у «машада Кусамы»: «...в оплату всего необходимого для угощений (устраиваемых) в этом медресе в ночь месяца рамадан — 3350 дирхемов, из этих денег ежегодно в дни праздника жертвоприношений (Курбан-байрам, по-арабски «аййам ан-нахр») — 1000 дирхемов; 500 дирхемов из этой суммы тратится на покупку скота, доставленного для жертвоприношения. Он приносится в жертву во имя упомянутого в этом акте **жертвователя** (Тамгач-хана), а мясо отдаются как милостыню бедным и несчастным. На остальные 500 дирхемов покупают овец, приносят их в жертву во имя **родителей** жертвователя.

На приобретение одежды для 50 бедных, на оплату стоимости хлеба, мяса и всего необходимого для угощения в этом медресе вечером в день ашура (десятый месяц мухаррама) завещается 1000 дирхемов. Двум лицам, обслуживающим эту мадрасу и мечеть, где они открывают и закрывают двери, подметают и убирают то, что требует уборки, расстилают циновки и маты, ворошат и при необходимости убирают сено, чистят туалет, зажигают утром и вечером светильники и лампы — 1200 дирхемов ежегодно, по 600 дирхемов каждому»²⁰⁹.

Обозначенные в вакфе цифры о выплатах студентам и преподавателям также содержат интересную информацию. Из вакфа видно, какие предметы изучались (Коран, фикх-законоведение, адаб) и что оплачивалось выше. Студентам, исповедующим толк Абу-Ханифы, ежегодно выделялось 18 000 дирхемов. При этом

²⁰⁶ Буниятов Дж.З., Гасанов Т.Б. Два самаркандских.... 1994. С. 56.

²⁰⁷ Там же. С. 56.

²⁰⁸ Путешествия Ибн Баттуты. 1996. С. 278.

²⁰⁹ Буниятов Дж.З., Гасанов Т.Б. Два самаркандских.... 1994. С. 59—60.

было разное распределение денег по усмотрению мудариса (отличникам больше!).

Тому, кто распределяет деньги, полагалось 600 дирхемов в год, из расчета 50 дирхемов в месяц. Учителю, который ведет курс Корана — 1500 дирхемов, преподавателю адаба — 1200 дирхемов (на 300 дирхемов меньше). Знатоку и чтецу Корана — 1500 дирхемов²¹⁰.

Тому, кто ведет дела жертвователя, — ежегодно 2000 дирхемов, факиху, который исповедует толк Абу-Ханифы и ведет обучение в медресе, — 3600 дирхемов. Все эти сведения дают представление об уровне жизни в XI—XII вв., месячном и годовом бюджете медресе и в некоторой степени об экономике Средней Азии этого периода.

Окружение «машада» в XI в. Данные вакфа и материалы археологических вскрытий показали, что культовый центр Самарканда возник в плотно застроенном жилом квартале на юге города и на первом этапе (середина XI в.) был окружен более ранним жильем, общественными и торговыми зданиями.

Постройки концентрировались у канала²¹¹ и вдоль улицы-дороги. Эти два важных ориентира, локализованные у Шахи-Зинда, позволяют относительно правдоподобно прокомментировать данные вакфа, где в округе медресе перечисляются жилые дома, торговый тим, жилища для паломников, большая дорога, площадь Хатун ал-Малики и канал.

Идейная основа Шахи-Зинда — «машад Кусамы» и медресе возникли в XI в. на берегу канала визави, образуя известный ансамбль «кош», как показали раскопки. Судя по контексту вакфа, здесь, у перекрестка канала и улицы, находилась площадь Хатун ал-Малики, на которой была основана святыня.

Площадь Малики-Хатун, как я думаю, начиналась от канала и простиралась до внешней крепостной стены города²¹².

В слоях, подстилающих ансамбль Шахи-Зинда, вдоль улицы и канала раскопками выявлены сырцовые стены жилища, бадрабы, остатки канализации и водопроводной сети из керамических кубуров, подземная тогхана (холодильные камеры) времени обживания территории в IX-X вв.

«Машад» и медресе были вписаны в жилой квартал и на первом этапе сосуществовали с общественными и жилыми зданиями у канала и вдоль улицы.

В вакфе перечислены постройки в округе медресе, но, к сожалению, при описании не названы стороны света. Это крайне осложнило вопрос комментариев.

При этом не вызывает сомнений ориентация двух сторон медресе — **северной**, обращенной к каналу, и **восточной**, куда выходил главный порталный вход в медресе. Основание портала можно было видеть в комплексе Шахи-Зинда до реконструкции 2004 г.

С одной стороны медресе по вакфу примыкает (соприкасается) к большой дороге или улице (шари)²¹³. Возможно, в данном случае речь идет о северном фасаде медресе, обращенном к каналу, вдоль которого от южных ворот города наверняка шла дорога (может быть, большая). Эта дорога, как говорилось, имела первостепенное значение в жизни Шахи-Зинда на всех этапах и существует — от мечети Хазрети-Хызр к ансамблю — по сей день.

Этому, однако, противоречит следующая строка вакфа, где сказано, что **«вторая сторона медресе** соприкасается с площадью (саха) Хатун ал-Малики, дочери ат-Тархан-бека и **с каналом (фаркын)**, который был вакфом в пользу «машада»²¹⁴. В этом фрагменте снова речь идет о северной стороне медресе и канале.

Третья сторона медресе примыкала к жилищу (манзил), являвшемуся вакфом для студентов. Из этого следует, что студенты медресе получали содержание от

²¹⁰ Там же. С. 58-59.

²¹¹ Немцева Н.Б. Стратиграфия... 1969. С. 202.

²¹² Немцева Н.Б. Медресе... 1974. С. 140. Рис. 12.

²¹³ Перевод вакфа О.Д. Чехович.

²¹⁴ Буниятов Дж.З., Гасанов Т.Б. Два самаркандских... 1994. С. 56.

доходного жилища (дом для паломников?). Рядом находились еще два дома — Ахмеда ал-Мукассаса и Абу-л-Касима ибн ал-Ата, которые примыкали к тиму (торговой лавке) Хатун ал-Малики. Где находились упомянутые дома, перекрытые сегодня кладбищем, неизвестно. Эти постройки могли быть с западной или южной стороны медресе.

Самой точно локализованной является четвертая, **восточная сторона медресе**, которая по вакфу примыкает к гробнице Лачин-бека (чтение О.Д. Чехович²¹⁵), к усадьбе Хавли ал-Хаилташи, к ханаке эмира Низам ад-Даула, к жилищу Хатун ал-Малики Туркан-хатун и **к дороге, где вход в медресе**²¹⁶.

Это восточная сторона медресе, ориентация которой не вызывает сомнений. Главный входной портал²¹⁷ был обращен к «машаду» и выходил на мощенную камнем улицу-дорогу, выявленную под вымосткой ансамбля Шахи-Зинда.

В данном случае важен порядок перечисленных в вакфе построек у медресе по восточной стороне: гробница Лачин-бека, жилище Хавли ал-Хаилташи, ханака эмира Низам ад-Даула и дом (жилище) Хатун ал-Малики. Эти данные вакфа показывают, в каком порядке была застроена улица у «машада Кусамы». До появления «машада» здесь уже было жилье IX-X вв. (жилище Хавли ал-Хаилташи и дом Хатун ал-Малики), а в XI в., видимо, после возведения «машада Кусамы», появилась гробница Лачин-бека и, возможно, ханака эмира Низам ад-Даула.

Данные вакфа показывают, что Хатун ал-Малике (дочери ат-Тархан-бека) принадлежала большая недвижимость на юге Самарканда около канала, куда входила названная ее именем площадь, хан (торго-

вая лавка), а также жилище, где она проживала.

Недвижимость Хатун ал-Малики, видимо, постепенно откупалась в пользу «машада». Уже через несколько десятилетий, в XII в., «Малая Кандия» не называет гражданских построек у мавзолея «царевича Кусамы». В это время бывшая улица была уже сплошь застроена гробницами карахидской знати и превратилась в престижный некрополь, как показали раскопки.

Указание на ханаку эмира Низам ад-Даула у «машада Кусамы» показывает, что с самого начала у «машада» строились дома для паломников и дервишей. Ханака названа в вакфе вслед за жилищем Хавли ал-Хаилташи, перед домом Хатун ал-Малики, что показывает последовательность застройки Шахи-Зинда на первом этапе.

Конечно, сведения вакфа и застройка у «машада» по данным археологии «прочитываются» весьма приблизительно, и мои сопоставления относительны, но эта попытка интерпретировать текст вакфа в связи с материалами археологии в комплексе Шахи-Зинда необходима хотя бы потому, что важнейший и редкий письменный документ XI в. до сих пор лишь дважды публиковался, но попыток его соотнести с данными раскопок в некрополе практически не предпринималось, была лишь опубликована схема плана, по которой «машад Кусамы» был построен на берегу канала на площади Хатун ал-Малики²¹⁸.

Гробница Лачин-бека, XI в.

Особый интерес вызывает раскопанное в ансамбле Шахи-Зинда здание карахидского времени, которое в краткой отчетной публикации обозначено как «поминальная мечеть» под № 1²¹⁹. Кроме остатков медресе Кусамийа, это един-

²¹⁵ Перевод О.Д. Чехович не публиковался, он был сделан по моей просьбе в 60-е годы XX в. в связи с раскопками медресе в комплексе Шахи-Зинда.

²¹⁶ Буниятов Дж.З., Гасанов Т.Б. Два самаркандских... . 1994. С. 56-57.

²¹⁷ Основание порталной ниши медресе выходило в коридор Шахи-Зинда до реконструкции ансамбля в 2004 г.

²¹⁸ Немцева Н.Б. Медресе... . 1974. С. 140. Рис. 12.

²¹⁹ Атаходжаев А.Х. Работы... . 2006. С. 40 и сл.

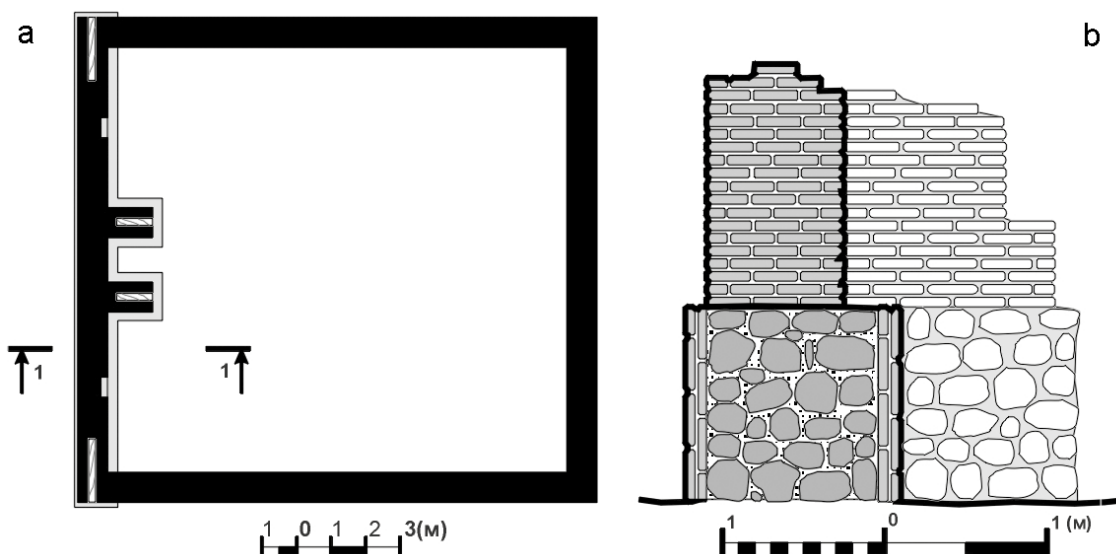


Рис. 67. Гробница Лачин-бека, XI в. (Здание № 45): а - план, б - разрез 1 – 1

Fig. 67. Lachin-Bek tomb, the 11th century (building No.45): а - plan, б - cross-section 1 – 1

стенный памятник домонгольского комплекса Шахи-Зинда, стены которого уцелели по всему периметру на высоту от 0,5 до 3 м и дают возможность судить о плане и конструкциях постройки, характеризуют самаркандскую школу зодчих в XI–XII вв.

Здание 45 (продолжаю нумерацию книги по ансамблю Шахи-Зинда 1979 г., построенную на принципе последовательности обнаружения памятников) было раскопано в 2004 г. при земляных работах в связи с благоустройством ансамбля. Здание находилось на восточной стороне коридора, примерно в 15 м южнее комплекса Кусам ибн Аббаса, напротив главного фасада медресе Кусамийа, в одном с ним уровне, сохранившемся с XI в. до сего дня неизменным на этом участке.

Здание имеет подквадратный план (рис. 67, 68) размером 14,8×13,8 м (снаружи), ориентировано по странам света. Стены толщиной 85 см сложены из характерного для Самарканда XI–XII вв. прямоугольного жженого кирпича 16-18×28-32×4-5-6 см на глиняном растворе. Северная, южная и восточная стены, местами разрушенные почти до основания, максимально сохранились на высоту 1,4 м.

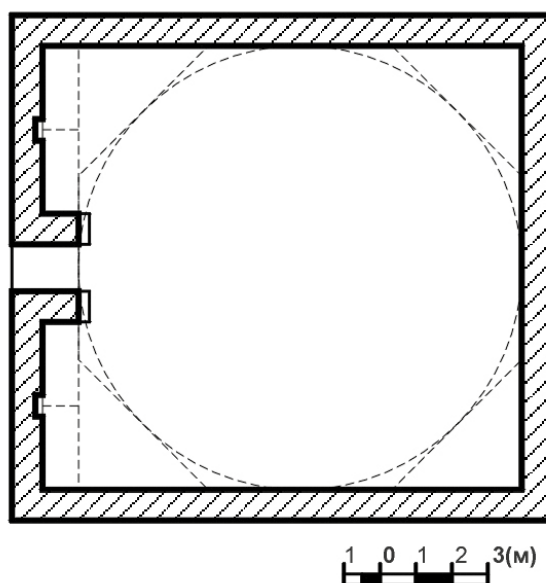


Рис. 68. План гробницы Лачин-бека. Вариант реконструкции (по Р. Тохтаеву)

Fig. 68. Plan of Lachin-Bek tomb. Reconstruction version (by R. Tokhtaev)

Западная, обращенная в коридор ансамбля стена главного фасада сохранилась на высоту 2,5-3,0 м и отличается не только лучшей сохранностью, но и особой конструкцией. В отличие от трех других, стена западного фасада установлена на широкий (1,3 м) каменно-бутовый фун-

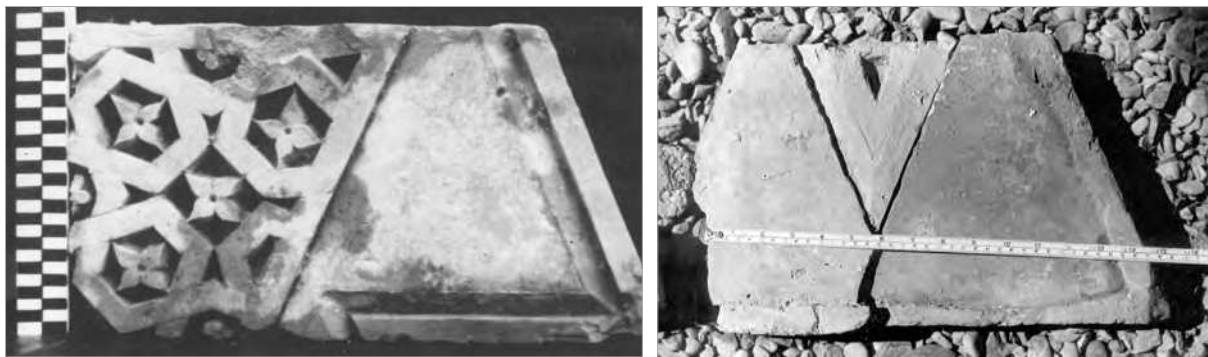


Рис. 69, 70. Резная неполированная терракота из раскопок, XI в.

Fig. 69, 70. Carved unglazed terracotta from the excavations, the 11th century

дамент-цоколь высотой 1,2 м, сложенный на кыровом водоотталкивающем растворе. Снаружи каменно-бутовая кладка выступает от стены на 10-15 см, внутри на 35-36 см. Стена армирована продольными деревянными связями.

Каменно-бутовая кладка с обеих сторон облицована двумя-тремя рядами жженого прямоугольного кирпича, установленного плашмя. Снаружи (западная сторона) выступающая кладка из каменного бута являлась цоколем, на который когда-то, видимо, был установлен декор главного фасада. Со стороны интерьера выступ бутовой кладки фиксирует уровень пола.

Особая инженерная конструкция западной стены из каменного бута в основании была, видимо, связана с ее несущей функцией.

Вскрытое здание было обращено западным фасадом на улицу-дорогу, вдоль которой развивался ансамбль Шахи-Зинда на всех этапах.

Главный западный фасад, судя по всему, был покрыт декором из резной неполированной терракоты, характерной для Самарканда XI—XII вв., в большом количестве найденной при раскопках ансамбля Шахи-Зинда. Наружный выступ в 12-15 см каменно-бутового цоколя, видимо, являлся полочкой для установки облицовочных плит. Уникальные подтреугольной формы тяжелые массивные плиты, найденные при раскопках, вероятнее всего относятся

к зданию 45. Плиты покрыты крупным гравированным узором — цепочкой перлов, на угол поставленными квадратиками, крупным гирихом с цветочным заполнением в сочетании с гладкой фактурой плиты. Эти тяжелые плиты могли облицовывать цоколь главного фасада (рис. 69-70).

В интерьере здания следов декора нет. В западной стене, в 70 см от пола справа от входного вестибюля сохранились две глухие ниши шириной 105 см и глубиной 50 см. Это обычные в культовом зодчестве ниши для светильников и других хозяйственных нужд.

Самой необычной оказалась **инженерная конструкция западной стены** здания 45 со стороны интерьера. На центральной оси главного фасада со стороны интерьера на высоту около 3 м расчищены вынесенные вперед на длину 1,3 м две параллельные антовые стенки, расположенные на расстоянии 1,3 м друг от друга, как и другие стены здания толщиной 85 см (рис. 67).

Антовые стенки сложены из того же прямоугольного жженого кирпича на глине, установлены на каменно-бутовый фундамент и армированы продольными деревянными связями (диаметр 10-25 см). Каменно-бутовый фундамент антовых стен, как и вся западная стена, сложен на водоотталкивающем кыре и облицован прямоугольным кирпичом плашмя в два-три слоя. Это единый с западной стеной конструктивно-планировочный блок, сложенный в перевязку. Не вызывает сомне-

ний, что западная стена здания являлась главным фасадом, а антовые стены — инженерная конструкция, связанная со входом, в центре которого, надо полагать, был расположен дверной проем, деформированный ко времени раскопок.

Кирпичная часть антовых стен сохранилась на высоту до 1,6 м от каменно-бутового цоколя, имеет двухступенчатую форму. В южной антовой стене зафиксированы две ступени с плоской лицевой стороной и перепадом уровней в 25–30 см²²⁰.

Здание 45, как показывает западная стена, представляло собой беспортальную постройку фасадного типа со входом на центральной оси. Антовые стены со стороны интерьера, судя по всему, образовывали своего рода входной вестибюль, проем которого находился примерно в 1,2 м от уровня дневной поверхности комплекса Шахи-Зинда XI в., и вход разрешался с помощью приставных ступеней — прием, известный в архитектуре Средней Азии.

Плохая сохранность уникального инженерного решения и отсутствие прямых аналогов позволяют лишь схематично представить характер устройства входного вестибюля. Версия трех входных проемов, предложенная автором раскопок²²¹ в местах наибольшего разрушения северной и южной стены, закрепленная при консервации памятника, не обоснована и не верна.

Инженерная конструкция из двух параллельных антовых стен не имеет никакого отношения к михрабу, как значится в опубликованном отчете, и, соответственно, к определению функции здания как мечети²²². Все известные михрабы в мечетях Средней Азии

и всего мусульманского Востока вообще представляют собой совершенно иную конструкцию. Михраб — это всегда небольшая внутрискладчатая ниша (круглая, квадратная, прямоугольная, фестончатая и т.д.), вписанная в массив стены мечети и облицованная заподлицо со стеной декором, чаще всего имитирующим пластичный П-образный портал. Огромное разнообразие сохранившихся михрабов разного времени в разных частях мусульманского мира отражают региональные особенности декоративного оформления, но инженерная форма у них всегда одна — это внутрискладчатые (а не отходящие от стены пилоны) ниши, которые обеспечивали михрабу надежную конструкцию и сохранность. Форма и размеры выступающих на 1,3 м антовых стен на мощных каменно-бутовых фундаментах невероятна для михраба. Эта ошибка в определении атрибуции здания и его конструкций, к сожалению, зафиксирована в путеводителе, выпущенном большим тиражом²²³.

Декоративно подчеркнутые михрабы были даже в самых простых мечетях. Это главный символ мечети, на который были устремлены взоры молящихся. В ряде случаев пластичный декор михрабной ниши в зависимости от вида облицовочного материала (резьба по дереву, ганчу, глине, майолика, мозаика, мрамор и т.д.) чуть выступает (на 3–5 см) за счет отделки, но нигде михраб не выступает на невероятную для михрабной ниши величину в 1,3 м²²⁴.

Типичные михрабные ниши можно видеть в большой мечети XV в., зиаратхане и чилляхане XI в. рядом стоящего комплекса Кусамы ибн Аббаса, в мечети Туман-ака, в зимней мечети XV в. у входного портала в комплексе Шахи-Зинда.

²²⁰ Ступенчатый характер пилонов мне удалось зафиксировать и обмерить до консервации памятника в 2004 г., во время которой был искажен первоначальный вид вскрытого здания. В указанном выше отчете по работам в комплексе Шахи-Зинда в 2004 г. ступенчатый характер пилонов не отмечен.

²²¹ При консервации здания в 2004–2005 гг. три входных проема в здании 45 произвольно устроены в местах наибольшего разрушения памятника в разных частях северной и южной стен.

²²² Атаходжаев А. Работы... 2006. С. 46.

²²³ Путеводитель по Шахи-Зинда // Сост. Атаходжаев А. К., Пидяев Ш.Р. Ташкент — Самарканд, 2017. С. 21.

²²⁴ В некоторых случаях, когда менялась изначальная функция здания, михраб пристраивали к стенам, но во всех случаях это неглубокая (20–30 см) ниша, отмечающая направление на кыблу (михраб XIX–XX вв. на входном проеме в гурхану мавзолея Сайф ад-Дина Бохарзи).

Ничего общего со зданием 45 не имеют и приведенные автором отчета аналогии. Названа Таш-мечеть в селе Кучкак XI в. с центральным столбом, на который опирались четыре арки четырехкупольного перекрытия, с пилястрами и глухой аркатурой по внутренним и внешним стенам, а также мечеть Халпа-Эшон XI—XII вв. в с. Патрон того же типа с центральным несущим столбом²²⁵. Третий, также не имеющий ничего общего со вскрытым зданием пример, названный в числе аналогов, — мечеть в комплексе Зу-л Кифл²²⁶ на юге Средней Азии. Мечеть имеет мощный входной пештак, стены, внутри и снаружи покрытые профилированными пилястрами, в то время как в здании 45 фасадного типа нет и намека на портал и архитектурную разработку стен.

Наиболее сложным в реконструкции остатков здания является вопрос его перекрытия. Расстояние между антовыми стенами в 1,3 м и длина антовых стен в 1,3 м образовывали в основе квадрат, который мог быть перекрыт любым известным в средние века способом (свод, куполок). Боковые «карманы» по сторонам входного вестибюля могли быть перекрыты сводами. Остается неясным, как была перекрыта основная часть здания. Большой пролет и тонкие стены в 85 см в данном случае вызывают сомнения в перекрытии куполом.

Но подквадратное в плане здание с разницей сторон в 1 м (снаружи 13,80×14,80 м, внутри 12,95×13,95 м) в принципе могло быть перекрыто куполом балхи. Неправильный квадрат здания исключает классический купол, но позволяет допустить несколько вариантов купола типа балхи и его комбинаций. Отклонение от правильного квадрата в таких случаях погасалось на уровне переходного к куполу восьмерика системой дополнительных конструкций.

Наиболее убедительным примером может служить небольшой мавзолей Атауллы Саид Ваккоз XI в. в Шерабадском районе на юге Узбекистана, где подквадратное здание фасадного типа с разницей сторон внутри в 50 см (пролет 5,25×4,75 м) перекрыто хорошо сохранившимся куполом при толщине стен менее одного метра²²⁷.

Если с большими натяжками допустить, что здание 45 было перекрыто куполом, то остается неясным, как входной вестибюль на оси главного фасада, выступающий внутрь на 1,30 м, был связан с общим перекрытием здания.

Плоскобалочное перекрытие в здании 45 исключено не только потому, что нет следов деревянных опор в интерьере (они могли быть разрушены). В сохранившихся стенах нет следов внутривертикальных столбов, необходимых для плоскостоечной системы кровли.

В Средней Азии известен вариант погребального сооружения, где перекрытия не было вообще. Это родовые открытые постройки типа «хазира» (ар. ограда), имеющие ограду, иногда порталный вход в ограде и даже михраб. Многообразные виды и типы «хазира» известны по некрополю Чор-Бакр в Бухаре, крупному архитектурному комплексу — «хазира» Абдаллаха Ансари близ Герата с открытыми надгробиями во дворе. Такой же «хазирой» представляется и так называемая «мечеть Анау» XV в. на юге Туркменистана²²⁸. Указанные архитектурные сооружения типа «хазира» с внутренним двором, застроенные по периметру помещениями, функционально были связаны с проживанием паломников, трапезными, суфийскими радениями. Главное погребение всегда находилось под открытым небом, кладбище развивалось рядом

²²⁵ Сноска А. Атаходжаева на планы памятников из книги: Хмельницкий С.Г. Между Саманидами и монголами. Ч. 1. Берлин — Рига, 1996. С. 122—123. Рис. 104, 105.

²²⁶ Там же. С. 113. Рис. 91.

²²⁷ Аршавская З.А., Ртвеладзе Э.В., Хакимов З.А. Средневековые памятники Сурхандарьи. Ташкент, 1981. С. 110. Рис. 112.

²²⁸ Немцева Н.Б. О назначении... . 2004. С. 223—224.

в пределах ограды. Касательно здания 45 вариант «хазира» маловероятен, но не исключен.

Функция и датировка. В опубликованном отчете, как говорилось, здание определено как «поминальная мечеть» рубежа X–XI вв.²²⁹ Здесь все не аргументировано.

Мечетью здание не могло быть, как показано выше, за отсутствием михраба. Неверное определение функции вскрытого здания следует также из общей конъюнктуры в караханидском комплексе Шахи-Зинда, где в середине XI в. на данном участке уже было две мечети. Одна мечеть была в составе «машада» XI в., остатки ее раскопаны в комплексе Кусамы ибн Аббаса под большой мечетью XV в. Вторая мечеть, как обязательная для высших образовательных школ, находилась в медресе Кусамийа и названа в вакфе XI в. Третья мечеть рядом с «машадом» и медресе невероятна.

Кроме того, если бы мечеть была построена на рубеже X–XI вв., т.е. раньше «машада» (по датировке автора раскопок), то она была бы названа в вакфе вместе с другими постройками, которые окружали медресе. До основания «машада» на территории будущего ансамбля Шахи-Зинда, как показала стратиграфия, не было кладбища, к которому можно было бы привязать «поминальную мечеть». Из этого следует, что здание 45 явно возникло после появления машада, но до возведения медресе в 1066 г.

Вскрытое здание, на мой взгляд, являлось мемориально-погребальным и, судя по близости к «машаду», — одной из первых гробниц караханидского некрополя. Возможно, это упомянутая в вакфе XI в. гробница Лачин-бека²³⁰.

Атрибуция здания как погребального не вызывает сомнений. Весь интерьер здания под полом был заполнен могилами разного типа (в ящиках-цистах, могилах

типа «ляхат»). Большая часть погребений совершена под полом здания и связана с его изначальной функцией. Одно из центральных погребений было наиболее ранним, оно особо подчеркнуто выкладкой из специального формованного крупного квадратного кирпича и, может быть, являлось главным. Под этой центральной могилой шел культурный слой периода обживания территории в IX–X вв. со всеми признаками быта — бадрабы, холодильная подземная тугхана (погреб) для хозяйственных нужд.

Датировка здания почти точно определяется всем комплексом материалов первой половины XI в. Гробница Лачин-бека названа в вакфе в числе построек у медресе, — значит, она построена до основания медресе в 1066 г., но после основания «машада Кусамы». Таким образом, время появления здания 45, которое я отождествляю с гробницей Лачин-бека, может быть довольно точно определено первой половиной — серединой XI в.

Монументальная гробница, видимо, принадлежала важной персоне, одному из городских правителей Западного каганата (бек — правитель среднего ранга, примерно 4-й после хакана — правителя государства). К сожалению, итоги антропологических исследований погребений комплекса Шахи-Зинда после работ 2004 г. пока не опубликованы, и нельзя говорить о половой, возрастной или этнической их принадлежности.

Типология вскрытого мавзолея фасадного типа оригинальна. План и конструкции его не имеют прямых аналогов в средневековой архитектуре Средней Азии. Мавзолеи фасадного, беспортального типа не получили большого распространения (или не дошли до нас?), но все же известны в Средней Азии.

Подквадратный план здания с разницей в 1 м, выступающие в интерьер антовые стены входного вестибюля уникальны. Это один из видов фасадного типа мавзо-

²²⁹ Атаходжаев А.Х. Работы... 2006. С. 42–46.

²³⁰ Указание на гробницу Лачин-бека в одном из списков вакфа XI в., хранящихся в Институте востоковедения АН РУз, впервые обнаружила О.Д. Чехович в 60-е годы XX в.

леев, быть может, отражавший особенности самаркандской школы зодчих.

Вскрытая в комплексе Шахи-Зинда гробница показывает, что не только гражданская архитектура Средней Азии XI–XII вв. была в каждом отдельном случае своеобразна, но и более унифицированные мемориальные здания (наиболее распространенный портално-купольный тип) отражали индивидуальный творческий почерк местных зодчих, которые не всегда следовали известным образцам, но, развивая творческие идеи в рамках строительного искусства эпохи, создавали новое произведение зодчества.

В Средней Азии сохранилось большое число центрических и фасадного типа мавзолеев, которые предшествовали появлению портално-купольных. Это были мечети и мавзолеи с равными сторонами и четырьмя проемами на осях (от зороастрийского чартака, по мнению В.Л. Ворониной), с проемами в трех стенах, с тремя проемами в одной стене и т.д. (мавзолей Исмаила Саманида в Бухаре, Фахр ад-Дина Рази в Ургенче, Шах-Фазиль в Софит Буленде, Бабаджа-хатун и Айша-Биби близ Тараза в Южном Казахстане и др.). Варианты их многообразны и не вписываются в строго центрический или фасадный тип здания. Вскрытая в ансамбле Шахи-Зинда гробница XI в. позволяет ввести в этот круг еще одну уникальную беспортальную, фасадного типа постройку.

«Арабески» под покровом земли

К концу XII в. дорога-улица направления север-юг от канала до крепостной стены города, как показали раскопки, была полностью застроена культовыми зданиями некрополя Караханидов. На перекрестке улицы и городского канала сложилась главная идейная основа ансамбля Шахи-Зинда по градостроительному принципу «кош»: на восточной стороне стоял «машад

Кусама», напротив, с западной стороны — медресе Кусамийа. Далее до крепостной стены по обеим сторонам улицы-дороги стояли гробницы XI–XII вв.

Фрагменты стен и декора XI–XII вв. позволили локализовать места расположения ряда строений, отмеченных основаниями стен и крупными завалами резной неполивной терракоты. Это позволило относительно точно представить развитие караханидского некрополя у «машада» и декоративно-художественный облик культовых построек эпохи Караханидов.

Здание 37 представлено большим завалом декоративно-облицовочного материала, найденного в 9,5 м севернее «Восьмигранника» по восточной стороне коридора, в 80–95 см ниже вымостки²³¹. Здесь был найден уникальный для Самарканда декор, представленный набором своеобразной кирпичной «мозаики» от облицовки главного фасада сооружения. По фрагментам реконструируется внешний угол фасада. Найден целый блок угловой полуколонны (диаметр 80–85 см) с декором из парных кирпичей и поперечных «бантиков», а также примыкающий к полуколонне вертикальный бордюр, обрамлявший главный фасад. Декоративный бордюр (ширина 26 см) выполнен из терракотовых брусков. Геометрическую плетенку бордюра составлял ритмичный бег своеобразных крестовидных фигур (рис. 71, 72). Простой геометрический узор развивался по вертикали путем чередования квадратов с крестовидным переплетом из четырех брусков (имитация «вихревой розетки»). Эта техника более всего близка декоративному панно (терракотовые бруски в сочетании с резным ганчем) из центрального айвана медресе Кусамийа, описанному выше, который сохранился *in situ*.

Элементы гириха набраны из Т-образных керамических изразцов, нижний план узора заполнен плоскими плит-

²³¹ Немцева Н.Б. Ансамбль... . 1970. С. 150–154.

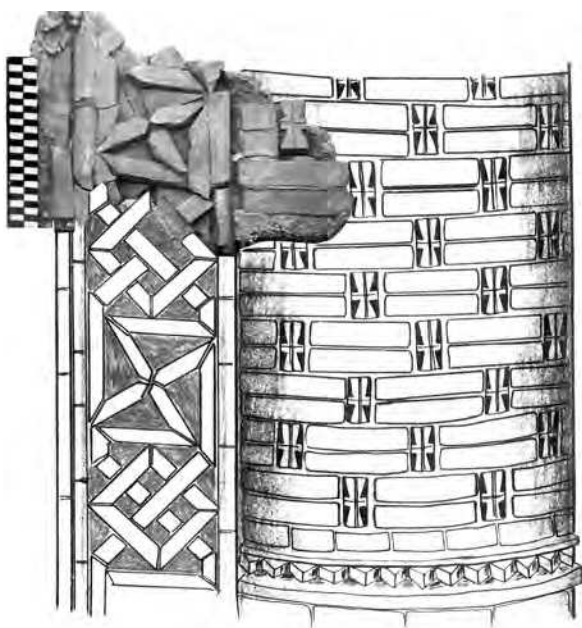


Рис. 71. Фрагмент декора и схема реконструкции угловой части здания 37, XI в. (по Н.Б. Немцевой)

Fig. 71. Fragment of decoration and reconstruction scheme of the corner part of the building '37', the 11th century (according to N. B. Nemtseva)

ками разной формы (треугольники, ромбы, квадраты, многоугольники) (рис. 73).

Время строительства сооружения, судя по характеру декора, может быть определено второй половиной XI в. Сохранившиеся памятники архитектуры Средней Азии показывают, что этот трудоемкий способ облицовки (набор из разного размера и формы плиток) не получил широкого распространения, на смену ему в Самарканде пришла резная неполированная терракота из целых плит с резным узором.

Здание 38. Крупный завал неполированной резной терракоты и основание стены здания XII в. обнаружены на глубине 60 см от вымостки коридора перед порталом мавзолея Шади-Мульк-ака. От здания сохранилось основание стены (5-7 рядов кладки) протяжением в 11 м, сложенной из прямоугольного кирпича (18×33×4-4,4 см) на глиногипсе (ганчак), и завал декора, который позволяет реконструировать основные архитектурно-декоративные формы богато



Рис. 72. Фрагмент декора от облицовки здания 37

Fig. 72. Fragment of décor of the building '37'



Рис. 73. Изразцы от облицовки здания 37

Fig. 73. Facing tiles from the building '37'.

украшенного фасада. Это самая большая коллекция резной терракоты XII в. в комплексе Шахи-Зинда от здания эпохи Караханидов, разрушенного в XIV в. при строительстве гробницы Шади-Мульк-ака в 1372 г.

Наиболее выразительны крупные блоки, заключающие геометрический узор, оконтуренный бордюром высокого рельефа с цепью «перлов». Гирих составлял широкий пояс с крупным двухплановым рисунком из восьмиконечных звезд и крестовин (рис. 74, 75, 77).

Внутренние углы звезд заполняла изящная тонко моделированная резьба с растительным узором, полукресты заполнены простейшей геометрической сеткой. Центр звезды (шестигранник или круглый медальон?) не сохранился, но, судя по аналогам, здесь мог быть резной ганч.

Гирих из восьмиконечных звезд и полукрестов — одно из популярных и широко известных на мусульманском Востоке геометрических построений (дворцы Самар-

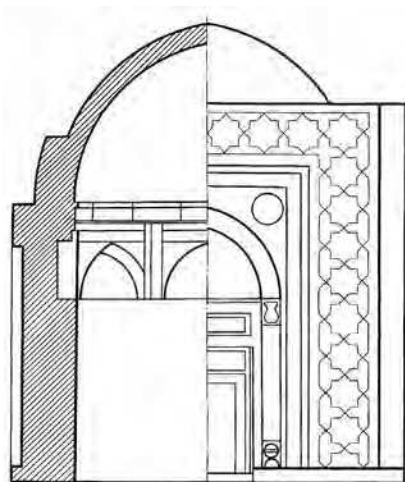


Рис. 74. Схема реконструкции портала здания 38, XII в. (по Н.Б. Немцевой)

Fig. 74. Reconstruction scheme of the portal in the building '38', the 12th century (according to N. B. Nemtseva)

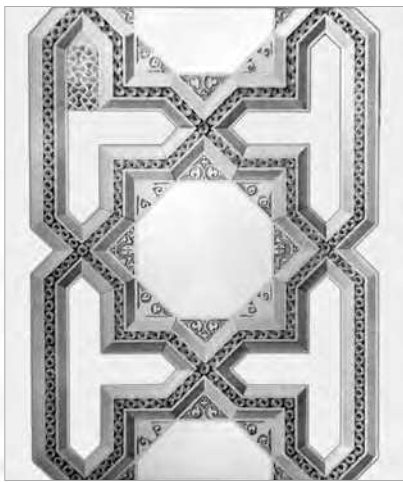


Рис. 75. Восстановление декора портала здания 38 по фрагментам (по Н.Б. Немцевой)

Рис. 75. Restoration of décor of portal in the building '38' based on fragments (according to N. B. Nemtseva)



Рис. 76. Рабат-и Малик, XI–XII вв., декор пилонов портала

Рис. 76. Rabat-i-Malik, the 11th – 12th centuries, décor of portal pylons

ры IX в.²³²) в Средней Азии и наиболее ярко представлен на портале Рабат-и Малика XI–XII вв. (**рис. 76**). Позже варианты этого гириха развиваются на памятниках XIV–XVII вв. и в архитектуре Востока вплоть до XIX в.

Бордюры из перлов — еще более древний мотив в орнаментике Востока²³³, известный уже в античное время (коллекция изделий из Эрмитажа²³⁴), в раннее (Пенджикент, Варахша) и развитое средневековье во всех видах материала (металл, ганч, сырая и обожженная терракота), в том числе в дереве (Чорку, Обурдон).

Широкий декоративный пояс из восьмиконечных звезд составляет около 1,5 метров (размер звезды равен около 90 см по осям). Эти параметры показывают, что место его могло быть только в обрамлении П-образной рамы портала (**рис. 74**). Прямой аналог — портал Рабат-и Малика XI–XII вв. в Бухарской степи, где во всю ширину порталной рамы идет декоративный пояс из восьмиконечных звезд и полукрестовин (**рис. 76**).

Несомненно, в Шахи-Зинда стояла гробница, фасад которой был подобен portalу Рабат-и Малика. Это свидетельство единой архитектурно-художественной школы западного и центрального Мавераннахра.

В завале здания 38 найдены также массивные плоские терракотовые плиты (площадью до 1,5 м², толщиной 15–18 см) с уникальным одноплановым геометрическим узором. Композицию рисунка составляют шестигранники в комбинации с восьмигранными и крестовидными фигурами, резервы которых заполнены растительным плетением и своего рода «крапом», характерным для Средней Азии X–XIV вв. Крупный масштаб гириха и размер плит свидетельствуют о том, что облицовывалась сравнительно большая плоскость, скажем, щипец или щеки порталной ниши (**рис. 82**).

Гирих по стилю напоминает резной штук из дворца термезских правителей XII в. и ряда памятников XI–XII вв. Северного Хорасана (шахская мечеть в Йезде, михраб мечети Малика в Кирмане, мече-

²³² Herzfeld E. Der wandschmuck... . 1923. S. 226–227.

²³³ Ремпель Л.И. Архитектурный орнамент... . 1961. С. 51. Рис. 11 (4).

²³⁴ Там же.

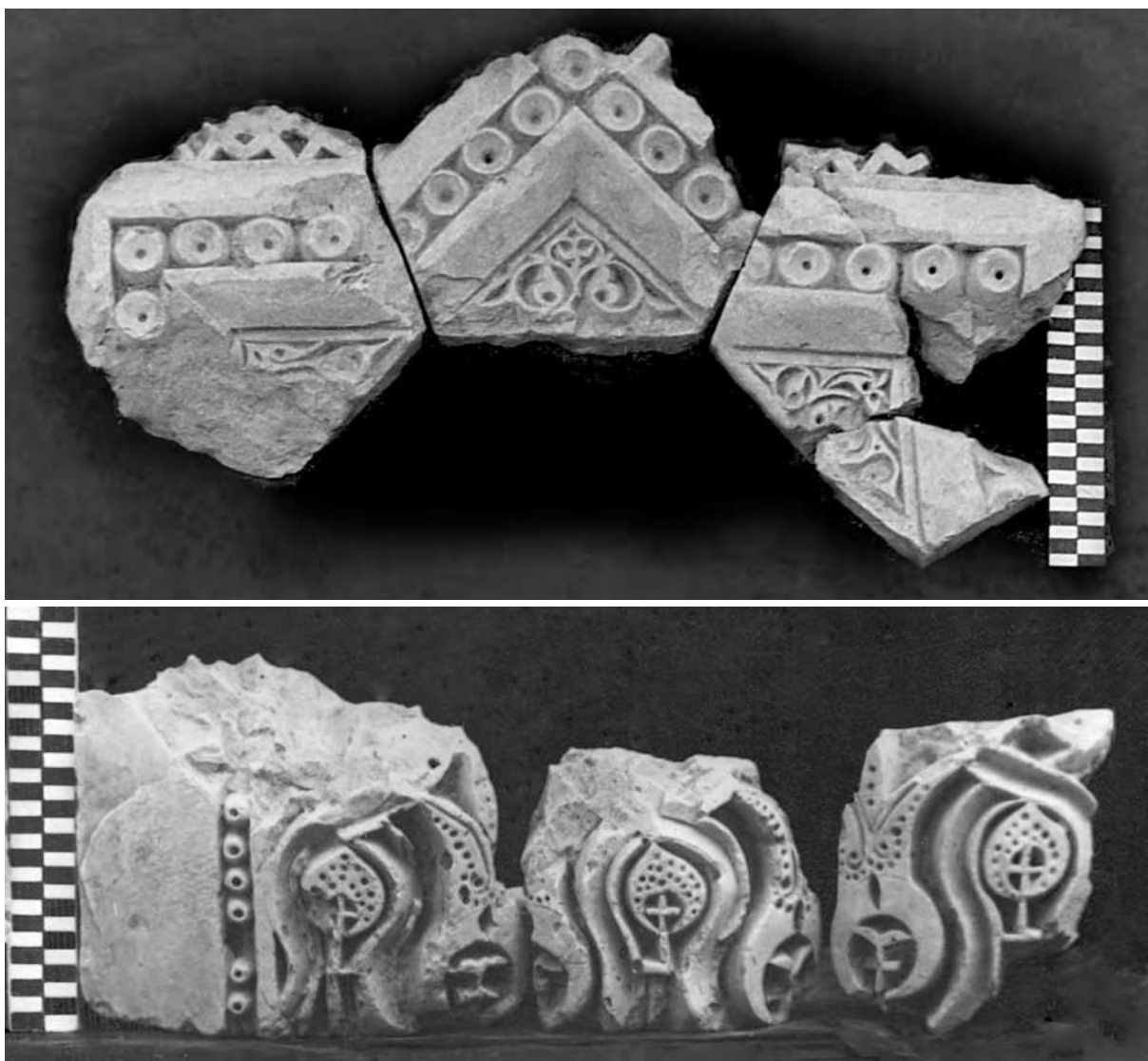


Рис. 77. Резная терракота от облицовки портала здания 38, XII в.

Fig. 77. Carved terracotta tiles from the portal of the building '38', the 12th century

Рис. 78. Фрагменты угловых полуколонок здания 38, XII в.

Fig. 78. Fragments of the corner half-pillars of the building '38', the 12th century

ти в Казвине²³⁵, Джума-мечеть в Верамине, Исфагане). Близкое геометрическое построение можно видеть на портале мечети Магоки-Аттари XII в. в Бухаре, но прямого аналога геометрическому узору из Шахи-Зинда нет. Средневековые художники-дизайнеры были изобретательны в своих творческих исканиях, каждый раз по-новому обыгрывая известный мотив.

Геометрические построения-гирихи, основанные на квадратной или прямоугольной сетке, были широко распространены в Средней Азии и детально изучены Л.И. Ремпелем. Как отмечает автор, система построения всегда одна и та же; различные построения и комбинации фигур варьируются и умножаются в зависимости от художественного замысла художника, зеркальное отражение создавало

²³⁵ Pope A. Architectural ornaments... 1939. P. 312, 358.



Рис. 79. Фрагменты декоративного панно портальной ниши здания 38, XII в.

Fig. 79. Fragments of the decorative panel of portal niche of the building '38', the 12th century

необыкновенно динамичный рисунок²³⁶. Л.И. Ремпель, рассматривая большое количество гирихов в разном материале (сырая и обожженная глина-терракота, резной ганч, дерево), показал, что никакого свободного полета фантазии художника в построении гирихов нет. Весь гирих представлял собой строго последовательную систему приемов построения рисунка. Это продукт науки, по выражению исследователя, исполнение которого предполагает владение геометрией, математикой, циркулем и линейкой, иными словами,



Рис. 80. Реконструкция декоративного панно портальной ниши здания 38 (по Н.Б. Немцевой)

Fig. 80. Reconstruction of a decorative panel of portal niche of the building '38' (according to N. B. Nemtseva)

это типично городское ремесло, связанное с определенной математической грамотой мастеров²³⁷.

Интересно широкое панно (ширина 56 см) с выразительным двухплановым орнаментом, видимо, от облицовки портальной ниши мавзолея 38 (рис. 79, 80). В центре панно крупная фигура модахилия (трехлопастная сверху фигура на горизонтальном основании), остальное поле заполнено мелкой растительной резьбой. Ниже фигуры модахилия идет гирих, построенный на квадратной сетке, имити-

²³⁶ Ремпель Л.И. Архитектурный орнамент... . 1961. С. 198–220.

²³⁷ Там же. С. 227.

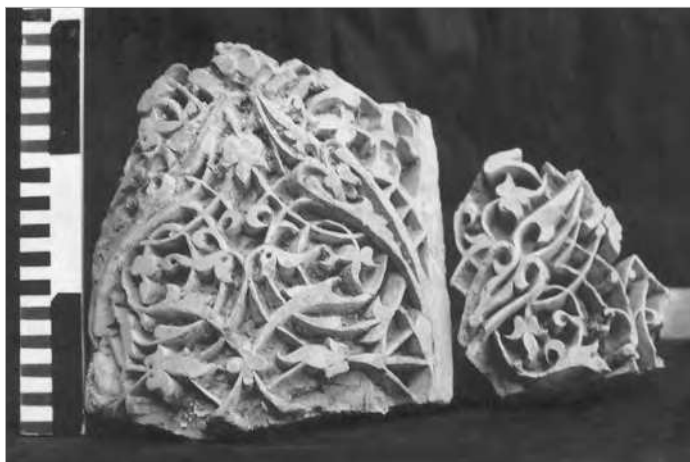


Рис. 81. Фрагменты полуколонны здания 38, XII в.

Fig. 81. Fragments of a half-pillar of the building '38', the 12th century



рующей фигурную кирпичную кладку, широко известную в средневековой Средней Азии, истоки которой уходят в эпоху энеолита и бронзы и прослежены по материалам юга Туркменистана²³⁸. По периметру панно проходит широкий бордюр (14-15 см) с геометрическим плетением в виде фигуры свастики в чередовании с узором, напоминающим арабскую вязь.

Показательны два вида крупных полуколонн (длина 35-45 см) из завала от обрамления углов фасада. Одна полуколонна украшена тонким насыщенным рисунком ислими, развивающимся по вертикали (рис. 81), на другой — совершенно уникальный стилизованный узор, варианты которого известны по находкам в Самарканде²³⁹. Общую композицию не удастся уловить, но отдельные элементы узора представлены фигурой «луковицы» с тремя перьями, внутри которой находится миндалевидное ядро с крестом в основании (рис. 78). По краю полуколонна украшена цепью вертикальных мелких перлов. Узор на колоннах насыщен «крапом», присущим резному дереву (фриз и консоль из комплекса Кусама)

и особенно резному ганчу (Самарра, IX в., дворец термезских правителей, XII в.).

Возможно, к этому же зданию 38 относятся фрагменты терракотового сталактита от заполнения скупфы (полукупола) portalной ниши и трехчетвертной колонны с резным растительным орнаментом, найденные в слоях верхнего горизонта.



Рис. 82. Фрагменты декора тимпана и щипца портала здания 38, XII в.

Fig. 82. Fragments of décor of a tympanum and fronton of portal of the building '38', the 12th century

²³⁸ Мамедов М.А. Архитектурный комплекс... . 2004. С. 175. Рис. 61 — 62.

²³⁹ Ремпель Л.И. Архитектурный орнамент... . 1961. С. 169. Рис 163.



Рис. 83–89. Резная неполированная терракота из раскопок, XI–XII вв.

Fig. 83–89. Carved unglazed terracotta from excavations, the 11th – 12th centuries

Таким образом, детали керамической облицовки из завала дали представление о главном фасаде богато убранной гробницы XII в., стоявшей по западной стороне дороги близ крепостной стены городища фасадом на восток. Датировка мавзолея не вызывает сомнений. Тонко моделированный развитый двухплано-

вый геометрический и растительный орнамент более всего присущ резной терракоте XII в.

Здание 39 стояло на месте мавзолея усто Алима Насафи и, видимо, примыкало к медресе Кусамийа с юга. Сохранился южный торец помещения шириной 5,7 м с тонкими (78 см) стенками из прямоуголь-

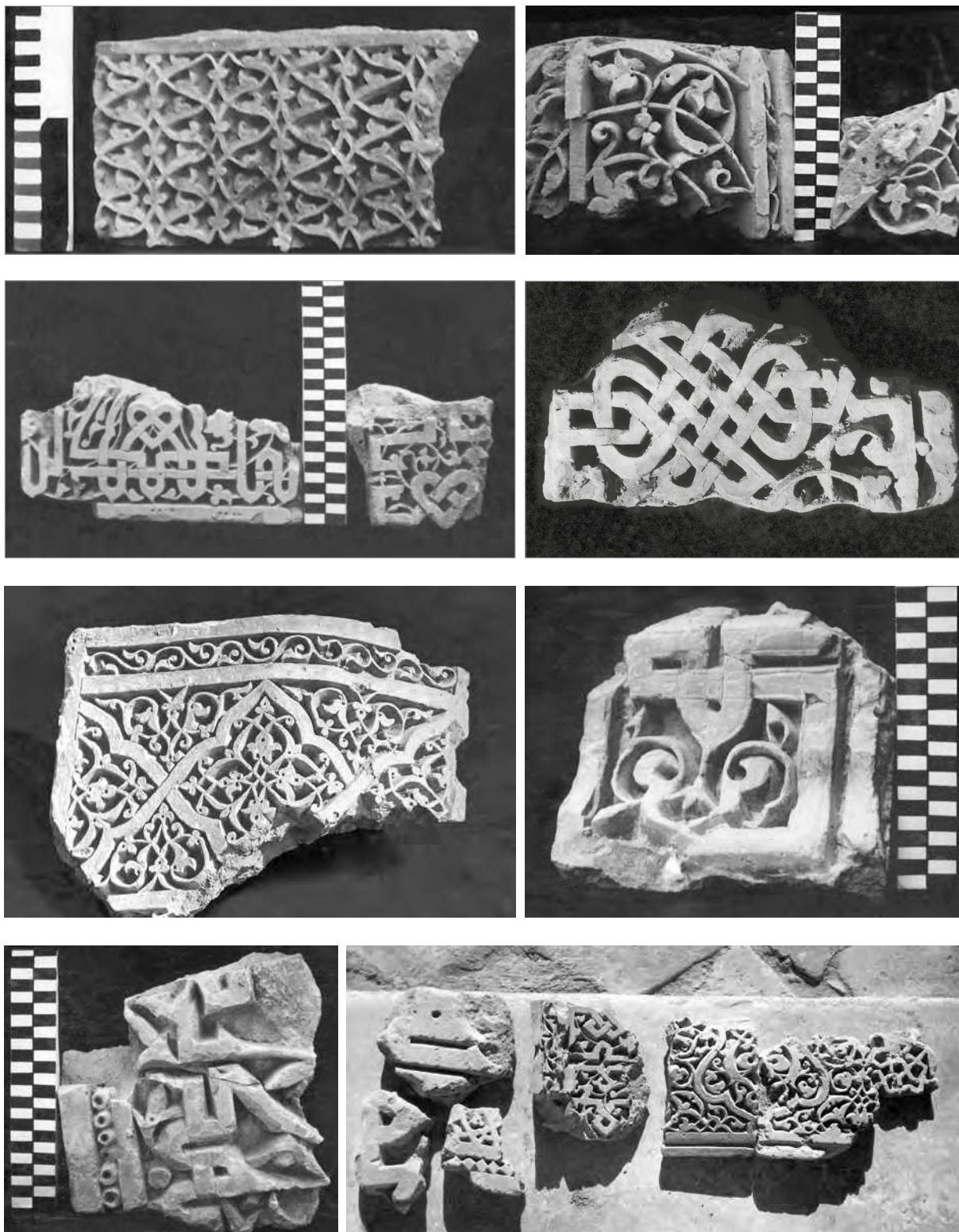


Рис. 90–97. Резная неполированная терракота из раскопок, XII в.

Fig. 90–97. Carved unglazed terracotta from excavations, the 12th century

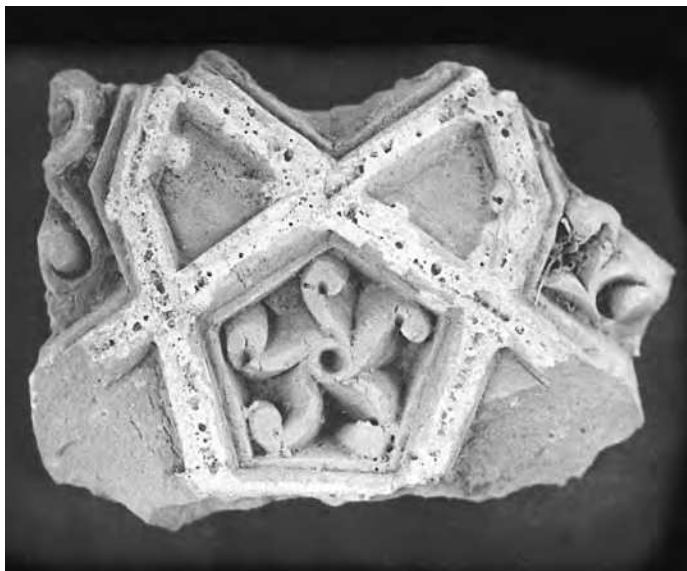


Рис. 98. Фрагмент резной поливной терракоты, XII в.

Fig. 98. Fragmented carved glazed terracotta, the 12th century



Рис. 99. База угловой колонны, XI-XII вв.

Fig. 99. Base of a corner pillar, the 11th – 12th centuries



Рис. 100. Намогильный кирпич с надписью: «Это могила шахида благочестивого А(бу) Али ибн Исмаила Зайн». Первая половина XII в. (чтение М.Е.Массона)

Fig. 100. Tomb brick with inscription: 'This is the tomb of a pious shahid Aby Ali ibn Ismail Zain'. The early 12th century (interpreted by M. E. Masson)



Рис. 101. Навершие намогильника из резной терракоты, XI-XII вв.

Fig. 101. The carved terracotta top part of a tomb, the 11th – 12th centuries

ного кирпича (33×18×4 см) и боя на глине, который был включен в конструкцию более позднего мавзолея 33 (см. план комплекса Шахи-Зинда в XI-XIII вв., **рис. 32**). Это часть какого-то здания, кирпичный слив которого, идущий из отверстия в южной стенке с наклоном внутрь помещения,

свидетельствует о его служебно-хозяйственном назначении.

Время возведения здания 39 определяется весьма условно. О домонгольской поре свидетельствует прямоугольный формат жженого кирпича, но главное — стратиграфическое положение здания — подо-

шва его стен лежит в уровне основания стен медресе Кусамийа XI в.

Разрозненные детали в виде небольших фрагментов резной терракоты XI–XII вв., найденные в разных местах ансамбля при раскопках, говорят и о других зданиях в некрополе Караханидов. К числу их относится шаровидное основание полуколонки (рис. 99), терракотовые плиты с мелкой гравировкой в сочетании с гладкой фактурой (прямоугольной, треугольной формы) в обрамлении бордюра из перлов (рис. 83, 84). Плиты мало выразительны, но интересны как определенный этап в развитии резной терракоты. Гравировка имитировала сложный кирпичный набор, хорошо известный в декоре бухарских зодчих (мечеть Магоки-Аттари XII в., минарет Калян, мечеть Намазга, минарет в Вабкенте), а также резному ганчу Северного Хорасана (мавзолей султана Санджара XII в., здание в Мерве²⁴⁰).

Интересны крупные выгнутые наружу плиты-выкружки с выразительным насыщенным рисунком в виде четырехлопастных медальонов, заполненных цветочным орнаментом (рис. 94), места которым я не нахожу в известных архитектурных формах.

Найдено большое число плоских плит со сложным переплетом («узел счастья») (рис. 92, 93) и много других деталей с разным узором, скомбинированным на одной плоской плитке. Сюда относятся крупные фрагменты от облицовки верхней части стены (?) с уникальным рисунком. Верхний край окантован бордюром из квадратов на угол, ниже бордюра — фигуры сложносоставного орнамента из раздвоенных округлых фигур на декоративном стержне (рис. 45).

Найдены отдельные фрагменты резной терракоты с частичной голубой поливой, которая появляется в архитектуре XII в. и известна по памятникам Бухары, Куня-Ургенча и Мерва.

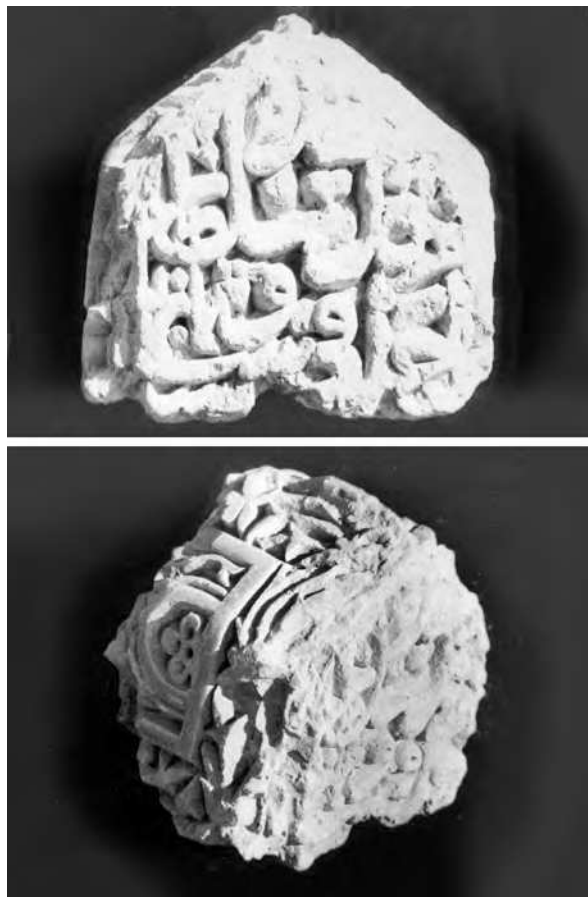


Рис. 102. Навершие намогильника, резная неполированная терракота. Надпись: «Это могила султана Ахмада... В году 806 (1403–1404 гг.)» (чтение М.Е. Массона)

Рис. 102. The carved unglazed terracotta top part of a tomb. The naskh inscription typical in the Temurid time "This is the tomb of Sultan Ahmad... In the year 806 (1403-1404)" (interpreted by M. E. Masson)

Среди разрозненного декоративно-облицовочного материала найдены фрагменты с арабскими письменами, где в ряде случаев упомянуты имена захороненных. Один из фрагментов представляет стрельчатое навершие ступенчатого намогильника с геометрическим орнаментом и цветочным заполнением (рис. 102). На торце навершия посвятельная надпись, выполненная почерком насх, типичным для эпохи Темура, которая гласит: «это усыпальница Султана Ахмада ... В году 806 (1403/1404)» (чтение М.Е. Массона, 60-е годы XX в.).

²⁴⁰ Мамедов М.А. Архитектурный комплекс... . Рис. на стр. 175–183, 199.

Найден намогильный квадратно-плиточный кирпич с прорезанной до обжига надписью, которая сообщает: «Это могила шахида благочестивого А/бу/ Али ибн Исмаила Зайн» (рис. 100). Камень относится к первой половине XII в. (определение М.Е. Массона). Такие намогильные кирпичи ставились в изголовье захороненного в склепе, как показывают материалы из ансамбля Шахи-Зинда.

Таким образом, часть исчезнувших усыпальниц XII–XIV вв. (неизвестно которых!) получила вполне документальную атрибуцию.

Вскрытые основания стен и главным образом большая (более 100 единиц²⁴¹) коллекция декора XI–XII вв., где доминирует резная неполированная терракота, впервые дали реальные представления о мавзолеях домонгольского ансамбля Шахи-Зинда и культовой архитектуре Самарканда в целом. Декоративно-художественная отделка зданий, как известно, следовала за архитектурной формой, и это позволило в некоторых случаях почти безошибочно представить облик сооружений, говорить об уровне строительного дела и особенностях самаркандской школы зодчих при Караханидах.

Формы декоративных плит показывают, что ансамбль Караханидов составляли преимущественно однокамерные портално-купольные мавзолеи типа Араб-ата в Тиме (X в.) или караханидских мавзолеев в Узгенде (XI–XII вв.). Этот архитектурный строй усыпальниц XII в. из ансамбля Шахи-Зинда был унаследован в XIV в. в мавзолеях темуридского некрополя.

Исключением является предполагаемая гробница Лачин-бека первой половины XI в. фасадного типа, который не получил дальнейшего развития в постройках Шахи-Зинда XIV–XV вв.

Художественный образ усыпальниц XI–XII вв. определяла резная неполированная терракота, характерная более всего для самаркандской школы зодчих. Резная терракота эволюционировала на протяжении XI–XII вв. от примитивных, простых по узору плит до насыщенного тонко моделированного рисунка с двух и трехплановым растительным, геометрическим орнаментом с включением элементов каллиграфии, характерных для искусства мусульманского Востока в средние века.

Фрагменты стрельчатых наверший, выполненных из резной терракоты с частичной голубой поливой, показывают, что в XII в. в мавзолеях Шахи-Зинда стояли ступенчатые намогильники, форма которых развивалась здесь в XIV в. (намогильник в гурхане мавзолея Кусамы, схожий — в мавзолее 31, вскрытом в 60-е годы).

Самаркандская школа зодчих при Караханидах

Главный пульс интеллектуальной и творческой жизни, как известно, бился в крупных столичных городах Средней Азии. Именно в городах на всех исторических этапах возникала монументальная архитектура (дворцы, общественные, гражданские и культовые сооружения, возведенные от имени правящей элиты), развивалось строительное искусство, отражавшее вкусы, тенденции и стиль времени. На местной сырьевой базе, традициях и инновациях в строительном деле XI–XII вв. складывались локальные школы зодчих, корпорации художников-монументалистов, мастеров по декоративным росписям, резьбе по ганчу, дереву и глине, которые оставили яркий след в архитектурном наследии регионов.

Ярко выраженные архитектурные школы, направления и художественные тенденции домонгольского времени представлены памятниками зодчества Бухары и Узгенда, Мерва, Серахса и Дахистана, Куня-Ургенча и Термеза, Тараза, Софит-

²⁴¹ В данном случае рассматривается коллекция архитектурного декора XI–XII вв., найденного в середине XX в. В 2004 г. при археологических работах Института археологии в Самарканде эта коллекция была дополнена, но пока не опубликована.

Буленда и других городов Средней Азии и Южного Казахстана.

Северохорасанскую школу зодчих XI—XII вв. представляют памятники Южного Туркменистана (мавзолей султана Санджара в Мерве, мазар Астана-баба, Серахс-баба на старом городище, мавзолей Абу-Саида в Мехне, мечеть Талхатан-баба и др.). Специфику архитектуры этого региона объединяет преобладание в декоре резного ганча и узорный (ковровый) кирпичный декор стен, преимущественно центрическая планировка зданий (хотя есть и порталные), разгрузочные инженерные конструкции-галереи в верхних частях стен, двойные купола (внешний и внутренний), впервые появившиеся в Северном Хорасане, голубая глазурированная облицовка куполов.

К северохорасанской школе тяготеет средневековая архитектура Тохаристана, представленная культовым комплексом Хакима ат-Термизи (X—XI вв.), ранними мавзолеями из ансамбля Султан-Саодат (XII в.), дворцом термезшахов (XI—XII вв.) с роскошным резным ганчем (среднеазиатская Самарра). К этой архитектурной школе по стилю относится монументальное зодчество северо-восточных регионов Центральной Азии — мавзолей Ходжа Нахшран, мавзолей-ханака Ходжа Машад в Саяте XII в. (Таджикистан), дворцовый комплекс Лашкари Базар (XI—XII вв.) близ Буста (Афганистан) и др.

Особенно самобытно мемориальное зодчество Куня-Ургенча XI—XII вв., представленное мавзолеями, тяготеющих к башенному типу Северо-Западного Ирана, Закавказья (Азербайджан) и Турции с гранеными шатровыми или сфероконусными куполами в глазурированных изразцах, оригинальными главными фасадами (мавзолей Аль-Арслана середины XII в.) и специфичной формой главного фасада в мавзолее Текеша рубежа XII—XIII вв., который ничего общего (кроме подчеркнутого объема и высоты) не имеет со сложившимися порталами центрального Мавераннахра и других центров Средней

Азии (Рабат-и Малик, Дая-хатын, мавзолей Узгенда).

В архитектурном наследии хорошо представлена средневековая школа зодчих Бухары и Бухарского оазиса, где сохранилось относительно большое число памятников XII в. уникальных архитектурно-художественных и инженерных решений (мечеть Магоки-Аттари, минарет Калян, мечеть Намазгох, мечеть Дигтарон в с. Хазара и Рабат-и Малик в Бухарской степи). Здесь явно прослеживаются старосогдийские традиции и одновременно технические и художественные инновации и тенденции, получившие развитие в средневековом зодчестве Средней Азии.

Выразительна культовая архитектура Южного Казахстана центрического, фасадного и смешанного типов (Айша-биби, мавзолей Карахана, Бабаджа-хатун). Разнообразную синкретическую типологию имеют архитектурные памятники Киргизии, где портално-купольные здания (узгендские мавзолей Караханидов) сосуществовали с центрическими (мавзолей Шах-Фазиль) и раскопанными В.Д. Горячевой мавзолеями башенного типа (по графической реконструкции Г.А. Пугаченковой).

В свете архитектурно-художественных школ Средней Азии XI—XII вв. до сих пор не был представлен древнейший культурный центр Мавераннахра — Самарканд, где сохранилось в основном зодчество эпохи Темура и Темуридов и последующих столетий — XVI—XVII вв. В Самарканде на поверхности земли нет памятников зодчества эпохи Караханидов (за исключением «машада Кусама»).

Это связано с исторической судьбой города. Шахристан Самарканда, где было сосредоточено монументальное строительство X—XII вв., после монгольского завоевания переместился с территории Афрасиаба в пригород-рабад. Монументальные сооружения на покинутом городище постепенно пришли в запустение и в наше время являются предметом археологических изысканий.

Некоторые представления о более ранней самаркандской архитектурной школе X в. дает мавзолей портално-купольного типа Араб-ата в Тиме (Самаркандская область), который является важным звеном в цепи формирования мемориального зодчества самаркандского региона.

Наиболее масштабные материалы по архитектуре караханидского Самарканда получены при раскопках в ансамбле Шахи-Зинда, где в XI–XII вв. у важной мусульманской святыни «машада Кусамы» сложился крупный религиозно-культурный и научно-образовательный центр города, развился некрополь Караханидов с богато украшенными гробницами, остатки которых вскрыты под существующим ансамблем XIV–XV вв.²⁴²

Ансамбль Шахи-Зинда — единственный памятник Самарканда, где аккумулярован огромный декоративно-облицовочный материал XI–XII вв., который по форме резных терракотовых плит позволяет мысленно представить общий архитектурный строй исчезнувших строений. Остатки конструкций и найденная в Шахи-Зинда коллекция архитектурного декора XI–XII вв. являются важным и почти единственным свидетельством особенностей самаркандской школы зодчих и художников-дизайнеров этого времени. Лишь отдельные разрозненные фрагменты резной неполивной терракоты были известны и раньше по находкам в разных частях Афрасиаба (фонды Самаркандского исторического музея, может быть, из комплекса Шахи-Зинда).

Вскрытые основания стен XI–XII вв. и главным образом большая (более 100 единиц²⁴³) коллекция декора, где доминировала резная неполивная терракота, дают вполне реальные представления об архи-

тектуре домонгольского комплекса Шахи-Зинда и Самарканда в целом. Архитектурный декор, как известно, следовал за архитектурной формой, и это позволило в некоторых случаях почти безошибочно представить общий облик сооружений XI–XII вв. в Шахи-Зинда, говорить об уровне строительного дела и особенностях самаркандской школы зодчих при Караханидах.

Различные формы резных терракотовых плит из некрополя, не известные более нигде в Средней Азии в таком разнообразии приемов, мотивов, их сочетаний и композиций, дают представление о характере и специфике локальной архитектурной школы, сложившейся в XI–XII вв. в столице Западного Караханидского каганата. Строительное дело города находилось на уровне передовых технических и художественных достижений эпохи, как показали материалы археологических исследований.

Общая планировочная композиция некрополя XI–XII вв., как и ансамбля Шахи-Зинда эпохи Темуридов (XIV–XV вв.), была подчинена издавна сложившейся на юге Самарканда градостроительной сети. Некрополь Караханидов развивался вдоль улицы, которая существовала здесь со времен обживания этой территории в IX–X вв. На восточной стороне перекрестка (канал и дорога север-юг) стоял «машад Кусамы», на западной — медресе Кусамийа, образуя ансамбль «кош». По обеим сторонам улицы-дороги вплоть до крепостной стены города располагались прочие культовые строения, выстроенные фронтально, фасадами друг к другу.

В Шахи-Зинда от XI в. на поверхности земли сохранилась только идейная и архитектурная основа ансамбля — комплекс Кусамы ибн Аббасы («машад Кусамы»). Эта оригинальная двухъярусная объемно-планировочная структура (с перепадом в 2,5 м) ритуально-культовых помещений с двухкамерной гробницей ал-Кусамы в основе является уникальной, не имеет аналогов в многочисленных святынях Центральной Азии.

²⁴² Немцева Н.Б. Зодчество Самарканда при Караханидах // Древние цивилизации на Среднем Востоке. Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию Г.В. Шишкиной. Москва, 2010. С. 76–77.

²⁴³ В данном случае рассматривается коллекция архитектурного декора XI–XII вв., найденного в середине XX в. В 2004 г. при археологических работах Института археологии АН РУз эта коллекция была дополнена.

«Машад Кусама» отличал скромный внешний облик, гладкие стены в черновой кладке без признаков декора и архитектурной разработки, плоское перекрытие не только первой мечети машада, но, как я предполагаю, и гробницы Кусама, состоящей из гурханы и зиаратханы. Исключением являлся облицованный снаружи терракотовыми изразцами минарет XI в. Купола в гробнице появились не раньше XIV в. (возможно, в 1334/35 г., как свидетельствует дата в подкупольной части зиаратханы). Декоративным убранством отличались только интерьеры «машада» (резное дерево в системе перекрытия мечети XI в., резной деревянный кенотаф гурханы).

Безликий ординарный внешний вид «машада Кусама», отстроенного в черновой кирпичной кладке, как представляется, был продиктован философией раннего суфизма, под влиянием которого складывались первые святыни в исламе, где доминировали требования простоты и скромности, судя по вакфным документам. В то время как светские мавзолеи караханидской эпохи в Самарканде (Шахи-Зинда) и Средней Азии в целом (мавзолеи Узгенда) были богато украшены декором.

Уже ханифитское медресе Кусамийа 1066 г., основанное верховным каганом Западного каганата в некрополе Шахи-Зинда, было отстроено в духе презентабельной архитектуры с декоративной отделкой главного фасада и интерьеров. Возможно, пилоны портала были облицованы еще более нарядно, о чем можно судить по найденной при раскопках резной терракоте.

В отличие от сопредельных регионов (Тохаристан, Северный Хорасан, Бухарский оазис) сырцовый кирпич в Самарканде был вытеснен жженым уже в начале XI в. Это позволило создавать более надежные конструкции — купола и своды большего пролета при более тонких (чем сырцовые) стенах. В конструкциях использовались разные виды перекрытий и подкупольных систем (своды, купола, плоские пере-

крытия, судя по плану помещений и масштабам), применялось армирование стен деревянными связями. Стены строений в XI—XII вв. устанавливались на глиняные «заливки», хорошо известные в доарабской Средней Азии. В основаниях стен использовалась деревянная обвязка из толстых бревен, уложенных на амортизирующую прослойку из двух-трех рядов жженого кирпича (гурхана, мечеть XI в. из «машада Кусама»).

Раскопанное примерно на одну четверть медресе Кусамийа показало, что в Самарканде в середине XI в. сложился характерный для Мавераннахра тип высшего учебного заведения четырехайванной дворовой композиции, получивший развитие в последующие столетия.

Найденная в Шахи-Зинда резная неполновальная терракота, характерная для самаркандской школы зодчих, вытеснила резной ганч саманидского Самарканда, присущий интерьерам (панели дворца Саманидов, облицовка интерьера богатого дома на Афрасиабе X в.), позволила зодчим и художникам-дизайнерам сосредоточить творческие поиски на внешних фасадах. Резной ганч в монументальном декоре, истоки которого уходят в парфянскую эпоху, хорошо известен в доарабской Средней Азии (Варахша, Пенджикент, Шахристан). Он получил широкое распространение в IX-X вв. в городах Арабского халифата (Самарра, Нишапур), а также в Мавераннахре (Афрасиаб). Этот вид декора использовался главным образом в интерьерах, внешний вид зданий оставался без декора и для исследователей является областью гипотез.

В ансамбле Шахи-Зинда резного ганча нет, пик его расцвета в Самарканде пришелся на эпоху Саманидов. На смену пластике резного ганча саманидской эпохи в XI—XII вв. приходит более устойчивая к внешним влияниям и не менее пластичная монохромная резная неполновальная терракота, тонированная ангобом, характерная более всего для Самарканда.

Оду резной терракоте когда-то воспел знаток архитектуры средневековой Средней Азии Б.Н. Засыпкин²⁴⁴.

Интерьеры XI–XII вв. при этом покрывались уже не резным ганчем, как при Саманидах, а полихромной росписью по ганчу, иногда фигурной выкладкой. Смена декора в облицовке монументальной архитектуры — определенный хронологический и качественный этап в эволюции художественной отделки архитектуры Мавераннахра.

Резной терракоте предшествовала облицовка из отдельных керамических брусков в комбинации с резным ганчем (панно в медресе Кусамийа, завал декора здания 37). Этот вид монументального декора не получил широкого развития, как более трудоемкий и менее эффектный.

Декоративно-облицовочный материал XI–XII вв., найденный в комплексе Шахи-Зинда, демонстрирует новый стиль, формы и приемы художественной отделки. Развивается художественный облик внешних фасадов, связанный с вековой резной терракотой, которая заняла ведущее место на многие последующие века. Этот вид декора, более всего характерный для самаркандской школы зодчих, в меньшей степени применялся в Бухаре и, как исключение, в Хорезме, Северном Хорасане (Нишапур) и Афганистане.

Художники-дизайнеры самаркандской школы владели всеми видами технических и художественных приемов, известных в средневековой Средней Азии. Орнаментальные мотивы (ислими, гирих, каллиграфия), известные по резному ганчу и дереву, предстают в резной терракоте в новой стилистической трактовке.

Искусно выполненная резная терракота облекала черновую кладку в богатые одежды и превращала безликую конструкцию кирпичных стен в произведение искусства. Внешний облик богато убранных гробниц караханидского некрополя в Шахи-Зинда

представлял собой произведения высокого художественного образа и стиля.

Найденные детали тимпана, выкружки и диски с эпиграфикой, фрагменты архивольта, трехчетвертные колонки, диски от заполнения верхних углов тимпана, огромное число разнообразных бордюров с ислими и гирихами, панно от облицовки щек и щипцов порталной ниши рисуют достаточно выразительный внешний облик зданий караханидской части комплекса Шахи-Зинда.

Сложная технология изготовления резных терракотовых плит была связана с подготовкой и нанесением резьбы по глине в сыром виде. Плиты затем подвергались обжигу при определенной температуре и тонировались ангобом. Резная терракота из комплекса Шахи-Зинда, найденная в раскопках, пролежала в земле 600–800 лет. Она оказалась неустойчивой к воздействию сырости и подпочвенных солей и не несет следов деформаций.

Этот вид декора позже продолжает свое развитие в новом варианте — резной терракоте, покрытой цветной глазурью, и не исчезает на протяжении всего XIV в. Резная поливная терракота XIV в. (мавзолей Ходжи Ахмада, 1360/61 г.) постепенно заменяется майоликой со штампованным орнаментом — более простым по изготовлению декором. В ряде случаев штампованная майолика комбинировалась с резной поливной терракотой (мавзолей Шади-Мульк-ака). Этот эффектный вид декора характерен не только для Самарканды, он известен также по архитектуре Бухары XIV в. Главный фасад и интерьеры мавзолея Баян Кули-хана (вторая половина XIV в.) покрыты исключительной по изяществу, тонко моделированной резной поливной терракотой.

Следует отметить также высокий уровень самаркандских **резчиков по дереву**. Интерьер первой мечети XI в. из «машада Кусамы» был отделан резным деревом, частично сохранившимся *in situ*. Из резного дерева были несущие конструкции этой мечети и, несомненно, михраб. Резным

²⁴⁴ Засыпкин Б.Н. Архитектура... . 1948. С. 50.

деревом был покрыт кенотаф XI в. в гробнице Кусама, обитый по углам серебром и украшенный вставками из самоцветов, как сообщает Ибн Баттута. Резные двери и наборные из деревянных брусков решетки-панджара из гурханы и зиаратханы дополняют эту коллекцию.

Резное дерево — во все времена дорогой для Средней Азии отделочный материал — было характерно для архитектуры XI—XII вв. верховьев Зеравшана (Чорку, Обурдон, Урамитан и др.) и с успехом использовалось в столичном Самарканде, как показали материалы ансамбля Шахи-Зинда.

Архитектурная и декоративно-художественная школа домонгольского Самарканда проходила тот же путь развития, что и этот вид строительного искусства в других культурных центрах Средней Азии, но резная терракота, доминирующая в Самарканде XI—XII вв., открыла новую страницу в художественном облике зодчества города, определила его стиль. Самаркандская школа зодчих XI—XII вв., как показали материалы из комплекса Шахи-Зинда, имела свое лицо. Эта школа не уступала лучшим образцам архитектурных шедевров других городов, развиваясь в общем русле искусства зодчих Средней Азии.

Эти материалы (и разрозненные находки с Афрасиаба) показывают, что художественный стиль, технические приемы, мотивы архитектурного декора Самарканда традиционны для северо-восточных, западных и центральных областей Мавераннахра (самаркандская, бухарская, узгендская школы зодчих), в деталях улавливается сходство с характерными мотивами орнамента Тохаристана и Северного Хорасана. В целом архитектурная керамика говорит о зрелом и самобытном пути развития творчества самаркандских художников-дизайнеров караханидской поры.

В интерьерах XI—XII вв. появились полихромные росписи по ганчу (угловая аудитория медресе). Этот вид дизайна интерьеров с тех пор в Самарканде становится

ведущим вплоть до позднего средневековья.

Найденный облицовочный материал домонгольского комплекса Шахи-Зинда позволяет проследить этапы развития искусства декора от первых относительно простых приемов XI в. до высокоразвитого, виртуозного искусства XII в. с глубокой ювелирной резьбой по глине и бесконечным разнообразием мотивов. В резной терракоте XI—XII вв. использованы орнаментальные узоры и приемы, известные по резному дереву и ганчу, которые стали основой инноваций, дальнейших поисков в искусстве монументального декора Средней Азии, представленной в комплексе Шахи-Зинда караханидского времени. Отдельные реминисценции узоров XI—XII вв. (фигура модахилия, звездчатые фигуры с полукрестовинами, парная кладка с поперечными вставками, вертикальные выкружки с эпиграфикой, бордюры от вертикальных лент, угловые полуколонки и трехчетвертные колонки) можно видеть в мавзолеях того же ансамбля XIV в.

В заключении надо сказать, что исчезнувший в силу исторической судьбы домонгольский ансамбль Шахи-Зинда — единственный памятник архитектуры, где получено наиболее полное представление о строительном деле Самарканда XI—XII вв. Коллекция декора отсюда, найденная при раскопках, позволяет проследить развитие архитектурных форм и декора Самарканда на протяжении XI—XII вв. Две разные эпохи, саманидская (X в.) и караханидская, сменившие одна другую, представляют в одном городе два разных художественных стиля и типа архитектуры. Резной ганч, характерный для саманидского Самарканда (резной ганч Афрасиаба), создавал художественный облик интерьеров, резная неполированная терракота позволила дизайнерам сосредоточить творческие поиски на оформлении внешних фасадов.

При Караханидах наиболее выразительным становится главный фасад, подчеркнутый входным порталом. Древнейшая традиция выделения главного

входа (истоки в крепостной архитектуре Средней Азии эпохи бронзы) прошла длительный путь развития и трансформаций. В средневековой Средней Азии портал П-образной формы с глубокой входной арочной нишей стал ведущим композиционным центром, осью симметрии главного фасада на протяжении всех последующих веков.

Археологические раскопки последних лет в цитадели Афрасиаба (работы узбекско-французской экспедиции) показали, что при Караханидах в оформлении царских покоев использовался не только стилизованно-растительный орнамент, но и сюжетная живопись со сценами придворной жизни, хорошо известная в Центральной Азии по другим памятникам архитектуры — дворец Газневидов (Лашкаргох в Бусте), дворец XI—XII вв. в Хульбуке (юг Таджикистана). Это модное веяние в среде тюркских правителей и придворной знати было своего рода выражением независимости по отношению к сложившимся на Востоке канонам исламского искусства с отвлеченной орнаментальностью.

Шахи-Зинда при монголах, XIII в.

Монгольское иго на первом этапе принесло народам Средней Азии невиданное разорение. Главные города были разграблены и опустошены полчищами Чингисхана. Хозяйственная жизнь, подорванная грабежами и беззаконием, замерла. Экономика была нарушена, культурная жизнь парализована. В разграбленном Самарканде на первых порах не осталось и четверти его жителей. Но уже в середине XIII века, с ослаблением власти монгольской военщины и усилением местной инициативы, Самарканд встает из руин и вновь слывет крупным и многолюдным городом.

Археологические исследования и данные письменных источников показывают, что во время разгрома Самарканда монголами в 1220 г. ни ансамбль Караханидов,

ни «машад Кусамы» не были преднамеренно разрушены суверенными завоевателями. Однако общий экономический урон, нанесенный монголами стране и городу, ускорил процесс естественного дряхления святыни. С уходом династии Караханидов с историко-политической арены некрополь XI—XII вв. постепенно пришел в запустение. «Машад Кусамы» на опустевшем городище стал загородной святыней Самарканда.

Роль ислама как государственной религии после завоевания Средней Азии монголами — шаманистами по духу — на первом этапе была несколько снижена. «Машад Кусамы» не разрушался намеренно, но и не поддерживался монгольским правительством на государственном уровне. Был утрачен высокий государственный статус сакрального и научно-образовательного центра Самарканда, который сложился и функционировал при Караханидах.

Но уже в первой трети XIV в. (несомненно, традиция не прерывалась и раньше), как сообщает Ибн Баттута, каждый понеделник и пятницу к загородной святыне приходили не только местные горожане, но и суверенные монголы-иноверцы, которые делали богатые жертвоприношения, приносили дирхемы, динары, коров и баранов²⁴⁵.

На первом этапе после монгольского завоевания Самарканда в загородном некрополе у «машада Кусамы» не появилось новых гробниц. Только к концу XIII — в начале XIV века со стабилизацией экономики, торгово-обменных и культурных отношений в стране ситуация начала меняться. Восстановление экономического потенциала города нашло отражение в истории некрополя, где появились первые посткараханидские культовые сооружения, которые демонстрируют новый стиль и художественный образ ансамбля, как будет показано ниже.

²⁴⁵ Путешествия Ибн Баттуты. 1996. С. 278.

Глава 2

ШАХИ-ЗИНДА ПРИ АМИРЕ ТЕМУРЕ, XIV — НАЧАЛО XV в.

После некоторой паузы в застройке комплекса Шахи-Зинда в XIII в. при монголах в середине XIV в. возобновилось строительство у главной почитаемой святыни Самарканда. Началось формирование ансамбля, который в основном дошел до наших дней. Первые мавзолеи XIV в. (Ходжи Ахмада, 1360/61 г.) возникли на той же линии, севернее медресе и «машада Кусамы». Это наиболее ранняя группа усыпальниц, которые появились в комплексе Шахи-Зинда после длительного застоя в XIII в. На скрещении канала и дороги север-юг возник новый планировочный узел, в основных чертах начал формироваться «северный дворик».

«Северный дворик» завершил общую композицию ансамбля с северной стороны. Замыкая дорогу север-юг, был установлен мавзолей Ходжи Ахмада главным фасадом на юг, на восточной стороне под углом к нему — мавзолей 1360/61 г., который перекрыл западный путь на восток.

Окончательное оформление «северного дворика» в виде замкнутого пространства произошло уже на грани XIV—XV вв., при строительстве комплекса Туман-ака (мавзолей, мечеть). С юга «северный дворик» в середине XIV в. был перекрыт третьей проходной сенью (чартаком), восточная арка которой вела в комплекс Кусамы ибн Аббаса и связала в один планировочный узел ансамбль Шахи-Зинда и комплекс Кусамы ибн Аббаса.

Два первых мавзолея «северного дворика» представляют тип однокамерного портално-купольного здания, который получает развитие в последующих постройках ансамбля XIV — начала XV века. Главное художественное достоинство усыпаль-

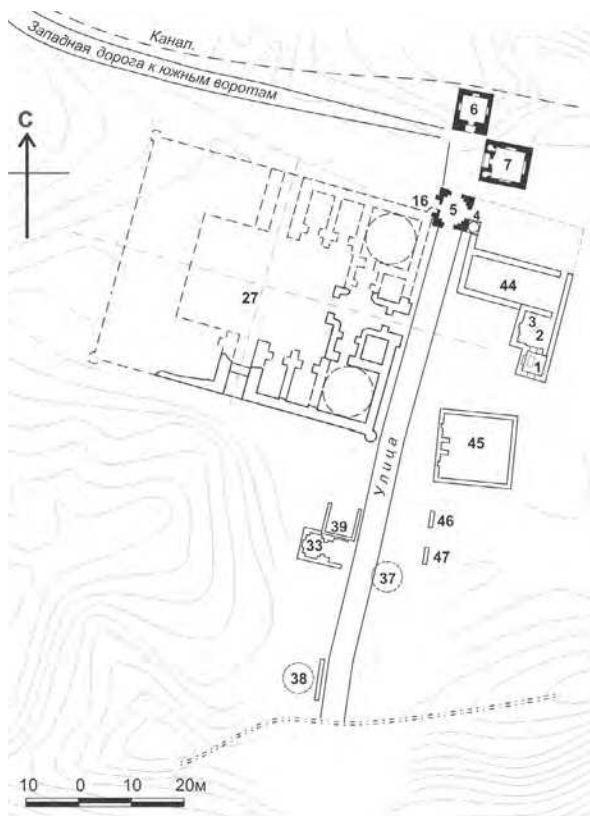


Рис. 103. План-схема ансамбля первой половины XIV в.: 5. Третий чартак; 6. Мавзолей Ходжи Ахмада; 7. Мавзолей 1360/61 г.

Fig. 103. The layout of an ensemble of the early 14th century. 5. The third chartak, 6. Khoja Ahmad mausoleum, 7. Mausoleum of 1360/61

ниц — декоративная облицовка фасадов резной поливной терракотой (фото 59).

Этот традиционный вид облицовочного материала в Средней Азии, хорошо известный по домонгольским строениям Шахи-Зинда, в памятниках XIV в. впервые предстает в сочетании с полихромным глазурованным покрытием. Изобретательность и художественная фантазия

гончаров-керамистов, воплощенная в двух ранних мавзолеях XIV в., неистощима. Яркие сочные краски, сверкающие на солнце глазури, где преобладают синий, голубой и белые цвета, двухплановая резьба по глине, создающая светотень, виртуозное сочетание растительного и эпиграфического орнамента — все это оставляет неизгладимое впечатление от ранних усыпальниц «северного двора».

Два эти памятника так близки по технике и характеру облицовок, что можно предполагать работу одного мастера, хотя мавзолеи разделены примерно двумя десятками лет.

Мавзолей Ходжи Ахмада, 40-е годы XIV в.

Это самая ранняя из сохранившихся усыпальниц XIV в. Надпись на портале сообщает, что мавзолей принадлежит Ходже Ахмаду (личность исторически не известна), другая надпись сообщает имя мастера: «Работа Фахри Али» (рис. 105, 106).

Имя мастера-керамиста Фахри Али, отдавшего портал мавзолея Ходжи Ахмада, вплетено в фигурный лист растительного орнамента его главного фасада. Отсутствие нисбы (места рождения мастера) свидетельствует скорее о его местном, самаркандском происхождении.

Мавзолей представляет типичный для XIV в. однокамерный портално-купольный тип здания с главным порталом во всю ширину передней стены, который был тиражирован в ансамбле в последующие десятилетия. Внешние размеры мавзолея — 7,6×6,3 м, внутренние — 4,88×4,83 м, прямоугольный склеп — 3,60×2,28 м, высота — 1,67 м. Квадратный внутренний план здания с нишами по сторонам (глубина 42-44 см, ширина 1,42-1,48 м) показывает, что мавзолей был перекрыт когда-то куполом, основанным на восьмигранном арочном парусе. Интерьер мавзолея отделан ганчевой штукатуркой, может быть, когда-то покры-

той росписью с растительным орнаментом.

К началу XX века от мавзолея остался один наклонившийся вперед портал, подпертый бревнами. В XIX в. были попытки портал разобрать и восстановить в Санкт-Петербурге, но местные власти воспротивились этому, как указывалось выше.

В 1922 г. М.Е. Массоном были раскопаны и восстановлены наружные стены, очищены надгробия из резного мрамора, вскрыт склеп. Как и все ранние склепы в мавзолеях Шахи-Зинда, он сложен без конструктивной связи со стенами наземной части мавзолея, не имевшими фундаментов²⁴⁶.

Склеп мавзолея расположен под полом, имеет прямоугольный план (3,60×2,28 м), вытянут по оси север-юг, перекрыт сводом балхи высотой 1,67 м и имеет редкий в строительной практике двусторонний лаз (дромос) для погребальной процедуры. Два сводчатых дромоса находятся на оси север-юг, один выходил в порталную нишу, второй — в сторону свободного от пристроек северного фасада.

Главный портал мавзолея имеет характерную для памятников комплекса Шахи-Зинда XIV в. П-образную форму. Внешние углы фланкируют трехчетвертные колонны, на центральной оси — входная порталная ниша, перекрытая стрельчатой аркой. Завершение портала не сохранилось (рис. 106, фото 93—100).

В 1962 г. наклонившийся портал мавзолея был выпрямлен (разобран и выложен заново), терракотовые резные плиты в голубой и белой глазури очищены от вековой пыли и заново укреплены (проект архитектора И.Е. Плетнева).

Основное художественное достоинство мавзолея сосредоточено на главном южном фасаде с входным порталом, пилоны которого покрыты резной поливной терракотой преимущественно в голубовато-бирюзовой и белой цветовой гамме. Угловые трехчетвертные колонны, фланкирующие

²⁴⁶ Массон М.Е. Краткое сообщение... 1924. С. 157.



Рис. 104. У прохода в «северный дворик». Фото 1909 г.

Fig. 104. At the passage leading to the 'northern yard'. Photo, 1909

фасад, украшены штампованной и гравированной расписной майоликой в той же цветовой гамме (**рис. 107, 108**).

Наиболее выразителен широкий вертикальный пояс на пилонах с изумительной по рисунку арабской вязью (тексты из Корана по В.А. Шишкину), переплетенной с растительным орнаментом. Эпиграфическая лента оконтурена более узкими бордюрами из восьмигранных звезд и полукрестовин, а также вертикальными бордюрами разного орнаментального рисунка, которые придают иллюзию изящества и стройности архитектурной форме главного фасада (**фото 92–93**).

Представляют интерес угловые трехчетвертные колонны портала, покрытые древнейшим в основе геометрическим узором в виде вертикально развивающихся ромбов из гравированной майолики, имитирую-

щей кирпичный набор голубого и белого цвета в сочетании с неполивными шлифованными изразцами (**фото 92**). Этот мотив зафиксирован на юге Средней Азии еще в эпоху энеолита (ваза из Кара-депе) и бронзы (росписи Гонур-депе). В древности этот орнамент заключал магическую символику древних земледельцев, по мнению исследователей. В средние века, утратив первоначальный смысл, узор почти без изменений получил самое широкое распространение в резном ганче, резной и гравированной терракоте, в кирпичном наборе на архитектурных памятниках Средней Азии²⁴⁷.

Надписи на левом пилоне портала мавзолея Ходжи Ахмада последний раз в 60-е годы XX в. прочитаны В.А. Шишкиным. Часть надписей утрачена, но лакуны вос-

²⁴⁷ Мамедов М. Мавзолей Султана Санджара. Стамбул, 2004. С. 194–195.

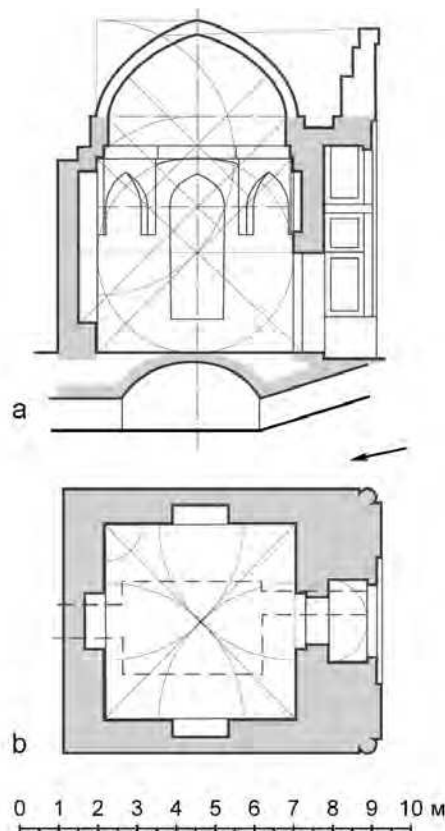


Рис. 105. Мавзолей Ходжи Ахмада: а – разрез, b – план (по Ю.З. Шваб)

Fig. 105. Khoja Ahmad mausoleum, a - cross-section, b - plan (according to Yu.Z. Shvab)

становлены по старым фотографиям XIX в. Содержание надписи следующее: «... да продлит Аллах их вечность, чтобы сделалась могила озаренной, садом счастья Ходжи Ахмада, которому не было по красоте никого подобного, в...». Надписи выполнены в резной поливной терракоте почерком, характерным для XIV в., несколько отличающимся от других надписей Шахи-Зинда большей лапидарностью и относительной простотой начертания букв²⁴⁸.

В орнаментальное поле эпиграфической ленты местами вставлены маленькие клейма с добавочными надписями, не связанными с основным текстом. Справа вверху, между «алифами» и «ламами», вплетена арабская вязь: «Царство принад-



Рис. 106. Портал мавзолея Ходжи Ахмада. Фото 1938 г.

Fig. 106. Portal of Khoja Ahmad mausoleum. Photo, 1938

лежит Аллаху». На левой стороне, примерно в середине надписи, включено небольшое клеймо в виде листочка, на котором вырезаны слова: «Работа Фахр Али» (**рис. 109**). Это либо имя зодчего, возводившего мавзолей, либо машшока (керамиста-художника), составившего надпись. Внизу – сложное переплетение букв: «Да уважит Аллах его великодушие», что относится, по-видимому, к погребенному. Еще одна надпись проходит по архивольту арки портала, содержит персидские стихи:

«Если бы шахом Ирана и царем Китая ты был,

[Конец твой (всё же) будет здесь – под землёй,

Зачем ты привязываешь сердце] к этому тленному миру,

Если конец (всех твоих) дел будет таким?»

²⁴⁸ Шишкин В.А. Надписи... . 1970. С. 39–41.

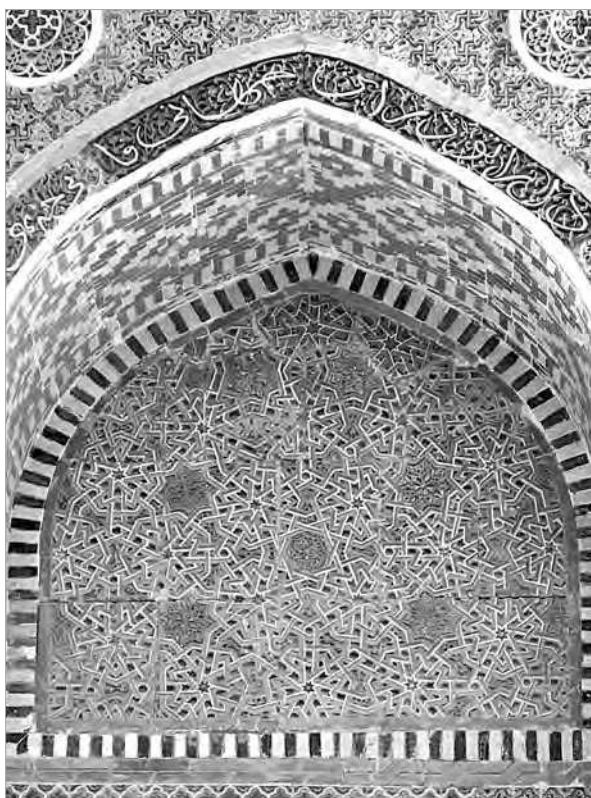


Рис. 107. Щипец порталной ниши мавзолея Ходжи Ахмада. Фото 2010 г.

Fig. 107. Portal niche gable of Khoja Ahmad mausoleum. Photo, 2010

Дата смерти погребенного в мавзолее Ходжи Ахмада или дата постройки здания не сохранились. По всей вероятности, мавзолей принадлежит крупному духовному лицу.

При ремонтно-земляных работах в 90-е годы XX в. под северной стеной мавзолея был обнаружен сводчатый туннель (ширина 1,5 м, высота 1,5 м, расчищен на длину около 10 м), вырытый в лессе с элементами кирпичной кладки. Это, видимо, часть тазара, прорытого под улицей-дорогой север-юг, через который проходил упомянутый городской канал, который видел Ибн Баттута в 30-е годы XIV в.

Как было показано выше, канал этот снабжал водой «машад Кусам» на протяжении всего средневековья вплоть до появления современного водопровода, проло-

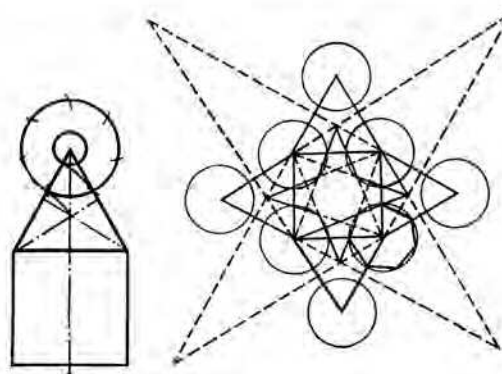
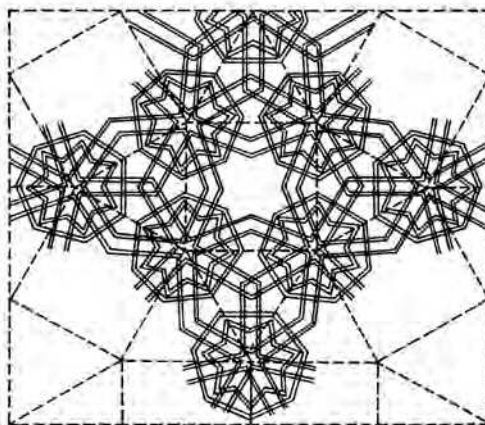


Рис. 108. Построение гириха облицовки на щипце портала мавзолея Ходжи Ахмада (по Ю.З. Шваб)

Fig. 108. Design of girikh in the facing of portal gable in Khoja Ahmad mausoleum (according to Yu.Z. Shvab)



Рис. 109. Мавзолей Ходжи Ахмада, середина XIV в. Фрагмент декора портала

Рис. 109. Khodja-Ahmad mausoleum, the mid-14th century. Fragment of the portal décor

женного по той же линии от южных ворот. Тазар уходил на восток за пределы мавзолея, на западной стороне был связан с каким-то сводчатым устройством(?) из жженого кирпича. Конструкция требует дальнейшего археологического обследования.

Очень важная и интересная проблема древнего канала на участке Ходжи Ахмада крайне актуальна, и решение ее должно быть запланировано при возможных археологических работах в ансамбле Шахи-Зинда.

Мавзолей 1360/61 г.

Стоит под прямым углом к мавзолею Ходжи Ахмада на восточной стороне «северного двора», фасадом на запад (**фото 100**). В остатках надписи на портале мавзолея прочитана дата постройки — 762 г.х. (12 декабря 1361 г.), и сведения, что здание построено для знатной целомудренной женщины. Предания приписывают мавзолей одной из жен Темура — Кутлуг-ака. Антропологические данные погребения в склепе подтверждают версию: в склепе найдено непотребоженное захоронение женщины на земляном полу без гроба.

Мавзолей 1360/61 г. несколько больших размеров (9,4×8,5 м снаружи, 5,8×6 м внутри), чем мавзолей Ходжи Ахмада. Архитектурный тип представлен тем же однокамерным портално-купольным зданием, перекрытым сферическим куполом на восьмигранном парусе. По осям интерьера неглубокие ниши, связанные с системой перекрытия (**рис. 110, 111**).

В отличие от мавзолея Ходжи Ахмада, где декорирован только портал, все внешние и внутренние стены усыпальницы облицованы поливной резной терракотой в сине-голубой и белой гамме. Два боковых и задний внешние фасады облицованы парным кирпичом с поперечными вставками «бантиками» в голубой поливе (**фото 89, 91**).

Главное художественное достоинство мавзолея сосредоточено на западном бо-

гато облицованном портале. Углы портала фланкированы трехчетвертными колоннами, в центре — входная порталная ниша со стрельчатой аркой в завершении (**фото 85, 86**).

Архитектурный строй и художественное решение декора портала традиционно для архитектуры Мавераннахра XIV в. Орнаментальная композиция представлена серией вертикальных бордюров с необыкновенно изящным геометрическим узором, придающим стройность portalу. Здесь можно увидеть декоративные мотивы, знакомые по ансамблю Шахи-Зинда XII в. — восьмигранные звезды и крестовины, сложные гирихи на вертикальных панно щечковых стен, но уже в других масштабах и в полихромной глазури.

Самый широкий бордюр идет по центру пилонов из восьмиконечных звезд и полукрестовин. Он оконтурен бордюрами с изящным тонким геометрическим плетением из поперечно-полосатых лент (**фото 87, 88, 90**). Угловые полуколонны покрыты резной терракотой с геометрическим узором из взаимно переплетающихся шестигранников. Пластику перехода от колонны к плоскости пилонов решают выкружки с тончайшей эпиграфикой и «узлами счастья» (**фото 87**). Все элементы декора и общей композиции в новом варианте повторяют художественное решение главных фасадов гробниц XII в. из Шахи-Зинда, но представленное уже в гармоничном сочетании резьбы и цвета. Кроме резной поливной терракоты частично введены детали из гравированной терракоты и расписной майолики с легким рельефом (штампованная майолика).

Наиболее выразителен свод порталной арки, заполненный терракотовыми сталактитами с тончайшим резным растительным рисунком (**фото 85**). В середине XX в. свод восстановлен по образцам, найденным при раскопках.

Не менее богато отделан интерьер мавзолея. Инженерная конструкция

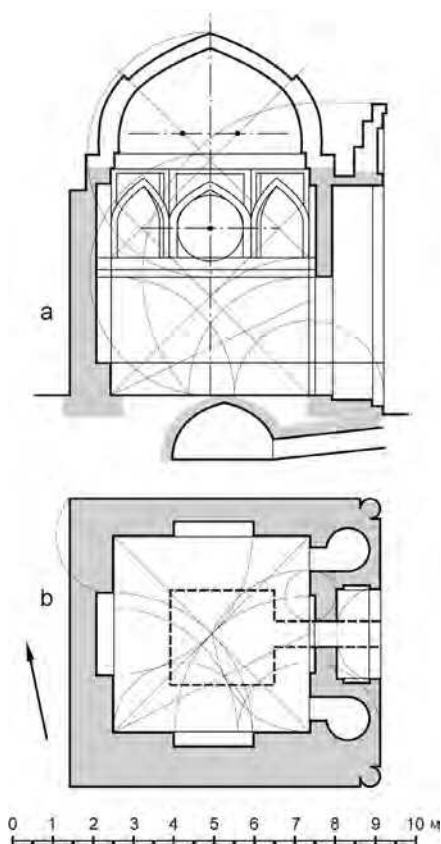


Рис. 110. Мавзолей 1360/61 г.: а - разрез, б - план (по Ю.З. Шваб)

Fig. 110. Mausoleum of 1360/61: a - cross-section, b - plan (according to Yu.Z. Shvab)

подкупольной системы построена на арочных парусах. Переходный к куполу восьмиерик сплошь в шесть рядов покрыт терракотовыми сталактитами с филигранной растительной резьбой. В основании сталактитового ряда проходит пояс рельефной терракоты с цепью модахилей в той же технике тончайшей резьбы (**рис. 112**). Судя по остаткам, резная поливная терракота в сине-голубой гамме покрывала и панели интерьера. Стены четверика были расписаны полихромным растительным узором по ганчу.

Подквадратный склеп мавзолея 1361/61 г. выстроен в отдельном котловане без связи с фундаментами и стенами наземной части здания. Входной дромос



Рис. 111. Мавзолей 1360/61 г. Фото кон. XIX – нач. XX в.

Рис. 111. Mausoleum of 1360/61, photo of the late 19th – early 20th centuries

ориентирован на порталную нишу и закрыт ступенями в интерьер. План склепа близок квадрату (2,87×3 м), высота 1,38 м, небольшого подъема куполок выведен на треугольно-ступенчатых парусах.

Вскрывался дромос только во время очередных похорон. Внутри склепа в непотревоженном состоянии находилось только одно женское погребение, совершенное на полу без гроба, другие (не более 3–4, судя по черепным коробкам) сдвинуты в северо-восточный угол (**рис. 114**).

Склеп, судя по всему, не был вскрыт во время ремонтов XIX–XX вв. (как ряд склепов Шахи-Зинда, забитых строительным мусором), на полу найдена небольшая разбитая пиала с голубой поливой, попавшая туда, наверное, во время похорон в XIV в.

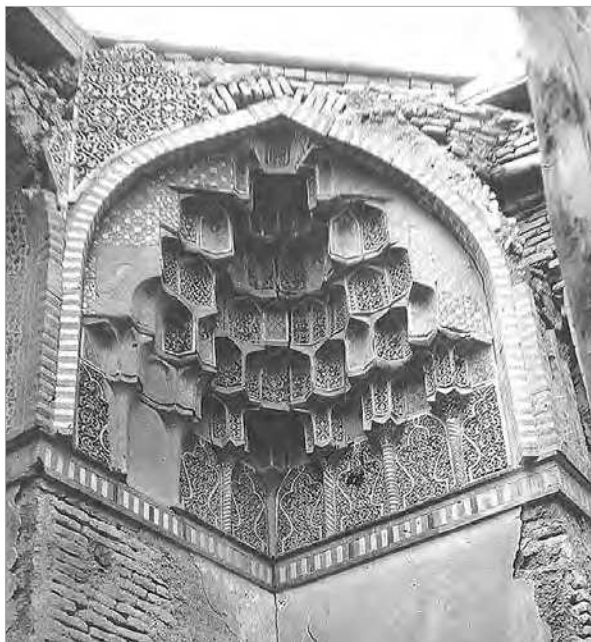


Рис. 112. Мавзолей 1360/61 г. Сталактиты углового трюмпа в интерьере. Фото 1962 г.

Fig. 112. Mausoleum of 1360/61. Stalactites of a corner trumpet arch in the interior. Photo, 1962



Рис. 114. Склеп мавзолея 1360/61 г.

Fig. 114. Mausoleum crypt of 1360/61

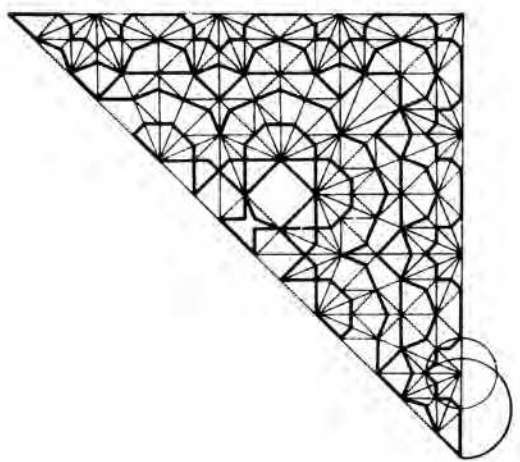


Рис. 113. Построение гириха сталактитов мавзолея 1360/61 г. (по Ю.З. Шваб)

Fig. 113. Design of girikh in stalactites of mausoleum 1360/61 (according to Yu.Z. Shvab)

Это реликты древнего обряда — класть в могилу посуду с едой и другими предметами (зеркала, оружие, предметы быта и труда), необходимых, по поверию, для потусторонней жизни. Они сохранялись при исламе в средние века.

От большой надписи, обрамляющей портал мавзолея, сохранился только конец: «...свет подола ее целомудрия. Окончено здание тринадцатого сафара года семьсот шестьдесят второго (12 декабря 1361 г.)»²⁴⁹.

По сообщению Абу-Тахира-Ходжи, это мавзолей над прахом одной из жен Темура — Кутлуг-ака. Неточности и ошибки, нередкие в труде Абу-Тахира-Ходжи, заставляют отнестись с осторожностью и к этому сообщению. Однако данных, которые противоречили бы ему, надпись не содержит. Здание построено для погребения какой-то знатной женщины, принадлежавшей к кругу высшей знати своего времени или царского двора.

Сведения о семье Амира Темура и его ранних женах весьма скудны, на что указал В.В. Бартольд²⁵⁰. Темуру в период возведения мавзолея было около 25 лет, он не был еще главой государства, повелителем

²⁴⁹ Шишкин В.А. Надписи... . 1970. С. 42.

²⁵⁰ Бартольд В.В. Улугбек... . 1964. С. 40.

народов, а всего лишь вождем феодальной группировки, заключавшей союзы то с ханом Моголистана, то с эмиром Хусейном, но тем не менее он пользовался уже значительным влиянием. Возможность возведения мавзолея над могилой рано умершей молодой жены от его имени не исключена.

Остальные надписи, сохранившиеся на мавзолее, носят чисто религиозный характер. В раме, окаймляющей вход в мавзолей, содержится стих «Престол» (Коран, 2, 256 по В.А. Шишкину).

Непосредственно над замком входной арки помещена квадратная плита (фото 85), совершенно аналогичная плитам на мавзолее Эмир-заде и послужившая, вероятно, прототипом для последнего, в которую вписана квадратным куфи сура «Очищение» (Коран, 112). На обеих щеках порталной ниши помещены прямоугольники, в которых таким же квадратным шрифтом написаны слова: «Аллах», «Мухаммад», «Абубекр», «Омар», «Осман», «Али»²⁵¹.

Шахи-Зинда во время правления Амира Темура (с 70-х гг. XIV в.)

Следующий самый крупный строительный период в комплексе Шахи-Зинда, новый подъем созидательной деятельности, интереса и внимания к главной святыне на старом городище Афрасиаб приходится на вторую половину XIV — начало XV столетия — время блистательного расцвета Самарканда при Амире Темуре.

С 70-х годов XIV в. Самарканд — столица огромной империи, включавшей Среднюю Азию, Иран, Афганистан, Кавказ и Ближний Восток, значительную часть Индии. В XIV — первой половине XV века город переживает невиданно высокий подъем монументального строительства, развития

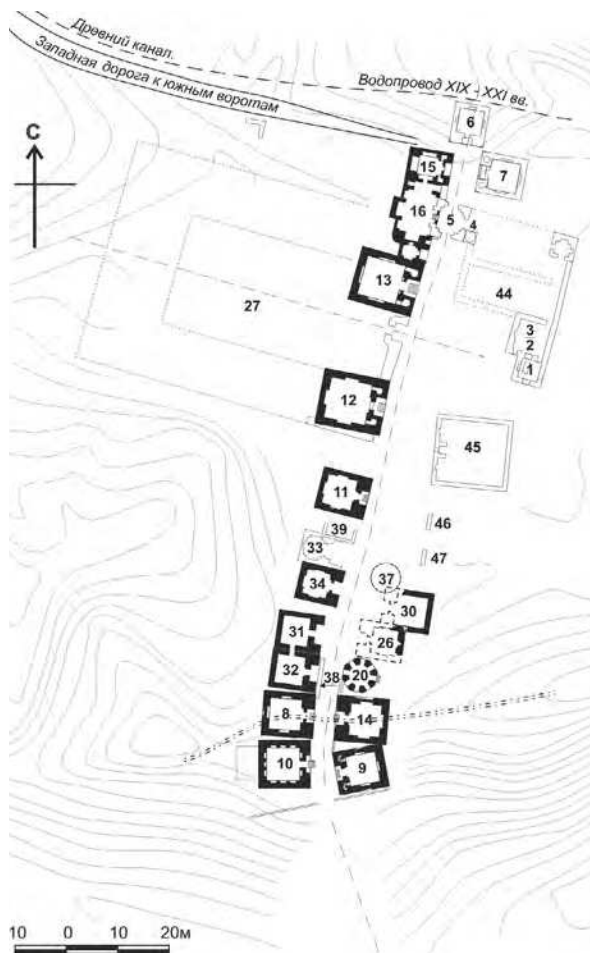


Рис. 115. План-схема ансамбля второй половины XIV в.:

8. Мавзолей Шади-Мулк-ака; 9. Мавзолей Туглу-Текин; 10. Мавзолей Эмир-заде; 11. Мавзолей работы усто Алима Насафи («Безымянный-1»); 12. Мавзолей «Безымянный-2»; 13. Мавзолей эмира Бурундука; 14. Мавзолей Ширинбек-ака; 15. Мавзолей Туман-ака; 16. Мечеть Туман-ака; 26. Мавзолей 80-х гг. XIV в.; 30. Мавзолей конца XIV в.; 31. Мавзолей 60-х гг. XIV в.; 32. Мавзолей 60-70-х гг. XIV в.; 34. Мавзолей 60-70-х гг. XIV в.

Fig. 115. The layout of an ensemble of the late 14th century. 8. Shadi Mulk-aka mausoleum, 9. Tuglu-Tekin mausoleum, 10. Amir-Zade mausoleum, 11. Usto Alim Nasafi ('Unnamed-1') mausoleum, 12. 'Unnamed-2' mausoleum, 13. Emir Burunduk mausoleum, 14. Shirinbek-aka mausoleum, 15. Tuman-aka mausoleum, 16. Tuman-aka mosque, 26. Mausoleum of the 1380s, 30. Mausoleum of the late 14th century, 31. Mausoleum of the 1360s, 32. Mausoleum of the 1360-70s, 34. Mausoleum of the 1360-70s.

²⁵¹ Шишкин В.А. Надписи... . 1970. С. 42.

культуры и искусства. По замыслу Амира Темура, Самарканд должен был стать «сияющей точкой мира» и превзойти красотой и величием все завоеванные им города. Темур свозил в столицу лучших мастеров Востока, живописцев, зодчих и керамистов, знатоков арабской каллиграфии. При нем в городе возведено несколько грандиозных строений (дворцы, гробницы, мечети, медресе, ханака), роскошное убранство которых возвеличивало силу и мощь империи.

В столице появились всемирно известные шедевры средневекового зодчества — ансамбль Гур-Эмир, соборная мечеть Биби-ханым, мавзолеев и медресе Биби-ханым, была застроена главная площадь города — Регистан, в пригородах раскинулись загородные царские дворцы, сады и парки.

На этом этапе историко-культурного развития Средней Азии, после стагнации в период монгольского владычества, суфийское течение приобрело значение политического. Шейхи-суфии при царском дворе стали духовными наставниками, почитание святых могил стало делом государственной важности.

Возрождение Самарканда при Амуре Темуре нашло закономерное отражение в судьбе главной святыни города — некрополе Шахи-Зинда, который предстает в новом архитектурно-художественном образе.

Происходит решительная реконструкция караханидского некрополя, окончательно уничтожаются здания XI—XII вв. Масштабы строительства в Шахи-Зинда во времена Амира Темура, смелость и решительность в реорганизации еще сохранявшегося в какой-то степени домонгольского некрополя, возведение на его месте новых мавзолеев были под стать размаху в перепланировке Самарканда на рубеже XIV—XV вв., где сносились кварталы, прокладывались новые улицы, возводились ансамбли.

Наибольшее число роскошно убранных мемориальных зданий, существующих в комплексе Шахи-Зинда по сей день,

было возведено именно в эту пору. На месте караханидских усыпальниц строились царские гробницы родни Амира Темура по женской линии (сестры, племянницы, жены) и мавзолеев крупных военачальников его прославленной армии (рис. 115).

Этот короткий промежуток времени (в историческом измерении), примерно в 35-40 лет, стал целой эпохой в истории ансамбля. В последней трети XIV в. ансамбль Шахи-Зинда обогатился целой серией новых однокамерных портално-купольных гробниц единого архитектурно-художественного стиля.

Сохранившиеся мавзолеев создают развернутую панораму архитектурных форм и художественного декора из глазурованных изразцов. Нигде более в Средней Азии не представлен так наглядно процесс развития керамических облицовок от трудоемкой, но эффектной резной поливной терракоты к более простой штампованной майолике, на смену которой пришла расписная и гравированная майолика. Процесс эволюции декора завершается появлением наборной кашинной мозаики, которая стала главным облицовочным материалом на все последующие столетия в архитектуре Мавераннахра.

Мавзолеев светских лиц в эпоху Амира Темура превосходили главную святыню (комплекс Кусама) помпезностью и роскошью убранства, традиционное поклонение каждому порогу (гробнице) входило в обязательный поминальный обряд — зират.

Сакральный центр на покинутом городище в окружении старинного кладбища, застроенный сверкающими полихромной глазурью гробницами, в XIV в. приобрел статус «царского некрополя» и стал еще более популярным.

Был создан ансамбль мавзолеев изысканно-утонченного художественного образа и стиля, равного которому нет на мусульманском Востоке. Постройки эпохи Амира Темура и Темуридов отличает высокое строительное искусство, изобрета-



48



49

48. Мавзолеи «Безымянный-1» и «Безымянный-2», 80 – 90-е гг. XIV в.

49. Мавзолей эмира Бурундука и комплекс Кусам ибн Аббаса.

48. 'Unnamed-1' and 'Unnamed-2' mausoleums, the 1380 – 90s

49. Emir Burunduk mausoleum and Kusam ibn Abbas complex



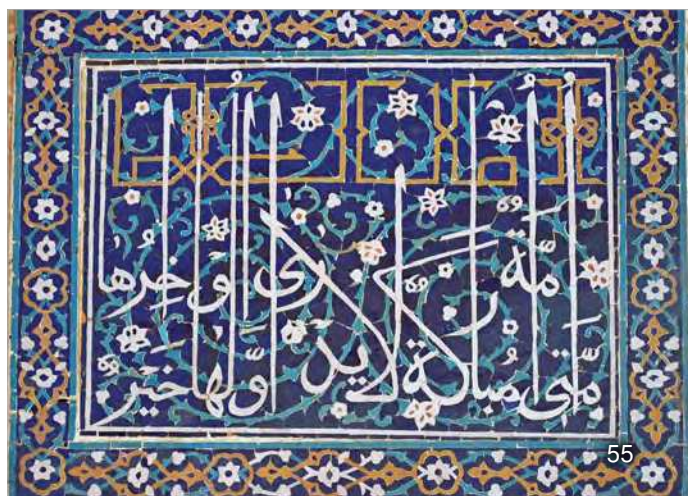
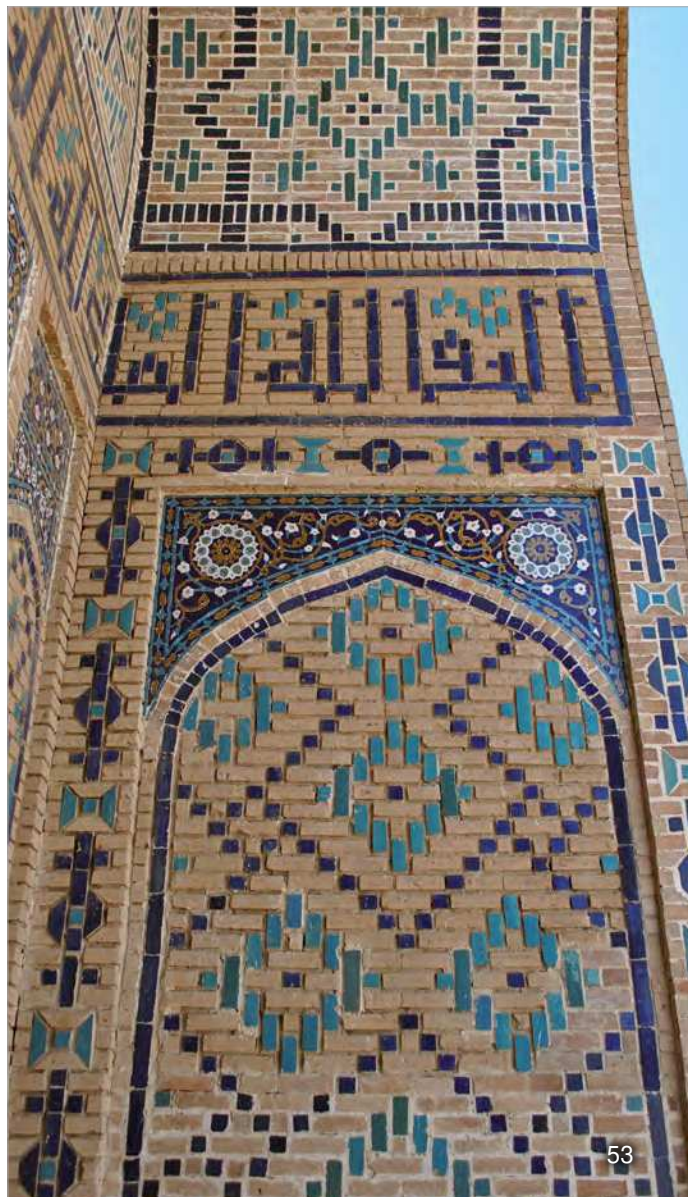
50



51

Мавзолей эмира Бурундука, 90-е гг. XIV в.
50. Вид с северо-запада
51. Интерьер

Emir Burunduk mausoleum, the 1390s
50. View from north-west.
51. Interior



Мавзолей эмира Бурундука, 90-е гг. XIV в.

52. Арка портала

53 – 55. Детали декора

Emir Burunduk mausoleum, the 1390s

52. Portal arch.

53 – 55. Décor items



56

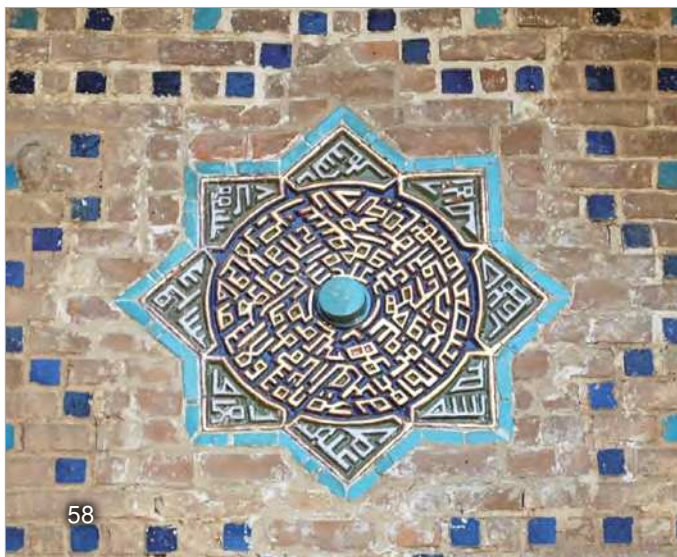
56. Верхний чартак со стороны «северного двора», 1405/06 г.

57. Южная входная арка верхнего чартака, 1405/06 г.

56. Upper chartak from the side of 'northern yard' 1405/06

57. South entrance arch of the upper chartak 1405/06





58



59

Верхний чартак, 1405 г.

58, 60. Детали декора

59. Вид из верхнего чартака на «северный дворик»

61. Вид на среднюю группу из мавзолея
«Восьмигранник»



60

Upper chartak, 1405/06

58, 60. Décor items

59. View from the upper chartak to the 'northern yard'

61. View to the middle group from 'octahedron' mausoleum





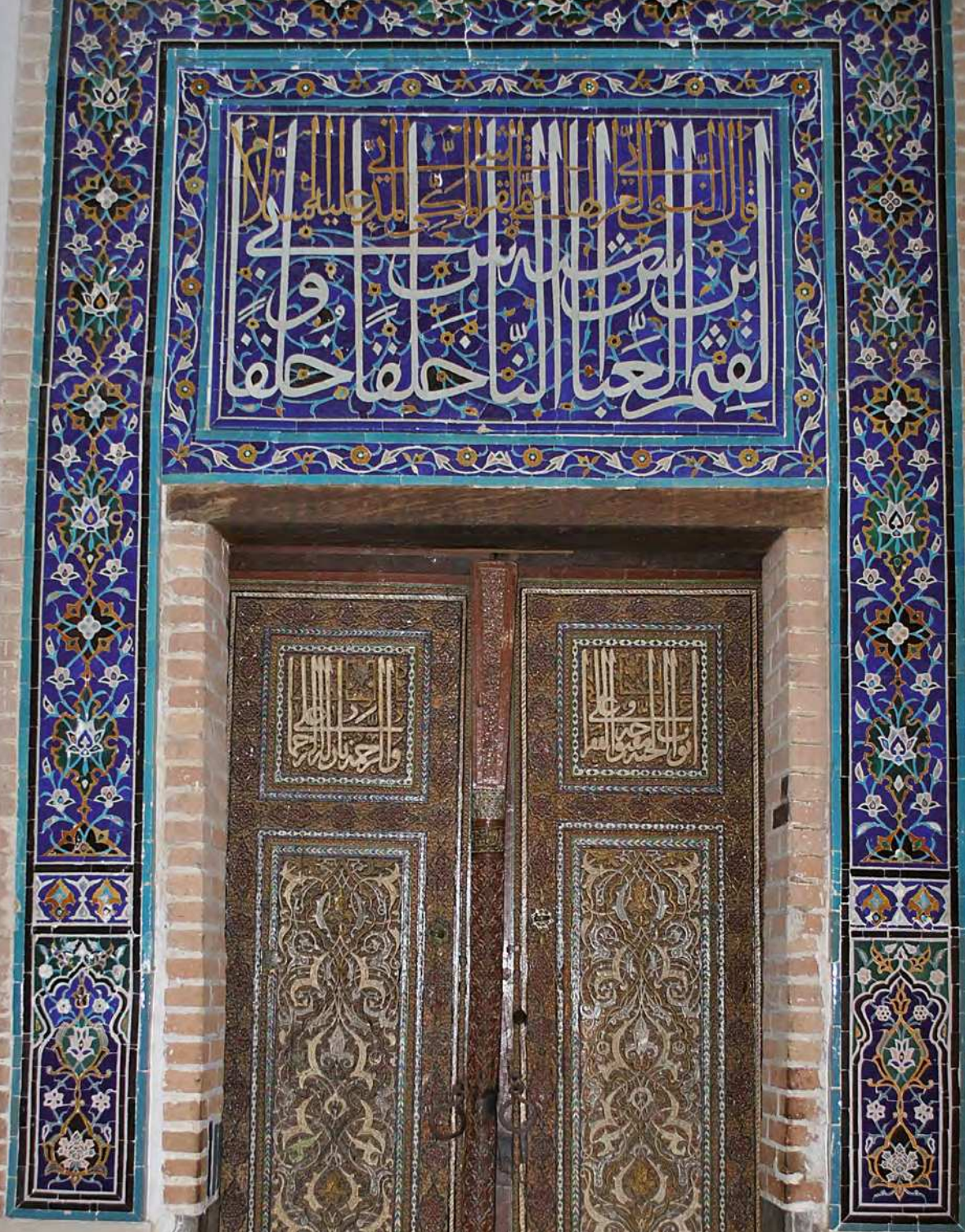
62



63

62, 63. Комплекс Кусама ибн Аббаса
64. Резная дверь комплекса Кусама ибн Аббаса,
1404/1405 г.

62, 63. Kusam ibn Abbas complex
64. Carved door in Kusam ibn Abbas complex,
1404/1405

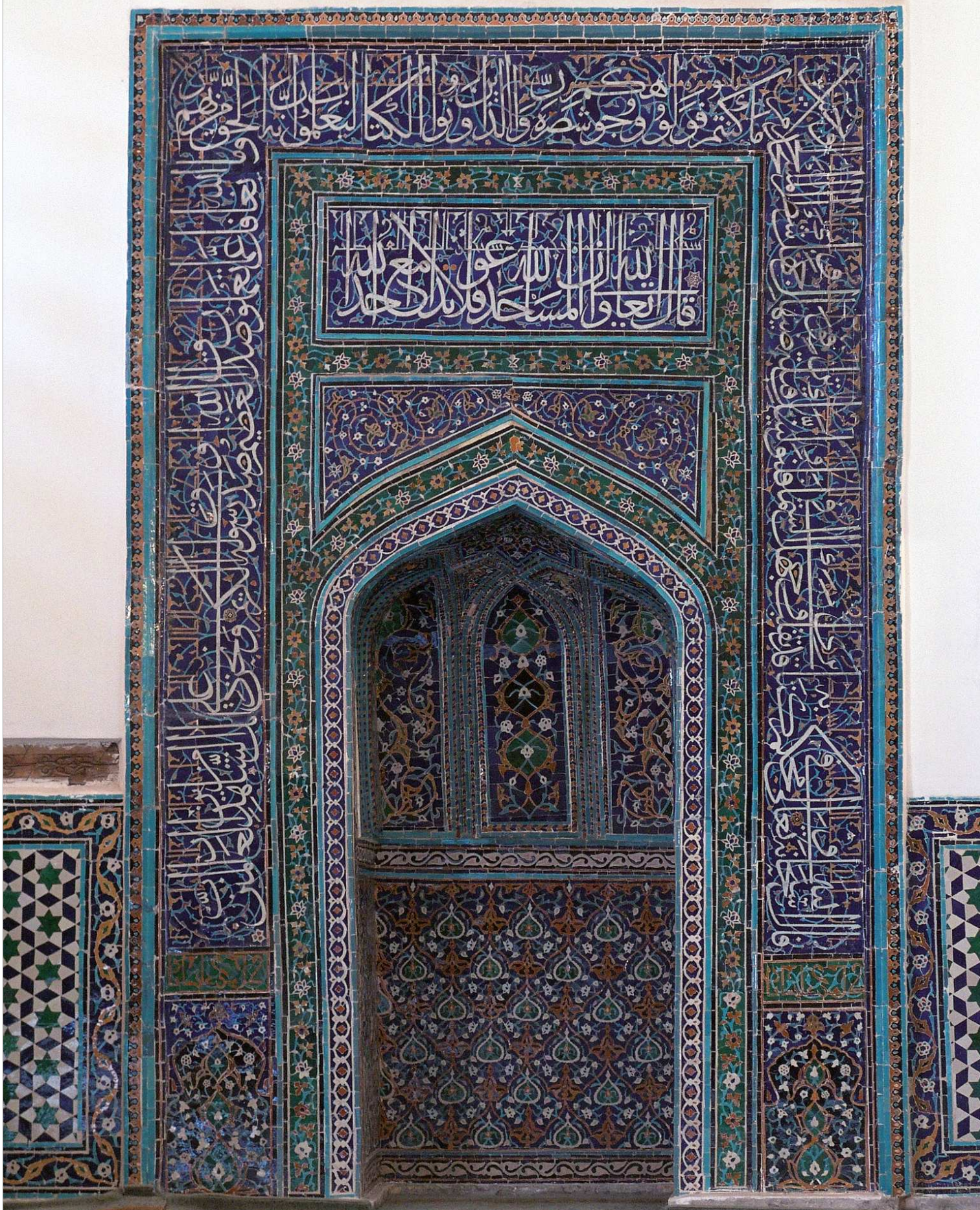




65

Большая мечеть в комплексе Кусам ибн Аббаса
65. Интерьер
66. Михраб

Grand Mosque in Kusam ibn Abbas complex
65. Interior
66. Mihrab





Зиаратхана в комплексе Кусам ибн Аббаса
 67. Подкупольный ярус
 68. Росписи на стенах интерьера
 69. Интерьер

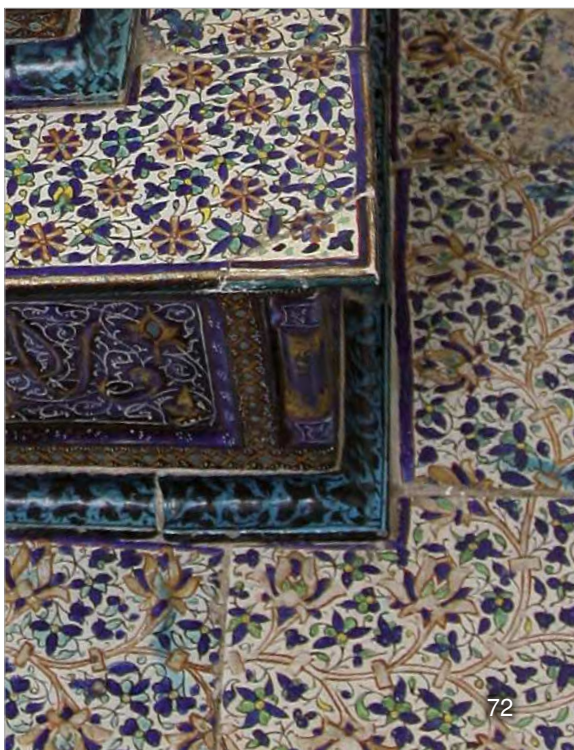
Ziyarat-khana in Kusam ibn Abbas complex
 67. Dome tier
 68. Murals on the walls of the interior
 69. Interior



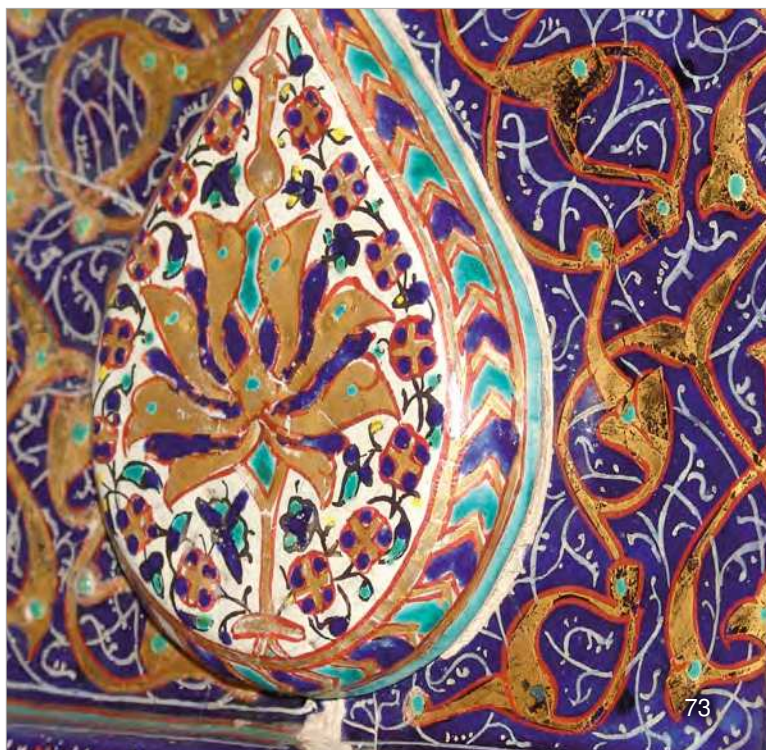




71



72



73

70, 71. Надргобие в гурхане комплекса Кусама ибн Аббаса, XIV в.

72, 73. Детали надгробия

74. Верхний чартак. Вид с севера

70, 71. Gravestone in gur-khana in Kusam ibn Abbas complex, the 14th century

72, 73. Details of the gravestone

74. Upper chartak. View from the north



тельность и мастерство зодчих, создавших этот средневековый шедевр.

Так же стремительно во времена Темуридов развивается и совершенствуется инженерное дело. На протяжении короткого времени меняются силуэты и купола мавзолеев. Куб, покрытый одинарным куполом в мавзолеях 40—70-х годов (Ходжи Ахмада, 1360/61 г., Шади-Мульк-ака, 1372 г.), в зданиях 80-90-х годов сменяют мавзолеи более вытянутых пропорций. Первые приземистые гробницы с одинарным куполом и низким порталом в конце XIV — начале XV века сменили стройные претенциозные усыпальницы с двойными куполами, поднятыми на высокие цилиндрические и граненые барабаны, которые вытянули силуэт мавзолеев в 2-3 раза. Если мавзолей Ходжи Ахмада середины XIV в. имел высоту 8 м, то высота мавзолея «Матери султана» 30-х годов XV в. равна 24 м.

Конструкция двойного (внешнего и внутреннего) купола впервые зародилась в Северном Хорасане уже в XI—XII вв. (мавзолеи Абу Саида, Серахс-баба в Южном Туркменистане), получила развитие в мавзолеях Куня-Ургенча (Фахр ад-Дина Рази), Южного Казахстана (Бабаджи-хатун около Тараза с внутренним куполом и внешним шатром). Особенно ярко конструкция двойного купола представлена в башенных мавзолеях иранского Хорасана и Азербайджана²⁵².

В центральном Мавераннахре двойные купола появляются, как показывают мавзолеи ансамбля Шахи-Зинда, только с середины 80-х годов XIV в.

С конца XIV и особенно в XV—XVII вв. двухкупольная система на высоких барабанах получила блестящее воплощение во многих постройках Самарканда (Гур-Эмир, соборная мечеть и мавзолей Биби-ханым) и других городов Мавераннахра. В Шахриябзе (мавзолей Джаханги-

ра в комплексе Доруссиадат конца XIV в. с внешним шатром), в Бухаре (мазар Чашма Аюб) возводятся оригинальные мемориалы на тех же инженерно-конструктивных принципах.

Проблема появления и распространения в разных регионах среднего Востока, специфика и характер конструкций с двойными куполами чрезвычайно интересна, но пока не проанализирована в аспекте локальных архитектурных школ и не получила адекватной оценки историков архитектуры.

Главная особенность мавзолеев эпохи Амира Темура — их керамический полихромный декор. На коротком промежутке времени, примерно в 15-20 лет, меняются виды облицовочного материала при сохранении единого архитектурного типа мавзолеев. Если в мавзолее Шади-Мульк-ака в облицовке портала, как и у первых мавзолеев XIV в. (Ходжи Ахмада), преобладает резная поливная терракота и только появляется новый вид облицовки — расписная полихромная майолика, то уже в мавзолее Туглу-Текин, построенном четыре года спустя, расписная штампованная майолика применена для отделки в равной мере с резной поливной терракотой. В мавзолее Эмир-заде, возведенном еще через одиннадцать лет, майолика — уже основной вид декоративной отделки.

По разработке архитектурных форм и декора мавзолеи конца XIV в. как бы подводят итоги развития раннетемуридской школы. Резная терракота в этих памятниках полностью вытеснена рельефной расписной майоликой. Этот технически менее трудоемкий способ отделки зданий был наиболее приемлем при массовом строительстве в темуридское время.

Орнаментальные композиции традиционны: цветочно-растительные, эпиграфические мотивы и геометрические сложноплетения — гирихи. Звучные синие изразцы оживляются тонкой надглазурной росписью золотом, белой и красной краской.

²⁵² Воронина В.Л. Архитектура..... 1969. С. 163, 382; Бретаницкий Л.С. Зодчество Азербайджана XII-XV вв. Москва, 1966. С. 104—105.

В декоре порталов — новые композиции. П-образную раму портала обводят не узкие орнаментальные полосы, а одна широкая дорожка из переплетающихся лент («Безымянный-1»). Замысловатые арабески в большинстве случаев не читаются, но придают живописность орнаментальным мотивам майоликовых плит.

Гробницы на крепостной стене, XIV в.

На размытом гребне крепостного вала городища Афрасиаб и его боковых склонах стоят четыре мавзолея эпохи Амира Темура. После подъема наверх от подножия городища и выхода из второго чартака эта группа мавзолеев как бы открывает комплекс Шахи-Зинда XIV в. Мавзолеи на оплывах крепостного вала установлены фасадами друг к другу, образуя коридор в 3,8—5,3 м шириной, традиционно наследующий направление караханидского некрополя по оси север-юг (рис. 116).

Усыпальницы стоят рядом и образуют выразительную панораму полихромных фасадов, близких по размерам, единых по архитектурному строю и цветовой палитре, хотя внимательный глаз заметит различие в конструкциях и главным образом в декоративной отделке. Каждое здание индивидуально в своей архитектурной и декоративной трактовке.

Небольшие кубы трех первых мавзолеев венчают одинарные ребристые снаружи купола, по главному фасаду — богато украшенные порталы. В интерьере всех трех мавзолеев подкупольные конструкции (восьмерик) заполняют традиционные арочные тромпы, но в отличие от зданий первой половины XIV в. над восьмигранником появляется, смягчая переход к куполу, невысокая ступенька шестнадцатигранника (мавзолеи Эмир-заде, Ширинбек-ака), которая в мавзолеех начала XV века (Туман-ака, «Матери султана») предстает уже с четко выраженным переходным ярусом.

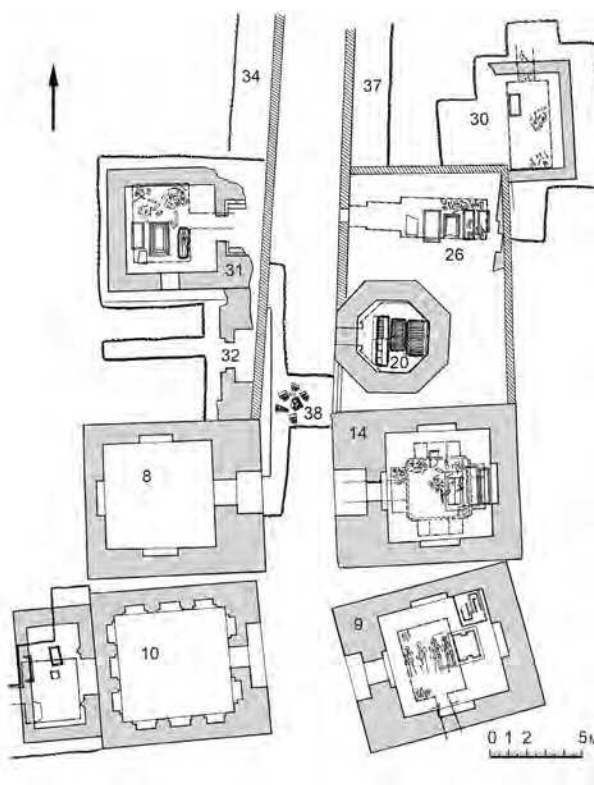


Рис. 116. План вскрытых мавзолеев XIV в. на южном участке средней группы

Fig. 116. Plan of unearthed mausoleums of the 14th century at the southern section of the middle group

Мавзолей Ширинбек-ака, хотя и построен, судя по надписи, почти одновременно с мавзолеем Эмир-заде в середине 80-х годов, демонстрирует новые конструкции здания с двойным куполом на высоком граненом барабане и впервые появившуюся наборную мозаику в облицовке главного фасада.

Мавзолей Шади-Мульк-ака, 1371/72 г.

Он стоит вторым слева по ходу коридора после проходного чартака. Это наиболее ранний мавзолей из сохранившихся в «средней группе». Усыпальница Шади-Мульк-ака построена от имени сестры

Темура Кутлуг-Туркан-ака для ее дочери Улджай Шади-Мульк-ака, умершей 29 декабря 1371 г.²⁵³ Позже, после смерти самой Туркан-ака, в 1383 г. в мавзолее была похоронена и мать²⁵⁴. Мавзолей считается одной из жемчужин ансамбля.

«Эта кровля, полная украшений, и этот раззолоченный свод — выражение красоты в память о том, что все украшения и все искусство, которое ты видишь в этом мире, все от милости творца и создателя», — гласит одна из надписей над входом в мавзолей²⁵⁵.

Необыкновенно трогательна и одновременно скорбна надпись от имени матери, посвященная безвременно умершей дочери — племянницы Темура, которая гласит: «Это — сад, в котором погребено сокровище счастья; это — гробница, в которой затерялась драгоценная жемчужина, в которой с грацией нашла прибежище (обладающая) станом кипариса. Средство успокоения в том, чтобы (нам) быть вдвоем под землей подобно тому, как Сулейман унесен был ветром с той, которая была драгоценным камнем печати счастья»²⁵⁶.

Мавзолей представляет собой характерное для последней четверти XIV в. мемориальное здание портално-купольного типа с ребристым куполом и порталом во всю ширину передней стены (рис. 117, 118). Размеры мавзолея снаружи — 8,6×10 м, внутри — 6×6 м, высота снаружи — 12-12,5 м, внутри — чуть более 11 м.

Наружный купол в зените покрыт оригинальным декоративным навершием. Внутренний купол мавзолея с арочным восьмигранным ярусом в основании чрезвычайно вытянут по сравнению с приземистыми куполами ранних мавзолеев XIV в., имеет высокую стрелу подъема двухцен-

товой кривой, резко отличается пропорциями от куполов предшествующей поры.

Главный фасад с порталной входной нишей на оси покрыт резной поливной терракотой зелено-бирюзового тона с отдельными вставками расписной майолики. Зелено-бирюзовый тон, игра света и тени, тонко моделированные резные детали придают легкость и ажурность фасаду.

Портал необыкновенно богат и изыскан в разработке деталей (фото 20–24). Угловые стройные колонны покрыты мелкой, как бы ажурной резьбой, в основании пилонов портала — панели, каждая из которых разбита на три квадратных декоративных панно с геометрическим орнаментом. Щеки и щипец порталной ниши сплошь заполнены расписными майоликовыми панно или резной поливной терракотой.

Вертикальные декоративные «дорожки» в облицовке главного фасада с эпиграфическим и геометрическим орнаментом — характерный прием для мавзолеев XIV в. Вертикальные «дорожки» упираются в панно с фигурой трехлопастного модахиля. Тимпан над входной аркой заполнен традиционными круглыми дисками на фоне растительного узора.

В самой широкой надписи на портале, выполненной курсивным почерком XIV в., сохранилось начало и конец текста, сообщающего, что мавзолей построен сестрой Темура Кутлуг-Туркан-ака для своей дочери Улджай Шади-Мульк-ака, которая переселилась в могилу по милости божьей в день двадцатого джумада второго, в году семьсот семьдесят третьем (29 декабря 1371 г.)²⁵⁷. Одна из надписей содержит назидания, к примеру: «искренней верности от тленного мира не жди. Не жди, что свод и кровля сделаются куполом неба», и изречения, приписываемые пророку Мухаммаду²⁵⁸.

Столь же пышно отделан интерьер мавзолея. От пола до зенита купола мавзолеев

²⁵³ Массон М.Е. О происхождении мавзолея Туркан-ака в Самарканде // МИТАУ. Вып. 1. 1950. С. 46–48; Акимущкин О.Г., Иванов А.А. К чтению надписей с именами мастеров на мавзолеех Шахи-Зинда // История и культура народов Средней Азии. Москва, 1976. С. 110.

²⁵⁴ Массон М.Е. О происхождении... 1950. С. 48.

²⁵⁵ Шишкин В.А. Надписи... 1970. С. 18–23.

²⁵⁶ Там же. С. 21.

²⁵⁷ Массон М.Е. О происхождении... 1950. С. 48.

²⁵⁸ Шишкин В.А. Надписи... 1970. С. 21.

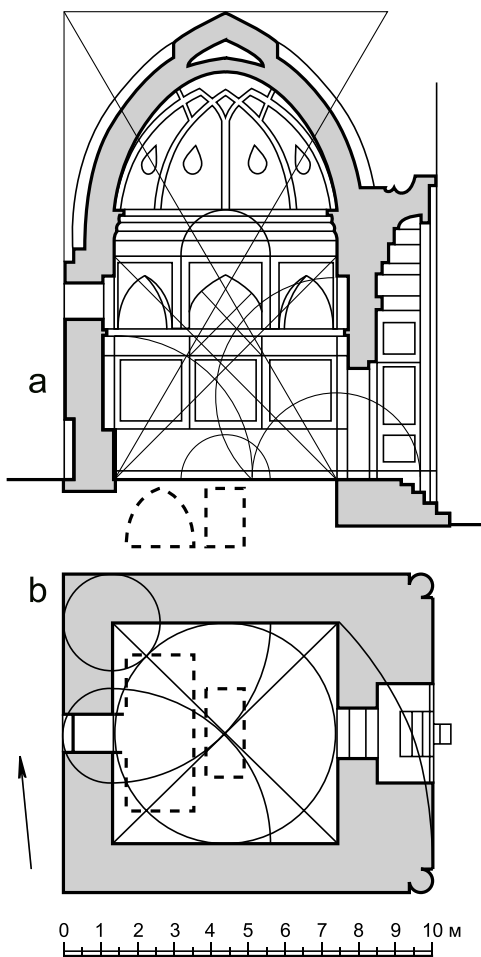


Рис. 117. Мавзолей Шади-Мульк-ака:
а – разрез, б – план (по Ю.З. Шваб)

Fig. 117. Shadi-Mulk-aka mausoleum: a - cross-section, b - plan (according to Yu.Z. Shvab)



Рис. 118. Мавзолей Шади-Мульк-ака. Фото 2010 г.

Рис. 118. Shadi-Mulk-aka mausoleum. Photo, 2010

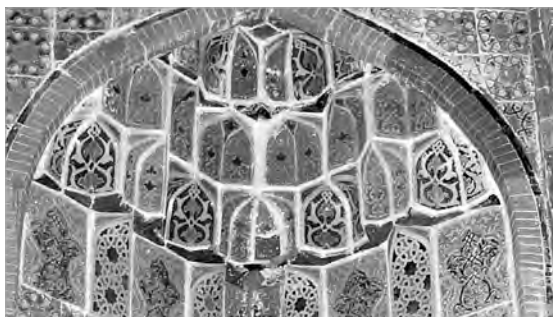


Рис. 119. Сталактиты в интерьере мавзолея
Шади-Мульк-ака. Фото 2010 г.

Fig. 119. Stalactites in the interior of Shadi-Mulk-aka mausoleum. Photo, 2010

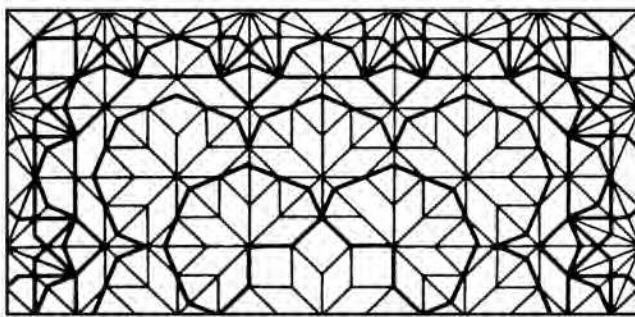


Рис. 120. Гирих сталактитов из интерьера
мавзолея Шади-Мульк-ака (по Ю.З. Шваб)

Fig. 120. Girikh in stalactites from the interior of Shadi-Mulk-aka mausoleum (according to Yu.Z. Shvab)

внутри покрыт расписной майоликой и резной поливной терракотой. Майолики, почти лишенные рельефа, насыщены яркими тонами росписи по глубоко синему тону (рис. 119, 120).

Внутренняя скупья купола покрыта гуртами из восьми секций с каплевидными медальонами внутри. Секции сходятся в зените, образуя две восьмиконечные звезды, вписанные одна в другую (фото 24).

Как следует из надписи на портале, в отделке мавзолея участвовали три мастера: самаркандские мастера Шамс ад-Дин, Барр ад-Дин и бухарский гончар Зайн ад-Дин.

Портал установлен на цоколь, выполненный в черновой кирпичной кладке. В отличие от ранних мавзолеев XIV в. полы в интерьере подняты примерно на 1,2–1,5 м от уровня дорожки коридора, соответственно на входе в интерьер находятся три-четыре ступени в порталной нише.

В цокольной части под полом мавзолея расположены две погребальные камеры (археологически не обследованы), вытянутые по оси север-юг. Одна, в центре мавзолея, по наружным замерам равна 2,5×1,2 м, другая, у западной стены — 1,5×3,6 м. Судя по внешним габаритам, ширина внутренней полости была в пределах 70–75 см в первом случае и 1 м во втором. Высота камер около 1,3–1,4 м. Это не фамильный склеп, а две погребальные камеры, которые соответствуют историческим данным о захоронении в мавзолее племянницы Темура Улджай Шади-Мульк-ака и ее матери, сестры Темура Туркан-ака.

Снаружи в задней стене устроена глухая ниша со стрельчатой аркой. Думаю, что это молитвенная ниша типа михраба, которые устраивали перед могилами согласно ритуалу, описанному в «Малой Кандие», где рекомендовано обратиться лицом к могиле и спиной к кыбле.

Мавзолей Туглу-Текин (эмира Хусейна), 1375 г.

На внешнем оплыве крепостного вала справа по коридору стоит мавзолей эмира Хусейна и его матери Туглу-Текин. Это второй мавзолей, который появился во времена Амира Темура в загородном «царском некрополе». Однокамерный мавзолей представляет характерный для эпохи портално-купольный тип. Размеры снаружи — 8,5×9,5 м, внутри — 6,5×6,5 м. Предполагаемая высота — 11,5 м (рис. 121, 122).

Мавзолей начал разрушаться еще в XV в., к нашему времени от здания сохранился входной портал, части южной и северной стен с остатками углового трюмпа. Совершенно был разрушен юго-восточный угол мавзолея и не существовало купола. В 50-е годы прошлого века мавзолей был раскопан и восстановлен по остаткам стен.

На левом пилоне портала сохранилась посвятельная надпись: «... дом его Туглу-Текин, дочь эмира Ходжама, а сын ее и зрачок глаза ее эмир са'ид, мученик эмир Хусейн, сын Каракутлуга, да напоит Аллах его сад (могилу). Принял мученичество в (месяце) зул-ка'да года семьсот семьдесят седьмого (март-апрель 1375 г.)»²⁵⁹.

Раскопками 1952 г. вскрыто основание стен, заключавших квадратный план (5,9×5,75 м), в интерьере расчищено пять ступенчатых намогильников, в том числе два намогильника, сдвоенных на одном трехступенчатом основании²⁶⁰. Намогильники, судя по остаткам, были облицованы кашинными плитками с надглазурной росписью белым, синим и золотом.

Под полом мавзолея находится прямоугольный склеп (4,16×2,89–2,96, высота 1,8 м), крытый сводом с входным дромосом на юг. В склепе было три непотревоженных костяка и еще шесть черепов (в том числе

²⁵⁹ Шишкин В.А. Надписи.... 1970. С. 15.

²⁶⁰ Булатова В.А., Ноткин И.И. Мавзолей Туглу-Текин... 1970. С. 194–219.

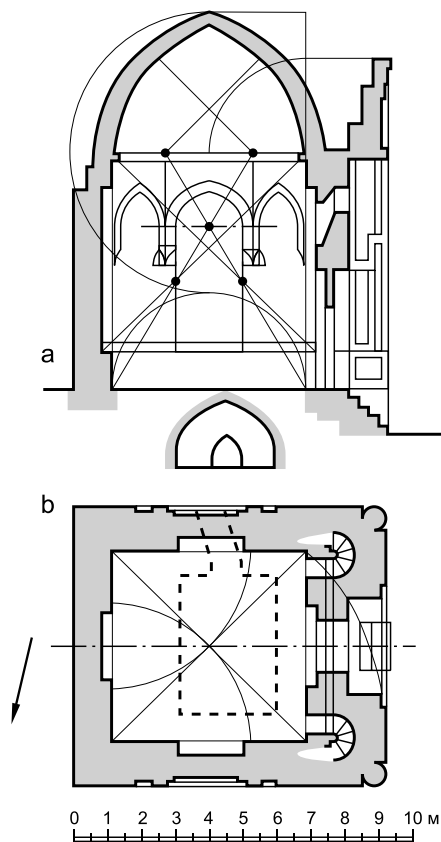


Рис. 121. Мавзолей эмира Хусейна:
а – разрез, б – план

Fig. 121. Amir Hussein mausoleum, a – cross-section, b – plan

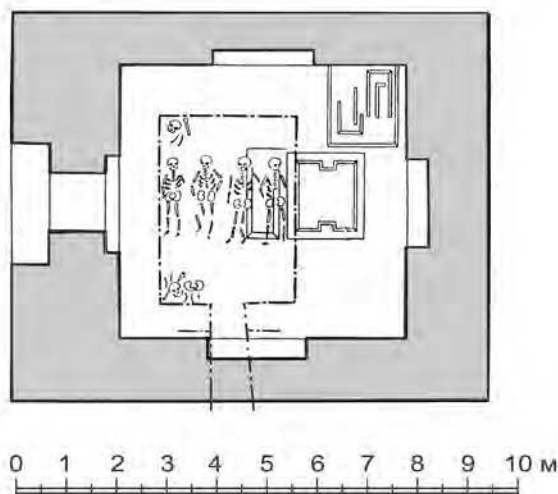


Рис. 123. План склепа мавзолея эмира Хусейна

Fig. 123. Plan of the crypt in Amir Hussein mausoleum



Рис. 122. Мавзолей эмира Хусейна. Фото 2011 г.

Fig. 122. Amir Hussein mausoleum. Photo, 2011

детские), груды костей по углам склепа (антропологом не обследованы) (рис. 123).

Фундаменты мавзолея имели разную глубину (максимальная с юга — до 1,4 м, так как здание было построено на внешнем склоне крепостной стены), сложены из разномерного кирпича, боя и сланца. В интерьере проходила панель высотой 1,34 м из двух больших и пяти маленьких прямоугольных панно из шестигранных расписных плит. Верх стен покрыт белым ганчем по глиносаману. Купол был основан на арочном парусе, сохранившемся в северо-западном углу.

Портал сплошь покрыт расписной майоликой в сочетании с резной поливной терракотой в одинаковой пропорции.

В облицовке портала наблюдается очередная «шаг» в эволюции архитектурного декора. Технически более простая в изготовлении майолика вытеснила резную тер-

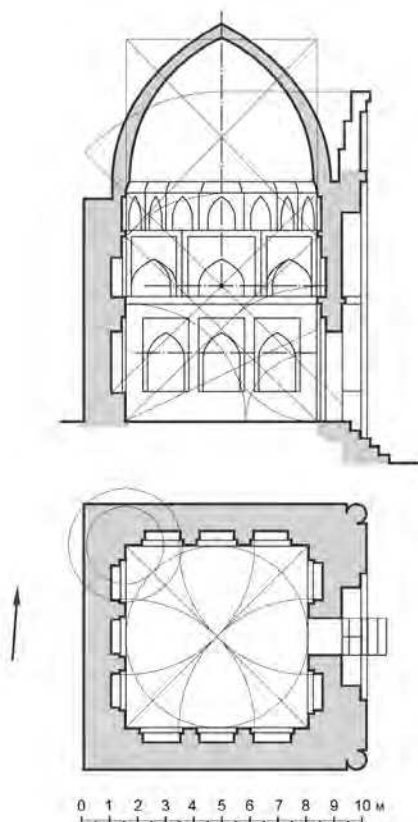


Рис. 124. Мавзолей Эмир-заде: а – разрез, б – план (по Ю.З. Шваб)

Fig. 124. Amir-Zade mausoleum, a – cross-section, b – plan (according to Yu.Z. Shvab)

ракоту. В цветовую гамму введены желтый, зеленый, красный цвета, которых еще нет в более ранних мавзолеях XIV в.

Мавзолей Эмир-заде, 1386 г.

Расположен напротив мавзолея эмира Хусейна, первым слева от чартака на крепостной стене (фото 15, 16). Структурно здание представляет тот же портално-купольный тип. Имя похороненного лица неизвестно, традиция приписывает мавзолей этому имени. В «Зафар-наме» какой-то Эмир-заде назван племянником Темура, но никакой информации о нем нет²⁶¹.

²⁶¹ Шараф ад-Дин Али Йазди. Зафар-наме. Пер. А. Ахмедова, Ташкент, 2008. С. 448 (3016).



Рис. 125. Мавзолей Эмир-заде. Фото 1998 г.

Fig. 125. Amir-Zade mausoleum. Photo, 1998

Мавзолей повторяет архитектурные формы мавзолея Шади-Мульк-ака. Куб четверика венчает вытянутый и заостренный рубчатый снаружи купол, фасад подчеркнут богато убранным порталом с неглубокой входной нишей. В облицовках портала основное место занимает многообразная по мотивам многоцветная расписная майолика.

На пилонах портала сохранилась историческая арабская надпись: «Указал к возведению этого здания, возвышенного постройкой, предохраненного от разрушения, эмир прославленный...». На другом пилоне: «...в божьем благословенном месяце шаввале года семьсот восемьдесят восьмого» (конец октября — ноябрь 1386 г.). Надпись выполнена на майоликовых плитах почерком, близким курсиву

XIV в., тяготеющего к почерку сульс, вытеснившему с конца XIV века все остальные почерки²⁶².

Архитектурное решение интерьера оригинально, выполнено в строго классическом стиле — три ниши на каждой стене вместо одной и дополнительный шестнадцатигранник под куполом придают мавзолею легкость и стройность. Светлый и строгий интерьер этого мавзолея, покрытый белым ганчем, отличается от мрачных, перегруженных тяжелым керамическим декором интерьеров более ранних мавзолеев (мавзолей Шади-Мульк-ака).

Размеры здания снаружи — 10×9,2 м, внутри — 7,5×7,5 м, высота от уровня пола до зенита снаружи — 13,5 м. Склеп не вскрывался.

В заключении надо сказать, что по разработке архитектурных форм и декора перечисленные мавзолеи как бы подводят итоги развития раннетемуридской школы. Резная терракота в этих памятниках полностью вытеснена рельефной расписной майоликой. Этот технически менее трудоемкий способ отделки монументальных зданий был более приемлем в массовом строительстве темуридской эпохи. Орнаментальные композиции традиционны — цветочно-растительные, эпиграфические мотивы и гирихи. Звучные синие изразцы оживляются тонкой надглазурной росписью золотом, белой и красной краской.

Главная особенность мавзолеев «средней группы» — их керамический декор. На коротком промежутке времени, примерно в 15-20 лет, меняются виды облицовочного материала при сохранении единого архитектурного типа.

Мавзолей Ширинбек-ака, 1385/86 г.

Посвящен сестре Темура, умершей, как значится в надписи на мавзолее, в 1386 г.

Сам мавзолей, судя по архитектурным формам и мозаичному декору, мог быть построен позже, возможно, на рубеже XIV—XV вв. (фото 25). «Это могила царевны великой, милостивой Ширинбек-ака, дочери Тарагая, да осветит Аллах его душу. В году 1385/86 г.», — сообщает мозаичная надпись внутри арки портала, выполненная почерком сульс²⁶³.

Размеры мавзолея снаружи — 10×9 м, внутри — 7×6,8 м; высота мавзолея — 14,5—15 м.

Мавзолей Ширинбек-ака открывает новую страницу в эволюции архитектурных форм, конструкций и художественного декора, характерных для последних лет XIV в. Это первый в ансамбле Шахи-Зинда, и в Самарканде вообще, мавзолей, портал которого облицован наборной кашинной мозаикой.

В архитектурном строе мавзолея впервые появляется двойной, внутренний и внешний, купол на высоком граненом барабане. Эта конструкция, позволившая создать стройные, вытянутые пропорции здания и высоко поднять завершающий купол, станет ведущей в мемориально-культурном зодчестве Самарканда XV—XVII вв. (рис. 126, 127).

Варианты двойного купола чуть позже будут представлены в мавзолеех 90-х годов XIV в. (усто Алима Насафи, эмира Бурундука, а в начале XV в. в мавзолее Туман-ака, в Гур-Эмире, мавзолее Биби-ханым). В эпоху Улугбека усыпальницы Самарканда стали строить исключительно в этом новом инженерном решении (мавзолей «Матери султана» в Шахи-Зинда, Ишрат-хана и др).

Мавзолей выстроен в стиле зданий комплекса Шахи-Зинда рубежа XIV—XV вв. Это самый стройный и помпезный мавзолей из группы на крепостной стене. Кубическая основа здания перекрыта высоко поднятым куполом на граненом барабане, за которым скрыты переходные к куполу конструкции — восьмерик и шестнадцатигранник, оформленные со стороны интерьера галереями стрельчатых арок.

²⁶² Шишкин В.А. Надписи... . 1970. С. 15.

²⁶³ Там же. С. 25.

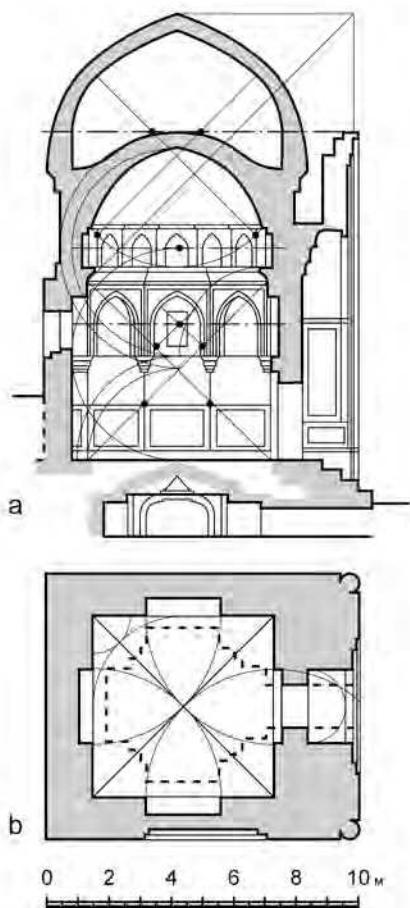


Рис. 126. Мавзолей Ширинбек-ака: а – разрез, б – план (по Ю.З. Шваб)

Fig. 126. Shirinbek-aka mausoleum, a – cross-section, b – plan (according to Yu.Z. Shvab)

Столь же новым и очередной ступенью развития художественного оформления является мозаичный декор мавзолея, покрывающий главный фасад и барабан. Наборная каменная мозаика позволила добиться чистоты и ясности тона, безупречно четких линий орнаментального рисунка. Это первый мавзолей в Шахи-Зинда (и в Самарканде), где появилась наборная мозаика, хотя каменная мозаика была известна мастерам Ирана уже в конце XIII – начале XIV века (мавзолей Олджейту в Султании) и Хорезма (мавзолей Тюрабек-ханым).

В последующем в Мавераннахре наборная мозаика вытеснила все другие виды



Рис. 127. Мавзолей Ширинбек-ака. Фото 1998 г.

Fig. 127. Shirinbek-aka mausoleum. Photo, 1998

облицовочного материала, а с XV в. стала ведущим архитектурным декором.

Своеобразен и необыкновенно изящен интерьер мавзолея (рис. 128-130. Фото 28, 29). Купол и верх четверика украшают росписи по ганчу (золото, синий, красно-оранжевый цвет), в основании проходит панель из зеленых шестигранных плит с ажурной росписью золотом. Необыкновенно изящна тонкая роспись на плитках, содержащая цветочный пейзаж с летящей ширококрылой птицей (мотив Японии, Китая, по оценке первых исследователей декора комплекса Шахи-Зинда Б.П. Денике, Б.В. Веймарна).

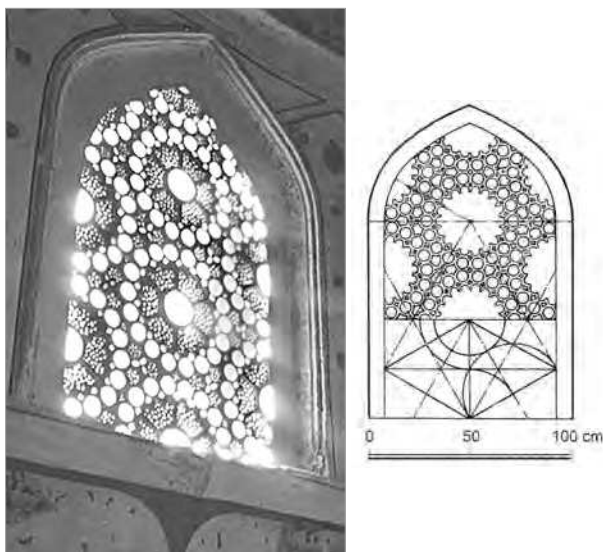


Рис. 128. Реконструкция ганчевой решетки-панджара в окнах мавзолея Ширинбек-ака (по Ю.З. Шваб)

Fig. 128. Reconstruction of ganch lattice-panjara in the windows of Shirinbek-aka mausoleum (according to Yu.Z. Shvab)

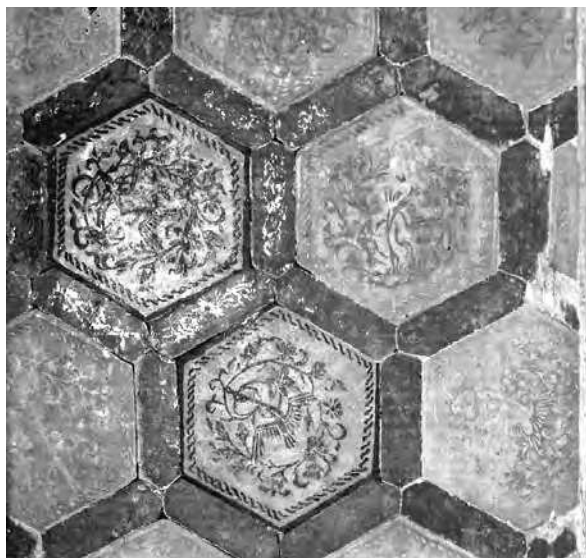


Рис. 130. Мозаичные панели в интерьере мавзолея Ширинбек-ака. Фото 1949 г.

Fig. 130. Mosaic panels in the interior of Shirinbek-aka mausoleum. Photo, 1949

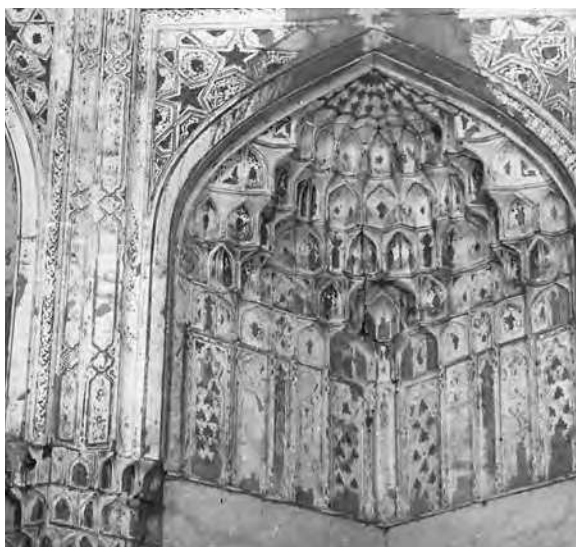


Рис. 129. Роспись по штукатурке в парусном ярусе мавзолея Ширинбек-ака. Фото 1962 г.

Fig. 129. Painting on plaster in the sailing tier of Shirinbek-aka mausoleum. Photo, 1962

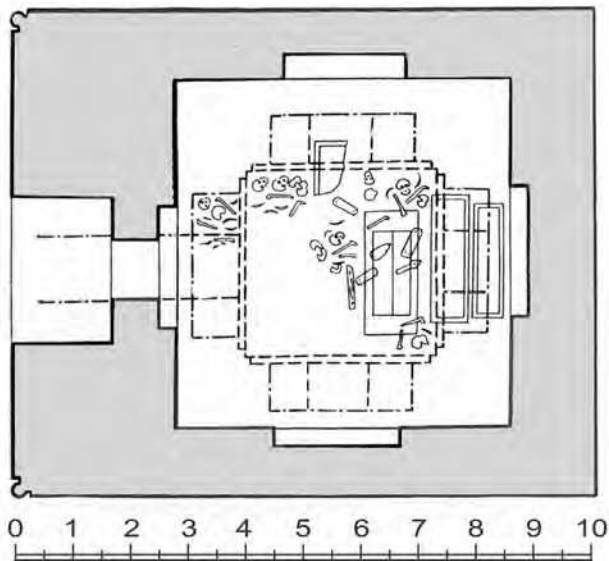


Рис. 131. Мавзолей Ширинбек-ака. План склепа

Fig. 131. Shirinbek-aka mausoleum. Plan of the crypt



Рис. 132. Мавзолей Ширинбек-ака, западная ниша склепа

Fig. 132. Shirinbek-aka mausoleum, the western niche of the crypt



Рис. 133. Мавзолей Ширинбек-ака, склеп, северо-западный угол

Fig. 133. Shirinbek-aka mausoleum, north-west corner in the crypt

Световые окна под куполом украшали ганчевые решетки-панджара с необыкновенно эффектным рисунком из круглых розеток, заполненных разноцветными стеклами. Мягкая живопись по ганчу в интерьере Ширинбек-ака подчеркивалась цветной радугой световых окон, забранных в оригинальные решетчатые многоцветные панджара²⁶⁴. Панджара были восстановлены по найденным в раскопках на полу мавзолея фрагментам (рис. 128).

В подпольной части мавзолея находится крестообразный склеп с зеркальными нишами по осям и восьмигранным вальмовым куполом. Входной сводчатый дромос выведен в порталную нишу. Размеры центрального квадрата склепа — 3,65×3,57 м, ширина и глубина ниш — 2,52-2,60×0,85 м. Общие размеры по осям — 5,35 м, высота купола — 2,3 м (рис. 131-133).

Нижняя погребальная камера и наземная часть мавзолея возводились в одном строительном котловане. Мавзолей стоит на плотном грунте (пахса?) крепостной стены городища Афрасиаб. Стены скле-

па и верхней части мавзолея совпадают, что явилось важным для конструктивной устойчивости здания и его хорошей сохранности.

Погребения совершены в деревянных гробах, расписанных полихромным узором с преобладанием красного и зеленого. Это единственный склеп Шахи-Зинда, где деревянный гроб царевны, сестры Амира Темура, был покрыт росписью — древней-



Рис. 134. Мавзолеи «Безымянный-1», «Безымянный-2» и эмира Бурундука. Фото 1894 г.

Fig. 134. 'Unnamed-1', 'Unnamed-2' and Amir Burunduk mausoleums. Photo, 1894

²⁶⁴ Шваб Ю.З. Опыт реставрации 1970. С. 17—18.

ший прием, хорошо известный по росписям на дереве во дворцах Самарры IX в.²⁶⁵

Костные останки были разбросаны по склепу (склеп нарушен в период ремонтных работ XIX в.?). Антропологически изучено семь наиболее сохранившихся черепов. Кроме детского (3-4 года), все черепа принадлежали взрослым женщинам. По определению антрополога В.Я. Зезенковой, два черепа были европеоидными, три монголоидных, два — смешанного типа²⁶⁶.

Мавзолеи 90-х годов XIV в.

В 90-е годы XIV в. окончательно застраивается вся западная сторона «средней группы» ансамбля Шахи-Зинда в пределах крепостной стены городища. К этому времени полностью были уничтожены остатки строений XI—XII вв. На территории медресе Кусамийа выстраивается три портално-купольных гробницы: мавзолеев «Безыманный-1» (работы усто Алима Насафи), «Безыманный-2» и эмира Бурундука (рис. 134).

Часть главного фасада медресе Кусамийа вмурована в массив портала «Безыманного-2». Мавзолей эмира Бурундука выстроен на месте северо-восточного крыла медресе, которое окончательно было разобрано при возведении комплекса Туман-ака в начале XV в.

Все три мавзолея 90-х годов XIV в., в отличие от тесно застроенной группы на крепостном валу, стояли свободными от пристроек, на расстоянии нескольких метров друг от друга. Раскопками установлено, что в XIV—XV вв. между ними не было других гробниц²⁶⁷, мавзолеи обозревались со всех сторон, что создавало более объемные зрительные ракурсы.

Все три мавзолея традиционного однокамерного портално-купольного типа, но пропорции их значительно стройнее первых усыпальниц XIV в. В зданиях четко выражен процесс эволюции инженерных конструкций. Двойной купол на вытянутом барабане, впервые появившийся в мавзолее Ширинбек-ака, получил дальнейшее развитие в этих усыпальницах 90-х годов XIV в. Кубическое основание венчал двойной, внутренний и внешний, купол на граненых барабанах.

Вместе с конструкциями получают развитие архитектурные формы и декор. Резная терракота в этих мавзолеех полностью вытеснена рельефной расписной майоликой. Звучные синие изразцы оживлены тонкой надглазурной росписью золотом, красной и белой краской. Замысловатые арабские надписи в большинстве своем не поддаются прочтению, но вносят необычайную живописность в орнаментальные мотивы майолик.

«Безыманный-1» (работы усто Алима Насафи)

Мавзолей открыт со всех сторон и исключительно благоприятен для обзора. Здание стоит на кладках XI—XII вв., приподнято, как на подиуме, облицовано со всех сторон, снаружи и внутри, и необычайно парадно по декоративно-художественному эффекту (рис. 135, 136).

Принадлежность этой презентабельной, нарядной гробницы неизвестна. В исторических надписях обозначены только имена художников-дизайнеров. В основании правой колонки, фланкирующей порталную нишу, запечатлены имена двух мастеров, выполнявших отделочные работы — усто Алим Насафи и усто Али (чтение О.Ф. Акимущкина и А.А. Иванова)²⁶⁸.

²⁶⁵ Herzfeld E. 1923. Orn.187—199.

²⁶⁶ Зезенкова В.Я. Краниологический материал из мавзолея Ширинбек-ака // Зодчество Узбекистана. Вып. 2. Ташкент, 1970. С. 255—263.

²⁶⁷ При реконструкции ансамбля в 2004—2005 гг. пространство между мавзолеем на крепостной стене городища и «Безыманным-1» застроено новыми гробницами.

²⁶⁸ Акимущкин О.Г., Иванов А.А. К чтению надписей... 1976. С. 112—113.

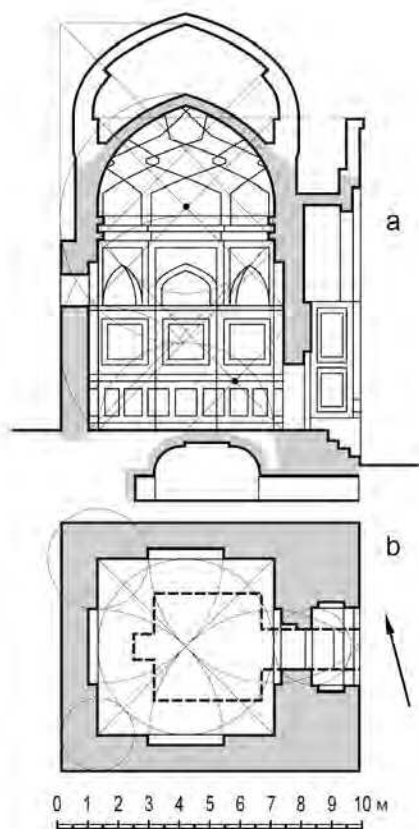


Рис. 135. Мавзолей усто Алима Насафи («Безымянный-1»): а – разрез, б – план (по Ю.З. Шваб)

Рис. 135. Usto Alim Nasafi ('Unnamed-1') mausoleum: a - cross-section, b - plan (according to Yu.Z. Shvab)

С этих пор название «мавзолей усто Алима Насафи» стало наиболее популярным.

Мавзолей представляет традиционный для ансамбля Шахи-Зинда портално-купольный тип. Размеры внутри — 6,5×6,4 м, снаружи — 8,1×9,8 м, высота — 13,5-14 м. Мавзолей выстроен на остатках здания XI—XII вв., возвышается над дорожкой, боковые его фасады оказались на 1,5 м выше главного, цоколь фасада опущен на уровень вымостки коридора, не изменившейся здесь с XI в.

По своим архитектурным формам и декору мавзолей как бы подводит итоги развития раннетемуридской школы. Кубическое основание здания венчал уже не одинарный купол, как в ранних мавзолеях «северной группы» и мавзоле-



Рис. 136. Мавзолей усто Алима Насафи («Безымянный-1»). Фото 2010 г.

Рис. 136. Usto Alim Nasafi ('Unnamed-1') mausoleum. Photo, 2010

ях XIV в. у крепостного вала, а двойной — внутренний и наружный на граненом барабане.

До нас дошло только основание внешнего купола и восьмигранный барабан. Грани барабана облицованы плитами с геометрическим орнаментом из голубых и синих изразцов, выполненных гравировкой, имитирующей кирпичный набор. Узор представляет геометризованный куфи, где местами можно прочесть слово «Мухаммад». Боковые и задний фасады мавзолея облицованы парным шлифованным кирпичом в чередовании с голубыми «бантиками». В основании фасадов проходит панель из отдельных прямоугольных и квадратных панно с гирихом (фото 35, 37, 40—42, 45).

Наиболее эффектен главный входной портал, облицованный рельефной майоликой (**фото 36**). Резная терракота здесь полностью вытеснена. В декоративном убранстве пилонов совершенно новые композиции. П-образную раму портала составляют не узкие орнаментальные полосы, как на ранних усыпальницах XIV в., а одна широкая дорожка из переплетающихся лент, которые образуют узор из вытянутых восьмиконечных звезд и крестовин — гирих, популярный с IX в. (Самарра близ Багдада) по сегодняшний день в мусульманских странах. Пилоны сплошь покрывает эпиграфический орнамент, арабский текст которого содержит суры Корана²⁶⁹.

Интерьер мавзолея покрыт керамической расписной майоликой. По внутренним углам восьмигранной подкупольной части мавзолея перекинута арка, заполненные гирляндами сталактитов. Внутренний купол покрыт звездчатым геометрическим узором из рельефных нервюр в майоликовой облицовке, который создавал впечатление ажурности — прием, широко распространенный по всему Востоку с XI—XII вв. (исследован В.Л. Ворониной²⁷⁰). В XIV в. эта традиция декоративного оформления и одновременно конструктивной устойчивости купола (нервюры укрепляли скуфью) была использована почти во всех мавзолеях ансамбля Шахи-Зинда (**фото 41, 42**).

Совершенство и парадный стиль наземной части мавзолея почти не коснулись его нижних конструкций — склепа в подкупольной части мавзолея. Небольшой склеп был выстроен по типу ранних усыпальниц 40-70-х годов XIV в., в отдельном котловане, конструктивно и планировочно не связан с наземной частью мавзолея.

Квадратный в плане склеп (3,45×3,45 м) высотой 1,75 м перекрыт куполом балхи, в западной стене глухая стрельчатая ниша

(михраб?). Помещение почти целиком было заполнено землей, расчистить погребения не удалось.

Высокий цоколь мавзолея со стороны портала показывает, что склеп был полуподземным. Входной дромос его выходил в порталную нишу, где был задрапирован ступенями в интерьер мавзолея.

«Безымянный-2»

От мавзолея «Безымянный-2» до нас дошел один портал. В 60-е годы XX в. памятник явился предметом специальных археологических работ²⁷¹. Был вскрыт план интерьера с нишами по осям, которые позволяют предполагать арочный парус в подкупольной части, а в завершении здания — невысокий барабан (как в «Безымянном-1») и второй внешний купол (реконструкция Ю.З. Шваб) (**рис. 137, 138**).

Ни имени, ни даты постройки в надписях на портале мавзолея нет. Данные раскопок показали, что это был типичный для ансамбля однокамерный квадратно-купольный мавзолей, но значительно больших размеров, чем другие. Если средняя величина интерьеров XIV в. в ансамбле составляла 5–6,5 м в стороне, то в «Безымянном-2» сторона квадрата была равна 8–8,3 м.

Характер осевых ниш интерьера, общие габариты типологически ставят мавзолей «Безымянный-2» между гробницами «Безымянный-1» и Ширинбек-ака. Это позволяет предполагать и присущие им формы — арочно-парусную систему в подкупольной части, а в завершении здания — невысокий барабан и двойной купол (**фото 43, 44**).

Здание стояло на стенах медресе Кусамийа XI в. (часть восточного фасада медресе-

²⁶⁹ Шишкин В.А. Надписи... . 1970. С. 28–32.

²⁷⁰ Воронина В.Л. Конструкции и художественный образ в архитектуре Востока. Москва, 1977. С. 149–153.

²⁷¹ Немцева Н.Б. Раскопки на территории мавзолея Безымянный 2 в комплексе Шах-и Зинда // ИМКУ. Вып. 7. Ташкент, 1966. С. 151–156; Шваб Ю.З. Мавзолей «Неизвестный-2» из ансамбля Шахи-Зинда в Самарканде // САУ. Ташкент, 1963. № 3. С. 23–26.

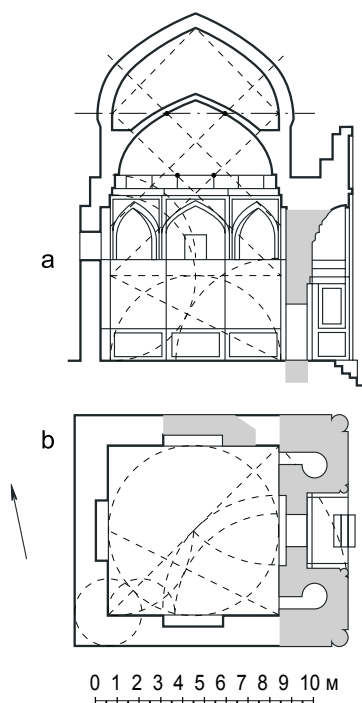


Рис. 137. Мавзолей «Безымянный-2»
(реконструкция Ю.З. Шваб)

Рис. 137. 'Unnamed-2' mausoleum.
(Reconstruction by Yu.Z. Shvab)



Рис. 138. Мавзолей «Безымянный-2». Фото 2009 г.

Рис. 138. 'Unnamed-2' mausoleum. Photo, 2009

се на высоту 2,8 м, вмурованная в фасад XIV в., была видна до реставрации 60-х годов XX в. (рис. 65), было открыто и, надо полагать, было облицовано со всех сторон снаружи.

Как показывает декоративная керамика, найденная при раскопках, исключительной роскошью отличался интерьер здания (рис. 139). Форма и размеры найденных изразцов по аналогии с другими памятниками Шахи-Зинда позволяют реконструировать схему облицовки интерьера. Внутренний строй декоративной отделки был построен на традиционном ярусном членении. Низ четверика опоясывала панель из крупных шестигранных майоликовых плит. Верх стен украшала расписная майолика с крупным условно-растительным рисунком. Литые керамические сталакти-ты, найденные в большом числе при раскопках, дают представление о заполнении угловых арок переходного к куполу восьмерика. В цвете майолик преобладает тем-

но-синий, много золота, нанесенного холодным способом.

Горизонтальные и вертикальные плоскости сталактитовых рядов были построены на цветовом контрасте — прием совершенно оригинальный для ансамбля Шахи-Зинда. Темная полихромия вертикальных граней подчеркивалась светлой голубишной горизонтального ряда. Лента крупной (ширина 40-50 см), высокого рельефа арабской надписи, покрытой золотом по темно-синему фону, проходила, вероятно, в шестнадцатиграннике. Сталактитовая шарафа — в угловых пазухах восьмигранника.

Характер найденного декора, цветовая палитра майолик, их сочная, яркая полихромная гамма, характер стилизованного растительного орнамента, выполненного в рельефной технике, находит много общего с хорезмийскими майоликами XIV в. (надгробия в мавзолеях Наджм ад-Дина Кубра и Ходжи Ала ад-Дина), но более

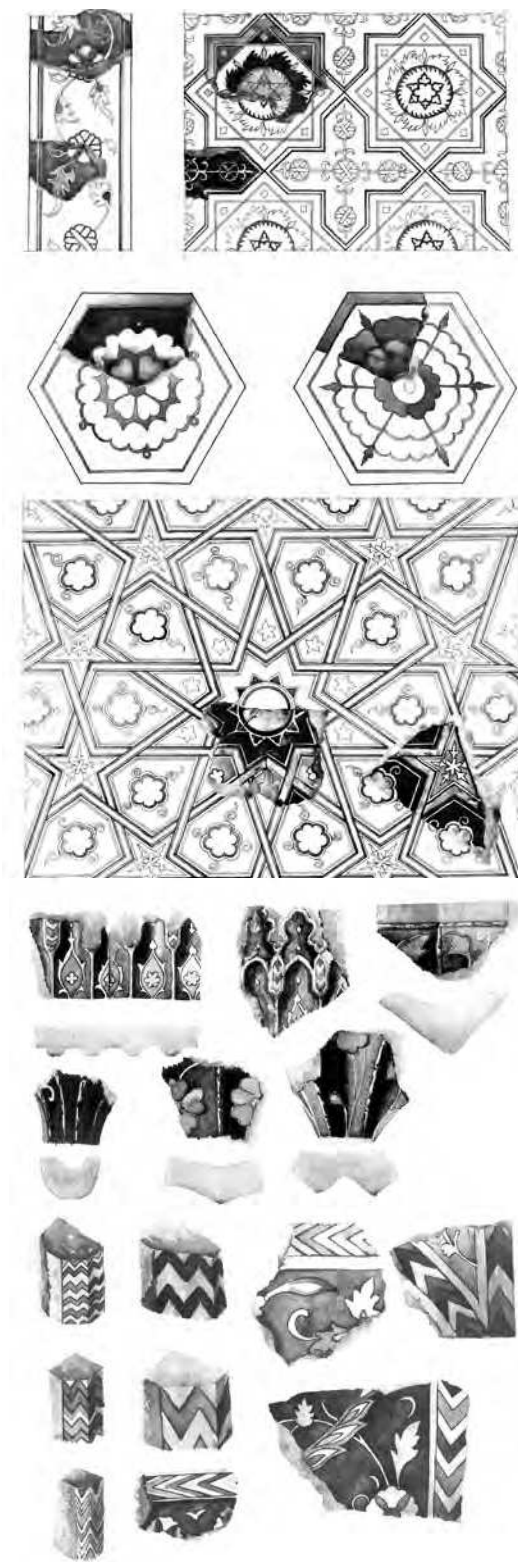


Рис. 139. Фрагменты расписной майолики из раскопок мавзолея «Безымянный-2»

Fig. 139. Fragments of painted majolica from the excavations of 'Unnamed-2' mausoleum

всего — с рядом стоящим мавзолеем «Безымянный-1» (усто Алима Насафи).

Почти полностью уцелела входная ниша портала, щечковые стороны ее покрывает уникальная высококачественная майолика на кашинной основе (фото 44, 47). Изысканность цветового решения (кобальт, золото в красной окантовке, белый, зеленый), ювелирное изящество рисунка по тонкости исполнения близко разве что майоликама надмогильника Кусамы ибн Аббаса и иранскому люстру той же поры.

Конструкция и декор мавзолея «Безымянный-2» еще тесно связаны с традициями 70–80-х годов XIV в. Однако в памятнике уже видны явные поиски новых средств художественного выражения.

Какие-то серьезные ошибки в инженерных расчетах оказались губительными для здания; мавзолей разрушился внезапно, судя по характеру завалов, примерно в середине XV в.

Под полами мавзолея склепа нет. Вскрытые у портала со стороны интерьера погребения представляют обычные прямоугольные ямы, перекрытые поперечным бревенчатым накатом диаметром 16–15 см.

В XV в. к западной стене мавзолея был пристроен обширный крестовидный в плане склеп (8,1×7,6 м по осям) с граненой северной нишей. Это единственный склеп в ансамбле Шахи-Зинда с декоративной отделкой ганчевыми гуртами внутри, на чем я остановлюсь ниже.

Мавзолей эмира Бурундука, 90-е годы XIV в.

Одна из наиболее скромных по изразцовым одеждам усыпальниц ансамбля Шахи-Зинда темуровского времени расположена по западной стороне коридора, южнее третьего чартака. На здании не сохранилось ни даты постройки, ни других исторических надписей. По преданию, мавзолей принадлежит одному из сподвижников Амира Темура — эмиру Бу-

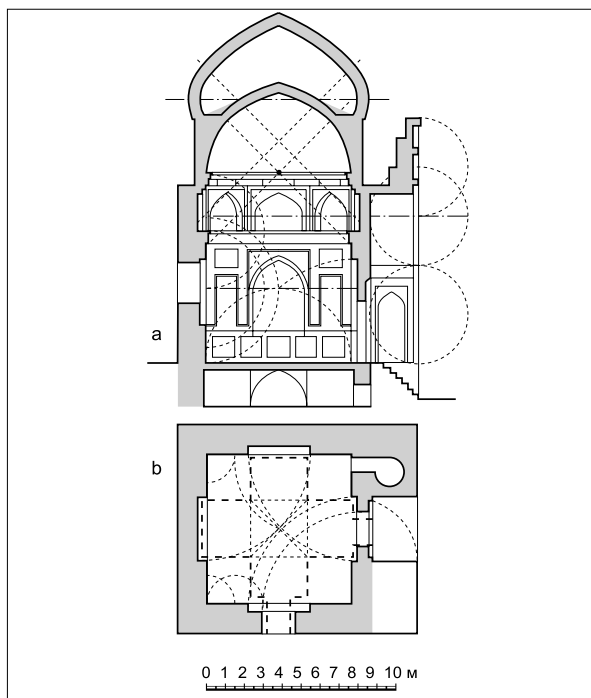


Рис. 140. Мавзолей эмира Бурундука: а – разрез, б – план (по Ю.З. Шваб)

Fig. 140. Amir Burunduk mausoleum, а – cross-section, b – plan (according to Yu.Z. Shvab)

рундуку²⁷², который много раз упомянут Шараф ад-Дином Йазди в «Зафар-наме» («Книга побед»)²⁷³.

Типологически мавзолей относится к группе однокамерных гробниц 90-х годов XIV в. с двойным внутренним и внешним куполом на граненом барабане. Внешний купол не сохранился. Размеры мавзолея снаружи – 12,5×11 м, внутри – 8,5×8,5 м, высота внутри – 14 м. Наружные стены не облицованы (рис. 140, 141, 142), (фото 45, 49, 50).

Главный восточный фасад выделен традиционным пештаком, от которого сохранился северный пилон и часть порталной ниши с остатками декора. На месте южного пилона – ремонтный контрфорс. На северном пилоне до реставрации 2004 г. можно было видеть декор из резной по-



Рис. 141. Мавзолей эмира Бурундука, вид с юго-запада. Фото 1998 г.

Fig. 141. Amir Burunduk mausoleum, view from south-west. Photo, 1998

ливной терракоты с крупными восьмилепестковыми розетками и поперечно-полосатым бордюром (фото 54). Ниша портала (щека, софит) отделана изразцами из кирпичной мозаики с геометрическим и эпиграфическим орнаментом (фото 52, 53).

Разительное отличие отделки уцелевшего пилона (резная поливная терракота) от декора порталной ниши (кирпичная мозаика) дали в свое время основание ошибочно полагать, что северный пилон принадлежит другому, более раннему (70-е годы XIV в.) зданию²⁷⁴. Исследования 1963 г. показали, что конструктивная основа здания едина. Облицовка при этом может быть разновременной²⁷⁵.

Архитектурно-декоративное решение интерьера выполнено в известных по мавзолеям XIV в. в ансамбле Шахи-Зинда формах.

²⁷² Принадлежность мавзолея эмиру Бурундуку впервые на основе преданий зафиксирована в «Туркестанском альбоме» (1871–1872), составленном А.Л. Куном.

²⁷³ Шараф ад-Дин Али Йазди. 2008. С. 349 (310а), 351 (311б).

²⁷⁴ Ремпель Л.И. Архитектурный орнамент... 1961. С. 275.

²⁷⁵ Немцева Н.Б. Малоизученный мавзолей из ансамбля Шахи-Зинда // ОНУ. Ташкент, 1969. №8, 9. С. 43–50.



Рис. 142. У входа в «северный дворик». Слева – часть портала мавзолея эмира Бурундука. Фото 1976 г.

Fig. 142. At the entrance to the 'northern yard'. To the left – a part of the portal of Amir Burunduk mausoleum. Photo, 1976

Интерьер мавзолея в белой ганчевой штукатурке по осям стен разбит глухими нишами со стрельчатым завершением, по сторонам ниш вертикальные рельефные панно. В углах подкупольного восьмигранника арочные тромпы, заполненные ганчевыми сталактитами. В основании стен сохранилась изумительная по тонкости исполнения и красочности майоликовая панель из шестигранных шашек, расписанных цветочным орнаментом, очень напоминающая панели мавзолея работы усто Алима Насафи и майолики XIV–XV вв. из Куня-Ургенча (намогильник мавзолея Наджм ад-Дина Кубра). Наиболее уцелевшее панно с пышным живописным букетом в рельефной многолопастной арке «даури-поя» сохранилось на восточной стене интерьера. Скуфья внутреннего купола декорирована рельефными ганчевыми гуртами, которые создают звездчатый узор с фокусом в замке, основные линии узора подчеркнуты цветом (синий и красный кызыл-кесак).

Первое археологическое обследование мавзолея выполнил в 1925 г. В.Л. Вяткин. Был расчищен интерьер мавзолея, через пролом в полах обследован склеп. В 1963 г. в связи с реставрацией осуществлено полное архитектурно-археологическое исследование и обмеры мавзолея (Н.Б. Немцева, Ю.З. Шваб)²⁷⁶.

Обследование пилонов портала показало, что под декоративной «рубашкой» идет сплошной массив однородной кладки без каких-либо признаков конструктивных перестроек. По каким-то причинам отделка портала мавзолея, начатая в XIV в. (резная терракота северного пилона), была прервана на длительный срок и завершена в стиле кирпичной мозаики в начале XV в., быть может, при отделке комплекса Туман-ака в 1405/06 г.

Если предания верны и усыпальница действительно принадлежит эмиру Бурундуку, то не удивительно, что здание отделялось в несколько этапов. Длительные завоевательные походы Амира Темура в конце XIV – начале XV века, политические смуты после его смерти, в которых активно участвовал Бурундук²⁷⁷, на долгие годы отвлекали заказчика от строительных работ.

Склеп мавзолея – самый просторный из всех склепов Шахи-Зинда XIV в. Это не автономная камера, выстроенная в отдельном котловане, как в ранних усыпальницах, а сложное по конфигурации помещение, где стены наземной части мавзолея продолжают стены склепа. Такая конструкция характерна для мавзолеев конца XIV – начала XV в.²⁷⁸

Склеп представлен крупным (6,90×7,80 м по осям) крестовидным помещением с глубокими нишами по сторонам (ширина – 2,60 м, глубина – 2,15-2,60 м), перекрытых стрельчатыми сводами (высота 2 м), пере-

²⁷⁶ Там же.

²⁷⁷ Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Ч. 2. Москва, 1964. С. 74.

²⁷⁸ Немцева Н.Б. К истории сложения средней группы мавзолеев ансамбля Шахи-Зинда // Материалы исследования по истории и реставрации архитектурных памятников Узбекистана. Вып. 1. Ташкент, 1967. С. 104.

ходящих в центральную часть склепа, перекрытую крестовым сводом.

Склеп выстроен из прямоугольного, караханидского формата, кирпича (29×18×4 см), видимо, от разобранного медресе Кусамийа XI в. Стены покрыты толстым слоем ганча. Надземная часть усыпальницы сложена из квадратного кирпича (26-27×26-27×5-6 см), типичного для Самарканда XIV—XV вв.

Как и надземная часть, склеп мавзолея имеет два входа: один со стороны южного фасада, второй выходил в порталную нишу и был задрапирован ступенями.

Центральный квадрат склепа перекрыт чрезвычайно редким на Востоке крестовым сводом низкого подъема, переходящим в стрельчатые своды боковых ниш. Этот прием известен по мавзолею-ханаке Ходжи Ахмада Ясави в г. Туркестан, мечети-ханаке в Анау под Ашхабадом и ряду иранских памятников XIV в.

Склеп не имеет прямых аналогов, хотя типологически принадлежит к довольно обширной группе крестовидных погребальных камер конца XIV—XV вв. Истоки крестовидной погребальной камеры уходят в античную пору, отмечены в раннесредневековых наусах Средней Азии, в склепах башенных мавзолеев Азербайджана XI—XII вв.

Для ансамбля Шахи-Зинда, да и всего Самарканда, это первый, наиболее ранний крестовидный склеп, идея которого затем была развита в ряде склепов Мавераннах-ра и Северного Хорасана (склеп туркменского мавзолея № 3 в Геок-Гумбазе XIV в.²⁷⁹, склеп рубежа XIV—XV вв. в Яккабаде близ Шахрисябза²⁸⁰, склепы комплекса Доруссиадат в Шахрисябзе, мавзолея Гур-Эмир, Биби-ханым конца XIV — начала XV века в Самарканде).

Погребения в склепе совершены на земляном полу по всем правилам мусульманского обряда — головой на север с по-



Рис. 143. Склеп мавзолея эмира Бурундука, западная ниша

Fig. 143. Crypt of Amir Burunduk mausoleum, western niche



Рис. 144. Склеп мавзолея эмира Бурундука, захоронение в гробу

Fig. 144. Crypt of Amir Burunduk mausoleum, burial in coffin

²⁷⁹ Пугаченкова Г.А. Пути развития... . 1958. С. 376.

²⁸⁰ Гулямов Я.Г., Ахраров И. Раскопки мавзолея в Яккабаде // ОНУ. Вып. 8-9. Ташкент, 1969. С. 27—29.

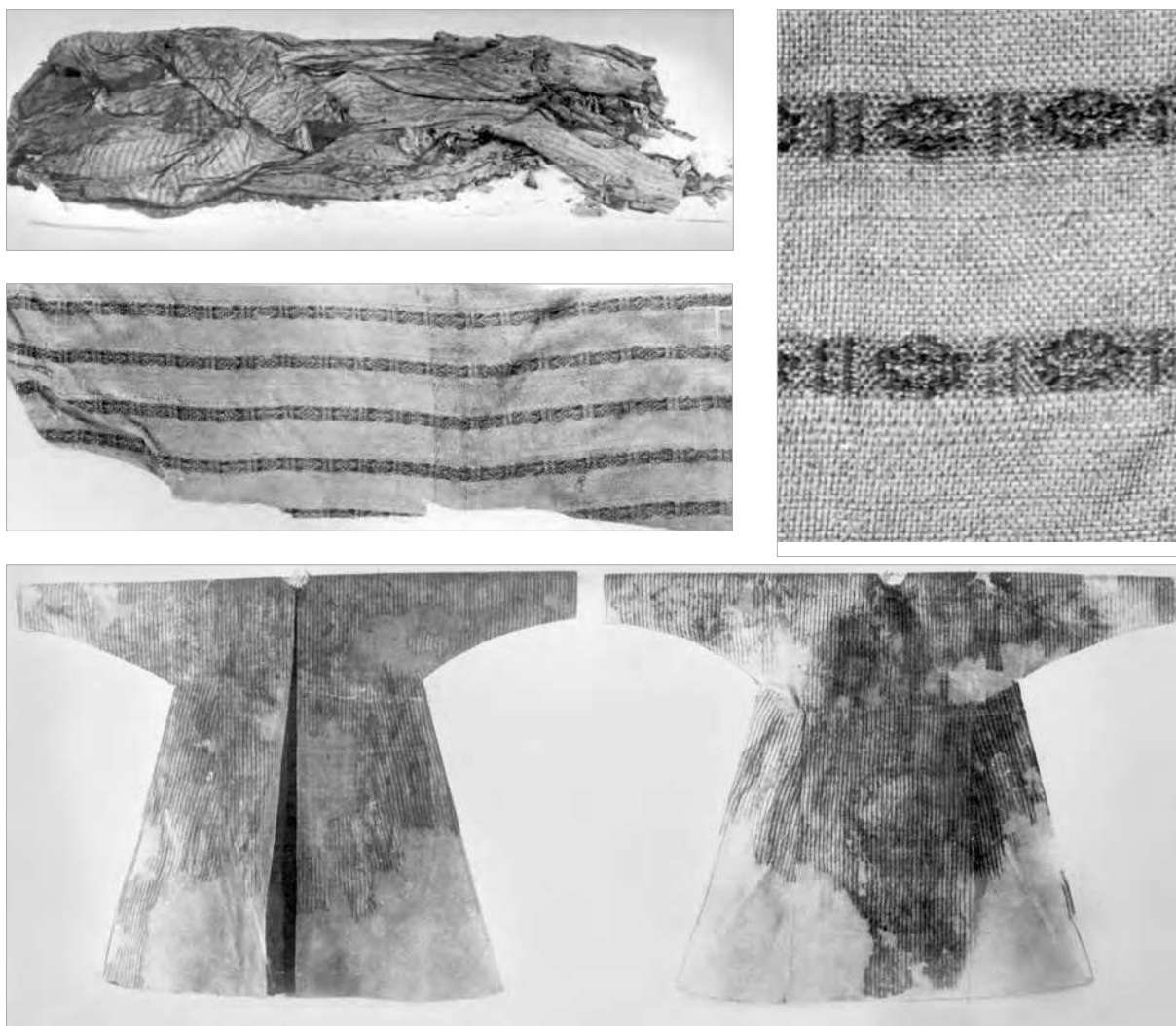


Рис. 145. Халат из детского погребения в склепе мавзолея эмира Бурундука и фрагменты ткани

Fig. 145. A robe from the child's burial from the crypt of Amir Burunduk and fragments of cloth

воротом лица в сторону кыблы, на запад. Большая часть костного материала, как отметил еще Б.Н. Засыпкин, была разбросана по склепу. Всего в склепе мавзолея было совершено 9 захоронений. Три находились в западной нише склепа. Два в деревянных гробах-табутах, одно детское совершено в одежде (полосатый халат), другие погребения — без гроба, на полу склепа (рис. 143, 144).

Крайнее у стены погребение было совершено в деревянном гробу трапециевидной формы. Скелет принадлежал крупному высокому мужчине возмужалозрелого возраста, возможно эмиру Бурун-

дуку. Гроб сделан из гладко отесанных досок (толщина 1,5 см, цвет темно-коричневый), скрепленных на углах массивными (диаметр 10 см) стойками-ножками. Связка досок сделана путем врубki в пазы стоек, без применения гвоздей или металлических накладок. Гроб был накрыт двускатной крышкой, опиравшейся на торцы треугольного профиля. От крышки сохранилась одна доска, которая упала на скелет, сместив черепную коробку. Западная боковая доска гроба вышла из пазов и была прислонена к стене склепа (рис. 144).

Длина гроба — 2,15 м, ширина в изголовье — 67 см, в ногах — 50 см, высота

стенок — 28-30 см, угловых стоек — 50 см. Форма деревянного ящика и способ его изготовления очень близки деревянному гробу Амира Темура из Гур-Эмира²⁸¹. Это сближает их по времени и, возможно, определяет дату погребения в склепе Бурундука первой четвертью XV в.

В склепе были и другие погребения в деревянных гробах. Доски от них в полуистлевшем состоянии были разбросаны в северной и западной нишах. Судя по срезам, гробы были несколько иной формы и меньших размеров (1,37 м), доски крепились железными гвоздями с широкими шляпками и металлическими накладками. Так были связаны доски гроба Мухаммада Султана из Гур-Эмира²⁸², деревянные ящики из мавзолея Ширинбек-ака и ряда других усыпальниц XIV в. в ансамбле Шахи-Зинда.

Наиболее интересным оказалось детское погребение, расположенное в западной нише. Погребение совершено поверх более раннего погребения взрослого человека, слегка присыпанного землей. Это был ребенок 7-9 лет европеоидного типа с признаками монголоидности, характерными для среднеазиатского Междуречья (определение антрополога В.Я. Зезенковой). Признаки пола слабо выражены, но судя по короткому волосяному покрову (до 1 см), частично сохранившемуся на голове, это был мальчик. Скелет лежал на деревянной доске, сверху до подбородка накрыт толстым пластом спутанной пряжи (шелковая вата от одеяльца?), затем покрыт другой доской, истлевшей до состояния рыхлой коричневой «губки». В результате этой двойной изоляции от подпочвенных солей и влаги сохранилась одежда, хотя мягкие ткани тела истлели.

Одежда ребенка представляет собой халатик из шелковой полосатой ткани на шелковой подкладке светло-коричневых

тонов²⁸³. Первоначальный цвет, по химическому анализу Е.Ф. Феодорович, мог быть розовым с узором вишневого цвета²⁸⁴. Покрой найденного халатика традиционной формы, известной по средневековой миниатюре и современной одежде местного населения (рис. 145).

Комплекс Туман-ака, 1405/06 г.

В конце XIV — начале XV века ансамбль Шахи-Зинда окончательно сложился в пределах крепостной стены городища Афрасиаб. Комплекс, возведенный от имени жены Амира Темура Туман-ака, расположен на западной стороне «северного дворика». В комплекс входил однокамерный портално-купольный мавзолей, трехчастная мечеть с южной худжрой, когда-то связанной проемом с мечетью, и верхний чартак. До исследований 60-х годов вся эта группа считалась единовременной. При исследованиях в 1960-61 гг. было установлено, что строения эти возникли в разное время, и только декоративное оформление, выполненное в 1405/06 г., как гласит надпись, придало ей облик единого комплекса²⁸⁵.

Верхний чартак с четырьмя широкими открытыми арками на осях, возможно, первое звено этой группы. Чартак возник в середине XIV в. или еще раньше, в XII в. (?) Было установлено, что пилоны западной арки чартака до мозаичной облицовки в 1405/06 г. на стыке со стенами мечети были оштукатурены ганчем. Это свидетельство того, что чартак был построен до мечети Туман-ака. При строительстве мечети главный ее вход был совмещен с за-

²⁸¹ Шишкин В.А. Гур-Эмир // Научные труды ТашГУ. Вып. 232. Ташкент, 1966. С. 36.

²⁸² Там же. С. 42.

²⁸³ Немцева Н.Б. К истории тканей и одежды населения Средней Азии XV в. // Из истории искусства великого города. Ташкент, 1972. С. 243 — 251.

²⁸⁴ Феодорович Е.Ф. Исследования средневековых тканей Самарканда // Из истории искусства великого города. Ташкент, 1972. С. 235 и сл.

²⁸⁵ Шваб Ю.З. К истории сложения северной группы ансамбля Шахи-Зинда // ИМКУ. Вып. 5. Ташкент, 1964. С. 139 — 140.

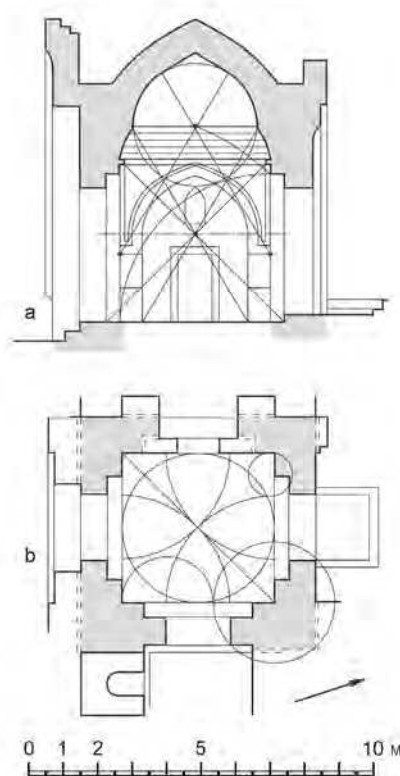


Рис. 146. Третий проходной чартак: а – разрез, б – план (по Ю.З. Шваб)

Fig. 146. The third chartak, a – cross-section, b – plan (according to Yu.Z. Shvab)

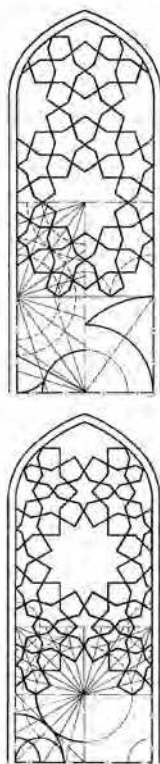


Рис. 147. Построение гириха облицовки на входе в чартак, 1405/06 г.

Fig. 147. The design of girikh in the facing at the entrance to chartak, 1405/1406



Рис. 148. У входа в чартак. Фото 1912 г.

Fig. 148. At the entrance to chartak. Photo, 1912

падной аркой чартака. Осталось неясным, куда была обращена эта арка до возведения мечети. В первой публикации материалов исследований западная арка чартака не получила логичного объяснения, требуется доисследование²⁸⁶. Это самый запутанный планировочный узел в северной части ансамбля (рис. 146–148).

Массивная двустворчатая дверь из карагача, установленная в восточной арке чартака, ведет в комплекс Кусамы ибн Аббаса. Она относится к началу XV в. Тонкая двухплановая резьба, инкрустированная когда-то слоновой костью, сплошь покрывает оба полотнища двери. На правой створке надпись — «двери рая, открытые для народа»,

на левой — имя мастера, «работа Сайида Юсуфа Ширази», внизу — дата изготовления — 807 г. хиджры (1404/1405 г.) (фото 64).

Мавзолей «малой госпожи гарема»
Туман-ака был выстроен вчерне, когда началось строительство мечети. Здание типологически относится к группе однокамерных портално-купольных усыпальниц некрополя Шахи-Зинда с двойным куполом, которые появились здесь в конце XIV — начале XV в. Это здание, покрытое голубым куполом на высоком цилиндрическом барабане, самое стройное в северной части ансамбля.

Высота мавзолея со склепом достигает 17,5 м, высота от пола интерьера до зенита купола около 15 м. Здание на 7 м выше соседнего мавзолея Ходжи Ахмада. Разме-

²⁸⁶ Шваб Ю.З. К истории сложения... . 1964 С. 148. Рис. 5.

ры здания снаружи — 8,7×6,8 м, высота — 14,8 м. Прямоугольный склеп имеет размеры 4,38×3,12 м (рис. 149, 150 (b), 151).

Портал мавзолея, обращенный на восток, сплошь покрыт наборной кашинной мозаикой. Пилоны орнаментированы вертикальными бордюрами. Центральная «дорожка» покрыта эпиграфическим орнаментом тончайшего мозаичного набора. Полукупол порталной ниши украшают мозаичные сталактиты (фото 75–79).

Два других внешних фасада (боковой и задний) мавзолея облицованы кирпичной мозаикой из изразцов голубого и синего цвета в сочетании с неполивной терракотой. Крупный геометрический узор типичен для облицовки больших плоскостей внешних стен зданий XIV–XV вв. (фото 77).

Необыкновенно выразителен и изящен интерьер мавзолея. Разбитый по осям глубокими нишами интерьер имеет четкое крестовидное очертание. В основании стен проходит панель из голубых кашинных плиток, расписанных тончайшим золотым узором. Верх стен, оштукатуренный ганчем, покрывает роспись с черным и синим контуром, дополненным золотисто-оранжевым тоном (кызыл-кесак). Рисунок составляют трилистники, ромбы, спирали и звезды. В некоторых панно изображены пейзажи с ручьями, камнями, деревьями и птицами. Внутренний купол расписан звездчатым гирихом. Подкупольный октагон задрапирован многорядовой гирляндой ганчевых сталактитов, покрытых росписью в том же стиле и цветовой гамме, что и стены (фото 79).

В подпольной части мавзолея находится прямоугольный в плане склеп, перекрытый коробовым сводом и входным дромосом со стороны порталной ниши. Склеп забит строительным мусором (ремонт XIX в.?), и погребения расчистить не удалось.

Конструкция склепа и наземная часть мавзолея представляют единый монолит, как в мавзолее эмира Бурундука.



Рис. 149. Мавзолей Туман-ака. Фото 1890 г.

Fig. 149. Tuman-aka mausoleum. Photo, 1890

Надписи исторического содержания, сделанные при декоративном оформлении комплекса, оказались в разных местах (на мавзолее и на южной входной худжре мечети).

На левом пилоне портала мавзолея белыми буквами в стиле сульс по синему полю указано имя мастера-каллиграфа: «писал Шейх Мухаммад ибн Ходжи Бандгаран Тугра-бази»²⁸⁷. Проскользнувшее в литературе чтение, что мавзолей построен мастером из Тебриза, ошибочно.

Внутри порталной арки сохранилась дата облицовочных работ: «Построено это здание могилы озаренной по указанию... да продлит Аллах ее султанство, в году восемьсот восьмом» (1405/1406 г.)²⁸⁸. Может быть, в утраченных частях надписи было имя Туман-ака?

Над южным входом в мечеть (южная худжра) в большом мозаичном панно вплетена историческая надпись почерком насх (верхняя строка) и сульс (нижняя строка), где значится имя Туман-ака: «С соиз-

²⁸⁷ Шишкин В.А. Надписи... . 1970. С. 37.

²⁸⁸ Там же. С. 38.

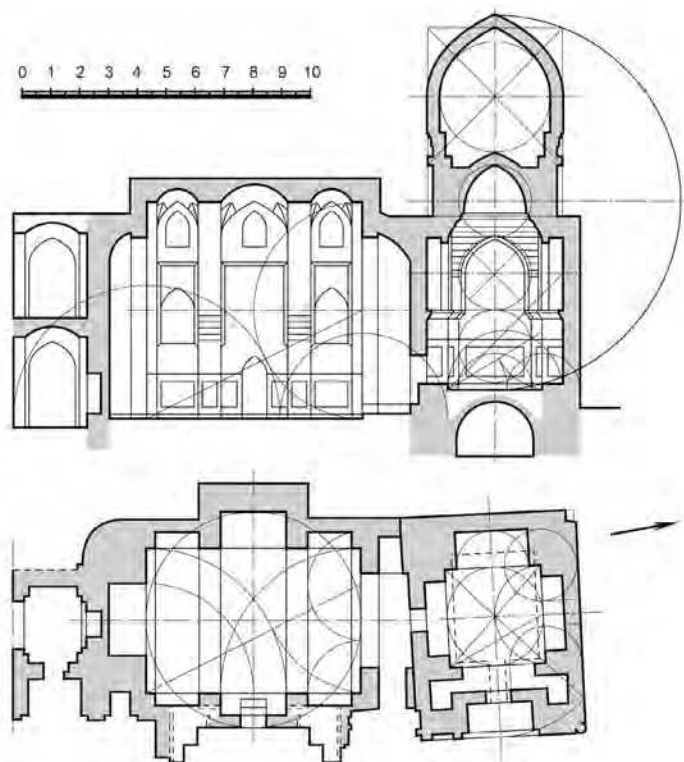


Рис. 150. Комплекс Туман-ака: а – мечеть, б – мавзолей. Разрез, план (по Ю.З. Шваб)

Fig. 150. Tuman-aka complex, a – mosque, b – mausoleum. Cross-section and plan (according to Yu.Z. Shvab)

воления Аллаха Всевышнего (заложила) основание этой мечети пресветлая царица, упоминаемая под именем Хайр ан-ниса, Туман-ака, дочь эмира справедливого Мусы, да возлюбит ее Аллах и признает достойной»²⁸⁹. Надпись на худжре свидетельствует, что мечеть-ханака, как и весь комплекс, основан от имени жены Амира Темура – Туман-ака.

По поводу атрибуции мавзолея высказано несколько версий²⁹⁰. В годы строительства комплекса (1405/06 г.) Туман-ака была в расцвете лет. Ей было 39-40 лет, и после смерти Темура в 1405 г., по свидетельству источников, Туман-ака была отправлена сначала Халил Султаном в Саганак, а затем, по требованию Шахруха, в Герат. Ни в том, ни в другом городе мавзолея Туман-ака нет.



Рис. 151. Мавзолей Туман-ака, 1405/06 г. Фото 1986 г.

Fig. 151. Tuman-aka mausoleum. 1405/06. Photo, 1986

Наиболее вероятно, как мне кажется, что царица выстроила мавзолей в Шахи-Зинда задолго до кончины, как это было принято в царской среде, и, возможно, похоронена в нем. Об этом сообщает на основе преданий Абу Тахир Ходжа в «Самарии». К сожалению, даже косвенные данные (характер погребения) в склепе, забитом строительным мусором, не могут пока этого подтвердить.

Мечеть Туман-ака была встроена между мавзолеем эмира Бурундука и мавзолеем Туман-ака. Возможности зодчего ограничивал верхний чартак, который надо было увязать с новым зданием. Южная стена мавзолея Туман-ака явилась северной стеной мечети, северная стена мавзолея эмира Бурундука – южной стеной двухэтажной худжры, первоначаль-

²⁸⁹ Шишкин В.А. Надписи... . 1970. С. 38.

²⁹⁰ Там же. С. 42.

но конструктивно связанной с мечетью²⁹¹ (рис.150 (а)).

Мечеть имеет трехчастный внутренний план, перекрыта тремя куполками на подпружных арках, основанных на мощных выступающих пилонах. Мечеть имела три входа: средний выходил в чартак, северный открыт в северный дворик, южный (худжра 3,5×3,5 м) выходил в коридор ансамбля.

Глубокие ниши в стенах мечети заполнены ажурными ганчевыми сталактитами. Высоко под куполами расположены световые окна с ганчевыми решетками-панджара. В основании стен проходит яркая голубая панель из шестигранных плиток с мозаичным бордюром, в центре западной стены небольшой михраб. Общие размеры мечети в плане — 11,8×6,8 м (фото 65, 66, 82).

После облицовки в 1405/06 г. всех трех сооружений наборной кашинной и кирпичной мозаикой комплекс Туман-ака получил облик единого сооружения.

Подводя итоги строительной деятельности в «царском некрополе» эпохи Амира Темура, следует остановиться на общих архитектурно-стилистических чертах последних гробниц в ансамбле Шахи-Зинда, выстроенных для сестры и жены Темура в конце его жизни, которые стали определенными вехами в процессе эволюции мавзолеевого зодчества конца XIV — начала XV века.

Мемориалы этой типологической группы — мавзолеи Ширинбек-ака и Туман-ака — демонстрируют очередной этап развития, совершенствования инженерных конструкций и архитектурных форм, заложенных уже в мавзолее эмира Бурундука (90-е годы XIV в.).

Памятники этой группы сохраняют прежний объемно-планировочный строй, но пропорции их более стройны и гармоничны. В мавзолеях развивается идея вытянутых пропорций, двойных (внутреннего

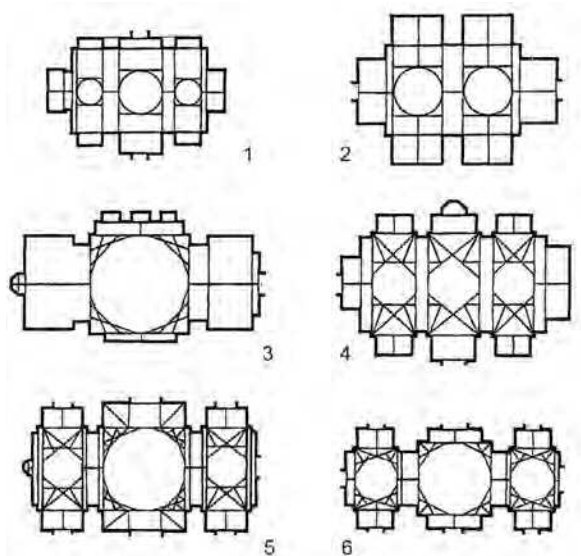


Рис. 152. Эволюция перекрытий помещений прямоугольного плана: 1. Мечеть Туман-ака, 1405/06 г.; 2. Большой Ак-сарай в комплексе мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави в Туркестане, 1393–1398 гг.; 3. Нижняя мечеть в Шахи-Зинда, 1434/1435 г.; 4. Медресе Улугбека в Гиждуване, 1433/1434 г.; 5. Большая мечеть в Шахи-Зинда, середина XV в.; 6. Южная галерея мавзолея Ишрат-хана в Самарканде, 1469 г. (по Ю.З. Шваб)

Fig. 152. Evolution of ceiling construction in a rectangular plan room: 1. Tuman-aka mosque, 1405/06, 2. Large Ak-Sarai in Khoja Ahmad Yasavi mausoleum complex in Turkestan, 1393–1398, 3. Lower mosque in Shahi-Zinda, 1434/1435, 4. Ulugbek madrasah in Gijduvan, 1433/34, 5. A large mosque in Shahi-Zinda, the mid-15th century. 6. The southern gallery of Ishrat-Khana mausoleum in Samarkand, 1469 (according to Yu.Z. Shvab)

и внешнего) куполов на высоких барабанах, единая конструктивная связь наземной части здания и подпольного склепа. Особенно выразительны эти черты представлены в мавзолее Туман-ака.

В декоративной отделке этой группы появляется новый для Самарканда вид облицовочного материала — наборная кашинная мозаика, известная в Северном Хорасане и Хорезме уже в конце XIII — начале XIV века (мавзолей Улджайту в Султании, мавзолей Тюрабек-ханым в Ку-

²⁹¹ Немцева Н.Б., Шваб Ю.З. Ансамбль... . 1979. С. 115. Рис. 145.

ня-Ургенче). Мозаичный набор, впервые использованный в убранстве портала мавзолея Ширинбек-ака, в последующем, вплоть до XVII столетия включительно, стал ведущим видом облицовки, который вытеснил все прочие виды декора в монументальной архитектуре Мавераннахра.

Интерьеры этих мавзолеев покрыты росписями по ганчу и в результате становятся более воздушными и легкими по сравнению с керамическим убранством усыпальниц 70-80-х годов XIV в. Тяжелую керамическую облицовку сменила светлая легкая полихромная живопись по белой ганчевой штукатурке в голубовато-синей гамме с большим количеством позолоты и красной подосновой (местный минеральный краситель кызыл-кесак).

Склепы этих усыпальниц конструктивно взаимосвязаны с наземной частью здания. Принцип взаимосвязи подпольной (склеп) и наземной части здания очень выразительно представлен уже в мавзолеях эмира Бурундука, Ширинбек-ака и Туман-ака. В склепах этих мавзолеев появляется крестовидный план, который в XV в. становится ведущим, появляются вальмовые купола в комбинации с «зеркальными» (мавзолей Ширинбек-ака), редкий в Средней Азии крестовый свод (мавзолей эмира Бурундука). Этот тип перекрытия получает дальнейшее развитие в склепах Самарканда первой четверти XV в. (Гур-Эмир, мавзолей Биби-ханым и др.). Как исключение, в мавзолее Туман-ака прямоугольный склеп перекрыт издавна известным коробовым сводом. При этом внешний (наборная кашинная мозаика на портале и кирпичная мозаика на боковых фасадах) и внутренний декор мавзолея (полихромные росписи по штукатуркам) демонстрируют явный прогресс в технике дизайна здания, присущий первой половине XV в.

Погребальный обряд в склепах этой группы совершался на полу, иногда в деревянных гробах. Антропологические исследования в мавзолее Ширинбек-ака дополнили данные об этническом типе

представителей царского двора Темуридов, известные по материалам из склепов Гур-Эмира и мавзолея Ишрат-хана в Самарканде.

Исчезнувшие гробницы XIV в. (западная сторона)

В «средней группе» ансамбля Шахи-Зинда по западной и восточной стороне коридора археологически выявлены остатки нескольких мавзолеев разного типа и времени. Наибольший интерес из них представляют усыпальницы дотемуровского времени и периода наивысшего расцвета Шахи-Зинда при Амире Темуре и Улугбеке. Они заполнили определенные лакуны в схеме эволюции мемориального зодчества Самарканда, дали более целостное и полное представление о всех этапах сложения ансамбля Шахи-Зинда.

Мавзолей 33²⁹². Одним из первых мавзолеев постмонгольского периода в Самарканде является мавзолей 33, раскопанный на западной стороне ансамбля Шахи-Зинда, южнее мавзолея «Безымянный-1» (усто Алима Насафи). Мавзолей был пристроен к помещению 39 XI-XII в. (см. план), южная стена которого составляла северную стену гурханы гробницы 33.

Мавзолей 33 — простая, без особых претензий постройка без признаков декора, в кирпичной фактуре с ганчевой штукатуркой по глиносаману стен (**рис. 154, 153**).

Мавзолей сохранился на уровне стен до 1,5–2 м. Он представлен типологически оригинальным для ансамбля Шахи-Зинда двухкамерным зданием продольно-осевой композиции, включающим небольшую подквадратную в плане гурхану (4,5×3,7 м) и почти равный ей по объему

²⁹² Нумерация дается в порядке обнаружения мавзолеев при раскопках. Построенный в 2004 г. при реконструкции Шахи-Зинда мавзолей не соответствует вскрытому плану.

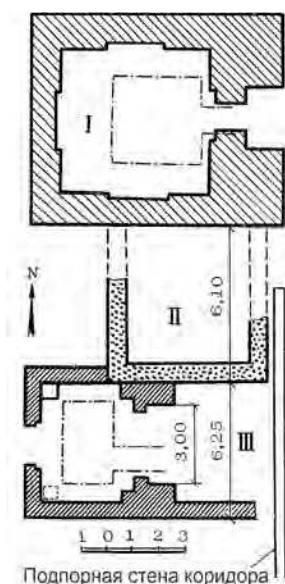


Рис. 153. I – мавзолей «Безымянный-1»; II – фрагмент здания 39; III – мавзолей 33. План
Fig. 153. I – 'Unnamed-1' mausoleum; II – fragment of the building '39'; III – mausoleum '33'. Plan

Рис. 154. Мавзолей 33 (раскопки 60-х годов XX в.)

Fig. 154. Mausoleum '33', excavations of the 1960s

открытый входной айван-вестибюль, образованный двумя антовыми стенами²⁹³, обращенными в коридор ансамбля. Мавзолей имел два сквозных входных проема на продольной оси запад-восток; один через айван-вестибюль вел в коридор, другой (ширина 1,65 м) в западной стене гурханы выходил на кладбище.

Двухсторонний вход в мавзолей — показатель сохранявшегося еще к тому времени свободного со всех сторон подхода к ансамблю. К XV в. вся задняя сторона ансамбля заросла высокой «подушкой» кладбища.

Стены мавзолея относительно тонки (68-78 см), выложены из вторично использованного прямоугольного кирпича (18×33×4 см) и частично квадратного (21×21×4, 23×23×4 см), характерного для XIV в. в Шахи-Зинда. Внутренние углы гурханы заполняют небольшие встроенные квадратные «столбы», образующие крестовидный в плане интерьер, в прошлом перекрытый, видимо, куполом

балхи, учитывая разницу сторон в 80 см. Интерьер был покрыт простой ганчевой штукатуркой по глиносаману. Полы находились в 15-20 см от основания стен, без фундаментов.

В подпольной части мавзолея расчищен небольшой прямоугольный склеп (2×3,27 м) высотой 1,3 м, перекрытый сводом балхи, с входным дромосом в сторону коридора. Склеп также сложен из смешанного квадратного (23×23×4,4 см, 25×25×5 см и 26×26×5 см) и прямоугольного жженого кирпича на глине. Свод склепа в северо-западной части разрушен, внутренняя камера забита строительным материалом и натеками лесса. Под плотным слоем натеков удалось расчистить полуистлевшие костные останки погребений, куски почерневшего трухлявого дерева и железный гвоздь от гроба. Количество погребений не установлено.

Склеп был выстроен в отдельном котловане и конструктивно не связан со стенами наземной гурханы. Эта инженерная конструкция в ансамбле Шахи-Зинда характерна для ранних мавзолеев XIV в.

²⁹³ Немцева Н.Б. Ансамбль... . 1970. С. 162-166.

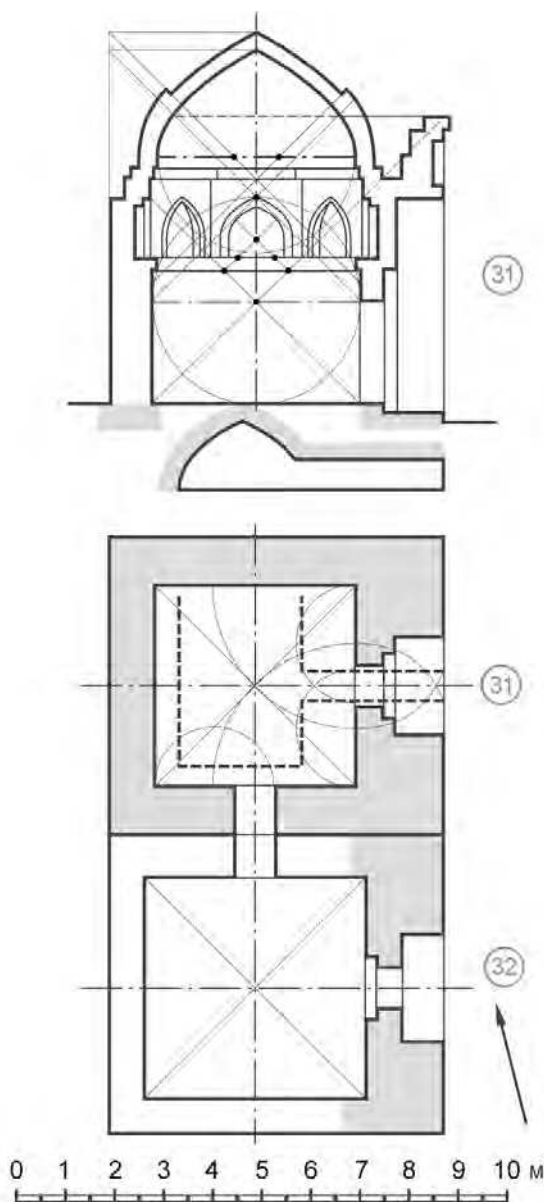


Рис. 155. Реконструкция мавзолеев 31 и 32:
а – разрез, б – планы (по Ю.З. Шваб)

Fig. 155. Reconstruction of mausoleums '31' and '32': a – cross-section, b – plans
(according to Yu.Z. Shvab)

Уже в конце XIV века и особенно в XV в., как показано выше, появились склепы, представляющие единое конструктивное целое.

Однокамерная усыпальница с развитым вестибюлем-айваном на главном фасаде не характерна для центрального Мавераннахра, но была известна в других

местах Средней Азии. Наиболее близкая аналогия зданию с открытым входным айваном, образованным антами, наблюдается в однокамерных октагональных и круглых в плане усыпальницах XI–XII вв. Дахистана, на кладбище Машад²⁹⁴. Варианты вестибюля-айвана были в мавзолеех золотоордынских Булгар в Маджарах.

Одни исследователи прием открытых айванов на фасаде считают спецификой каменной кладки (роль контрфорса)²⁹⁵, другие (применительно к дахистанским мавзолеем) идею развитого входного айвана возводят к древним курганам с округлой погребальной камерой и длинным входом-ляхатом²⁹⁶, что, на мой взгляд, неверно. С дромосом курганных погребений совершенно однозначно типологически и функционально сопоставляется входной дромос в склепах мавзолеев, генезис же открытых айванов перед гурханой связан с общим развитием айванов, столь распространенных в гражданской и культовой архитектуре Востока, и появление их на входе в мавзолей — одна из региональных разновидностей мемориального зодчества Средней Азии.

Мавзолей 33 типологически не характерен для Шахи-Зинда и мемориального зодчества центрального Мавераннахра XI–XIV вв. Здесь был распространен портално-купольный, иногда фасадный тип, известные по домонгольской Бухаре, Узгенду и, как мы теперь знаем, Самарканду. Не получил здесь развития этот тип мавзолея и в последующие времена. Вероятно, здание оригинальной планировочной композиции с открытым айваном-вестибюлем перед гурханой строили приезжие, может быть, северохорасанские (Мешхеди-Мисриан) мастера (?), применившие более распространенные строительно-планировочные приемы.

Местоположение одного из первых мавзолеев дотемуровского комплекса Шахи-

²⁹⁴ Пугаченкова Г.А. Пути... 1958. С. 292–298.

²⁹⁵ Егоров В.В. Архитектура города Болгара // МИА. 61. Т. 11. Москва, 1958. С. 378.

²⁹⁶ Пугаченкова Г.А. Пути... 1958. С. 345.

Зинда южнее медресе Кусамийа XI в. неслучайно. К этому времени, видимо, еще сохранялись культовые постройки караханидского некрополя, а строительство в Шахи-Зинда после длительного застоя, связанного с монгольским разгромом Самарканда в 1220 г., велось на пустующих участках.

Местные монгольские правители (наместники) не ставили своих гробниц у мусульманской святыни, хотя и приносили богатые дары к могиле Кусамы, как сообщает Ибн Баттута. К концу XIII в., как известно, жизнь в Самарканде относительно нормализовалась, одним из симптомов чего является появление в комплексе Шахи-Зинда очередного мавзолея после большой временной паузы в XIII в.

Касаясь времени появления мавзолея 33, надо сказать, что склепов под гробницами XI—XII вв. в Шахи-Зинда нет. Погребения осуществлялись в могильных ямах разного типа (ляхат, циста-ящик) непосредственно под полом (гурхана комплекса Кусамы, мавзолеев Лачин-бека XI в.), хотя в других регионах Средней Азии склепы в гробницах были известны уже в XII в. (мавзолей Шабурган-ата близ Бухары²⁹⁷ и мавзолей Ходжа Дурбад близ селения Сайат на юге Таджикистана²⁹⁸).

Стратиграфическое положение мавзолея 33, уровень дневной поверхности, сохранившийся на этом участке в Шахи-Зинда неизменным с XI в. до сего дня, как показывает основание главного фасада медресе Кусамийа и минарета XI в., позволяют предположительно датировать мавзолей второй половиной (концом) XIII — началом XIV века.

Мастер (и заказчик), возводивший усыпальницу 33, был ограничен в средствах и соответственно в творческих возможностях. Это сказалось не только в использова-

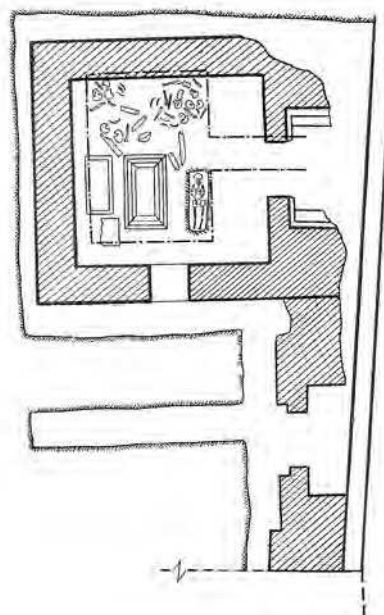


Рис. 156. План мавзолеев 31 и 32, раскопки 60-х гг. XX в.

Fig. 156. Plan of mausoleums '31' and '32', excavations of the 1960s

нии старых стен и кирпичей от разобранных построек XI—XII вв., но и на внешнем облике здания, где нет декора.

В Шахи-Зинда это один из первых мавзолеев со склепом, возникший, видимо, несколько десятилетий спустя после монгольской катастрофы. Кто-то из местных феодалов, представителей местной власти или духовенства мог себе позволить возведение усыпальницы в старинном некрополе у почитаемой святыни.

Мавзолей 31 был вскрыт в 1964 г.²⁹⁹ В середине XIV в., еще до утверждения Амира Темура на троне, в Шахи-Зинда, на западной стороне, южнее мавзолея 33 появились еще три мавзолея портално-купольного типа со склепами и остатками полихромного декора, которые стали первыми монументальными гробницами нового стиля с облицовкой из глазурованных изразцов. Это были мавзолеи, которые, видимо, предшествовали массовому строительству

²⁹⁷ Нильсен В.А. Монументальная архитектура Бухарского оазиса XI—XII вв. Ташкент, 1956. С. 55—61; Некрасова Е.Г., Шрайбер Ф. Новые данные о мавзолеех Шабурган-ата и Абдурахман-вали // САУ. 1990. № 2. С. 33—34.

²⁹⁸ Хмельницкий С.Г. Между Саманидами... 1996. С. 216—222. Рис. 235.

²⁹⁹ Немцева Н.Б. К истории сложения... 1967. С. 95—104.



Рис. 157. Северный пилон портала мавзолея 31

Fig. 157. Northern pylon of the portal in mausoleum '31'



Рис. 158. Южный пилон портала мавзолея 31

Fig. 158. Southern pylon of the portal in mausoleum '31'

во времена Амира Темура. К 70-м годам XIV в. вся западная сторона ансамбля до крепостного вала городища была сплошь застроена рядом однокамерных мавзолеев того же типа и масштаба, что и сохранившиеся здания Шахи-Зинда (рис. 155, 156).

Мавзолей 31 — наиболее уцелевший из этой группы по западной стороне, стены его сохранились на уровне 0,50-2,2 м по всему периметру. Он представляет характерный для ансамбля Шахи-Зинда тип подквадратного (7,5×8,5 м снаружи) однокамерного портално-купольного здания. Стены (толщина 1-1,1 м) сложены из типичного для Самарканда XIV в. квадратно-плиточного кирпича 24-25×24-25×5 см на лессовом растворе. Неглубокие фундамен-ты (35 см) выступают снаружи на 35-60 см.

От портала, обращенного в коридор, уцелела лишь входная ниша глубиной около двух метров, шириной в 3 м, с небольшими суфами по сторонам (рис. 157, 158). В южной стене интерьера, в 64 см от пола — сквозная ниша (92 см шириной), когда-то, возможно, забранная панджара.

Декор мавзолея 31, как в большинстве гробниц ансамбля, был сосредоточен на главном портале во всю ширину перед-

ней стены. Боковые фасады оставались в черновой кладке, интерьер оштукатурен ганчем по глиносаману. Как показывает входная ниша, портал был облицован резной неполивной терракотой, рельефной (штампованной) и частично гравированной терракотой, хорошо известной по мавзолеям 60—70-х годов XIV в. В духе облицовок этого времени выдержана и основная цветовая палитра глазурей: белый, синий, голубой, марганец.

Орнаментальные композиции геометрического и стилизованно-растительного характера заключены в отдельные панно в соответствии с архитектурными членениями входной порталной ниши (суфы, щипец, щеки). В орнаменте варьируются знакомые по мавзолеям Шахи-Зинда середины XIV в. растительные и геометрические мотивы.

Боковые суфы ниши облицованы крупными панно, оконтуренными поперечно-полосатым бордюром. В угловом панно можно видеть имитацию набора из квадратных кирпичиков белого, синего и зеленого цветов, выполненных в тех-



Рис. 159. Резная поливная терракота от облицовки мавзолея 31

Fig. 159. Carved glazed terracotta of the tiling in mausoleum '31'



Рис. 160. Интерьер мавзолея 31 с надгробиями

Fig. 160. The interior of the mausoleum '31' with tombstones

нике гравировки. Варианты этого древнейшего в основе орнамента, отмеченные на ряде средневековых памятников XI—XII вв., можно наблюдать на угловых колоннах портала мавзолея Ходжи Ахмада (40-е годы XIV в.), как отмечалось ранее.

Второе панно в порталной нише включает четырехлопастной фестончатый медальон, сплошь покрытый изящным насыщенным растительным орнаментом в технике резной терракоты. Основание щипцовой стены украшает панно с гирихом звездчатого рисунка в технике гравировки. Верхние части щипца и щеки украшали панно в обводе двойным бордюром из поперечно-полосатого узора и более широкий бордюр с кош-ислими.

В интерьере мавзолея расчищены три керамических надгробия ступенчатой формы, одно из которых, судя по размерам, детское (**рис. 160**). Ориентация надгробий север-юг обычная для Шахи-Зинда. Верх детского надгробия не сохранился, боковые плоскости нижней ступени облицованы голубыми поливными плитками с тисненым рельефным геометрическим орнаментом типа ме-

андр. От второго надгробия сохранилось прямоугольное основание (1,5×0,70 м), украшенное поливными двухцветными плитками с тончайшей ажурной резьбой. Стилизовано-растительный орнамент составляет цепочка трилистных фестонов, подчеркнутых кобальтом на голубом фоне. Верх ступени облицован плитками с мелким гирихом в технике гравировки.

Наибольшую художественную ценность представляет центральное, самое крупное (1,98×1,14 м, первоначальная высота около 1,5 м) надгробие трехступенчатой формы со стрельчато-арочным навершием, аналогичное майоликовому намогильнику в гурхане Кусамы ибн Аббаса. Нижняя ступень намогильника покрыта бордюром с узором из восьмиконечных звезд, две другие ступени украшает эпиграфический орнамент. Сложная арабская вязь намогильника не содержит исторических данных, по заключению В.А. Шишкина. Средняя ступень содержит 8 майоликовых плит с надписью одного содержания: «Сказал Пророк: могила — сундук (человеческих) деяний». Третья ступень облицована

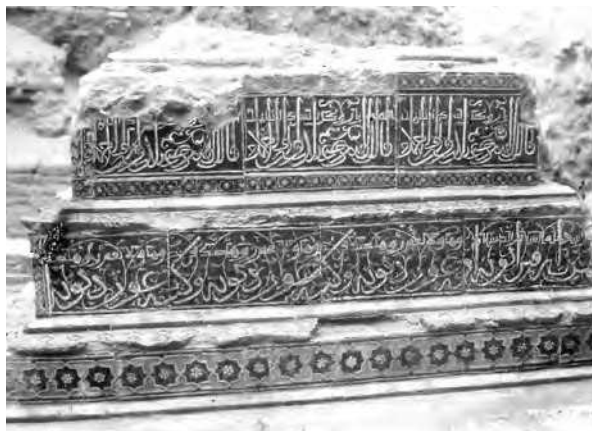


Рис. 161. Надгробие в мавзолее 31

Fig. 161. Tombstone in the mausoleum '31'

майоликовыми плитами, надпись на них связного содержания не дает³⁰⁰ (рис. 161).

В подпольной части мавзолея обнаружен склеп, конструктивно не связанный с верхней камерой, как в ранних мавзолеях XIV в. (рис. 162). Склеп прямоугольного плана (4,55×3,15 м, высота 1,9 м) перекрыт необычным сводом комбинированной конструкции. Южный торец свода сложен вертикальными отрезками, северный перекрыт сферическим полукуполом на ступенчато-кольцевых парусах. Своды с полукуполом в одном из торцов в Средней Азии исключительно редки. Близкий пример известен лишь в загородной усадьбе Кырк-Кыз старого Термеза.

Входной сводчатый дромос склепа (ширина 90 см, высота проема 90 см, длина примерно 2,5 м) забит землей, ориентирован на входную нишу портала мавзолея и полностью утоплен в грунт. При очередном захоронении дромос отрывали. Это один из показателей датировки мавзолея первой половиной XIV в.

В мавзолеях второй половины XIV в. (Шади-Мульк-ака, Ширинбек-ака, Туглу-Текин) склеп устраивался в цоколе мавзолея, входной дромос выводился в порталную нишу и драпировался ступенями, которые разбирались при очередном погребении.

Судя по числу черепных коробок, в склепе было совершено 12 захоронений, пять из которых детские. Два черепа, по определению антрополога В.Я. Зезенковой, являлись женскими и относятся к европеоидному типу с признаками монголоидности, характерному для Среднеазиатского междуречья и Самарканда в частности. Другие оказались слишком деформированными, чтобы судить об их принадлежности. Погребения были сдвинуты в северную часть склепа, все костные останки перемешаны.

Погребения совершались на земляном полу склепа в деревянных гробах-табутах (доски разбросаны по склепу), сделанных без креплений или гвоздей. Близкий по форме гроб-табут из склепа эмира Бурундука конца XIV в. известен также по погребению Амира Темура³⁰¹.

В юго-восточном углу склепа было расчищено позднее погребение в яме, выложенной и перекрытой квадратным жженым кирпичом. Найденное в склепе почти целое блюдо с росписью бирюзой и марганцем (XVIII—XIX вв.), видимо, связано с этим погребением и может быть датирующим артефактом.

Керамический декор порталной ниши входит в одну стилевую группу со зданиями раннетемуридского периода, свидетельствуя о традиционности принципов декоративного решения в эту пору. Весь перечисленный комплекс признаков позволяет отнести мавзолей 31 к 50-60-м годам XIV в. и причислить его к группе усыпальниц, выстроенных на границе до-темуровского и темуровского времен.

Мавзолей 32 был расположен впристык к мавзолею 31 с юга и также вскрыт в 1964 г.³⁰² От здания сохранились только основание портала на высоту 1,2–1,3 м и небольшой участок южной стены шириной 90 см. Северный пилон портала стоит на выступе фундамента мавзолея 31, что

³⁰⁰ В.А. Шишкин. Надписи... 1970. С. 26.

³⁰¹ Шишкин В.А. Гур-Эмир // Научные труды ТашГУ. Вып. 232. Ташкент, 1966. С. 35.

³⁰² Немцева Н.Б. К истории сложения... 1967. С. 104–105.



Рис. 162. Склеп мавзолея 31

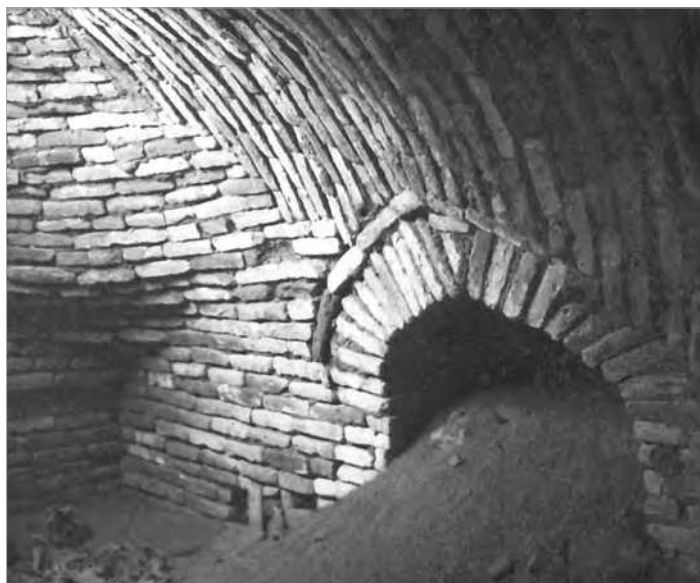


Fig. 162. Crypt in the mausoleum '31'

определяет последовательность их появления (рис. 155, 156).

Общие параметры мавзолея стандартны для квадратно-купольных гробниц первой половины XIV в. из Шахи-Зинда. Ширина портала — 7,45 м, порталовой ниши — 3 м, дверного проема — 1,40 м.

Время строительства уточняют остатки декора и нижние конструкции. На щеках порталовой ниши сохранился бордюр с гравированным рисунком, имитирующим набор кирпича, и остатки штампованного узора в голубой и марганцево-коричневой цветовой гамме, присущей мавзолеям 60-х годов. Низкое основание порталовой ниши (20-25 см над вымосткой в коридоре), мелкие (в 4-5 рядов кладки) фундаменты позволяют отнести строение к 60-м годам XIV в., оно выстроено вслед за мавзолеем 31.

Шурфом, который я заложила у портала со стороны интерьера, склеп не обнаружен.

Мавзолей 34. В промежутке между мавзолеем 31 и мавзолеем 33 находилась усыпальница 34. В 1964 г. зачищены остатки внутреннего северо-восточного угла интерьера с голубым плитнусом в основании и часть северной стены (ширина 90 см),

сложенной из типичного для Самарканда XIV в. квадратного кирпича 25×25×5 см на глине.

Судя по остаткам, это был портално-купольный мавзолей середины XIV в. Плитнус панели фиксирует сравнительно низкий уровень полов в помещении (35-40 см над дорожкой коридора), как в рядом стоящих гробницах 33 и 31.

Во время земляных работ в 2004 г. в нижней части мавзолея 34 был вскрыт необычный для комплекса Шахи-Зинда двухкамерный склеп с дромосом в сторону коридора. Склеп был вытянут по оси восток-запад, общая длина — около 8,45 м, ширина камер — 4,30-4,40 м. Между камерами находится широкий проход (ширина 2,2 м, длина 1,5 м). Единственный синхронный аналог вскрытому двухкамерному склепу известен в мавзолее-ханаке Мухаммада Бошаро первой половины XIV в. (Таджикистан).

Видимо, вытянутый на 8,45 м двухкамерный склеп соответствовал прямоугольному или двухкамерному плану наземной части здания. Вход в мавзолей был оформлен порталом. Характер погребений в склепе мне неизвестен (работы в 2004 г. на этом участке велись без наблюдения археолога).

Четыре вскрытых мавзолея объединяет тип нижних конструкций: низко расположенный пол интерьера, отсутствие цоколя, автономные склепы, выстроенные без связи с наземной частью мавзолея. Входные дромосы выходили не в порталную нишу, где драпировались ступенями в интерьер, как в мавзолеях 70-80-х годов XIV в., а под вымостку коридора. При каждом очередном захоронении входной дромос склепа отрывали, а после процедуры захоронения засыпали.

Вскрытые основания ранних мавзолеев XIV в. по западной стороне не только заполнили пустующие участки в ансамбле постмонгольского времени, но дали возможность проследить динамику развития однокамерного мавзолея. Эти мавзолеи середины XIV в. по западной стороне отмечают определенный хронологический этап в сложении ансамбля Шахи-Зинда и находят свое место в цепи развития однокамерного мавзолея с характерными конструкциями. Главные отличительные признаки первых мавзолеев XIV в. в Шахи-Зинда — неглубокие фундаменты (или их нет), отсутствие цоколя, склепы, конструктивно не связанные со стенами наземной части здания, низкий пол интерьеров и соответственно низко посаженная порталная ниша, входной дромос, расположенный под порталной нишей.

Три вскрытых мавзолея (31, 32, 34) были облицованы в духе времени поливными изразцами, выдержаны в стиле глазурованного полихромного декора, который развивался в последующие десятилетия XIV в.

Эти мавзолеи отмечают, как и мавзолей 33, начало возрождения некрополя после монгольского застоя, являются первыми звеньями в цепи развития мавзолея портално-купольного типа, в которых были заложены основные принципы однокамерной гробницы Шахи-Зинда эпохи Амира Темура.

В 70—90-е годы XIV в. шло дальнейшее совершенствование архитектурно-

конструктивных форм и декоративно-художественных приемов именно этого типа мавзолеев, построенных в пределах крепостных стен городища Афрасиаб.

К 90-м годам XIV в. была застроена вся западная сторона дорожки ансамбля вплоть до крепостного вала, но уже к XVI в. часть зданий стала разрушаться. Видимо, разрушение было связано с несовершенством несущих конструкций, о чем сейчас можно лишь догадываться. Во всяком случае, эти постройки были первым опытом самаркандских зодчих и уроком для последующих мастеров, проекты которых воплощены в царских гробницах эпохи Амира Темура. Творческий процесс не прекращался.

Мавзолеи, вскрытые по восточной стороне, XIV в.

На восточной стороне ансамбля, севернее «Восьмигранника» XV в., было вскрыто только два мавзолея — один раскопан на «красной линии» коридора (26), второй (30) был установлен в 7 м на восток от «красной линии», основание его примерно на 1,5 м выше отмотки коридора XIV в. К мавзолею из коридора вела небольшая винтовая лестница. «Восьмигранник» был вкомпанован между мавзолеем Ширинбек-ака и мавзолеем 26.

Мавзолей 26 вскрыт в 1957 г. К.А. Шахуриным. Он находился рядом с «Восьмигранником», напротив мавзолея 31³⁰³. От здания сохранились часть восточной стены с неглубокой нишей и пять надмогильников на уровне пола (рис. 163, 164).

Положение восточной стены, надмогильников и склепа относительно фронтальной линии Шахи-Зинда по восточной стороне и, главное, прямоугольный план склепа дают общее представление о разме-

³⁰³ Немцева Н.Б. Истории сложения... . 1967. С. 105-107; Плетнев И.Е., Шваб Ю.З. Формирование сложных архитектурных комплексов у мавзолеев Кусамы ибн Аббаса и Гур-Эмира // МИРАПУ. Вып.1. Ташкент, 1967. С. 87-89.

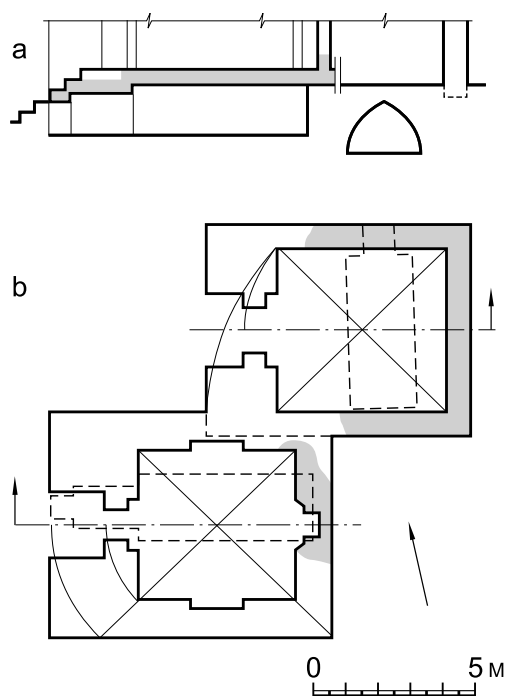


Рис. 163. Мавзолеи 26 и 30: а – разрез мавзолея 30, б – планы мавзолеев 30 и 26

Fig. 163. Mausoleums '26' and '30': a – cross-section of the mausoleum '30', b – plans

рах мавзолея 26 (в пределах $18 \times 3-5$ м), что позволяет предполагать портално-сводчатый тип здания.

Склеп мавзолея 26 необычно вытянут по линии восток-запад ($7 \times 1,25-2,25$), имеет уступчатый прямоугольный план и входной лаз (без дромоса) со стороны коридора. Костный материал от 17 погребений (судя по числу черепных коробок) был сдвинут в северо-восточный угол склепа. Погребения совершены на полу. Гробов или сопровождающих материалов в склепе нет. Антропологические исследования не проводились.

Время строительства мавзолея, в первую очередь, определяет характер нижних конструкций. Наземная часть и склеп конструктивно не взаимосвязаны. Подобный принцип автономии уже отмечался в ранних мавзолеях XIV в. Дату строительства уточняет уровень полов в мавзолее — они находятся на 1,3 м выше вымостки в коридоре и близки к нормам мавзолеев 70–80-х годов XIV в. (Шади-Мульк-ака, Туглу-Текин, Эмир-заде), полы которых на 1,2–1,6 м выше дорожки коридора.

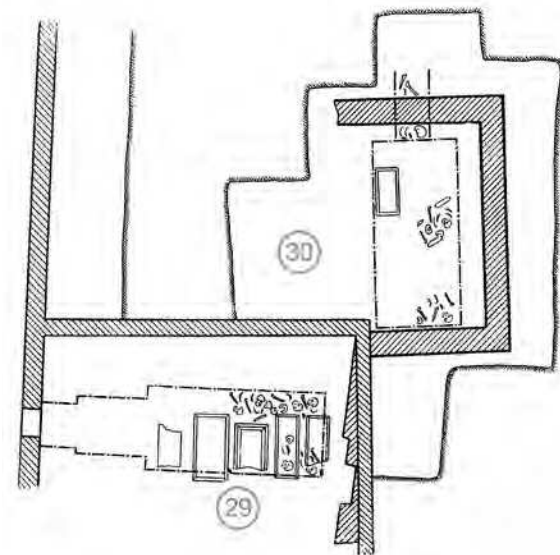


Рис. 164. Планы мавзолеев 30 и 26. Раскопки 60-х годов XX в.

Fig. 164. Plans of mausoleums '30' and '26' Excavations of the 1960s

Датировку уточняет декор мавзолея. В основании восточной стены уцелела часть панели из майоликовых шестигранных плит с гравированным орнаментом. Манера и техника плетения узора (гравировка), качество и цветовое сочетание эмалей (желтый, бирюза, голубой, белый) аналогичны керамике мавзолеев 70–80-х годов XIV в. К этому же времени относятся майоликовые надгробия и декор из завала. Выделяется комплекс от облицовки портала, где фрагменты с высоким тисненым рельефом в форме переплетающихся «поясов» со стилизованным эпиграфическим орнаментом напоминают декор портала мавзолея «Безымянный-1».

Декоративно-облицовочный материал мавзолея 26 — различные виды майолик



Рис. 165. Раскопки мавзолея 30

Fig. 165. Excavations of mausoleum '30'

и полное отсутствие резной терракоты, которая к концу XIV в. в ансамбле Шахи-Зинда исчезает, — позволяет датировать мавзолей 26 80-ми годами XIV в. и ставить его типологически и по времени между мавзолеями Эмир-заде и «Безымянный-1».

Мавзолей 30 был вскрыт в 1961 г. Он расположен северо-восточнее мавзолея 26³⁰⁴, в 7 м от красной линии дорожки-коридора. От верхней части здания сохранились три стены на уровень не более 1,5 м (рис. 165).

Мавзолей представляет тип однокамерного портално-купольного здания. В трех сохранившихся стенах нет входа — видимо, портал здания был обращен на запад в сторону коридора Шахи-Зинда, как и все постройки некрополя.

В подполье мавзолея расположен обширный прямоугольный склеп (5,1×2,3 м), перекрытый стрельчатым сводом. Входной

дромос склепа выходил в сторону бокового северного фасада, свободного от других построек.

Особенность строительных приемов здания — частичная конструктивная связь склепа с наземной частью мавзолея (южная стена общая для обоих помещений). Видимо, такое решение было продиктовано расположением мавзолея на внутреннем склоне крепостного вала, надо было укрепить южную сторону от сползания. Во всех других отношениях склеп мавзолея 30 не отличался от склепов 70–80-х годов XIV в. — он был полуподземным, автономного плана и конструкций.

На полу склепа в плотном слое илистых натеков (склеп неоднократно заливали водой) в разрозненном состоянии найдены три погребения, куски полуистлевших досок от деревянных гробов.

Интерьер мавзолея был предельно скромным. В завале на полу найдены лишь фрагменты майолики, профилированные

³⁰⁴ Немцева Н.Б. К истории сложения... 1967. С. 107–110.

плинтусы от оснований надгробий, резные мраморные плиты от облицовки надмогильников.

Никаких надписей нет, датировка мавзолея может быть определена лишь по комплексу косвенных данных — характеру конструкций, типу надгробий из мраморных плит с насыщенным растительным рисунком и полихромной окраской (синий, ярко-красный), остатки которых найдены на полу. Общие габариты усыпальницы, строительный материал и тип склепа, не зависящий от плана и конструкций наземной части, говорят о близости вскрытого мавзолея 30 гробницам 60-70-х годов XIV в. в ансамбле Шахи-Зинда.

Время строительства уточняют также уровни полов в мавзолее, его стратиграфическое и композиционное положение в ансамбле. Отметка полов в интерьере (1,2 м выше вымостки в коридоре) соответствует завышенным полам соседних мавзолеев 70-80-х годов XIV в. (26, Ширинбек-ака, Туглу-Текин, Эмир-заде, Шади-Мульк-ака).

Как показали вскрытия 2004 г., к мавзолею 30 с уровня коридора XI в. вела небольшая винтовая лестница в несколько ступеней.

Мавзолей был ориентирован главным входом в коридор. Дромос склепа, находящийся на севере, еще раз подтверждает, что севернее этого здания не было никакой застройки и подход к склепу был открыт. Площадь Малики-Хатун, расположенная южнее комплекса Кусама ибн Аббаса, известная по вакфу XI в., видимо, сохранялась и на этом этапе.

Мавзолей 30 выстроен с отступом от фронтальной линии коридора на 6–7 м, хотя как будто ничто не мешало выстроить его на одной красной линии с другими зданиями «средней группы». Раскопки показали, что восточная сторона ансамбля севернее мавзолеев 26 и 30 в XIV–XV вв. не была застроена. В 2004 г. вскрыты лишь остатки стен зданий XI–XII вв. (описаны выше).

Почему в последней четверти XIV в. при Амире Темуре восточная сторона ансам-

бля не была застроена до конца, в то время как земля в Шахи-Зинда являлась огромным дефицитом? Об этом можно только догадываться.

Наиболее вероятно, что в 60–70 годы XIV в. еще сохранялась открытая площадь Малики-Хатун, на которой стоял «машад Кусама». Представляется, что мавзолей 30 фиксировал определенный планировочный узел в общей композиции некрополя XIV в., поворот от узкого коридора мавзолеев у крепостного вала к открытой площади Малики-Хатун, которая только в XVI–XVII вв. была перекрыта кладбищем.

Таким образом, вскрытая в ансамбле Шахи-Зинда серия ранних мавзолеев XIV в., исчезнувших с лица земли, сравнительный анализ архитектурных форм, конструкций и декора позволили выявить их типологию и найти хронологическое место в ряду существующих гробниц. Вместе с тем, новый фактический материал дал четкое представление о всех этапах формирования ансамбля Шахи-Зинда и его отдельных частей в пору расцвета и окончательного сложения памятника в XIV–XV вв.

Резной мрамор из мавзолея 30

Намогильники из резного мрамора в ансамбле появились уже в «царском некрополе» темуридского времени. Это были беломраморные облицовочные плиты (толщина 5–6 см), покрытые резьбой и раскрашенные полихромными минеральными красками, которые закрывали кирпичную основу намогильника.

При раскопках мавзолея 30 на восточной стороне коридора на полу *in situ* был обнаружен полуразрушенный кирпичный намогильник и фрагменты беломраморных плит, сплошь покрытых орнаментальной резьбой. Неожиданной была находка мраморной резной плиты,



Рис. 166. Фрагмент расписного резного мрамора из мавзолея 30

Fig. 166. Fragment of painted carved marble from mausoleum '30'

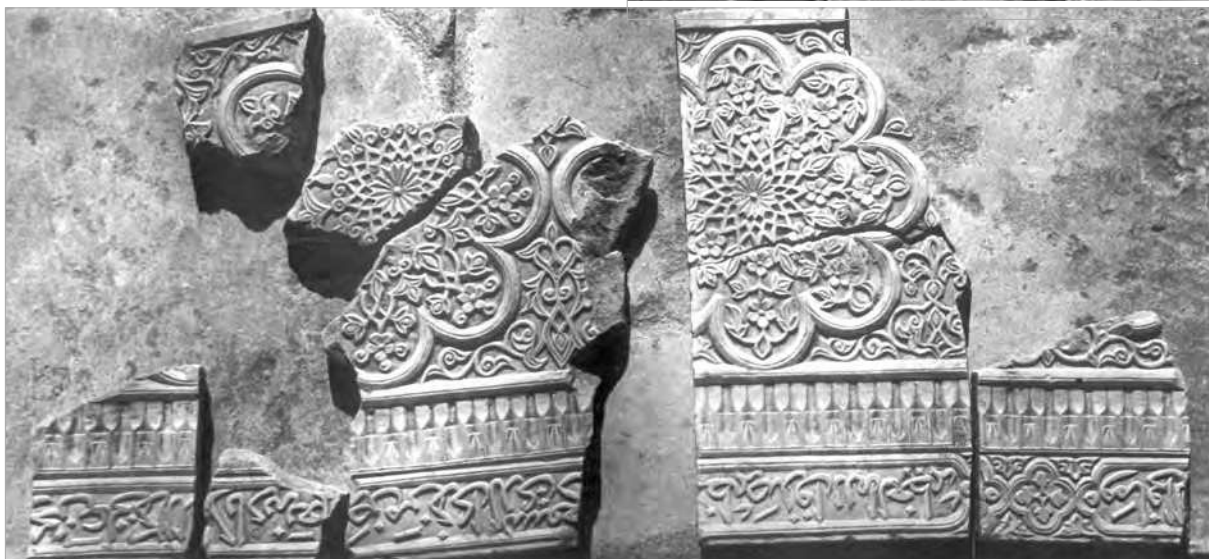


Рис. 167. Фрагменты мраморных надгробных плит XIV в. из мавзолея 30

Fig. 167. Fragments of marble gravestone plates of the 14th century from mausoleum '30'

покрытой минеральными красками синего, красного, желтого и зеленого цветов (рис. 166, фото 35). Это открытие показало, что резной мрамор, как и резной ганч (Хульбук, Саят в Таджикистане, Рабат-и Малик в Бухарской области, богатые дома в Мерве и т.д.) на памятниках архитектуры Средней Азии X—XV вв., был раскрашен минеральными красками. Цвета подчеркивали линии рисунка и придавали мраморной резьбе особый художественный

эффект. К сожалению, краска быстро сворачивалась на воздухе и исчезала, удалось зарисовать в цвете лишь один небольшой фрагмент мраморной плиты (рис. 166).

Орнаментальная композиция резьбы на мраморных плитах из гробницы 30 заключала бордюр по периметру с арабской вязью в картушах и центральное панно, заполненное более крупным узором растительного или геометрического характера. Рисунок другого надгробника состоит из

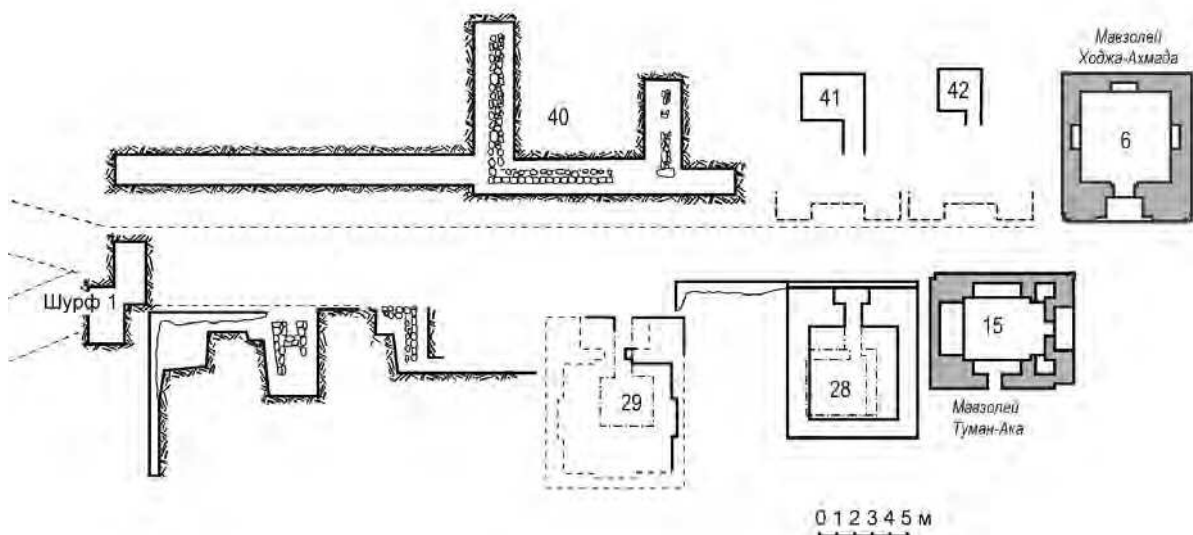


Рис. 168. План мавзолеев и склепов «западного коридора». Раскопки 60-х годов XX в.

Fig. 168. Plan of mausoleums and crypts of the 'western corridor'. Excavations of the 1960s

восьмилепестковых дисков, в центральном фокусе которых небольшая тончайшей резьбы розетка, которая переходит в более крупный растительный узор (рис. 167).

На третьей плите — резное панно с геометрической сеткой из трехлопастных листьев. На более мелких фрагментах общая композиция рисунка не улавливается.

Полихромный резной мрамор обнаружен впервые в Самарканде. Минеральные краски быстро сворачивались после вскрытий, на открытых памятниках-надгробиях нигде не сохранились. Находка крашеного мрамора в Шахи-Зинда позволяет полагать, что резной мрамор, как и художественный резной ганч в средневековой Средней Азии, раскрашивался мастерами для придания мрамору более выразительного эффекта.

«Западный коридор», начало XV в.

В первое десятилетие XV в. появляется новое направление в общей планировочной композиции ансамбля Шахи-Зинда. От «северного двора» на запад, вдоль канала и дороги, ведущей к бывшим Кешским воротам городища, выстраивается

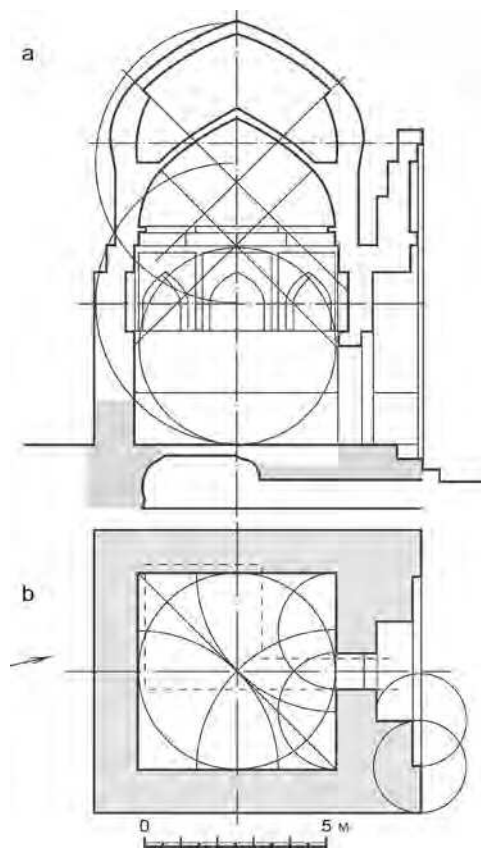


Рис. 169. Мавзолей 28: а — разрез, б — план (реконструкция Ю.З. Шваб)

Fig. 169. Mausoleum '28', a - cross-section, b - plan, (reconstruction by Yu.Z. Shvab)

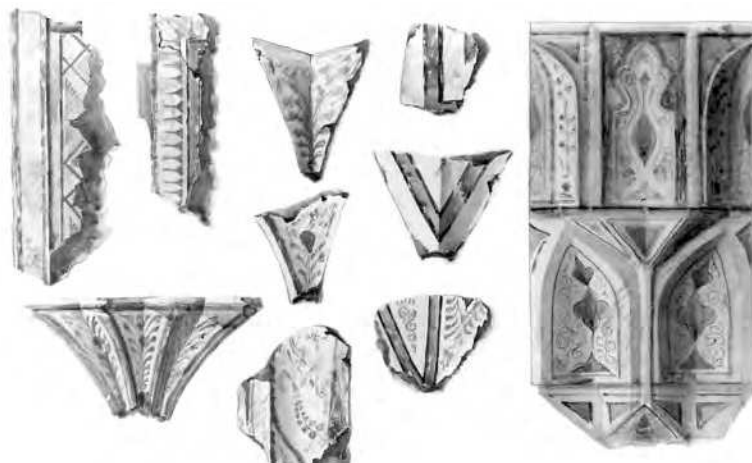


Рис. 170. Фрагменты расписного ганча из мавзолея 28

Fig. 170. Fragments of painted ganch from mausoleum '28'



Рис. 171. Склеп мавзолея 28. Раскопки 60-х гг. XX в.

Fig. 171. Crypt in mausoleum '28' (excavations of the 1960s)

визави группа мавзолеев, условно названная «западный коридор» (рис. 168).

Ансамбль по линии север-юг к началу XV века в пределах крепостного вала городища Афрасиаб, как показано, был полностью застроен. Комплекс Туман-ака был последним монументальным сооружением в «царском некрополе» XIV — начала XV в.

Выбор западного направления в развитии ансамбля Шахи-Зинда был обусловлен главным образом отсутствием свободных мест в коридоре по оси север-юг, ограниченном с юга крепостной стеной городи-

ща, с севера — мавзолеями «северного дворика». На восточной стороне ансамбля севернее мавзолеев 26 и 30 раскопками обнаружены только основания стен зданий XI—XII вв., как сказано выше. Напротив «Безымянного-2» за подпорной стеной коридора найдена строительная площадка XIV в., где мастера изготовляли декор для облицовки.

Сильно пересеченный рельеф с востока и запада, крутые склоны городища с юго-востока исключали возможность прокладки новых направлений. Кладбище вокруг ансамбля к XV в. стерло все старые подходы к нему, неприкосновенным оставался только старинный путь от южных Кешских ворот, сложившийся вдоль городского канала еще в античное время. Эта древняя западная дорога стала особенно актуальной с появлением «машада Кусам» и самой удобной к XV в. для строительства новых гробниц у «святыни».

«Западный коридор» впервые был раскопан в 1925 г. В.Л. Вяткиным. От-

чета о раскопках нет, сохранились лишь эскизные чертежи (план, разрез двух мавзолеев с юга коридора) в архиве Музея архитектуры им. Щусева (Москва). В 1946 г. мавзолеи «западного коридора» были зачищены и описаны А.И. Тереножкиным, который ошибочно датировал их XI—XII вв. Дата эта, однако, прочно вошла в научную и справочную литературу 40–50-х гг. Ось запад-восток в плане ансамбля считалась наиболее старой, хотя материалы, описанные А.И. Тереножкиным (квадратно-плиточный кирпич, типичный

для Самарканда XIV—XV вв., полихромные глазурованные изразцы в облицовке), говорили о несоответствии этой датировки артефактам.

В 1963 г. «западный коридор» был заново вскрыт (в основном, южная сторона)³⁰⁵, а в 2004 г., в связи с благоустройством ансамбля Шахи-Зинда, раскопаны склепы по северной стороне.

По данным А.И. Тереножкина, «западный коридор» доходил до развилки дорог, хорошо видной и сейчас (обе дорожки покрыты асфальтом), каждая из которых сложилась еще в древности в соответствии с рельефом местности. Упомянутая в «Малой Кандие» «развилка путей», видимо, относится к концу «западного коридора» и хорошо видна в настоящее время (см. фото 3).

Раскопки 1963 г. показали, что мавзолеи «западного коридора» могли быть построены только после комплекса Туман-ака (западная внешняя стена маволея Туман-ака, декорированная кирпичной мозаикой, находится в полуметре от первого мавзолея «западного коридора», что определяет последовательность появления зданий). Хронологически «западный коридор» явился промежуточным звеном в сложении ансамбля при Амире Темуре по линии север-юг в пределах крепостной стены городища и строительством «нижней группы» при Улугбеке в 30-е годы XV в.

По южной стороне «западного коридора» вскрыто основание двух мавзолеев со склепами (именно эти два мавзолея, видимо, вскрывал В.Л. Вяткин), по северной в 2004 г. расчищены остатки двух склепов на расстоянии 2,65 м друг от друга, в 4,5 м от мавзолея Ходжи Ахмада. Фрагменты стен показывают, что по обеим сторонам коридора были и другие мавзолеи, зафиксированные когда-то А.И. Тереножкиным, но не сохранившиеся к нашему времени. Всего было 7 или 8 мавзолеев.

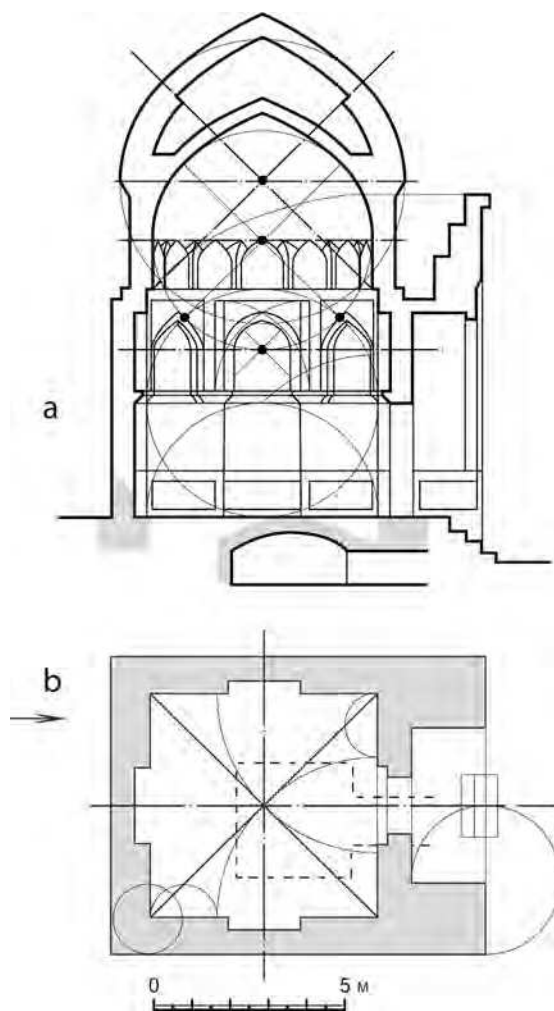


Рис. 172. Мавзолей 29, разрез, план (реконструкция Ю.З. Шваб)

Fig. 172. Mausoleum '29', cross-section, plan (reconstruction by Yu.Z. Shvab)

«Западный коридор» составляли однокамерные портално-купольные гробницы того же типа и размеров, что и мавзолеи ансамбля Шахи-Зинда по линии север-юг. По южной стороне вскрыты остатки двух мавзолеев 28 и 29, находящихся на расстоянии 5 м друг от друга и соединенных подпорной стеной с декоративным панно из шлифованного кирпича в центре. Это панно, видимо, и послужило в свое время основанием для ошибочной датировки «западного коридора» XI—XII вв.

³⁰⁵ Немцева Н.Б. Исследования... 1964. С. 123—137.



Рис. 173. Мозаичный бордюр в мавзолее 29 по «западному коридору»

Fig. 173. Mosaic fringe in mausoleum '29' along the 'western corridor'

Мавзолеи 28 и 29 были сложены из квадратно-плиточного кирпича 25–26×5 см камуфлетной кладкой (внутри стены забиты кирпичным боем, булыжниками, поливными изразцами XIV в.). Вдоль стен проложена деревянная арматура. В основании стен интерьера сохранился мозаичный бордюр с узором кош-ислими, в завале — остатки ганчевых сталактитов, аналогичных по форме и росписи сталактитам мавзолеев Ширинбек-ака и Туман-ака, что сближает их и по времени строительства (рис. 170, 171, 173).

В подполье обеих гробниц находились небольшие подквадратные в плане склепы, перекрытые куполами балхи. Входные дромосы ориентированы на порталную нишу. Погребения совершены на полу склепов в деревянных гробах. Внутренний план мавзолея 28 — 5,10×5,20 м, наружный — 8,70×7,40 м (рис. 169, 172).

На северной стороне «западного коридора» в 4,5 м от мавзолея Ходжи Ахмада в 2004 г. вскрыты два склепа (в 1963 г. были вскрыты фрагменты стен мавзолеев): первый (42) квадратного плана (2,40×2,45 м), перекрытый куполом балхи, второй (41), расположенный в 2,65 м от первого, имел прямоугольный план (2,59×3,48 м) и был

перекрыт когда-то сводом. При «консервации» в 2004 г. на этом месте были возведены три сводчатые сагана без всякой документальной основы, остатки склепов начала XV в. были уничтожены.

Общая композиция плана «западного коридора» та же, что и общий план ансамбля Шахи-Зинда север-юг, определенный направлением дороги вдоль канала.

Двухсторонняя фронтальная застройка создавала узкий (около 3 м) коридор. Со стороны, обращенной к Кешским воротам, «западный коридор» расширялся почти вдвое (до 7 м) — два крайних мавзолея отступали от красной линии фасадов, образуя открытое каре. Специально оформленного входа (портал, чартак, арка) в завершении «западного коридора» не обнаружено.

Хронологически строительство по «западному коридору» совпадает с периодом смут и борьбы за престол после смерти Амира Темура в 1405 г. В правление Улугбека, в 30-е годы XV в., сложилась «нижняя группа» ансамбля Шахи-Зинда на продолжении оси север-юг. Это несомненные признаки того, что «западный коридор» был к этому времени полностью застроен³⁰⁶.

³⁰⁶ Немцева Н.Б. Исследования... 1964. С. 123, план.

Атрибуция мавзолеев «западного коридора» неизвестна, никаких прямых данных на этот счет нет. Можно лишь предполагать, что упомянутые в «Малой Кандие» (в редакции XV в.)³⁰⁷, а затем в «Самарии» (XIX в.)³⁰⁸ могилы (мавзолеи) наиболее чтимых духовных лиц, которым следует поклоняться (шейха Абу-л-Хасана, Ходжи Мухаммад Ислама Балхи, Ходжи Насри Кассаба), связаны именно с «западным коридором». Упомянутое в «Малой Кандие» при описании зиарата «расхождение трех путей» можно отождествить только с расхождением путей у «западного коридора». Следов другого расхождения путей в топографии местности Шахи-Зинда нет. Именно на этом отрезке при описании зиарата упомянуты могилы названных выше ходжей и шейхов. Все это делает вполне вероятным предположение, что мавзолеи «западного коридора» принадлежали представителям духовенства. Это, в свою очередь, до некоторой степени объясняет их появление в период политических смут после смерти Амира Темура, когда в среде царствующего дома шла борьба за престол и было не до строительства новых фамильных гробниц.

Под мавзолеями в «западном коридоре» выявлен культурный слой мощностью 5,5-5,7 м с остатками жилья IX—X вв. (глинобитные стены, бадрабы, большое количество бытового инвентаря) без признаков кладбища.

Рис. 174. План-схема застройки ансамбля в XV в.: 17. Мавзолей «Матери Султана»; 18. Входной портал (нижний чартак); 19. Мечеть входной группы; 20. Мавзолей «Восьмигранник»; 21. Большая мечеть в комплексе Кусам ибн Аббаса; 28, 29, 40, 41, 42. Мавзолеи «западного коридора»; 35. Склеп за мавзолеем «Безымянный-2»; 36. Мавзолей со склепом; 48. Баня; 49. Террасы XV в. по внешнему склону городища Афрасиаб; 50. Ступенчатый подъем в лесо-парковый массив; 51. Хауз

³⁰⁷ Малая Кандия. 1906. С. 261—262.

³⁰⁸ Абу Тахир Ходжа. «Самария». 1899. С. 22.

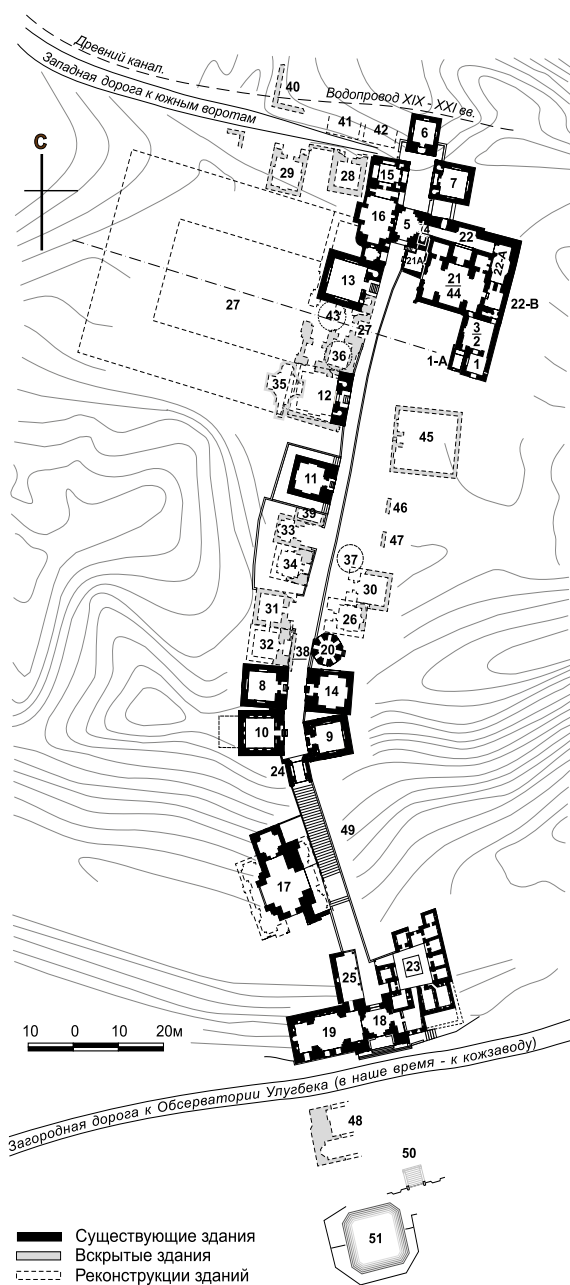


Fig. 174. The layout of the ensemble, the 15th century: 1. 'Sultan's mother' mausoleum, 18. Entrance portal and lower chartak, 1434/35, 19. Winter mosque at the entrance group, 1434/35, 20. 'Octahedron' mausoleum, 21. Grand Mosque in Kusam ibn Abbas complex, 28, 29, 40, 41, 42. Mausoleums of 'western corridor', 35. Crypt behind 'Unnamed-2' mausoleum, 36. Mausoleum with a crypt, 48. Bath, 49. Terraces of the 15th century along the outer slope of ancient Afrasiab, 50. Stepped stairway, 51. Pond (hauz)

Глава 3

ШАХИ-ЗИНДА ПРИ УЛУГБЕКЕ, XV в.

Огромная империя Амира Темура после его смерти в результате ожесточенной борьбы за власть была разделена между наследниками. Главой государства в Хорасане (Северный Иран) со столицей в Герате стал сын Темура Шахрух, Мавераннахром со столицей в Самарканде стал управлять от его имени внук Темура Мирзо Улугбек (1409–1449).

В отличие от деда Улугбек прославился не завоевательными походами и захватом земель, а просветительской деятельностью, и стал известен не только на мусульманском Востоке, но и в Европе как правитель, который покровительствовал ученым и развивал точные науки, привлекал к царскому двору известных ученых из разных стран, создал крупную библиотеку, в трех городах построил крупные медресе, основал известную обсерваторию в окрестностях Самарканда.

Важным государственным делом Улугбека оставалось и внимание к загородной мусульманской святыне — «машаду Кусамы» и «царскому некрополю» эпохи Амира Темура. При Улугбеке в Шахи-Зинда были осуществлены большие строительные работы, благоустроен южный склон Афрасиаба, организован главный выход на загородную дорогу, проходившую вдоль юго-восточного основания городища.

В правление Улугбека окончательно складывается общая планировочная композиция, архитектурно-художественный облик ансамбля Шахи-Зинда, который дошел до наших дней (рис. 174).

В основании городища при Улугбеке была возведена презентабельная парадная входная группа с порталом на оси. Внешний склон городища для подъема наверх оформлен тремя широкими террасами с переходными ступенями и под-

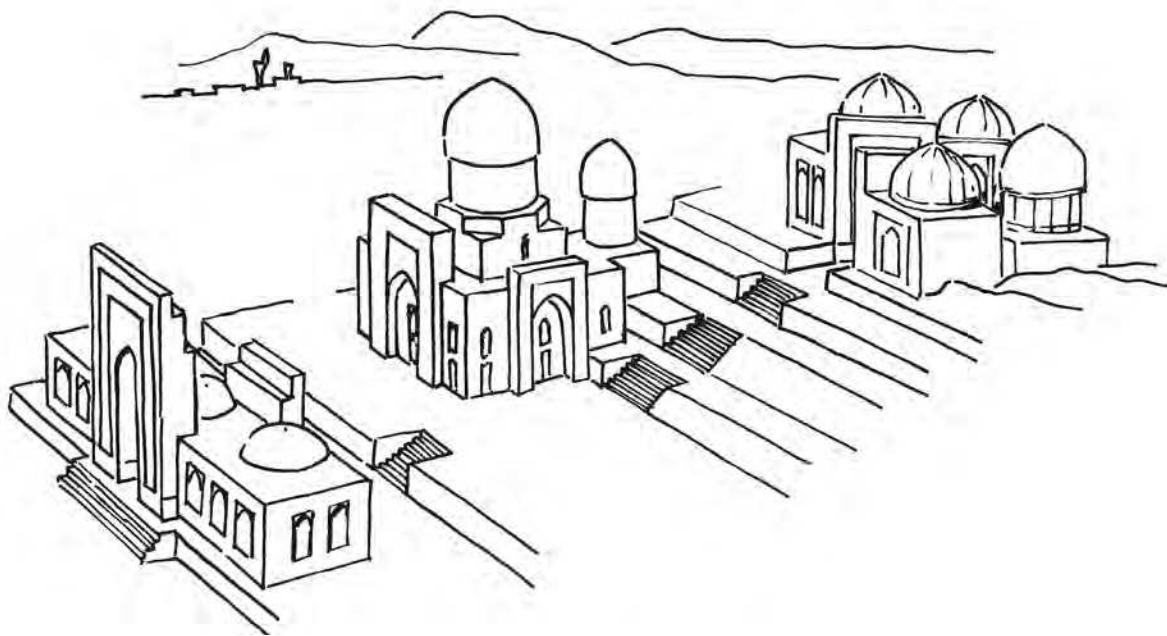


Рис. 175. Реконструкция ансамбля в XV в. на южном склоне городища Афрасиаб (по Ю.З. Шваб)

Fig. 175. Reconstruction of the ensemble in the 15th century on the southern slope of the Afrasiab site (according to Yu.Z. Shvab)



Рис. 176. Зимняя баня для ритуальных омовений, 30-х гг. XV в. (раскопки 2004 г.)

Fig. 176. Winter bath for ritual ablutions of the 1930s (excavations in 2004)

порными стенками с восточной стороны. На нижней террасе возводится самая эффектная двухкупольная гробница «Матери султана» с порталом, обращенным на юг, на загородную дорогу (рис. 175).

В правление Мирзо Улугбека впервые сложился двусторонний подход к комплексу Шахи-Зинда. Это свидетельство высокого престижа «могилы Кусамы», почитавшейся в XV в. на государственном уровне, как и при Амире Темуре.

К 30-м годам XV в. западный путь к ансамблю от южных Кешских ворот, как единственный, связующий царский некрополь с темуридским городом, утратил свое исключительное значение, хотя и продолжал действовать.

Благоустройство ансамбля Шахи-Зинда при Улугбеке, возведение парадной входной группы и благоустройство внешнего склона городища было частью грандиозного государственного проекта правителя, связанного с возведением обсерватории

в 30-е годы XV в. за пределами города у Оби-Рахмата на возвышенности Кухак.

Загородная дорога к обсерватории шла вдоль юго-восточного склона Афрасиаба мимо святилища. Эта дорога еще в XIV в. при Амире Темуре (и много раньше) была популярна, она вела к загородным садам, которые известны по письменным источникам. При Улугбеке эта дорога стала особенно важной, так как связывала царский двор с обсерваторией. По этой дороге проезжала царская свита, круг ученых-специалистов, обслуживающий персонал, а также все, кто был связан с деятельностью астрономической школы. Загородная дорога, ведущая из столицы Самарканда к обсерватории Улугбека, с этого времени приобрела значение царской. Парадный вход через монументальный портал к загородной святыне в Шахи-Зинда со времен Улугбека служил придворной и городской знати, ученым астрономам

и математикам, которые совершали зиярат к святыне по дороге в обсерваторию.

Старый западный путь к святыне по-прежнему оставался актуальным для простых самаркандцев.

На крутом внешнем склоне городища при Улугбеке создается целостная, весьма эффектная архитектурно-планировочная композиция, принципиально отличающаяся от коридорной системы ансамбля XIV в., вытянутого вдоль дороги-улицы.

Существующий входной портал с группой смежных помещений XV в., построенный Улугбеком от имени малолетнего сына Абд ал-Азиза в 1434–1435 гг., фиксирует официальный подход к ансамблю Шахи-Зинда с юго-востока. В комплекс сооружений XV в. в основании городища входила баня для зимних омовений, выстроенная при Улугбеке перед порталом (раскопана в 2004 г.³⁰⁹) (рис. 176).

Была благоустроена также территория, прилегающая к ансамблю Шахи-Зинда перед порталом XV в. (возвышенная лесопарковая зона и в наше время). Сложный рельеф местности напротив входного портала XV в. был оформлен ступенями, подпорными стенками, площадками, следы которых можно было еще видеть до реконструкции 2004 г. (сейчас там автобусная стоянка для туристов, все следы благоустройства снесены). Наверху в парковой зоне был устроен хауз, который зафиксирован на карте Самарканда в 1897–1899 гг.

Входная порталная группа

В 30-е годы XV в. Улугбеком от имени малолетнего сына Абд ал-Азиза была архитектурно оформлена монументальная входная группа ансамбля Шахи-Зинда с порталом на оси. Надпись гласит: «Это величественное здание основано Абд ал-Азизом Бахадуром, сыном Улугбека Гурагана. Построено в 838» (1434/1435 г.)³¹⁰ (рис. 177, 180, фото 1, 2, 3, 4).

В центре на оси стоит входной портал, за ним находится просторная купольная дарвазахана или чартак (5,7×5,3 м внутри) со сквозными стрельчатыми арками по четырем сторонам. Западная арка (слева) ведет в зимнюю мечеть, восточная — в какие-то неисследованные строения (в наше время служебные помещения), северная арка открывается в «нижний дворик» и ведет к главной лестнице ансамбля в 32 ступени (XVIII–XIX вв.), на месте которой в XV в. были три террасы с переходными ступенями.

Монументальный портал, выстроенный по инициативе Улугбека, имеет традиционную П-образную форму с входной арочной сквозной нишей. Пилоны портала и входная арка покрыты характерной для XV в. кирпичной мозаикой. Три вертикальных декоративных панно на пилонах заполняет геометрический ковровый узор, набранный из шлифованных и глазурованных голубых и синих кирпичиков-изразцов. По периметру рамы портала идет эпиграфический орнамент; над входной аркой — тимпан из резной наборной мозаики, выше — мозаичная лента с исторической надписью и датой постройки 1434/35 г. (рис. 178, 179, 180).

Портальный вход открывается в просторную дарвазахану, перекрытую изящным двенадцатигранным куполом. При ремонте 1947 г. уничтожены многослойные древние штукатурки интерьера, навсегда утрачены следы декоративной отделки. Можно лишь предполагать, что стены внутри дарвазаханы покрывала ганчевая штукатурка с типичной для XV в. стилизованно-растительной росписью в сине-голубой гамме.

До археологических работ в 50-е годы XX в. предполагалось, что портал с дарвазаханой стоял изолированно от других строений, построенных в разное время. Раскопками установлено, что все помещения входной группы (портал, дарвазахана и зимняя мечеть) выстроены одновременно. Фундаменты мечети и портала выло-

³⁰⁹ Насреддинов Ш.Н. Баня... . 2006. С. 172 и сл.

³¹⁰ Шишкин В.А. Надписи... . 1970. С. 9.



Рис. 177. Нижняя группа памятников. Фото 1957 г. Fig. 177. Lower group of monuments. Photo, 1957

жены в перевязку, с одного уровня из одинакового квадратно-плиточного кирпича (25–26×25–26×5 см) на кыровом растворе.

Это свидетельство того, что при Улугбеке в 30-е годы XV в. у загородной дороги возник сложный архитектурный комплекс, включавший строения разных функций, объединенный единым архитектурно-планировочным замыслом. В этот комплекс входила и баня для зимних омовений, раскопанная в 2004 г.

Зимняя мечеть (19) — крупное продольно-осевое трехчастное сооружение (15×7,5 м по осям) с центральным куполом на подпружных арках, крупными щитовидными парусами в подкупольной части и сводами в боковых отсеках. В западном торце мечети расположен михраб.

Интерьер мечети оштукатурен ганчем, вдоль стен глухие служебные ниши в два яруса. Наружные стены оставлены в черновой кирпичной кладке без признаков декора. Не исключено, что зимняя мечеть сверху перестраивалась позже, судя по характеру верхних конструкций (по мнению

Б.Н. Засыпкина, не раньше XVIII в.³¹¹). Вероятнее всего, восточнее дарвазаханы располагались какие-то симметричные мечети строения, из-за поздних перестроек недоступные для исследований.

Эскизные обмеры портала были выполнены архитектором Г.Н. Томаевым в 1939 г., затем архитектором Пограницкой в 1942 г. Наиболее полный, детальный красочный обмер всей входной portalной группы выполнен архитектором А.Н. Виноградовым³¹². В начале 50-х годов XX в. археологические исследования проведены В.А. Булатовой, К.А. Шахуриным, Н.Б. Немцевой под руководством Б.Н. Засыпкина.

Мавзолей «Матери султана»

Наиболее эффектный и величественный мавзолей, доминирующий в общем силуэте ансамбля Шахи-Зинда, — двухка-

³¹¹ Засыпкин Б.Н. Вопросы изучения и реставрации ансамбля Шахи-Зинда // Зодчество Узбекистана. Вып. 2. Ташкент, 1970. С. 106.

³¹² Там же.

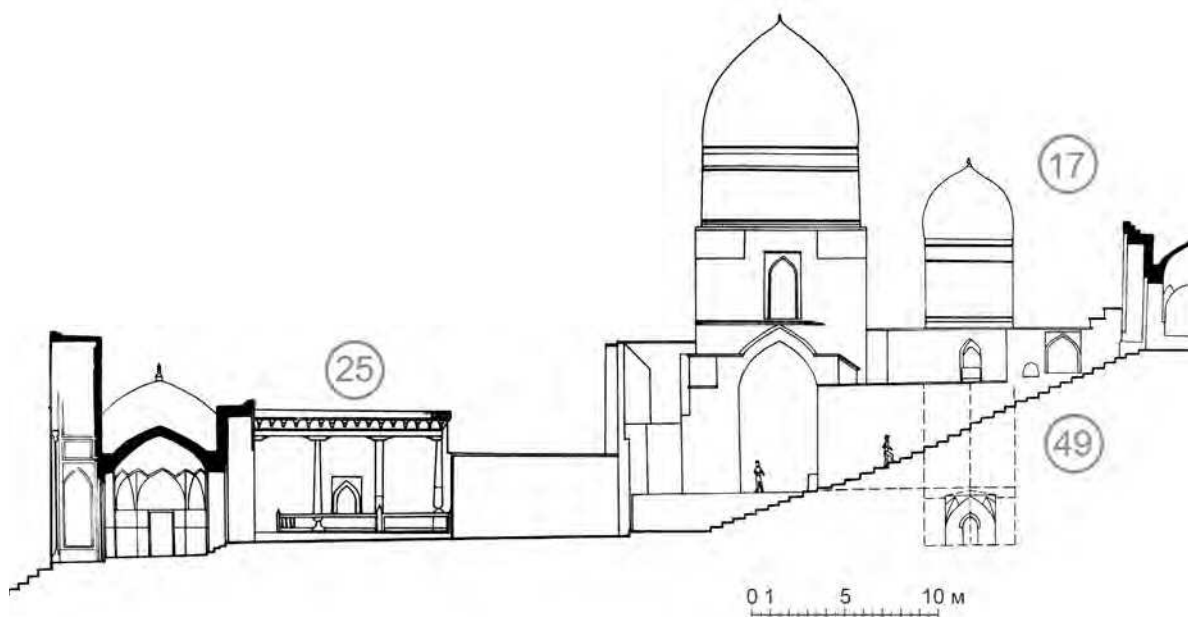


Рис. 178. Нижняя группа памятников, разрез север-юг (первая треть XV в.)

Fig. 178. Lower group of monuments, north-south cross-section (the early 15th century)

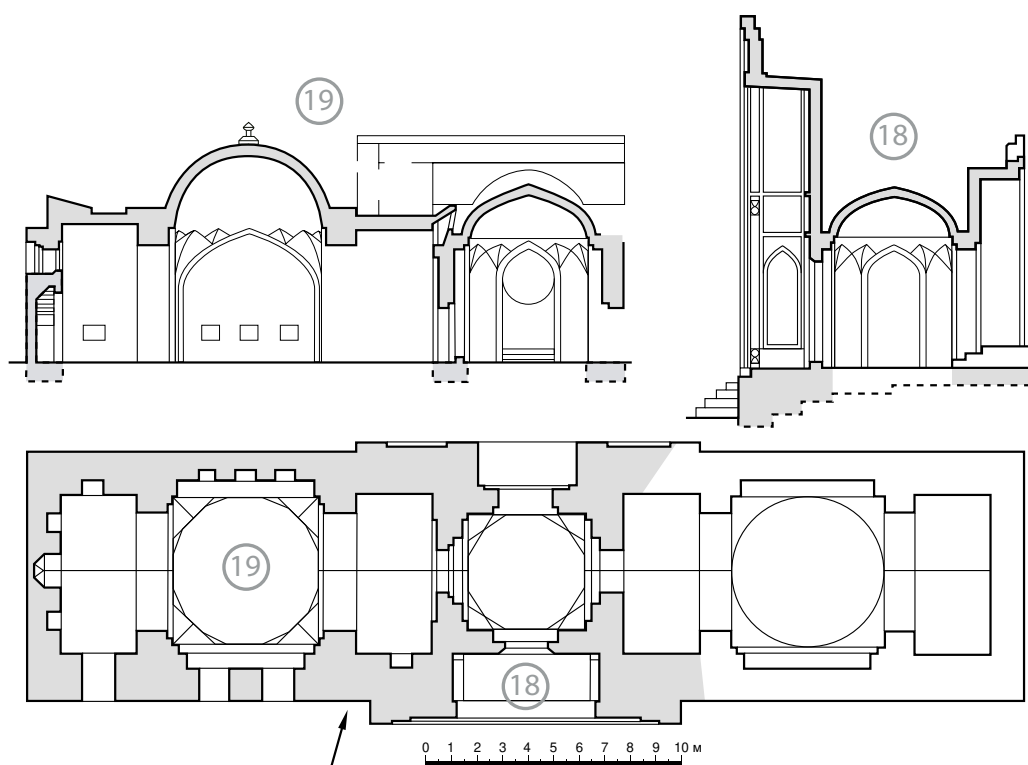


Рис. 179. Входная группа с порталом, дарвазаханой и мечетью: а – разрез, б – план (по Ю.З. Шваб)

Fig. 179. Entrance group with a portal, darvaza-khana and mosque: a – cross-section, b – plan (according to Yu.Z. Shvab)



Рис. 180. Входной портал. Фото 1894–97 гг.

Fig. 180. Entrance portal. Photo, 1894–97

мерная усыпальница эпохи Улугбека, расположенная на южном склоне Афрасиаба, слева от лестницы (рис. 181, 182, фото 5, 8, 10).

Этот двуглавый мавзолей с малым и большим голубыми куполами, видными издали, как бы «открывает» ансамбль Шахи-Зинда.

Пропорции мавзолея так стройны, что купола его оказались в одном уровне с куполами гробниц, стоящих на гребне крепостной стены. Высота мавзолея «Матери султана» около 24 м. Размеры мавзолея внутри: гурхана — 5×5 м, зиаратхана — 11,7×12,7 м. Внешние параметры по продольной оси — 22 м.

Мавзолей представляет двухкамерный тип здания с обширной крестовидного плана зиаратханой, с помещениями по углам и небольшой гурханой с севера. Южный входной портал (сохранились остатки) мавзолея решен в типичной для XV в. П-образной форме с мозаичной облицовкой.

Оба помещения венчают двойные купола (внутренний и внешний) на высоких цилиндрических барабанах, покрытых кирпичной мозаикой с крупным эпиграфическим орнаментом.

Снаружи декоративно обработаны только цилиндры барабанов и купола, а также южный портал, где в арке уцелел фрагмент пояса из кашинной мозаики с арабскими письменами. Арабская надпись из хадисов на барабане зиаратханы гласит: «Сказал Пророк, молитва и привет ему: могила — ничтожнейшее из обиталищ будущего мира и лучшее из обиталищ этого мира»³¹³.

На южном портале сохранился фрагмент исторической надписи: «...прибежище шариата и веры, почившая мать султана»³¹⁴.

В интерьерах мавзолея четко выступает декоративный стиль, характерный для эпохи Улугбека, сочетающий изящество и строгость. Высокая панель зиаратханы из терракотовых плиток в окантовке синими изразцами в основании стен переходит в мягкую роспись граффити верха стен. Переходный подкупольный ярус основан на архаичном, известном по более ранним памятникам арочном парусе трехлопастной конструкции.

Декоративный стиль наиболее выразительно представлен в гурхане мавзолея. В основании стен проходит невысокая панель из ярко-голубых шестигранных плит, оконтуренная изящным мозаичным бордюром. Подкупольные конструкции задрапированы гирляндами ганчевых сталактитов, которые закрывают не только переходный к куполу ярус, но и почти весь купол, образуя изумительный по красоте интерьер в кружевном обрамлении (фото 9).

Сталактиты заполняет мелкий геометризованный синий узор со звездами, овалами, ромбами с кружевом стилизованно-растительного орнамента. Пластика

³¹³ Шишкин В.А. Надписи ... 1970. С. 12–13.

³¹⁴ Захидов П.Ш. Шахи-Зинда: невероятное и очевидное // «Правда Востока», 7 апреля 1978 г.

сталактитов не забивается цветом, а лишь подчеркивается вкраплениями синего рисунка.

Характер и стиль росписи при всем своеобразии, как и общий облик интерьера, очень близок ряду самаркандских и шахрисябзских памятников времени Улугбека (галерея 1424 г. в мавзолее Гур-Эмир, коридоры-входы в медресе Улугбека 1419–1420 гг. в Самарканде, Гумбези-Сейидан в Шахрисябзе³¹⁵).

Общий строй и стиль памятника, его декоративно-облицовочные приемы и материалы — кашинная и кирпичная мозаика во внешней отделке, характерная для Самарканда рубежа XIV–XV веков и более поздних времен, а также синие по белому ганчу росписи в интерьерах, присутствующие рядом самаркандских и шахрисябзских памятников второй четверти XV в., не вызывают сомнений в принадлежности мавзолея эпохе Улугбека. О том же говорит и местоположение памятника на южном склоне городища, благоустраивать который в комплексе Шахи-Зинда стали в 20-30-е годы XV в. во время общей реконструкции ансамбля при Улугбеке.

В остатках мозаичной надписи на южном портале ни дат, ни собственных имен нет, считалось, что мавзолеем вообще не содержит исторических текстов. Абу Тахир Ходжа — первый чтец и переводчик надписей ансамбля Шахи-Зинда в 30-е годы XIX в.³¹⁶, а вслед за ним С.А. Лапин³¹⁷ в конце XIX века, специально читавший даты и имена на мавзолеех, обходят молчанием двухкупольную гробницу, видимо, не усмотрев в ней исторических данных.

Но мавзолеем не считался безымянным. Предания, зафиксированные А. Куном в середине XIX в., сообщают, что мавзолеем этот принадлежит кормилице Темура — Улджай Инага и ее дочери Биби-Сенеб³¹⁸. То же предание передают и путешествен-

ники XIX—XX вв. (В.В. Крестовский, Ф. Зарре, Ю. Смолик, Э. Кон-Винер и др.). Вплоть до 40-х годов XX столетия мавзолеем считался женским и упоминался чаще всего под названием мавзолея «матери и дочери».

В 1941 г. М.Е. Массон высказал предположение, что это мемориальное здание возведено Улугбеком для крупного ученого своего времени — математика и астронома Кази-заде Руми³¹⁹. С этих пор усыпальница вошла в литературу под названием мавзолея Кази-заде Руми, иногда с оговоркой — предполагаемый.

В 1970 г. вышла публикация В.А. Шишкина с новым чтением надписей комплекса Шахи-Зинда. Как оказалось, мозаичный фрагмент южной порталной арки содержит исторические сведения: «...прибежище шириата и веры и предшественник (б. м. «наставник») султана...»³²⁰.

Архитектор П.Ш. Захидов предложил поправку к чтению В.А. Шишкина, существенно изменяющую смысл надписи. В надписи, по мнению П.Ш. Захидова, упомянута знатная женщина — мать султана, надпись гласит: «...прибежище шариата и веры, почившая мать султана»³²¹.

Принадлежность мавзолея Кази-заде Руми, прочно закрепившаяся за памятником, была поставлена под сомнение. В этой связи была организована экспедиция для вскрытия склепа гурханы в составе архитектора П.Ш. Захидова, археолога Н.Б. Немцевой, антрополога Т. Ходжайова и фотографа Е. Полякова.

Вскрытие показало, что под полом гурханы расположен склеп крестовидного плана с четырьмя нишами по осям, единой конструкции и плана с наземной частью мавзолея. Входной лаз склепа в виде стрельчатой арки (высота 1,1 м, ширина 0,8 м) находится в восточной нише и выходил на дневную поверхность, видимо, с помощью обычного для склепов Самар-

³¹⁵ Бородина И.Ф. Интерьер зданий Самарканда времени Улугбека // СА. 1962. № 2. С. 185–200.

³¹⁶ Абу Тахир Ходжа. «Самария». 1898. С. 18–40.

³¹⁷ Лапин С.А. Перевод надписей... 1896. С. 39–42.

³¹⁸ Туркестанский альбом. Ч. 1. 1871–1872.

³¹⁹ Массон М.Е. Обсерватория Улугбека. Ташкент. 1941. С. 20.

³²⁰ Шишкин В.А. Надписи... 1970. С. 13.

³²¹ Захидов П.Ш. Шахи-Зинда... 1978 г.





Мавзолей Туман-ака, 1405/06 г.

75. Портал

76, 78. Декор

77. Вид с запада

79. Интерьер, купол

Tuman-aka mausoleum, 1405/06

75. Portal

76, 78. Décor

77. View from the west

79. Interior. Dome







81

80, 81. Северный вход в мечеть Туман-ака,
1405/06 г.

80, 81. The northern entrance to Tuman-aka mosque,
1405/06



82



83

Мечеть Туман-ака, 1405/06 г.

82. Интерьер

83. Фрагменты декора, вделанные в стену

84. Южный вход в мечеть Туман-ака (худжра)

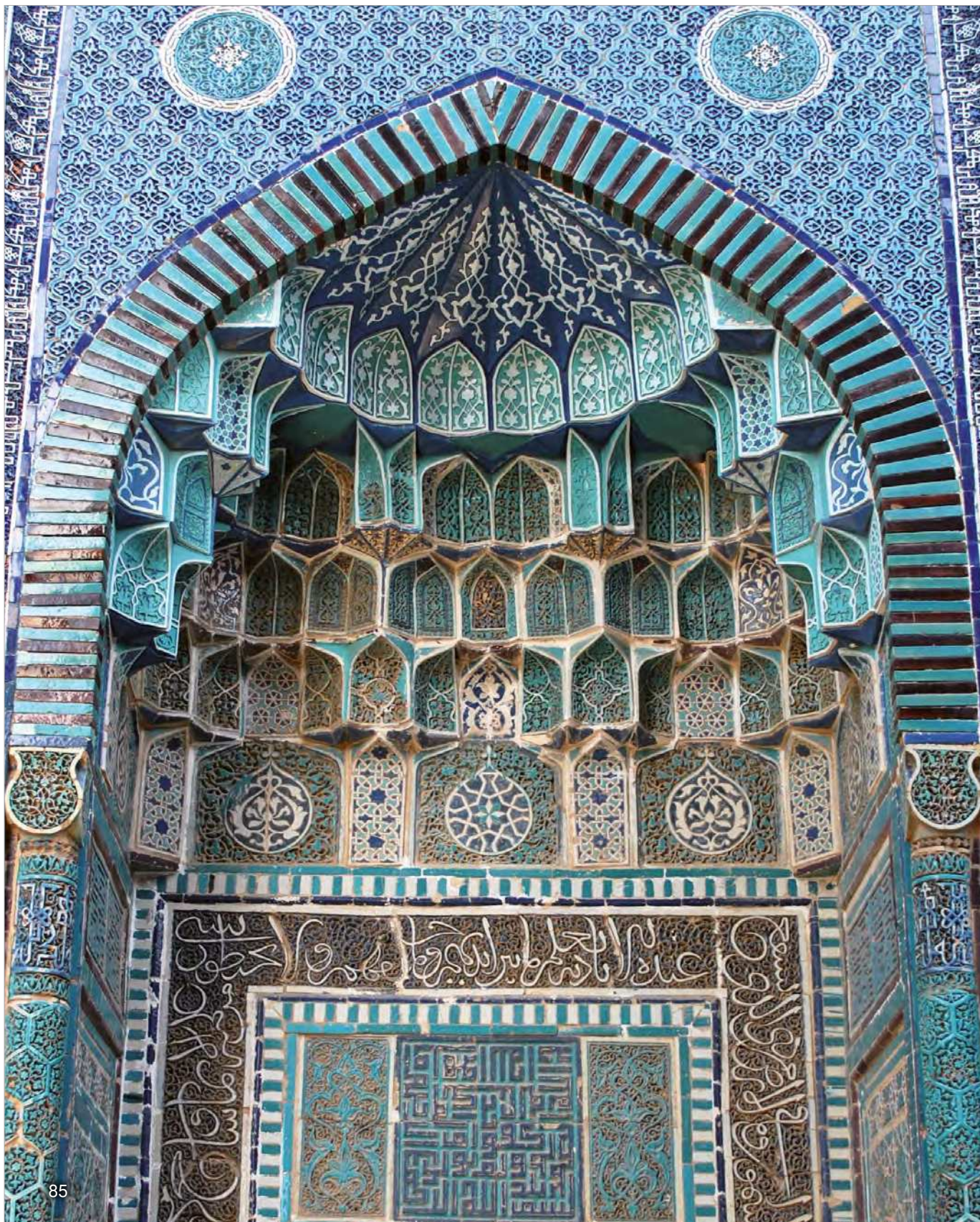
Tuman-aka mosque, 1405/06.

82. Interior

83. Fragments of decoration, set into the wall

84. The southern entrance to Tuman-aka mosque (hudjra)

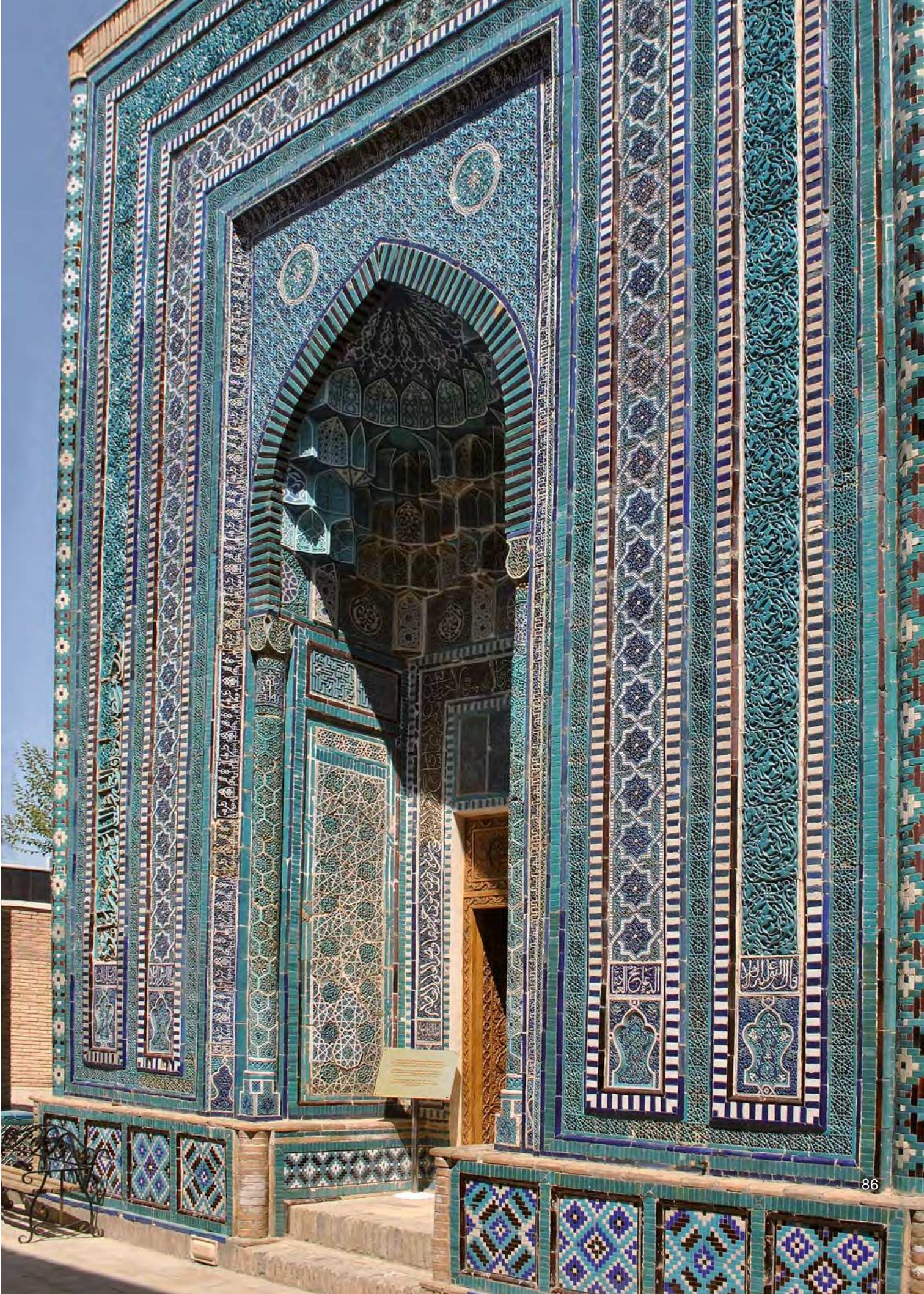


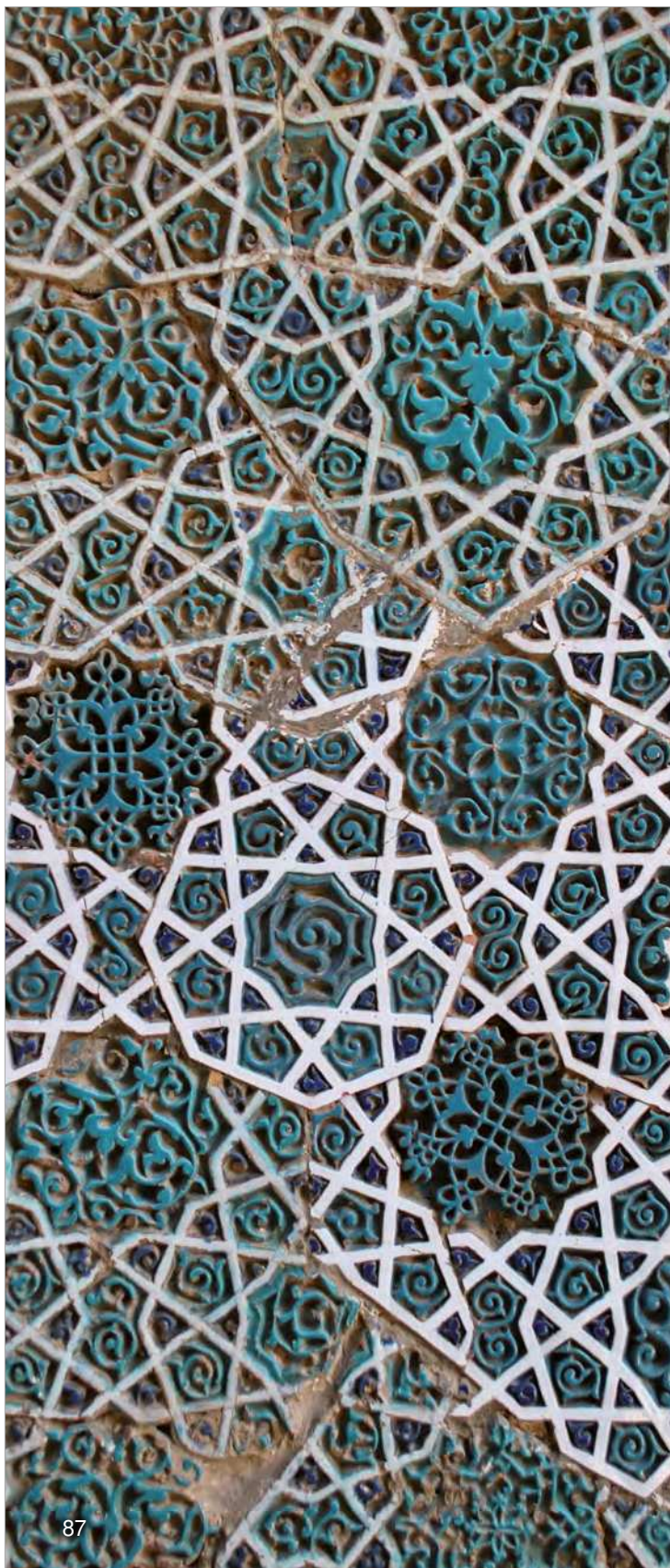


85

Мавзолей 1360/61 г.
85. Портальная ниша
86. Портал

Mausoleum, 1360/61
85. Portal niche
86. Portal





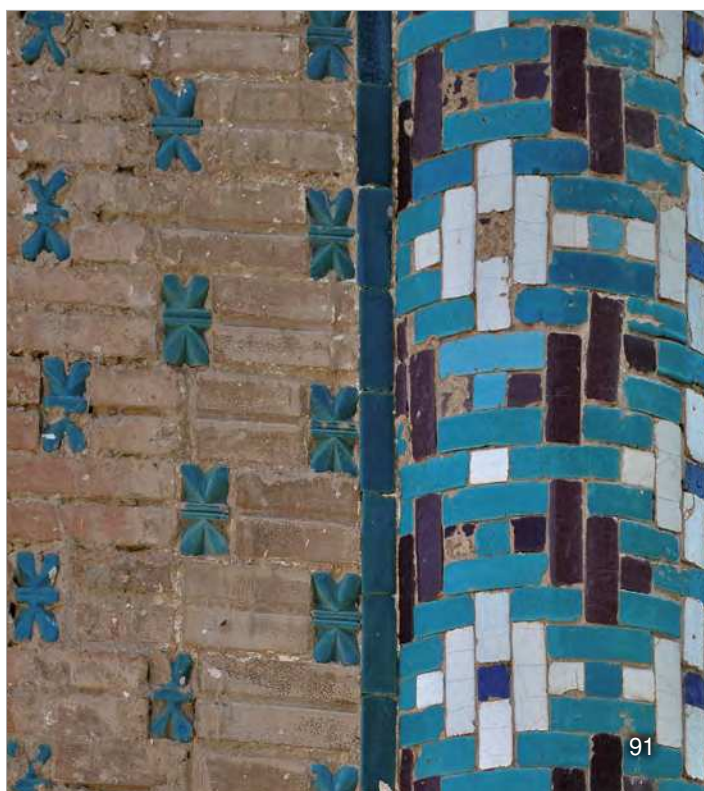
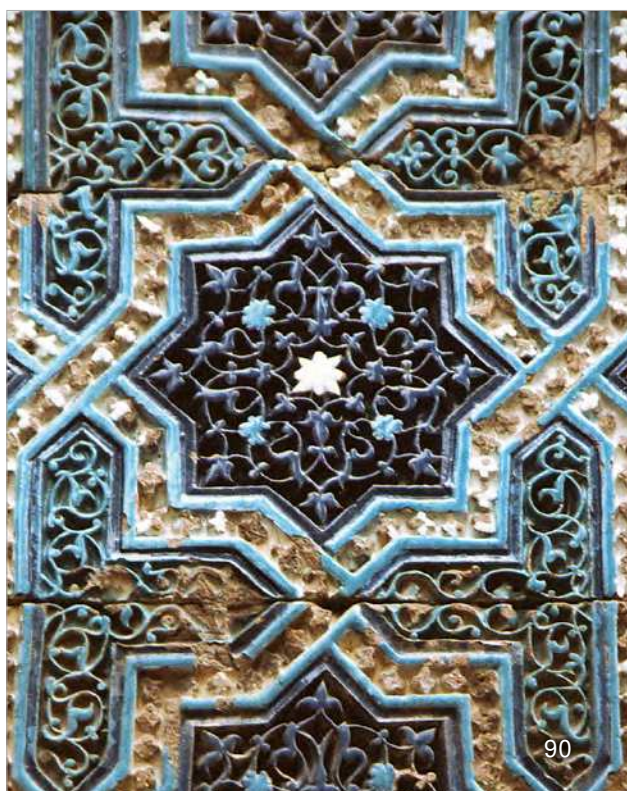
87

*Мавзолей 1360/61 г.
87, 88. Детали декора*



88

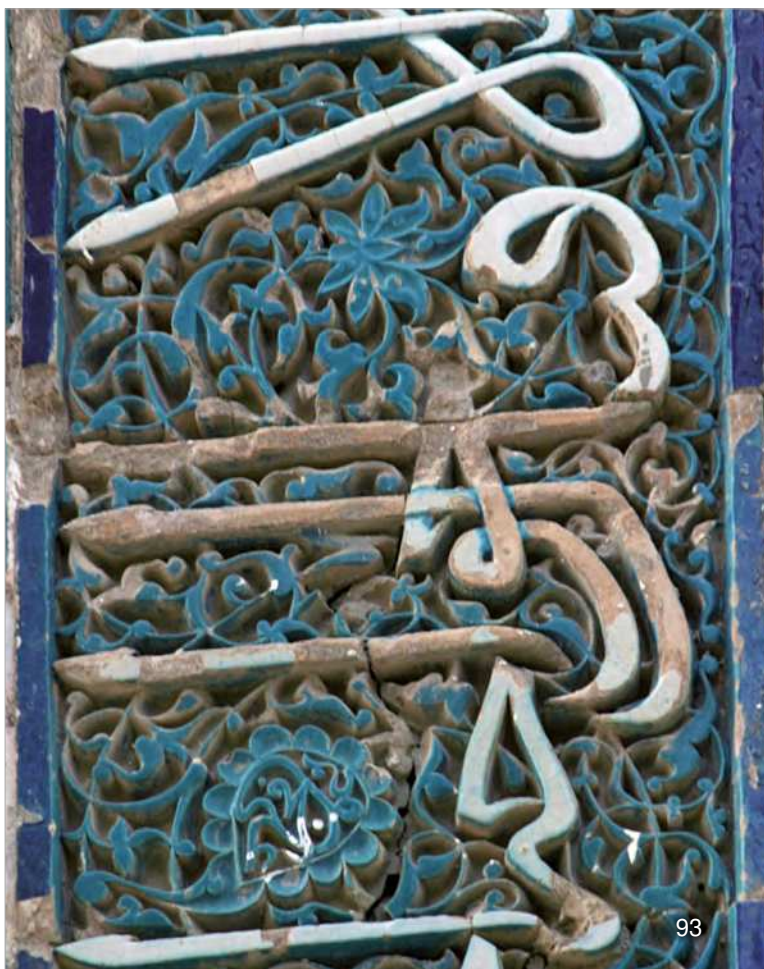
*Mausoleum, 1360/61
87, 88. Décor items*



*Мавзолей 1360/61 г.
89. Вид с северо-востока
90, 91. Детали декора*

*Mausoleum, 1360/61
89. View from the north-east
90, 91. Décor items*

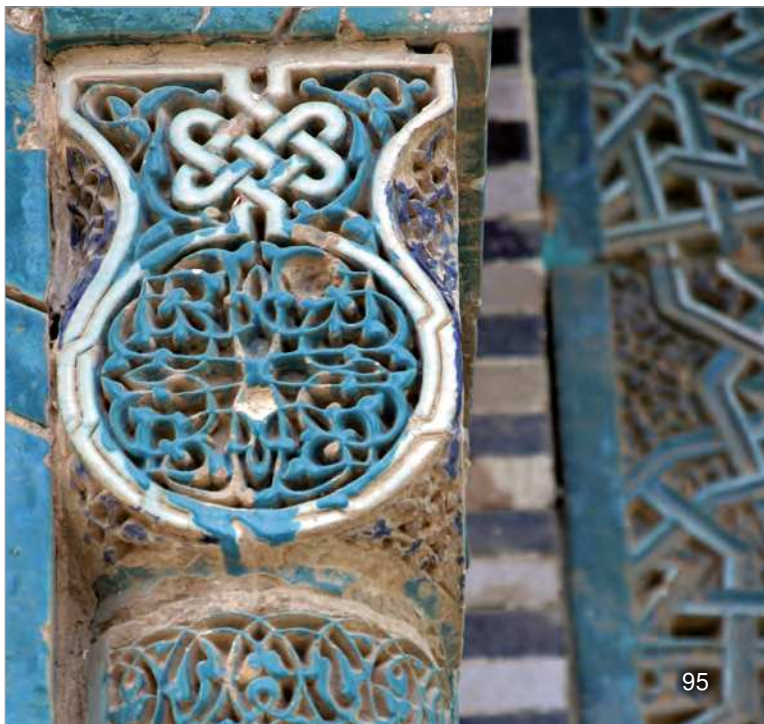




93



94



95



96

Мавзолей Ходжи Ахмада, середина XIV в.

92. Портал

93 – 96. Детали декора

Khoja Ahmad mausoleum, the mid-14th century

92. Portal

93 – 96. Décor items



97



98



99

Мавзолей Ходжи Ахмада, середина XIV в.
97 – 99. Детали декора
100. «Северный дворик»

Khoja Ahmad mausoleum, the mid-14th century
97 – 99. Décor items
100. 'Northern yard'





101

101. Вид на среднюю группу мавзолеев из верхнего чартака

101. View of the middle group of mausoleums from the upper chartak

канда XIV—XV вв. дромоса со стороны террасы.

В центре склепа под земляным полом вскрыта грунтовая могила без кирпичной обкладки или какой-нибудь обмазки стен. Размеры могильной ямы — 1,80×0,50 м, глубина — около 1 м. **Погребение** находилось на дне грунтовой ямы, перекрытой поперечными арчовыми балками на высоте 40–50 см от основания. Поверх балок были уложены сырцовые кирпичи (25×25×5 см), выше, до уровня полов склепа, шла земляная засыпка. Отдельные арчовые балки, прогнув, упали вниз, другие сместились, как и сырцовые кирпичи. Скелет оказался засыпан плотной сырой землей (рис. 183, 184).

По определению антрополога Т. Ходжайова, в могиле была похоронена женщина сравнительно молодого возраста (30–35 лет) европеоидного типа с элементами монголоидности. Длина скелета 1,60–1,62 м. Положение на спине, головой на север, с поворотом лица на запад. Руки согнуты в локтях, левая лежит на груди, правая от локтя отведена к плечу. Женское погребение в склепе гурханы сняло все версии по поводу атрибуции мавзолея. Самая презентабельная двухкамерная гробница оказалась, как и большая часть мавзолеев комплекса Шахи-Зинда, женской. В гробнице была похоронена очень важная персона из царского двора.

На полу склепа близ входного лаза находилось **перезахоронение**. В кучке, без всякого анатомического порядка, лежала груда костей (череп, тазовые кости, верхние и нижние конечности в неполном составе) женщины старческого возраста, по определению Т. Ходжайова. Кости явно были перенесены в склеп после того, как мягкие ткани истлели и связки распались. Входной лаз склепа после этого был заложен. Не вызывает сомнений, что это не случайное перезахоронение, однако обстоятельства и время попадания его в склеп неизвестны. Можно сказать только, что произошло это не раньше основного

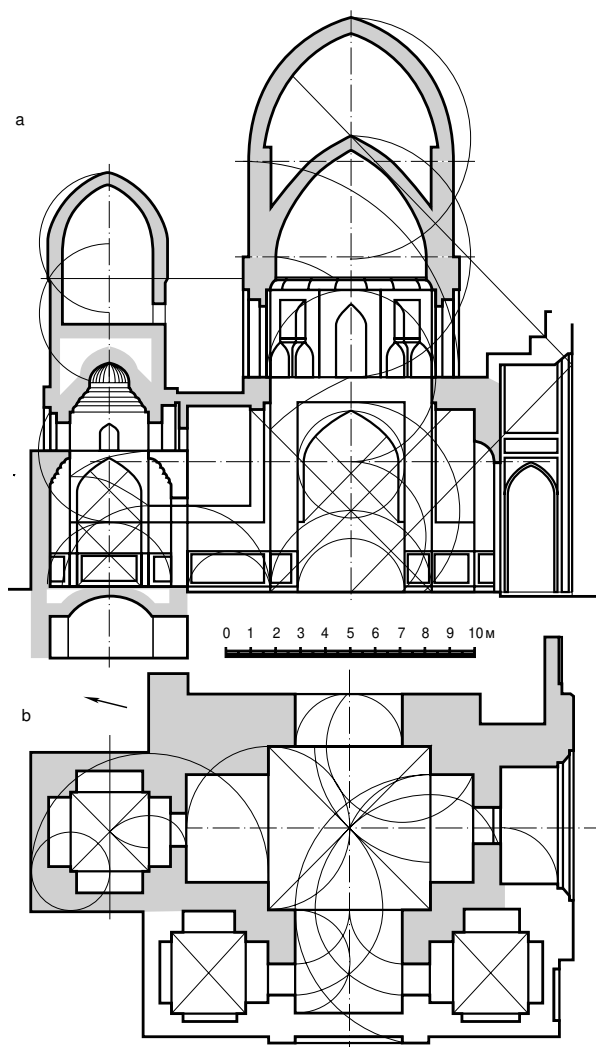


Рис. 181. Мавзолей «Матери султана»: а – разрез, б – план

Fig. 181. 'Sultan's Mother' mausoleum, а – cross-section, б – plan

погребения в грунтовой могиле, но и не позже, чем доступ к склепу был окончательно закрыт при устройстве лестницы в XVIII–XIX вв. на месте террас XV в.

К сожалению, и сейчас нельзя точно сказать, кто похоронен в склепе мавзолея, кому из дома Темуридов он строился, ясно только, что бытовавшее еще в XIX в. предание о погребении здесь кормилицы Темура Улджай Инага и ее дочери Биби-Сенеб вполне соответствует выявленным данным (два женских имени и два женских погребения в склепе). Версия о принадлежности



Рис. 182. Мавзолей «Матери Султана». Фото середины XX в.

Fig. 182. 'Sultan's mother' mausoleum. Photo, the mid-19th century

мавзолея Казы-заде Руми оказалась неверной.

Для кого же была сооружена самая эффектная и презентабельная гробница ансамбля Шахи-Зинда во времена Улугбека? Какой знатной даме — матери султана, как значится в надписи, — посвящен мавзолей? Кем была молодая женщина 30–35 лет, похороненная в склепе? Этот интригующий вопрос об окончательной атрибуции двухкупольной гробницы до сего дня остается открытым³²².

Архитектура и тип склепа. Общие размеры склепа по осям с нишами — 4,62×4,72 м, высота — 3 м. Ниши (глубина 92–107 см, ширина 2,35–2,48 м) перекрыты стрельчатыми арками высокого подъема,

центральная часть склепа — вальмовым куполом из восьми секций. По углам центрального квадрата находятся переходные к куполу щитовидные паруса. Как указывалось, склеп конструктивно представляет единое целое с наземной гурханой.

Это четвертый склеп из обследованных в ансамбле Шахи-Зинда, входящих в группу крестовидных склепов Мавераннахра конца XIV — XV века (склеп Гур-Эмира и южный склеп, раскопанный за мавзолеем Гур-Эмир³²³, склеп мавзолея Биби-ханым, шахрисябзские склепы Темура и Джахангира в комплексе Доруссиадат).

В ансамбле Шахи-Зинда самый ранний и довольно крупный крестовидного плана склеп с крестовым куполом обнаружен

³²² Немцева Н.Б. Новая интерпретация так называемого мавзолея Казы-заде Руми // СА. Москва, 1981. № 4. С. 126–140.

³²³ Шахурин К.А. Еще раз о погребении Тимура // Материалы по истории Узбекистана. Ташкент, 1963. С. 114–122.

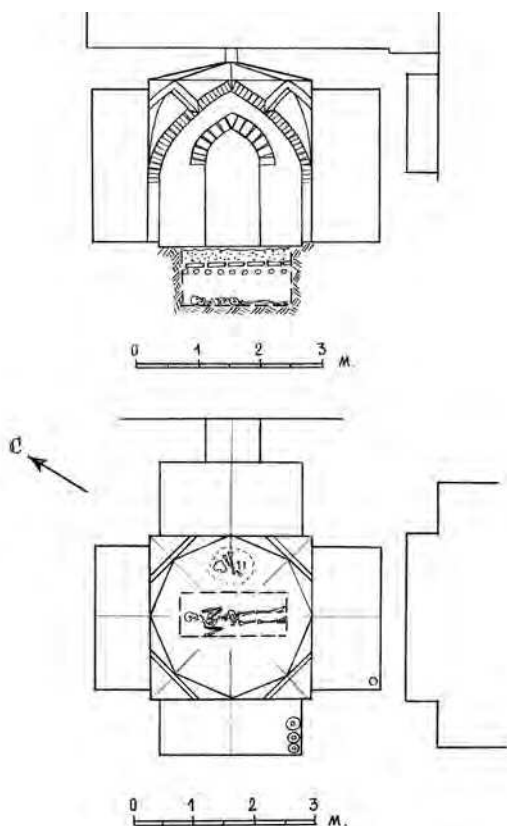


Рис. 183. Склеп гурханы мавзолея «Матери султана»: а – разрез, б – план

Fig. 183. Gurkhana crypt of 'Sultan's mother' mausoleum, a – cross-section, b – plan

в мавзолее эмира Бурундука (90-е годы XIV в.). Самый большой и парадный по отделке крестовидный склеп первой половины XV в. раскопан за мавзолеем «Безымянный-2» (о нем ниже). Наиболее близок вновь вскрытому, хотя и больше него размером, склеп мавзолея Ширинбек-ака (1386 г.), общие размеры которого по осям 5,35 м. В нем также вальмовый купол, но ниши перекрыты зеркальными арками, как в склепе Гур-Эмира или склепе мавзолея Биби-ханым.

Склеп мавзолея конструктивно связан с наземной гурханой и дублирует верхний план. Такая конструкция, как указывалось, характерна для склепов конца XIV – XV века в комплексе Шахи-Зинда (склеп мавзолея эмира Бурундука, мавзолея Туман-ака 1405/6 г., «Восьмигранника» XV в.).



Рис. 184. Интерьер склепа мавзолея «Матери султана», восточная сторона

Fig. 184. The interior of the crypt in 'Sultan's mother' mausoleum, the eastern side

Склепы ранних мавзолеев Шахи-Зинда (конца XIII – 70-х годов XIV в.), как говорилось, строились в отдельных котлованах, конструктивно были независимы от наземной части здания. Эта закономерность в развитии склепов прослеживается по всему ансамблю Шахи-Зинда и отражает общую линию эволюции портално-купольного мавзолея Самарканда.

Во времена Улугбека, как указывалось, южный склон городища был благоустроен, сооружены террасы-платформы с короткими ступенчатыми переходами. Самая большая терраса (14×10 м) располагалась перед мавзолеем «Матери султана»³²⁴ (рис. 175).

Восточный торец террасы был облицован небольшими декоративными панно из шлифованного кирпича (кладка в «елочку», орнамент со звездчатым гирихом и растительным узором), расчищенных в 2004 г. Это показывает, что визави мавзолею «Матери султана» с восточной стороны никакого здания не было, как предполагалось (рис. 185).

В XVIII в. террасы заменила одномаршевая (ширина 4,5 м) лестница вдоль все-

³²⁴ Террасы обнаружены в начале 50-х годов В.А. Булатовой, повторно расчищены в 2004 г.

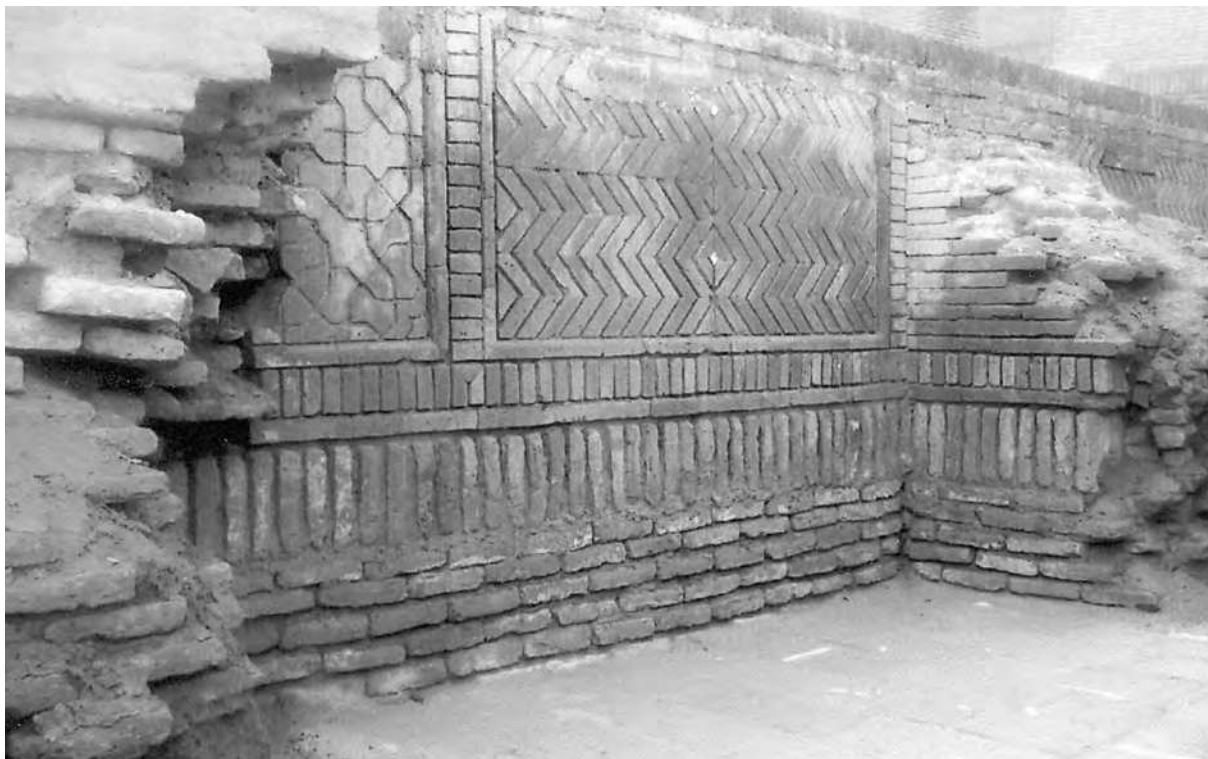


Рис. 185. Восточный торец террасы у мавзолея «Матери султана», XV в.
Fig. 185. Eastern end of the terrace at 'Sultan's mother' mausoleum, the 15th century

го внешнего склона городища, которая вела от его основания к крепостной стене и в наше время несколько раз перекаладывалась.

Артефакты, найденные в склепе, характеризуют погребальный обряд XV в. в придворной царской среде. На полу склепа в западной нише у южной стены стояли два кувшина с отбитой горловиной и ручкой и глиняный кумган с ручкой, носиком и отбитой горловиной (согласно ритуалу). В южной нише лежал сплюснутый шаровидный предмет из черной стеклянной пасты — «кудинг», стеклянное лощило для ткани, употреблявшееся в прошлом в ручном ткацком производстве и известное по этнографическим материалам. «Кудинг» имеет сработанную рабочую поверхность в средней части сплюснутого шара, с другой — округлый выступ для захвата рукой.

Орудие труда (лощило) найдено в склепе Шахи-Зинда впервые, но, как и сопровождающая погребения посуда, связано с древним доисламским обычаем класть в могилу различные предметы утвари или труда (зеркала, косметические наборы, гребни, зернотерки, жернова, пряслица, веретена и т. д.), прослеженного повсеместно в Средней Азии. Находка лощила в хорошо датированном мавзолее Шахи-Зинда углубляет хронологию бытования этого предмета ткачества в Средней Азии, известного до сих пор только по этнографическим данным. Это еще один штрих к положению придворных женщин Темуридов, которые были, видимо, заняты общественно-полезным делом.

Уже отмечалось, что в большинстве склепов ансамбля Шахи-Зинда обнаружена посуда (каса, пиала, как правило, битые), попавшая туда явно одновременно с захоронениями, о чем говорят потревоженные входные дромосы и лазы склепов (мавзолеев 1360/61 г., эмира Бурундука и др.). Эти элементы древнейшего доисламского погребального обряда в мусульманской среде сохраняются

вплоть до сего дня на многих современных кладбищах Средней Азии³²⁵.

«Средняя группа» ансамбля Шахи-Зинда в XV в.

Основные благоустроительные работы при Улугбеке охватили внешний склон городища, но отдельные строения появились и в «средней группе» ансамбля XIV в., в очередной раз был реконструирован комплекс Кусама ибн Аббаса.

Постройки времени Улугбека типологически не повторяют однокамерные гробницы XIV в. Строительная деятельность эпохи Улугбека отличается новым стилем архитектуры и художественного оформления, более совершенными инженерными конструкциями. Для ансамбля Шахи-Зинда это самостоятельная, свежая струя творческих идей (рис. 186).

Склеп XV в. за мавзолеем «Безымянный-2»

При Улугбеке, в первой половине XV в., в «средней группе» ансамбля, в пределах крепостной стены городища появился ряд строений.

За мавзолеем «Безымянный-2» в 1968 г. обнаружен оригинальный в плане склеп, который по целому ряду признаков может быть отнесен к первой половине XV в. (рис. 1, 174, «35»). Склеп находится на продольной оси мавзолея «Безымянный-2» в 7,5 м от портала. Он сохранился на высоту стен 0,5–2,2 м.

³²⁵ Литвинский Б.А. Погребальный обряд древних ферганцев в свете этнографии // Изв. ООИ АН Таджикской ССР. Душанбе, 1968. № 3 (53). С. 43; Б.А. Литвинский. Курганы и курумы... . 1972. С. 107–113; Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. Москва, 1969. С. 23–124; Немцева Н. . Доисламские черты погребального обряда в склепах Шахи-Зинды // Всесоюзная сессия, посвященная итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1976–77 гг. (тезисы и доклады). Ереван, 1978. С. 169–170.

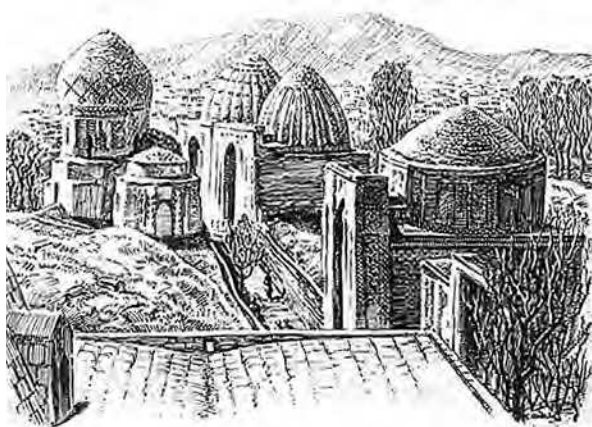


Рис. 186. Средняя группа памятников.
Рисунок Б.Н. Засыпкина, 1946 г.

Fig. 186. The middle group of monuments.
Drawing by B. N. Zasyrkin, 1946

Стены склепа сложены из квадратно-плиточного кирпича на кыровом растворе, угловые массивы армированы деревянными связями (по три балки в углах).

Общие размеры склепа по оси север-юг 8,1×7,6 м. Центральный квадрат со скошенными углами равен 4,6 м в стороне. Это один из самых крупных склепов в Самарканде XV в. Для сравнения: размеры центрального квадрата склепа мавзолея Биби-ханым — 4,7 м, Гур-Эмир — 4,4 м.

Склеп за «Безымянным-2» представлен крестовидным в плане помещением с развитой апсидальной пятигранной северной нишей и южным входным дромосом, обращенным в сторону открытой площадки. Углы центрального квадрата склепа срезаны под углом 45°, широкие ниши по оси восток-запад — обычного прямоугольного плана. Такой план предполагает нестандартное решение верхних конструкций, скорее уникальную звездчатую систему, характерную для внутренних куполов (по В.Л. Ворониной), которая реконструируется весьма приблизительно (рис. 187, 189).

Фрагменты профилированных нервюр из завала на полу (4–6 см толщиной, 10–15 см шириной) были отлиты из ганча

с цемянкой (дробленый кирпич) и армированы для прочности камышом (прием, отмеченный для XV в. в мечети Анау³²⁶). Лекальные, рубчатые, сложные геометрические и прямые формы гуртов облицовывали сложную систему перекрытия, один из вариантов реконструкции которого в виде щитовидных парусов предложен Ю.З. Шваб³²⁷ (рис. 187).

Расположенный точно на продольной оси восток-запад склеп сильно смещен с поперечной оси «Безымянного-2». Он не только не вписывается в рамки интерьера мавзолея³²⁸, но почти полностью выходит за его пределы. Склеп прорезает западную стену мавзолея (при максимально низком перекрытии, по реконструкции), находится чуть выше вымостки полов мавзолея.

Осталось неясным, когда возник склеп: до разрушения мавзолея «Безымянный-2» или после. По всем показателям склеп представлял собой фундаментальное сооружение, архитектура и конструкции которого свидетельствуют о заказе кого-то из придворной царской среды времен Улугбека.

Типологически склеп относится к широко распространенной в конце XIV — первой половине XV в. группе крестовидных склепов Средней Азии (самаркандские и шахрисябзские склепы конца XIV — начала XV века), Ирана и Афганистана (в мавзолее Гаухаршад в Кухсоне, в мечети Абу-Наср-Пасра в Балхе XV в. и др.), а также Азербайджана.

В ансамбле Шахи-Зинда крестовидные склепы появились в 80–90-е годы XIV — начале XV в. (мавзолей Ширинбек-ака, эмира Бурундука, «Матери султана»), в Самарканде к этой группе относится склеп Гур-Эмира, Биби-ханым. Такой же план можно видеть в склепе Темура из

³²⁶ Пугаченкова Г.А. Мечеть... . 1959. С. 22.

³²⁷ Немцева Н.Б., Шваб Ю.З. Ансамбль... . 1979. С. 81. Рис. 97.

³²⁸ Шваб Ю.З. Мавзолей «Неизвестный-2»... . 1963. С. 23. Рис. 1.

комплекса Доруссиадат, Хазрети Имам в Шахрисябзе. Везде прослеживается развитие единой архитектурно-планировочной идеи.

Развитая пятигранная северная ниша, сложный сетчатый плафон (по реконструкции) создавали совершенно уникальный интерьер. Это просторное помещение со сложным перекрытием было единственным склепом в ансамбле Шахи-Зинда, где перекрытие было украшено ганчевыми нервюрами, как показывают найденные фрагменты.

Оригинальный план и реконструируемое на этой основе перекрытие склепа говорят об определенном этапе развития погребального и поминального обряда в среде высшей знати Самарканда. Неординарное объемно-планировочное решение склепа представляет большой историко-архитектурный интерес для строительной культуры первой половины XV в. Склеп по своим архитектурно-конструктивным данным относится к лучшим постройкам эпохи Темуридов, он был выстроен в традициях высокоразвитого зодчества (рис. 190).

При расчистке склепа следов захоронений на полу не найдено, судя по всему, погребения были совершены под полом (не вскрывались).

Декорированный гуртами интерьер склепа — показатель не только дальнейшего развития архитектуры и конструкций, но и свидетельство двойной функции склепа. В склепах такого типа погребения совершались под полом в грунтовых могилах (Гур-Эмир, «Матери султана», Ишрат-хана), это давало возможность многократно входить в склеп не только для погребального, но и поминального обряда. Ранние склепы после погребения на полу замуровывались и открывались только для последующих захоронений.

Деревянные связи в пазухах, дифференцированный раствор кладки (кыровый в основании, ганчевый в перекрытии),

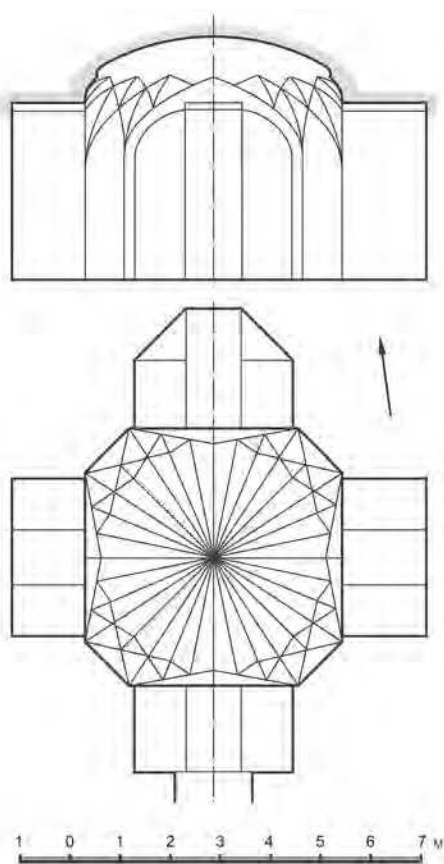


Рис. 187. Склеп XV в. за порталом «Безымянного-2» (реконструкция Ю.З. Шваб)

Fig. 187. A crypt of the 15th century behind the portal of 'Unnamed-2' (reconstruction by Yu.Z. Shvab)

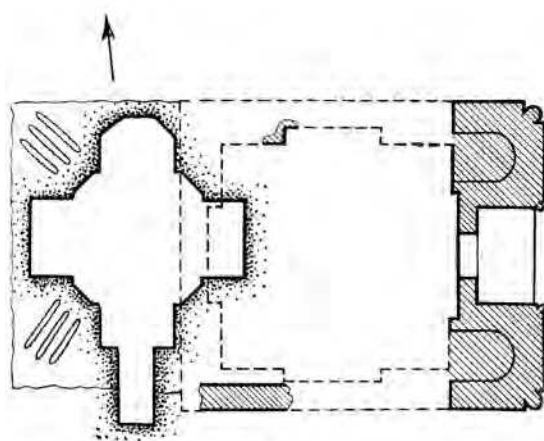


Рис. 188. Склеп XV в. за порталом «Безымянного-2». План. Раскопки 60-х гг. XX в.

Fig. 188. Plan of a crypt of the 15th century behind the portal of 'Unnamed-2'. Excavations of the 1960s



Рис. 189. Склеп XV в. за порталом «Безымянного-2». Вид с юга. Раскопки 60-х годов XX в.

Fig. 189. A crypt of the 15th century behind the portal of 'Unnamed-2'. View from the south. Excavations of the 1960s

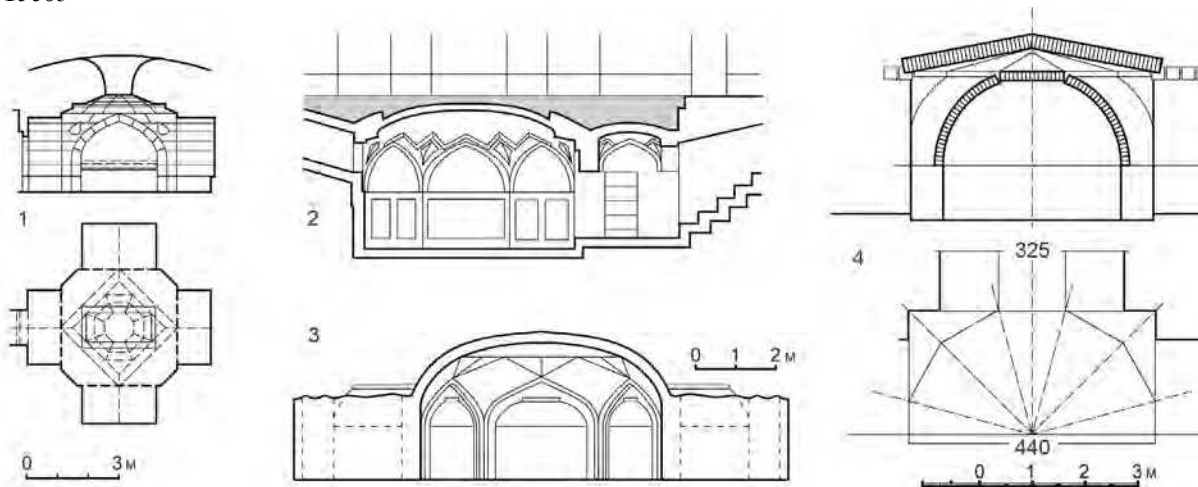


Рис. 190. Склепы XIV–XV вв. Схемы планов и разрезов: 1. Склеп Темура в Шахрисябзе; 2. Склеп мавзолея Ишрат-хана в Самарканде; 3. Склеп мавзолея в Барде (Азербайджан); 4. Склеп мавзолея Гур-Эмир в Самарканде

Fig. 190. Crypts of the 14th – 15th centuries, plans and cross-sections: 1. Crypt of Temur in Shakhriyabs, 2. A crypt in Ishrat Khana mausoleum in Samarkand, 3. A crypt in a mausoleum in Barda (Azerbaijan), 4. Crypt in Gur-Amir mausoleum in Samarkand

декоративная ганчевая отделка — свидетельства высокой строительной культуры, присущей эпохе Темуридов, что позволяет отнести время сооружения склепа к первой половине XV в.

«Восьмигранник»

Этот необычный для комплекса Шахи-Зинда по объемно-планировочной структуре мавзолеев-ротонда со сквозными гранями по сторонам расположен севернее мавзолея Ширинбек-ака в «средней группе». Мавзолей был вписан в небольшой свободный участок между двумя мавзолеями XIV в. Уникальный октагональный павильон (по осям — 6,3 м) явно построен под влиянием мавзолеевого зодчества Западного Ирана или Азербайджана, где эта форма гробниц была традиционной и известна по сооружениям XI—XII вв. Оригинальный силуэт мавзолея органически вписан в группу портално-купольных усыпальниц XIV в., вносит разнообразие в общий силуэт и панораму ансамбля (рис. 191, 194, фото 33, 34).

Когда-то восьмигранная ротонда со сквозными арками в гранях была увенчана небольшим сферическим куполом с легким кирпично-мозаичным декором³²⁹. Грани мавзолея облицованы набором цветных глазурованных кирпичиков в сочетании со шлифованным кирпичом, тимпаны арок оформлены наборной резной мозаикой. Интерьер и внутренний купол покрыты полихромной живописью по ганчу в голубовато-синей гамме, стилистически схожей с росписями двухкупольного мавзолея «Матери султана», шахрисябзского мавзолея Гумбези-Сейидан, самаркандского медресе Улугбека (рис. 193, 195).

«Восьмигранник» — типологически новый для комплекса Шахи-Зинда беспор-

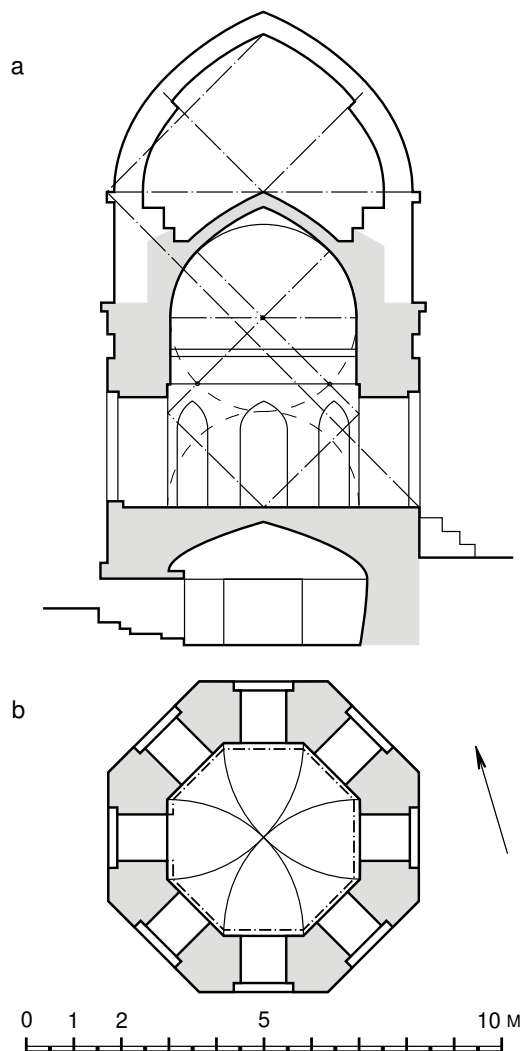


Рис. 191. Мавзолей «Восьмигранник»: а — разрез, б — план

Fig. 191. 'Octahedron' mausoleum, a — cross-section, b — plan

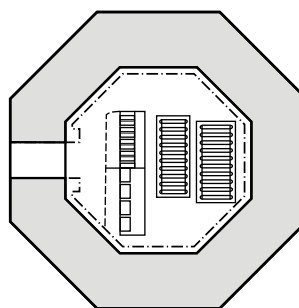


Рис. 192. Мавзолей «Восьмигранник», план склепа с погребениями

Fig. 192. 'Octahedron' mausoleum, plan of the crypt with burials

³²⁹ Наружный купол сохранялся еще в начале XX в. См.: Пугаченкова Г.А. Зодчество... 1976. Фото на стр. 83.



Рис. 193. Мавзолей «Восьмигранник», роспись интерьера. Фото 1957 г.

Fig. 193. 'Octahedron' mausoleum, painting of the interior. Photo, 1957



Рис. 194. Мавзолей «Восьмигранник». Фото 1998 г.

Fig. 194. 'Octahedron' mausoleum. Photo, 1998

тальный мавзолей, он генетически связан с башенными мавзолеями Западного Ирана и Азербайджана. Появление столь нехарактерной для ансамбля и вообще для Самарканда архитектурной формы, вероятнее всего, обязано иноземным мастерам, которых свозил в столицу еще Амир Тему́р.

В подполье мавзолея расположен гранный, повторяющий форму верхней камеры склеп (3,92×3,94 м по оси, высота 2,53 м). Принцип конструктивной взаимосвязи верхней и нижней камер, отмеченный для мавзолеев рубежа XIV-XV веков, здесь представлен в сложившейся форме — стены верхней ротонды продолжают стены склепа.

В середине XX в. мавзолей был обмерен (А.Н. Виноградов)³³⁰, вскрыто основание здания (А.И. Тереножкин)³³¹, в 60-е годы XX в. обследован склеп (Н.Б. Немцева, антрополог В.Я. Зезенкова).

В склепе совершено четыре женских погребения в грунтовых могилах разного типа. Две центральные — грунтовые могилы-цисты с кирпичной обкладкой стенок и поперечно-балочным перекрытием. Третье погребение совершено в кирпичном ящике-цисте, перекрытом кирпичом на ребро. Четвертое, последнее погребение, совершено в грунтовой могиле типа «ляхат» (подбой). «Ляхат» был врезан наполовину в третью могилу.

Разный тип могил четырех женщин в одном фамильном склепе, видимо, отражает какие-то традиционные этнические особенности в погребальном обряде, неувидительные при многоженстве и при дворных гаремах в мусульманском обществе.

«Восьмигранник», как и большая часть мавзолеев Шахи-Зинда, оказался женской усыпальницей. Это окончательно сняло выдвинутое еще в 40-е годы XX в. предпо-

³³⁰ Виноградов А.Н. Мавзолей... . 1956. С. 5—13.

³³¹ Тереножкин А.И. Отчет... . 1970. С. 109—111.

ложение о принадлежности усыпальницы астроному времен Улугбека — Казизаде Руми.

Погребальный обряд, зафиксированный в склепе, представляет новый для ансамбля Шахи-Зинда тип — в грунтовых ямах под полом (в виде ящика и подбоя) без каких-либо признаков самих могил сверху (надгробная плита, холм)³³². Склеп «Восьмигранника» представляет промежуточный тип между первыми примитивными камерами, предназначенными исключительно для захоронений, и развитыми, сложными по конструкции склепами, где совмещался погребальный и поминальный обряды. Темная, в черновой кладке, без признаков декора, проветривания и освещения, с узким (90 см) небольшим входом камера склепа еще не приспособлена для поминальных обрядов, однако захоронения в ней совершенны уже под полом, что характерно для склепов с двойной функцией (рис. 192).

Во времена правления Улугбека был обновлен и комплекс Кусамы ибн Аббаса. В середине XV в. на месте мечети XI в. была выстроена существующая большая трехчастная мечеть с резным деревом в перекрытии, с михрабом в мозаичной облицовке и голубыми панелями из шестигранных плит с мозаичным бордюром. В это время в северо-западном углу зиаратханы был пробит небольшой проем, связавший мечеть с гробницей Кусамы ибн Аббаса, как уже говорилось.

В XV в. был обновлен интерьер зиаратханы, в основании стен появилась голубая панель из шестигранных пашек с мозаичными вазонами в центре. Стены зиаратханы были заново покрыты росписью по ганчу с мелким геометрическим рисунком в темно-синей гамме, небольшие

остатки которой в 60-е годы XX в. были расчищены художником Г.Н. Никитиным (при реставрации 2004–2005 гг. перекрыты новыми росписями).

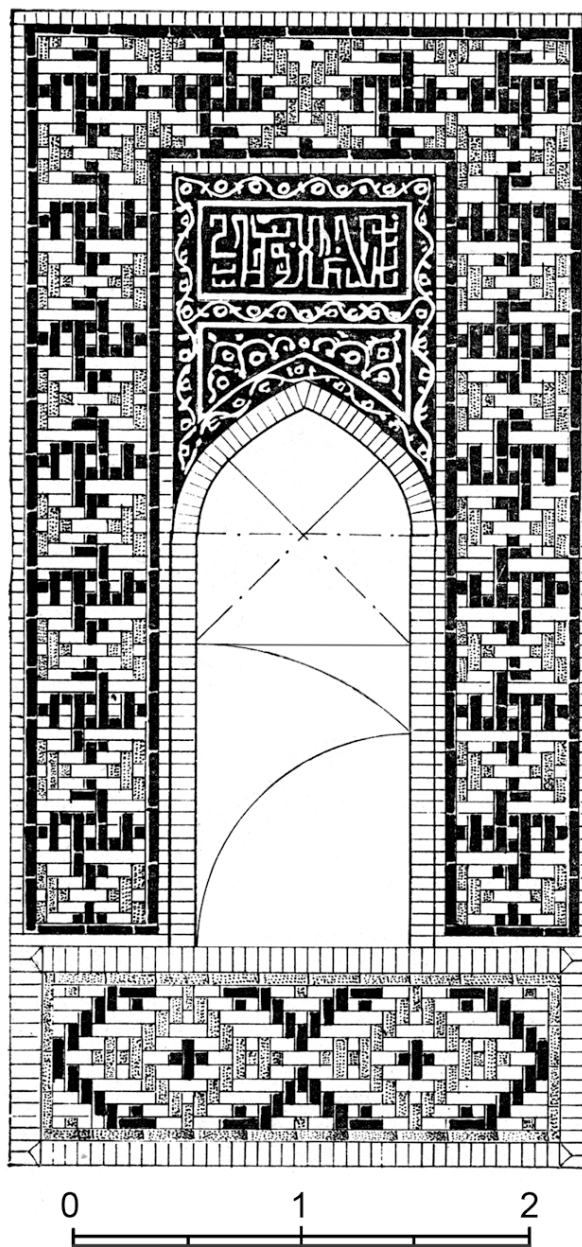


Рис. 195. Декоративное оформление «Восьмигранника» изразцовой мозаикой

Рис. 195. Decoration of 'Octahedron' with tiled mosaics

³³² Склеп вскрыт и обследован в 1965 г. Н.Б. Немцевой и антропологом В.Я. Зезенковой.

Глава 4

ШАХИ-ЗИНДА В XVI–XIX вв.

Заброшенная святыня

С распадом к концу XV в. темуридского государства и появлением на исторической арене в начале XVI в. новой правящей династии Шейбанидов из кочевого в недавнем прошлом тюрко-монгольского племени узбеков, объединивших под своей властью Мавераннахр и на короткий период часть Северного Хорасана, Самарканд перестает быть столицей, хотя и сохраняет положение важного в политическом и культурном отношении города.

Основное монументальное строительство при Шейбанидах и следующей династии, Аштарханидах, в XVI–XVII вв. сосредоточивается в столичной Бухаре. «Царский некрополь» Темуридов — ансамбль Шахи-Зинда в Самарканде перестает быть предметом первостепенного внимания новых правителей. В некрополе Шахи-Зинда больше не строят парадных гробниц. Шейбаниды не хоронят здесь представителей своей династии. Идет постепенное запустение и разрушение мавзолеев «царского некрополя» эпохи Амира Темура и Темуридов.

Период XVI–XIX вв. — время некоторой стагнации в жизнедеятельности Шахи-Зинда, ансамбль уже не поддерживался на государственном уровне, хотя комплекс Кусам ибн Аббаса и на этом этапе оставался важной мусульманской святыней.

Археологически зафиксировано, что разрушение «западного коридора», вскрытых мавзолеев в «средней группе», обрушение куполов и стен в «Безымянном-2» и в мавзолее Ходжи Ахмада начинается уже в конце XV — XVI в. К началу XVII века часть перечисленных мавзолеев лежит в руинах, а сохранившиеся здания обветшали, декоративная облицовка облетела, как показывают первые фотоснимки ком-

плекса Шахи-Зинда, выполненные в XIX в. разными российскими ведомствами.

В XVI–XVII вв. на месте разрушенных темуридских гробниц появились погребальные постройки, ничем не напоминающие архитектурные шедевры предшествующей поры. Замечательные строительные традиции темуридского мемориального зодчества в них полностью утрачены. На протяжении этого времени в «средней части» ансамбля появились небольшие, элементарные по конструкциям и архитектурным формам мавзолеи, полуназемные сагана (раскопаны основания шести мавзолеев, трех сагана) без декора, с тонкими (60–70 см) стенками без фундаментов. Сложены эти мавзолеи из сборного, размерного, в ряде случаев сырцового кирпича. Концентрируются постройки на опустевших участках западной стороны, но по-прежнему подчинены традиционной фронтальной линии некрополя Темуридов вдоль старой улицы-дороги. Отдельные погребальные сагана в XVIII–XIX вв. появились у некрополя на оплывах крепостной стены городища.

Наиболее значительные погребальные сооружения раскопаны между мавзолеем «Безымянный-2» и эмира Бурундука, где застраивалась территория бывшего медресе Кусамийа XI в. К portalу «Безымянного-2» справа был пристроен мавзолеем первой половины XVI в. (рис. 1, 196 «36»), от которого сохранилось основание стен и полностью уцелевший, добротно построенный прямоугольный склеп, перекрытый коробовым сводом, где еще можно наблюдать традиции темуридского зодчества. Склеп был «вписан» в одно из помещений юго-восточной части медресе Кусамийа.

Дромос склепа, как и вход в мавзолеем, был ориентирован на восток, в сторону ко-

ридора. Погребения совершались на полу склепа, костные останки были сдвинуты в задний торец, насчитано около сорока черепных коробок. Только последнее погребение у входа в склеп сохранилось неповрежденным, в изголовье захоронения найден квадратно-плиточный кирпич с молитвами на арабском языке, выполненными черной тушью³³³.

Второй небольшой склепик (рис. 1, 196 «43»), перекрытый сводом типа балхи, был вскрыт в центре входного айвана медресе Кусамийа. Входной лаз был ориентирован на юг (видимо, проходной айван портала медресе еще не был погребен под слоями кладбища (?)).

Сразу за порталом «Безымянного-2», слева, почти на дневной поверхности сохранилась небольшая семейная сагана (1,6×2 м), крытая куполом балхи. Сагана относится к концу XIX — первой половине XX в., внутри перемешанные костные останки, может быть, от 2—3 человек.

Потеря интереса к династийному темуридскому некрополю Шахи-Зинда в XVI в. при Шейбанидах — не единственная причина утраты темуридских строительных традиций в мемориальном зодчестве Самарканда. Сказались и общие закономерности в развитии погребальных сооружений средневекового Мавераннахра. Под влиянием новой этнической волны из тюркско-монгольских племен, оказавшихся у власти, сменился тип погребальных сооружений. В XVI—XVIII вв. постепенно на смену пышным портално-купольным гробницам эпохи Темуридов с блестящей глазурованной

Рис. 196. План-схема ансамбля XVI–XIX вв.: 22. Обводной коридор комплекса Кусам ибн Аббаса; 23. Медресе Давлета Кушбеги, нач. XIX в.; 24. Второй чартак, XVIII–XIX вв.; 25. Летняя мечеть; 43. Мавзолей со склепом, XVI в.; 49. Лестница XVIII–XIX вв. на месте террас XV в.

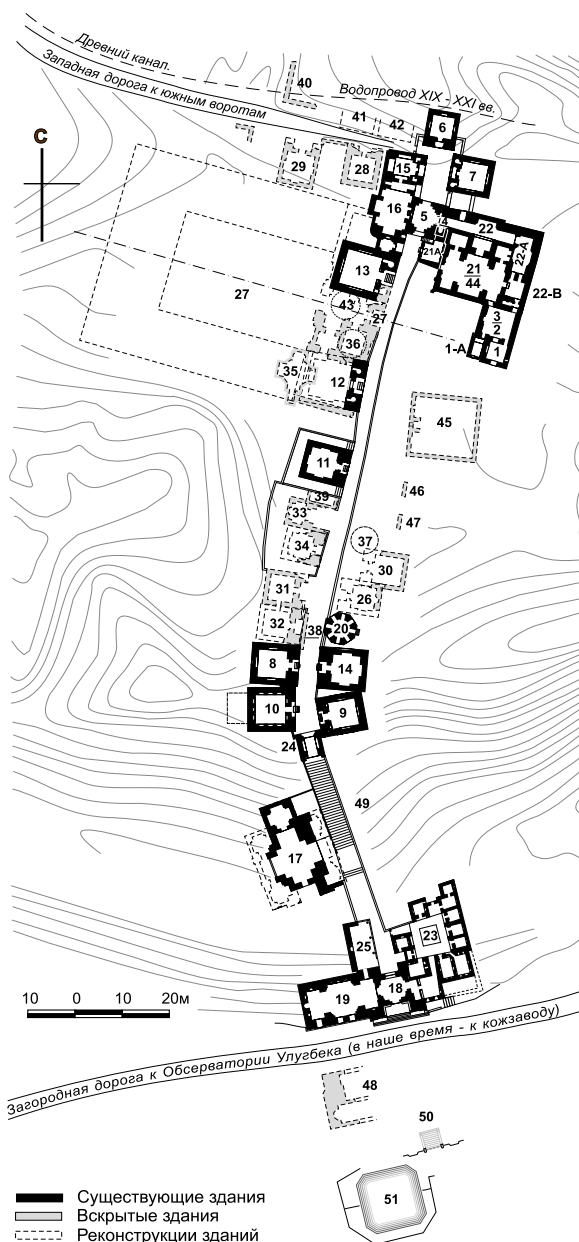


Рис. 196. The layout of the ensemble of the 16th – 19th centuries: 22. Bypass corridor in Khusam ibn Abbas complex, the 11th – 20th centuries, 23. Davlet-Kushbegi madrassah, the early 19th century, 24. The second chartak, the 17th – 19th centuries, 25. A summer mosque of the 19th century, 43. A mausoleum with crypt, the 16th century

³³³ Надпись на кирпиче содержит молитвы.



Рис. 197. Дахма в «южном дворе»

Fig. 197. Dakhma in the 'southern yard'

облицовкой приходит дахма — новый тип погребальных сооружений, ничем не напоминающих монументальные шедевры XIV — XV вв.

Дахмы (суфа) со второй половины XV в. становятся основным видом семейной гробницы в Мавераннахре. Это квадратное или прямоугольное в плане возвышение в 2—2,5 м высотой с плоским верхом. Дахмы были разные по размерам: небольшие на одно погребение и очень крупные семейно-родовые дахмы площадью до 14×16,5 м. Дахмы были облицованы плитами из серого мраморовидного известняка. На верхней площадке дахм в изголовье устанавливались мраморные надгробники и вертикальные стелы с эпитафиями. Внутри дахмы находилась инженерная конструкция — склеп из двух-трех и более сводчатых камер, на полу которых совершались погребения.

Как и мавзолеи, дахмы являлись семейными или родовыми гробницами, извест-

ными по многим историческим городам Центральной Азии.

Дахмы, как специфичный тип погребального сооружения, появились в Самарканде уже во второй половине XV в. Общеизвестен крупный некрополь с многочисленными дахмами на окраине Самарканда в селении Ходжа-и Кафшир у могилы могущественного шейха Ходжи Ахрара (ум. 1490 г.), политического и экономического деятеля второй половины XV в., фактического главы суфийского братства Ходжагон/Накшбандийа.

В 50-е годы XX в. на площади Регистан в центре старого Самарканда находилась дахма Шейбанидов (в 60-е годы перенесена на ул. Ташкентскую во двор позднего медресе, затем в начале XXI века — обратно на Регистан) точно такой же описанной выше формы.

Наиболее выразителен некрополь джуйбарских шейхов в Чор-Бакре под Бухарой, где в XVI в. вырос целый «город

мертвых». Основным видом погребально-го сооружения в Чор-Бакре были дахмы, иногда целая серия дахм, заключенных в дворики с оградой (хазира), иногда с небольшим порталным входом и михрабом³³⁴.

Крупные семейно-родовые дахмы в XVI в. складывались в известных суфийских центрах. В 10 км на северо-восток от Бухары в селе Бахауддин сложился культовый комплекс с несколькими родовыми дахмами у ханаки Бахауддина Накшбанди³³⁵.

Крупные дахмы находятся у ханаки Касым-шейха XVI в. в Кермине, в том числе двухкамерная дахма основателя ханаки Касым-шейха и Абдуллахана³³⁶. Мемориалы типа дахма известны по Северо-Восточному Хорасану (комплекс Абдаллаха Ансари XV в. близ Герата и др.).

Поздние безымянные дахмы в XVI—XVIII вв. существовали и в Шахи-Зинда. В «нижнем дворе» справа и сейчас можно видеть боковую стенку крупной дахмы в мраморной облицовке, застроенной поздними постройками (рис. 197). Дахмы в районе «средней группы» ансамбля не зафиксированы, найдены только серомраморные надгробные блоки, разбросанные на оплывах крепостной стены и по внешнему склону городища, которые могли стоять на дахмах.

«Саркофаги». Интересен еще один вид поздних погребений в деревянном «срубе» или «саркофаге», которые найдены в средней группе ансамбля в округе комплекса Кусам ибн Аббаса. Погребальный деревянный «саркофаг» представляет собой прямоугольный ящик на одно захоронение. Размер «саркофага» — 2×1 м, высота — 1 м, собран ящик из арчовых досок без гвоздей путем вставки их в специально вырезанные пазы. В основании «саркофага»

по периметру проложена мощная балка сечением 15–18×23 см с пазами для установки и крепления досок. Такая же система и в верхней части. В комплексе Шахи-Зинда мною зафиксировано три деревянных «саркофага» одного типа (рис. 198).

Один был вскрыт в 60-е годы у северного пилона портала «Безымянного-2», сразу за подпорной стеной коридора (антропологически не обследован). Второй «саркофаг» был вскрыт в мае 1996 г. при ремонтных работах комплекса Кусам у западной стены тугханы, в 0,7–1,0 м от дневной поверхности. В «саркофаге» был похоронен мужчина 50–60 лет европеоидного типа с примесью монголоидности, характерного для местного городского населения. Третий «саркофаг» вскрыт в 1996 г. сразу за восточной подпорной стеной близ комплекса Кусам на уровне около 1 м от дневной поверхности. Погребение женское, возраст 60–65 лет, антропологический тип европеоидный с примесью монголоидности, характерный для горожан Самарканда (данные антрополога Института археологии АН РУз).

Погребения в деревянных «саркофагах» относятся, судя по стратиграфии, не ранее чем к XIX — началу XX века (после возведения или ремонта подпорной стены). Следов какого-либо надгробного сооружения над «саркофагом» не обнаружено, хотя перемешанность слоев на кладбище вокруг некрополя не позволяет быть уверенным, что его не было. Может быть, один из серомраморных надгробников с перебитыми эпитафиями (это практиковалось) принадлежал этим могилам. Как стояли «саркофаги» — открытыми или закрывались земляным холмом — также неясно. Судя по хорошей сохранности дерева, я не исключаю, что «саркофаги» стояли какое-то время открытыми и только позже оказались под землей.

Подобные «саркофаги»-гробы в Средней Азии имеют давнюю традицию, известны с древних времен. В частности, точно такие деревянные «саркофаги», от-

³³⁴ Альмеев Р., Некрасова Е. Некрополь Чор-Бакр. Бухара, 1996. С. 18 и сл.

³³⁵ Джуракулов М., Некрасова Е.Г., Ходжайов Т.К. Позднефеодальные некрополи, как исторический источник (учебное пособие). Самарканд, 1991. Рис. 27–33.

³³⁶ Там же. Рис. 41–42.



Рис. 198. Тип деревянного гроба конца XIX – нач. XX в. из Шахи-Зинда

Fig. 198. Type of a wooden coffin (sarcophagus), the late 19th – early 20th centuries in Shahi-Zinda

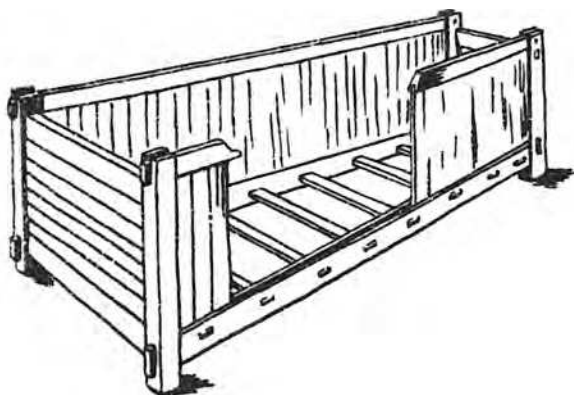


Рис. 199. Тип деревянного гроба (саркофаг) из кургана. Средняя Азия, начало н. э. (по: Литвинский Б.А. Курганы и курумы западной Ферганы. Москва, 1972. С. 74).

Fig. 199. A type of wooden coffin from the mound. Central Asia, the first centuries (according to B.A. Litvinsky, 'Kurgany i kurums', p. 74)

меченные Б.А. Литвинским³³⁷, были найдены в доарабском могильнике Таласской долины (**рис. 199**). Как и многие другие виды погребений, деревянные «саркофаги» (гробы) существовали на длительном промежутке времени, вплоть до наших дней, в Средней Азии и Иране.

Мраморные надгробные блоки, разбросанные в большом количестве вокруг ансамбля, представляют большой познавательный интерес для реконструкции позднесредневековой истории комплекса Шахи-Зинда. Надгробники сделаны из серого мраморовидного известняка в виде целого прямоугольного блока, обработаны декоративной рельефной резьбой с арабо-персидскими надписями, датами и эпитафиями. Часть надгробников в 90-е годы была собрана в коридоре ансамбля, в 2004 г. ряд надгробников был найден под поздним строительно-ремонтным мусором при общем благоустройстве ансамбля. Сейчас часть их установлена на специальной площадке у южного фасада комплекса Кусам ибн Аббаса. Среди мраморных блоков найдены надгробни-

ки из двух частей: горизонтальной плиты-лежака и вертикальной мраморной стелы, укрепленной в северном торце. Стелы из более качественного светлого мрамора, видимо, отражали социальный статус.

Серомраморные блоки имеют стандартную форму с небольшими отличиями в размерах и деталях отделки. Почти все надгробники обработаны угловыми полуколонками с трехчастным членением, имитирующим архитектурные формы (база, ствол с витым узором типа «морпеч» и капитель). Ряд блоков был украшен бордюром из сталактитовой шарафы. Большая часть боковых и верхней стенок надгробников покрыта арабо-персидскими надписями, содержащими суры из Корана и эпитафии в торцах.

Верхняя плоскость блоков также имеет сравнительно унифицированную схему орнаментальной композиции. Наиболее распространенная — бордюр с арабо-персидской надписью по периметру, многогранная лунка (вода для птиц?) в изголовье, иногда в наиболее богато орнаментированных — панно с гирихом и фигура трехлопастного модахилия (**рис. 200–204, фото 30**).

³³⁷ Литвинский Б.А. Курганы и курумы... . 1972. Табл. 132 (2).



Рис. 200–204. Намогильные камни XVI – XVII вв. из комплекса Шахи-Зинда
Fig. 200–204. Gravestones of the 16th – 17th centuries from Shahi-Zinda



Рис. 205, 206. Намогильные плиты из комплекса Шахи-Зинда

Fig. 205, 206. Tomb slabs from Shahi -Zinda

Судя по аналогам, намогильные блоки устанавливались на дахмах (дахма Шейбанидов в Самарканде, в Бухаре, в Кермине, дахмы в комплексе Абдаллаха Ансари XV в. в Газургохе близ Герата) или на широкое горизонтальное кирпичное основание над грунтовой могилой.

Очень важный аспект изучения позднесредневековой истории ансамбля Шахи-Зинда, аккумулированный в большом количестве намогильных блоков и плит, практически только начат. Еще в 60-е годы прошлого века часть намогильников получила первичную фотофиксацию (Н.Б. Немцева), были прочтены эпитафии, которые показали, что намогильники XVI–XVII вв. принадлежат средней социальной прослойке населения Самарканда (главный мулла, судья, торговец парфюмерией и др.³³⁸). Некрополь Шахи-Зинда к этому времени потерял статус «царского» и кладбище в округе ансамбля было доступно широкому кругу горожан.

Интересные данные по этой теме были получены Б. Аминовым. Чтение эпитафий на намогильниках XVI–XVII вв. из комплекса Шахи-Зинда показало, что большая часть их принадлежит **самаркандской ветви сейидов-мусавийа — потомков рода пророка Мухаммада**³³⁹, к которому принадлежал и Кусам ибн Аббас.

Сейиды составляли обособленную группу в социальной иерархии мусульманского общества и искони пользовались у верующих не только почетом, но и многими привилегиями³⁴⁰. Сейиды считались главными представителями религиозных идей мусульманства, не подлежали смертной казни, только они могли говорить всю правду государям. Честь быть сейидом ценилась так высоко, что среднеазиатские правители-нечингизиды брали в жены де-

³³⁸ Чтение надписей в 60-е годы XX в. выполнял востоковед Д.Г. Вороновский (Институт востоковедения АН УЗССР).

³³⁹ Аминов Б. Генеалогия сейидов с погребальной эпиграфикой некрополя Шахи-Зинда (Самарканд). Доклад был прочитан на «Бартольдских чтениях» в конце 2009 г. в Ташкенте. Благодарю автора за возможность ознакомиться с неопубликованным текстом.

³⁴⁰ Султанов Т.И. Поднятые... . 2001. С.28.



Рис. 207. Намогильная плита из комплекса Шахи-Зинда

Fig. 207. Tomb slabs from Shahi-Zinda

вухек из потомков Пророка, чтобы следующее поколение их потомков могло присоединить к своим титулам высокое звание «сейид»³⁴¹.

Надеюсь, что когда-нибудь начатая важная работа по изучению поздних намогильников в комплексе Шахи-Зинда будет продолжена, намогильники будут прочитаны, классифицированы по формам, выявлена динамика их развития, датировки, социальный статус и другие историко-культурные данные на одном из старых кабристанов Самарканда.

«Нижний дворик», XVIII-XIX вв.

В конце XVIII — начале XIX века на территории комплекса Шахи-Зинда оживилась некоторая строительная деятельность. Была застроена нижняя группа ансамбля, сформировался «нижний дворик».

При Шахмураде в конце XVIII — начале XIX века террасы времени Улутбека по южному склону городища были заменены одномаршевой лестницей в 32 ступени шириной около 4,5 м, которая в советское и постсоветское время ремонтировалась уже не единожды. При строительстве лестницы склон городища спланировали, разровняли остатки строений XV в., площадку перед мавзолеем «Матери султана» уничтожили. Под лестницей сохранился неоднородный слой, плотный глинистый, местами рыхлый строительный мусор, кое-где закрепленный несколькими рядами кладки³⁴². С восточной стороны перед двухкупольным мавзолеем сохранились части террасы XV в. В 2004 г. расчищена подпорная стена этой террасы высотой около 2 м, длиной 14 м, шириной 10 м, боковая поверхность которой облицована фигурной декоративной кладкой, выполненной шлифованным кирпичом. Примерно в центре подпорной стены сохранились остатки выступающего пилона-контрфорса (ширина около 1 м). Геометрический рисунок оконтурен бордюром из поперечных кирпичиков. Три сохранившихся панно включают три разных узора, набранных из кирпича в «елочку», и два панно из шлифованных плиток, заключающих гирихи.

Как показали археологические работы в начале 50-х годов, на вершине крепостного вала в XVIII в. возвели (перестроили?) вторую проходную сень — чартак

³⁴¹ Султанов Т.И. Поднятые... . 2001. С.28.

³⁴² Перекладка лестницы в 60-е годы XX в. показала, что под лестницей находится неоднородный слой, связанный с разрушением остатков террас XV в. и подготовкой земляной основы для установки одномаршевой лестницы. См.: Немцева Н.Б. Шваб Ю.З. Ансамбль... . 1979. С. 140.

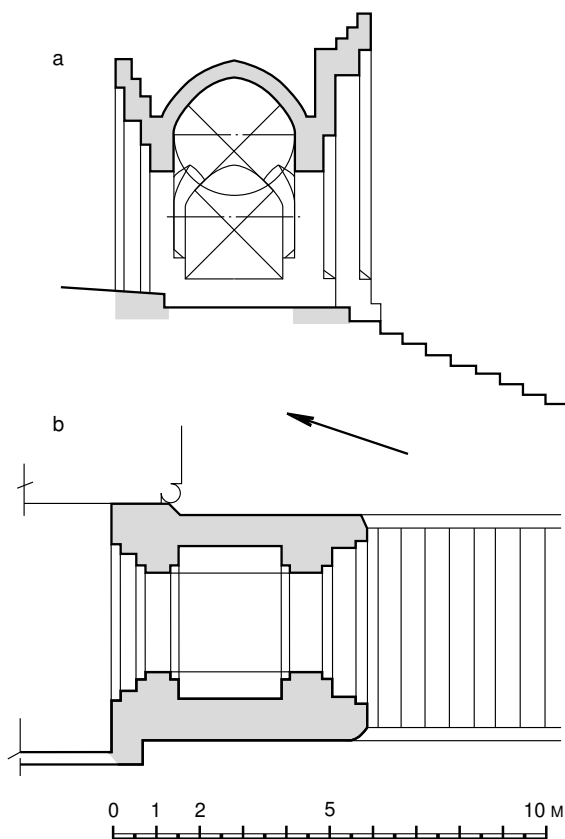


Рис. 208. Второй чартак, XVIII–XIX вв.:
а – разрез, б – план (по Ю.З. Шваб)

Fig. 208. The second chartak of the 18th – 19th centuries, a – cross-section, b – plan (according to Yu.Z. Shvab)

(план, «24», рис. 208), который отмечал конец ансамбля времени Темура в пределах крепостных стен городища и начало строительства при Улугбеке по внешнему склону.

За входным порталом и дарвазаханой сформировался существующий в наше время «нижний дворик». На правой (восточной) стороне дворика было построено небольшое медресе Давлета Кушбеги с внутренним двором и застройкой худжрами по периметру (рис. 209).

Одновременно с медресе на западной стороне в «нижней группе» в начале XIX в. была выстроена летняя мечеть айванного типа (план, «25», фото 7, рис. 210). Плоское балочное перекрытие мечети опирается на стройные деревянные колонны тради-

ционной формы, наборные деревянные потолки расписаны яркой полихромной росписью, стены покрыты резным ганчем в характерном для XIX в. стиле (рис. 210).

Мечеть представляет собой типичный образец позднефеодальной народной архитектуры. В 1910 г. наборный потолок и стены были заново расписаны самаркандскими мастерами (усто Сиддик, усто Абдузахид и усто Махмуд), как показывают надписи. В результате появления этих двух построек образовался узенький, маленький так называемый «южный» или «нижний дворик».

Некоторые ремонтные работы в XIX в. коснулись комплекса Кусамы ибн Аббаса. Как установил художник-реставратор Г.Н. Никитин, в 1883/84 гг. были в очередной раз оштукатурены и покрыты полихромными росписями стены зиаратханы. Этим завершилось основное строительство в ансамбле Шахи-Зинда в XIX в.

Заупокойный культ по материалам комплекса Шахи-Зинда

Погребальный и поминальный обряды — одна из важных сторон духовной и материальной культуры в жизни общества. На всех этапах развития цивилизаций с глубокой древности придавалось большое значение заупокойному культу. В нем получили отражение идеологические и религиозные представления, социальный статус, этнические различия, семейные и родовые отношения, традиции и общий уровень культуры. Во всех конфессиях мира многие тысячелетия вырабатывался заупокойный культ, состоящий из серии ритуальных церемоний (оплакивание, погребение, поминки), которые при всем многообразии имеют много общих черт.

Данные по заупокойному культу, ритуальной практике отражены в письменных источниках, древней и средневековой жи-

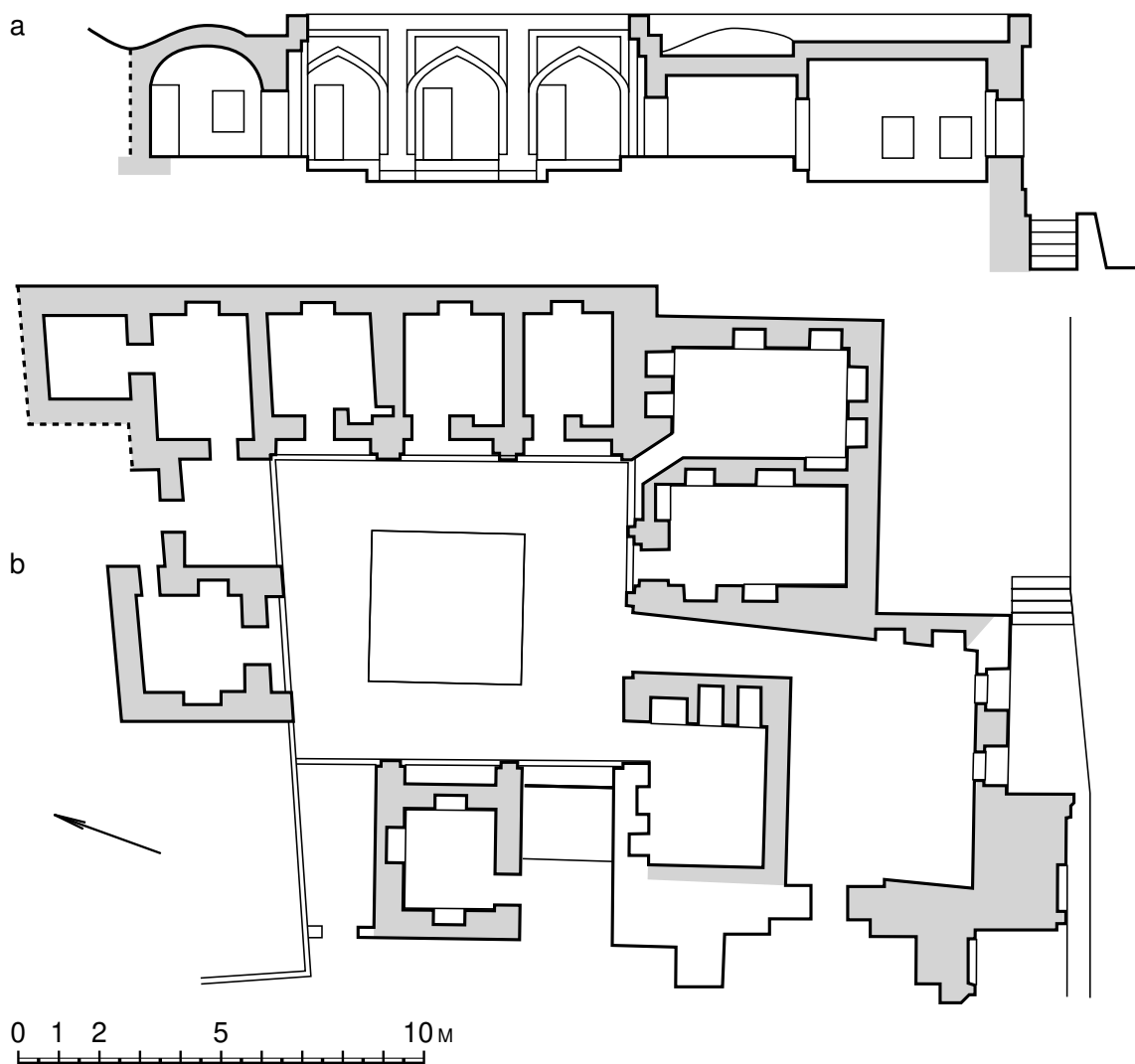


Рис. 209. Медресе Давлета Кушбеги в «южном дворе», XIX в.: *a* – разрез, *b* – план

Fig. 209. Davlet Kushbegi madrasah in the 'southern yard': *a* - cross-section, *b* - plan

вописи, воплощены в скульптуре, каменных изваяниях и других видах искусства, но большая часть информации по этой проблеме получена в процессе этнографических и археологических исследований древних курганов и средневековых кабристанов, а также современных погребально-поминальных обрядов, воплотивших многие древнейшие традиционные реликты.

В ансамбле Шахи-Зинда отражены не только эстетические и художественные приоритеты средневекового общества, не только запечатлен высокий уровень стро-

ительного искусства в периоды наивысшего подъема государственности в XI–XII вв. при Караханидах и в XIV–XV вв. при Амире Темуре и Темуридах, но и принятый в придворной среде погребально-поминальный ритуал.

Археологические и антропологические исследования в ансамбле Шахи-Зинда, существующего на протяжении всего второго тысячелетия н.э., позволили получить большой фактологический материал по заупокойному культу в среде царского двора и высшей феодальной знати, а так-

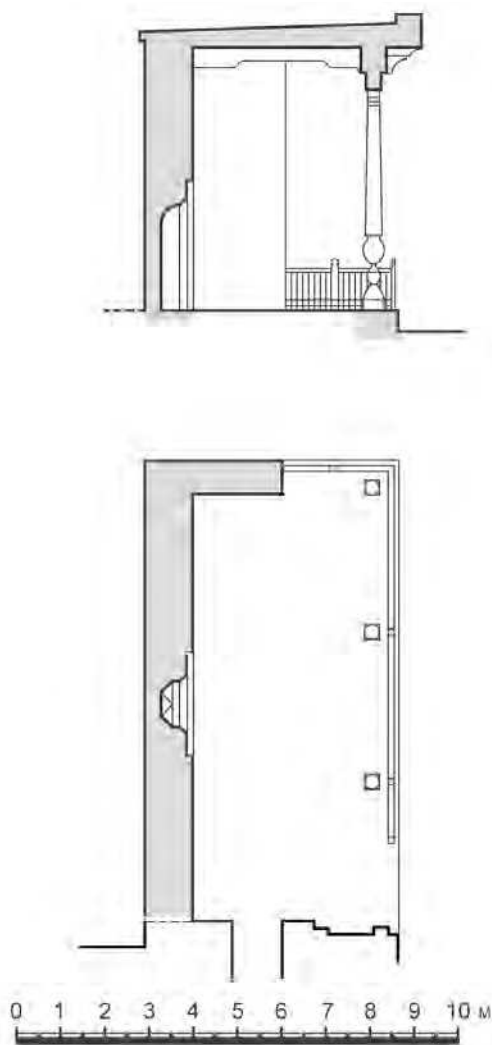


Рис. 210. Летняя мечеть: разрез, план (по Ю.З. Шваб)

Fig. 210. Summer mosque, cross-section, plan (according to Yu.Z. Shvab)

же обычных самаркандских горожан, данные по этногенезу Средней Азии. Прослежена трансформация конструкций и архитектуры погребальных камер в мавзолеях XIV–XV вв. от примитивных склепов, предназначенных исключительно для захоронений, до сложных подпольных склепов с двойной, погребальной и поминальной, функцией.

Наиболее выразительно изменения в заупокойном культе представлены в склепах усыпальниц XIV–XV вв., конструкция и архитектура которых на протяжении

одного столетия (середина XIV — середина XV в.) динамично развивались и трансформировались, отражая разнообразие в погребальном и поминальном обряде.

Социальный статус захороненных в ансамбле лиц из кровной родни главы государства, придворной знати и высшего духовенства — определенный детерминант норм и условностей в заупокойном культе в царской среде, где надо предполагать строгое следование традиционным обрядам и рекомендациям шариата.

На большом сравнительном материале в комплексе Шахи-Зинда прослежена эволюция погребальных форм (ящик, подбой, склеп, дахма, саркофаг, сагана), а также процесс развития архитектуры и конструкций мавзолеев и подпольных склепов.

В склепах XIV–XV вв. выявлены разнообразные способы погребения (непосредственно на полу или под полом в грунтовой могиле, в деревянном гробу или без гроба, на доске, в одежде или без, в грунтовой могиле типа «ящик» или типа «ляхат»), как показано выше, свидетельствующие о разных типах погребений при единой для данного географического пояса ориентации покойного север-юг с поворотом лица на запад, в сторону главного мусульманского святилища Каабы. Эта мозаика в погребальном обряде отражала семейно-родовые традиционно-этнические признаки при единой для региона ориентации.

Существующий ансамбль Темуридов — преимущественно женский некрополь. Каждый мавзолей со склепом несомненно принадлежал одной семье, и разные способы захоронения в одном склепе, надо полагать, отражали разную этническую принадлежность, неудивительную при известном в мусульманской среде многоженстве и гаремах, где были женщины разного племенного и социального происхождения.

Исследования в комплексе Шахи-Зинда показали, что в караханидском некрополе

склепов в гробницах нет. Погребения совершались под полом мавзолея в «ящике» из сырцового или жженого кирпича или в подбойных грунтовых могилах типа «ляхат».

Хорошо датированное погребение в гурхане Кусамы ибн Аббаса (XI в.) было совершено в кирпичном «ящике» (ширина внутри 33–35 см), сложенном из прямоугольного сырцового кирпича, характерного для Самарканда XI–XII вв. (34×18×7 см), сверху перекрытого более крупным сырцовым кирпичом (25×50×10 см), уложенным наискось на ребро («домиком»). Дополнительно эта конструкция перекрыта сырцовым кирпичом плашмя. Скелет принадлежал мужчине старческого возраста европеоидного типа со следами монголоидности (местный самаркандский тип), лежал на спине, головой на север с поворотом лица на запад.

В мавзолее Лачин-бека XI в. в 2004 г. в одном горизонте под полом было вскрыто несколько погребений, часть которых (в том числе центральное) совершена в ящиках из жженого кирпича и в грунтовых могилах типа «ляхат» с подбоем³⁴³. Погребения стратиграфически зажаты между культурным слоем периода обживания городища в IX–X вв. (бадрабы X в., холодильная подземная камера тагхана, хорошо известная по Афрасиабу) и уровнем пола в мавзолее Лачин-бека, фиксированного выступом цоколя из каменного бута.

К относительно ранним погребениям в Шахи-Зинда относятся могилы, обнаруженные в поминальной нише под тугханой комплекса Кусамы ибн Аббаса. В основании ниши вскрыты три погребения одной ориентации. Первое (у задней стены) совершено в деревянном гробу трапециевидной формы, который составляют две боковые доски, с поперечным перекрытием гроба широкими досками (15–16 см). Второе погребение (наружное, крайнее) совершено

в «ящике» из прямоугольного караханидского кирпича, перекрытого сырцовым кирпичом на ребро – «домиком». Третье погребение втиснуто между деревянным гробом и «ящиком». Могила выложена жженым кирпичом 23×23×3 см, скелет засыпан землей, перекрыт обломками жженого кирпича. Все три погребения мужские, одно принадлежит юноше 18–20 лет³⁴⁴.

Датировка погребений не вполне ясна. Вероятнее всего, они совершены после того, как поминальная ниша под тугханой стала зарастать культурным слоем от наступавшего кладбища на рубеже XII–XIII в. (или после монгольского нашествия?).

Средневековые погребения в подбоях и «ящиках» известны по всей Средней Азии, в том числе на Афрасиабе, наиболее детально изучены на городище Миздахкан (Хорезм)³⁴⁵. Подбойные могилы на городских кладбищах, как показывают исследования, – большая редкость, истоки их уходят в эпоху бронзы (Сапаллитепе, Джаркутан, Гонур и Тагалок на юге Средней Азии). Они связаны главным образом с кочевым населением Средней Азии. Могилы типа «ляхат» на средневековых городских кладбищах могут свидетельствовать о прочных погребальных традициях в среде бывших кочевников.

Тулхарский могильник кочевников (II век до н.э. – I век н.э.), например, представлен преимущественно подбойными могилами³⁴⁶. Городской средневековый могильник Миздахкана включает в основном погребения в «ящике» и как исключение – подбойные могилы³⁴⁷.

Культ «порога дома». В комплексе Шахи-Зинда к XI в. относятся два детских погребения в медресе Кусамийа. Детские погребения (возраст 2–3 года) в «ящиках» из сырцового кирпича обнаружены внутри

³⁴³ Археологические работы велись сотрудниками Института археологии АН РУз. Данные по антропологическому исследованию не опубликованы.

³⁴⁴ Определение антрополога Института археологии АН РУз. С.И. Мустафакулова.

³⁴⁵ Ягодин В.Н., Ходжайов Т.Т. Некрополь... . 1970. С. 19. Рис. 8.

³⁴⁶ Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию // МИА. 136. Т. V. Москва – Ленинград, 1966. С. 160 и сл.

³⁴⁷ Ягодин В.Н., Ходжайов Т.Т. Некрополь... . 1970. С.19 и сл.

южного айвана сразу за входом (у порога). Не вызывает сомнений, что погребения не случайны, а появились в южном айване в процессе строительства (или разрушения?) медресе и отражают известный с древности охранный культ «порога дома». Ритуальный символ «порога», наравне с культом «очага», как охранный от злых духов был широко распространен у оседлого населения Средней Азии с глубокой древности и наблюдается в отдельных местностях как реликтовое явление в наше время³⁴⁸.

Склепы Средней Азии

Отсутствие склепов в гробницах XI–XII вв. характерно не только для комплекса Шахи-Зинда, но и Средней Азии вообще. Обзор мемориальной архитектуры Средней Азии X–XII вв. (остатки раскопанного сырцового мавзолея Матуриды IX в. в Самарканде, мавзолеей Араб-ата в Тиме, Саманидов в Бухаре, Мир-сейид Бахрома в Кермине X в., мавзолей в Узгенде XI–XII вв., мавзолей хорезмшахов в Куня-Ургенче рубежа XII–XIII в., мавзолей Северного Хорасана – султана Санджара, Абу Саида и Абу-л-Фазла XI–XII вв., мавзолеей Шах-Фазиль в Софит-Буленде, мавзолеей-ханака Ходжа Машад, ранние мавзолеи в группе Султан-Саодат, в гробнице Хакима ат-Термизи и др.) показывает, что в домонгольское время склепы в мавзолеях, как правило, не строили. Погребения совершались в грунтовых могилах под полом гробниц³⁴⁹.

Как редкое исключение склепы отмечены лишь в двух мавзолеях. В мавзолее Ходжа-Дурбад рубежа XII–XIII вв. на юге Таджикистана, где октагональное внутри

здание стоит на подквадратном в плане склепе, разделенном на две прямоугольные сводчатые камеры³⁵⁰. Склеп был выстроен по типу ранних в ансамбле Шахи-Зинда, в отдельном котловане, без конструктивной связи с наземной частью мавзолея.

Второй склеп обнаружен под мавзолеем Шабурган-ата близ Бухары³⁵¹. В этом случае небольшой прямоугольный склеп с входным дромосом смещен с главной оси октагонального плана мавзолея, выстроен автономно от верхней части здания. Датировка мавзолея Шабурган-ата XI–XII вв., закрепившаяся за ним со времен В.А. Нильсена, сомнительна. Сложная октагональная объемно-планировочная структура памятника не характерна для центрального Мавераннахра XI–XII вв., хотя широко представлена в мемориальном зодчестве Северного Хорасана и Азербайджана (мавзолей Мешхеда-Мисриана в Туркменистане, шатровые мавзолеи Северо-Западного Ирана и Азербайджана).

Расположение мавзолея на старом кладбище визави мавзолею Абдурахман-вали XIV – начала XV века³⁵² позволяет думать, что памятники синхронны. Кладбище и связанное с ним городище нуждаются в серьезном археологическом изучении.

Склепы XIV–XV вв.

Во всех мавзолеях ансамбля Шахи-Зинда XIV–XV вв., как показано выше, вскрыты подпольные камеры-склепы разного устройства с разным погребальным обрядом. Развитие архитектуры и инженерных конструкций в мавзолеях Шахи-Зинда времени Темуридов шло одновременно с изменениями подземной части – склепа и способов погребения в них. Разный принцип устройства склепов (автономно

³⁴⁸ Вопрос семантики «порога дома» детально рассмотрен Х.Г. Ахунбабаевым в его монографии: Ахунбабаев Х.Г. Дворец ихшидов... . 1999. С. 54–57.

³⁴⁹ Исследование мавзолеев X–XII вв., к сожалению, часто ограничено вскрытием фундаментов в связи с реставрацией. Не везде вскрывался пол интерьера, и важный вопрос о характере погребального обряда, типе могил часто выпадал из поля зрения исследователей. Но и визуальные данные показывают, что в перечисленной группе мавзолеев X–XII вв. склепов нет.

³⁵⁰ Хмельницкий С.Г. Между Саманидами... . 1996. С. 222.

Автор публикации не делает ссылок на производителя раскопок, видимо, он раскопки делал сам. При этом, к сожалению, не указан способ погребения в склепе, что очень важно в связи с вопросом развития погребального ритуала.

³⁵¹ Некрасова Е.Г., Шрайбер Ф. Новые данные... 1990. С. 33–34.

³⁵² Там же. С. 33–34.

от наземной части или единая конструкция наземной и подземной частей) отражал изменения и в погребальном обряде.

На первом этапе, как показали исследования, склепы служили исключительно для погребений. Поминальный обряд проходил вне их стен. Погребения в первых мавзолеях совершались на полу, склеп открывался лишь для процедуры захоронения, в остальное время вход (дромос) стоял замурованным. Эти склепы в ансамбле Шахи-Зинда (мавзолей Ходжи Ахмада — 40-е годы XIV в., мавзолей 1360/61 г., мавзолей 70-80-х годов XIV в., а также вскрытые мавзолей 31, 32, 33) устроены по принципу планировочно-конструктивной автономии. Для них характерно отсутствие связи с наземной частью усыпальницы, склепы представляют самостоятельный объем с простым планом (квадрат, прямоугольник), часто сбитым с главной оси мавзолея, имеют разные перекрытия (свод, низкого подъема вальмовый купол, свод типа балхи, свод смешанной конструкции в мавзолее 31). Входной сводчатый дромос этих склепов, как правило, направлен в сторону порталной ниши мавзолея, независимо от ориентации последнего по странам света.

В ансамбле Шахи-Зинда входные дромосы ориентированы на все четыре стороны света, определялись направлением порталной ниши, но не «предписаниями мусульманского похоронного ритуала», как это представлялось на первом этапе изучения мавзолеев Самарканда³⁵³. Ряд мавзолеев имеет два лаза-дромоса (мавзолей Ходжи Ахмада и эмира Бурундука) или лазы со стороны бокового фасада, свободного от пристроек (мавзолей Туглу-Текин).

Для ранних мавзолеев этой типологической группы характерен одинарный купол, приземистые пропорции, основание порталной ниши на уровне дневной поверхности. Мавзолей не имели фундаментов (или мелкий) и цоколя (мавзолей

Ходжи Ахмада, раскопанные по западной стороне мавзолей 31, 32, 33). Склеп и входной дромос этих мавзолеев располагался ниже дневного уровня в коридоре Шахи-Зинда и при совершении погребального обряда его отрывали. После процедуры погребения вход в дромос закапывался.

В 90-е годы XIV в. изменились пропорции мавзолеев, появились двойные купола, высокий цоколь, поднятый на 1,2-1,5 м уровень пола в интерьере. Полу-подземный склеп, по-прежнему автономной конструкции, устраивали в цокольной части мавзолея. Входной дромос этих склепов (Туглу-Текин, усто Алима Насафи) выходил в порталную нишу и драпировался ступенями в мавзолей.

Погребальный обряд в этих склепах по-прежнему совершался на полу. Когда склеп переполнялся, костные останки сгребались в угол, чисто символически присыпались землей, а на освободившемся месте совершалось новое захоронение. При очередном погребении ступени в порталной нише разбирались, открывался выходной дромос в склеп, после процедуры захоронения ступени восстанавливались.

Надо отметить, что хронологически точной последовательности изменений в конструктивном устройстве мавзолеев со склепами нет, процесс трансформации развивался по спирали. Например, в мавзолее Шади-Мульк-ака (1372 г.) склепа нет вообще, погребения совершены в двух крупных ящиках (сагана) из жженого кирпича. В раннем мавзолее XIV в. Ходжи Ахмада — два дромоса с северной и южной стороны.

Ранние склепы ансамбля Шахи-Зинда отражают чрезвычайно консервативную функциональную структуру и погребальный обряд, который можно наблюдать еще в древних курганах, где погребенные укладывались на земляном полу в грунтовой сводчатой камере в сопровождении посуды с пищей, оружия, украшений. Как и в склепах XIV—XV вв.,

³⁵³ Плетнев И.Е. Архитектурный комплекс у мавзолея Гур-Эмир // Сборник научных трудов Таш. ЗНИИЭП. Вып. VI. Ташкент, 1964. С. 102.

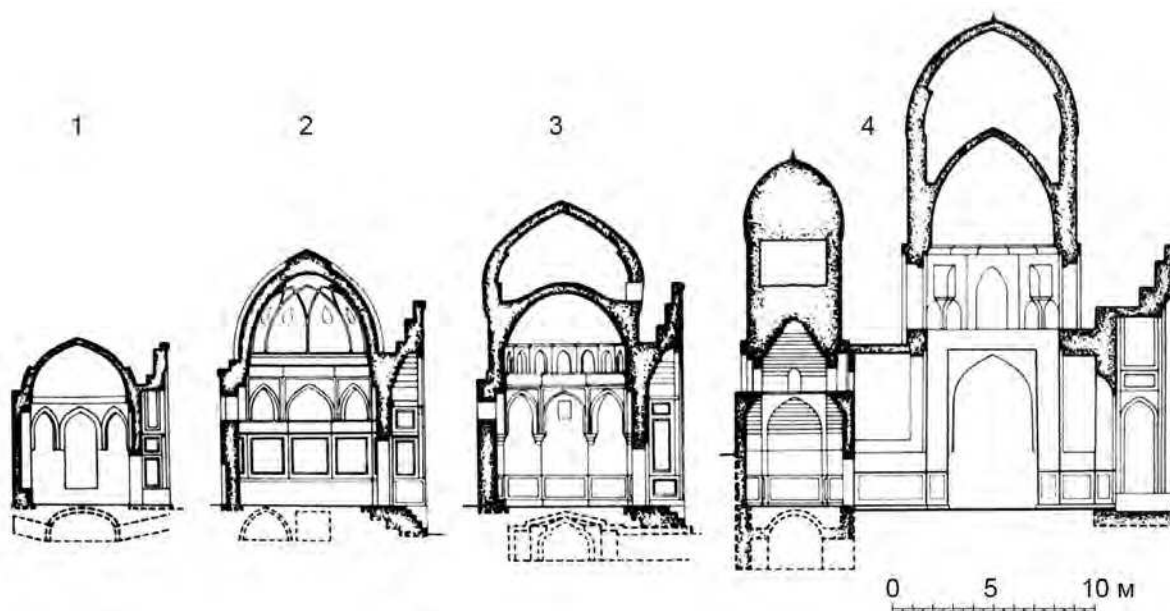


Рис. 211. Эволюция объемно-пространственной композиции мавзолеев XIV–XV вв. в ансамбле Шахи-Зинда: 1. Мавзолей Ходжи Ахмада; 2. Мавзолей Шади-Мулк-ака; 3. Мавзолей Ширинбек-ака; 4. Мавзолей «Матери Султана»

Fig. 211. Evolution of spatial composition of mausoleums of the 14th – 15th centuries in Shahi-Zinda ensemble: 1. Khoja Ahmad mausoleum, 2. Shadi-Mulk-aka mausoleum, 3. Shirinbek-aka mausoleum, 4. 'Sultan's mother' mausoleum

в курганах иногда был входной дромос в виде длинного коридора, иногда со ступенями вниз в погребальную камеру.

В мусульманских склепах Шахи-Зинда также зафиксированы как реликтовые, пережиточные явления предметы быта и труда (лощило-кудинг, три кувшина в склепе «Матери султана»), посуда (не целая) в склепах мавзолеев 1360/61 г., эмира Бурундука. В потревоженных склепах также найдены обломки посуды, но трудно сказать, когда именно они попали туда.

С конца XIV века происходит дальнейшее изменение конструкции склепа, связанное с эволюцией структуры мавзолея в целом, развитием его инженерной и архитектурной формы. На этом этапе меняются вертикальные пропорции мавзолеев (разница по высоте достигает от 8 до 24 м), которые становятся более стройными за счет двойного купола (внутреннего и внешнего), развитого подкупольного пространства, высокого

цилиндрического или граненого барабана, несущего купол³⁵⁴.

Развитая инженерная конструкция верхней части мавзолея (высокий купол на барабане) потребовала усиления фундаментов зданий. Это вызвало необходимость конструктивной увязки склепа и наземной части мавзолея в одно целое. Склеп в мавзолеех с этого времени конструктивно составляет неотъемлемую часть мавзолея, стены склепа фактически становятся конструктивной основой наземной части (мавзолеи эмира Бурундука, Ширинбек-ака, Туман-ака, «Матери султана»).

Мавзолеи имеют высокий цоколь (1,2–1,5 м), на этот же уровень подняты полы в интерьере. Склепы мавзолеев просторны, планы соответствуют габаритам наземной части. Появление стройных мавзолеев

³⁵⁴ Ноткин И.И. Развитие структуры однокупольного сооружения XIV–XV вв. в ансамбле Шахи-Зинда // Архитектурное наследство. Вып.13. Москва. 1961 С. 184. Рис. 3; Ю.З. Шваб (в книге: Немцева Н.Б., Шваб Ю.З. Ансамбль... . 1979. С. 151. Рис. 187).

с двойными куполами на высоких барабанах и прочном основании обеспечивало надежность инженерного решения, в результате чего мавзолеи ансамбля Шахи-Зинда конца XIV — XV в. выдержали испытание временем и дошли до наших дней.

Большая часть несохранившихся раскопанных мавзолеев XIV в. не имела фундаментов (или имела мелкие), их конструктивно автономные склепы не были опорой для верхней части зданий. Причина их гибели очевидна.

Изменения в структуре самаркандских мавзолеев со склепами привели к изменению заупокойного культа, склепы стали площадкой для исполнения не только погребального, но и поминального обряда. В оформление интерьера склепа наряду с более сложной системой перекрытия (пересекающиеся арки, щитовидные паруса) вводятся элементы декора в виде мраморных панелей, орнаментальной отделки изразцами или ганчем (крестовидный склеп XV в. за «Безыманным-2» в Шахи-Зинда, южный склеп в Гур-Эмире, мавзолеи Ак-Сарай, Ишрат-хана, Биби-ханым в Самарканде).

Процесс трансформации склепов и наземной части гробниц в XIV — XV вв. развивался стремительно, изменение конструкций можно видеть в мавзолеях ансамбля Шахи-Зинда, разделенных 5-10 годами по времени строительства. Первые здания этой более совершенной типологической группы в ансамбле представлены мавзолеями Ширинбек-ака и эмира Бурундука.

Тенденция к изменению вертикальных пропорций, наметившаяся в мавзолеях 90-х годов, наиболее выразительно представлена в мавзолеях рубежа XIV-XV вв. — мавзолее Туман-ака, самом стройном здании «северного дворика», и в мавзолее «Матери султана» (первая треть XV в.) в «нижней группе».

Склепы этих мавзолеев просторны, в основном крестовидного плана, имеют сложное перекрытие — центральный вальмовый купол, зеркальные своды в нишах по

сторонам (Ширинбек-ака) или крестовый свод с глубокими сводчатыми нишами по осям (склеп эмира Бурундука, склеп XV в. за «Безыманным-2»).

Погребения в этих мавзолеях по-прежнему совершаются на полу склепа (в деревянных гробах, на доске, без гроба, в одежде, например, в мавзолее эмира Бурундука, как показано выше³⁵⁵), но в ряде склепов этого типа появляется два входа — дромос для погребения и вход для поминального обряда. Это четко выражено в склепе мавзолея эмира Бурундука, имеющего два входа: дромос, выходящий в порталную нишу и входной проем в южной нише, возможно, для поминального обряда. Мавзолей эмира Бурундука — первый мавзолей в комплексе Шахи-Зинда, где в склепе можно предполагать двойную функцию, погребальную и поминальную.

Если в мавзолеях 90-х годов погребальный обряд еще совершался на полу склепа, то уже в первой половине XV в. при Улутбеке погребения совершались в грунтовых могилах под полом (склепы «Восьмигранника», «Матери султана»).

Следующий этап развития склепов и, соответственно, заупокойного культа с двойной функцией можно наблюдать в склепе XV в., за «Безыманным-2». Здесь вскрыт просторный крестовидного типа склеп с подпольными захоронениями (не вскрывались) и элементами декора в интерьере (найлены ганчевые тяги-нервюры от купольного перекрытия). Широкий дромос склепа выведен на открытую площадку с юга. Крупный просторный склеп, декорированный нервюрами плафон, подпольные захоронения показывают, что помещение могло быть рассчитано на поминальные посещения.

Процесс эволюции склепов и изменения функций наиболее выразительно представлены в мавзолеях Самарканда, а также Шахрисябза, второго по значению города после столицы империи Амира Те-

³⁵⁵ Детское погребение на доске в халатике (см.: Немцева Н.Б. К истории... . 1972. С. 243 и сл.).

мура. На рубеже XIV и в XV веке в этих городах выстраиваются склепы с частичной декоративной отделкой. К этой группе относятся мраморный склеп Темура в некрополе Доруссиадат в Шахрисябзе, склеп в мавзолее Биби-ханым, склеп мавзолея Ак-Сарай, южный склеп Гур-Эмира, склеп мавзолея Ишрат-хана в Самарканде. Погребения в этих склепах убраны в каменные саркофаги (склеп Биби-ханым, склеп Темура в Доруссиадат) или совершены под полом в грунтовых могилах. Кроме дромоса для процедуры погребений в склепах имеется второй вход с лестничным спуском для поминального обряда. Функции склепов явно расширены, в них предусмотрен не только погребальный, но и поминальный обряд.

Наиболее выразительно двойная функция представлена в склепе династийной усыпальницы Гур-Эмир в Самарканде (рубеж XIV—XV вв.), где крестовидный склеп с грунтовыми могилами имеет не только дромос с юга для погребения, но и отдельный вход с востока со ступенями для спуска и совершения поминального обряда в определенные дни, установленные традицией. Двойная функция ярко выражена в крестовидном склепе с элементами декора, вскрытом К. Шахуриным с юга у мавзолея Гур-Эмир³⁵⁶. В склепе имеется северный лаз для погребений, а с запада — коленчатый, ступенчатый проход для поминального обряда.

Такой же склеп с двойной функцией можно видеть в конструктивно развитом крестовидном склепе мавзолея Биби-ханым начала XV в. и Ак-Сарай в Самарканде. В склепе мавзолея Ак-Сарай в 1924 г. М.Е. Массоном вскрыты грунтовые мужские погребения³⁵⁷, свидетельствующие,

что Ак-Сарай с самого начала являлся мужской усыпальницей, а не жилым домом Мухаммада Султана, как вопреки очевидным фактам считал П.Ш. Захидов³⁵⁸. Просторный восьмигранный склеп внутри был отделан мраморной панелью, имел широкий дромос для погребений с юга и второй спуск с винтовой лестницей из углового помещения для поминального обряда, соединенный на нижней площадке с дромосом. Как большая часть склепов XV в., склеп мавзолея Ак-Сарай был устроен для выполнения двойной функции.

Принадлежность мавзолея последним Темуридам и датировка его серединой XV в. на основании характера архитектурных форм и конструкций не вызывает сомнений.

Кульминация в устройстве склепов с двойной функцией наблюдается в мавзолее-ханаке Ишрат-хана XV в., где по сторонам центрального купольного зала имеется два крыла с помещениями в два этажа, функциональный смысл которых может быть связан с поминальным обрядом. В склепе мавзолея устроены два входа: дромос для погребений и ступенчатый вход для поминального входа. Это самый интересный и загадочный мавзолей Самарканды, наиболее хорошо изученный³⁵⁹, до сих пор вызывает разные точки зрения, вплоть до абсурдных — мавзолей объявлен «великим кешком Дилькушо», а склеп — казнохранилищем или сардобой для продуктов (!!!)³⁶⁰.

Это бесспорно мавзолей, а двухэтажные крылья по сторонам центральной купольной части с целым рядом разных помещений, на мой взгляд, были предназначены для какого-то очень торжественного поминального обряда, связанного с суфийскими радениями. Не исключено, что в Ишрат-хане совершались ритуальные церемонии, связанные с важным

³⁵⁶ Шахурин К.А. Еще раз о... 1963. С. 114—122.

³⁵⁷ Массон М.Е. Результаты археологического надзора за ремонтно-исследовательскими работами Самкомстариса на мавзолеях Гур-Эмир и Ак-сарай в Самарканде в 1924 г. // Известия Среднеазиатского комитета по делам музеев и охраны памятников старины. Вып. 1. Ташкент, 1926. С. 83 и сл. (план склепа с погребениями в конце статьи, рис. 3—4).

³⁵⁸ Захидов П.Ш. Великий кешк Дилькушо (архитектурные тайны Ишрат-ханы). Ташкент, 2007. С. 107 и сл.

³⁵⁹ Массон М.Е. и др. Мавзолей Ишрат-хана. Ташкент, 1958.

³⁶⁰ Захидов П.Ш. Великий кешк... 2007. С. 107.

в этот период суфийским течением Накш-бандийа, во главе которого стоял крупный самаркандский магнат-мистик Ходжа Ахрар (вторая половина XV в.). Ишрат-хану более правильно называть, как и комплекс Ходжи Ахмада Ясави в городе Туркестан, мавзолеем-ханакой, где функция погребального здания совмещалась со сложным комплексом помещений для мистических радений, поминальных молитв.

Развитие конструкций и архитектуры мавзолеев центрального Мавераннахра в XIV—XV вв. и изменение способа погребения в склепах были взаимосвязаны, шли параллельно, хотя и не всегда последовательно. Многообразие заупокойного культа в склепах было обусловлено эволюцией мемориального зодчества в Мавераннахре, а также развитием духовных запросов придворной знати, этническим разнообразием в эпоху наивысшего расцвета государства Темуридов. Склепы стали местом не только погребения, но и местом многократных посещений для поминаний.

В заключении надо сказать, что развитие нижней погребальной камеры-склепа в мавзолеях Мавераннахра, как и формирование архитектурного облика надземной части усыпальниц, шло в рамках местной самаркандской школы зодчества, отражая локальные тенденции и традиции, в отличие, например, от известных башенных мавзолеев Закавказья (Азербайджан³⁶¹) или Северо-Западного Ирана (башенные мавзолеи Радкана, Верамина, Исфакана, Кума), где уже в домонгольское время имели место развитые, сложные по объемно-планировочному решению склепы, представлявшие главную функциональную часть мавзолея с соответствующим акцентом в декоративной отделке. В башенных мавзолеях XII в. этих регионов склеп и верхняя камера составляли единую конструкцию.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Ансамбль Шахи-Зинда — уникальный памятник зодчества Средней Азии эпохи Амира Темура и Темуридов сложился у важной мусульманской святыни — «машада Кусама».

Шахи-Зинда — одна из самых крупных действующих до сего дня святынь Средней Азии, играющих огромную роль в жизни мусульманского общества на протяжении последних десяти веков. Религиозная и архитектурная основа ансамбля Шахи-Зинда — комплекс Кусама ибн Аббаса («машад Кусама» с мнимой могилой) появился в начале XI в., примерно за 300 лет до существующего ансамбля Темуридов XIV—XV вв. Кусам ибн Аббас — один из проповедников-миссионеров ислама, участник первых походов арабов в Среднюю Азию, кровный родственник и сподвижник пророка Мухаммеда, погиб в последней четверти VII в. близ Самарканда. Спустя более трех столетий, в начале XI в., с утверждением ислама в Средней Азии на юге города был основан мемориально-поминальный комплекс в честь именитого шахида.

Прошли века, но и в наше время Шахи-Зинда не теряет своего огромного значения в духовной и культурной жизни общества. Для одних это почитаемая могила, культовая святыня, где проходят ритуально-поминальные церемонии, реализуются религиозные воззрения мусульман. Для других это огромный познавательный пласт истории, культуры и строительного искусства средневековой Средней Азии.

На всех этапах ансамбль Шахи-Зинда был главным святилищем Самарканда, наиболее ярким и выразительным символом государства.

В предлагаемой читателю книге Шахи-Зинда впервые предстает как сложное многогранное явление в средневековой культуре Средней Азии, показанной на фоне истории региона, политических и социально-экономических перемен.

³⁶¹ Бретаницкий Л.С. Зодчество Азербайджана XII-XV вв. Москва, 1966. С. 102—130; Саламзаде А. Вопросы реставрации мавзолея XIV в. в Барде // Вопросы реставрации памятников зодчества Азербайджана. Баку, 1960. С. 73—75.

В процессе археолого-архитектурных исследований, проведенных во второй половине XX в., удалось воссоздать «жизненный путь» памятника, проследить этапы развития конструкций, архитектуры, декора и многие другие стороны духовной и материальной культуры средневековой Средней Азии на протяжении веков.

Выявлено несколько историко-культурных и хронологических этапов функционирования комплекса Шахи-Зинда, главные из которых приходятся на эпоху правления Караханидов (XI–XII вв.) и Темуридов (XIV–XV вв.), когда Самарканд был столицей государства. Это были периоды наиболее активной строительной деятельности в ансамбле, связанные с государственной и социально-экономической стабильностью двух крупных империй Средней Азии.

При Караханидах «машад» был крупным сакральным центром Самарканда, в состав которого входило ханифитское медресе Кусамийа, построенное в 1066 г. Ибрахимом Тамгач Бограханом (1046–1068) «для людей науки и религии». Сложился полифункциональный культовый центр, отражавший религиозную и в некоторой степени интеллектуальную атмосферу в жизни средневекового Самарканда. В XI–XII вв. у «машада» вырос богатый некрополь караханидской знати.

В книге впервые рассмотрено историко-культурное значение и генезис машадов (святых с мнимой могилой) в мусульманском мире. Почитание святых мест, формирование около них религиозных и научно-образовательных центров — универсальное явление. С глубокой древности поклонение разного рода святыням было традиционным социально-идеологическим явлением в истории культуры Евразии.

«Власть могил» особенно сильна была в средние века. Трансформируясь по форме в зависимости от доминирующей идеологии, этот важный детерминант цивилизованности общества не исчезает по сей

день. Практика возведения святынь, в том числе машадов, во все времена определялась историко-культурной и политической ситуацией, являлась выражением интересов высшей правящей элиты и духовенства.

В конце X — начале XI в. ислам становится государственной религией во многих странах Евразийского континента от Испании до Восточного Туркестана. В этот период получил широкое распространение суфизм, с которым в последующем связано формирование духовно-интеллектуальной среды в мусульманском обществе, возрождение культа святых, появление большого числа мавзолеев над могилами предков, в ряде случаев еще до мусульманских³⁶².

Арабское завоевание стран Востока в конце VII — начале VIII в. и внедрение ислама породило огромное число «мучеников» — шахидов, павших за веру. Именно наиболее известных шахидов веками культивировались в исторической памяти (легенды, предания, письменные известия) и с утверждением ислама вошли в число почитаемых мусульманских святых.

Архитектурное оформление «святых мест» в Средней Азии началось много веков спустя после гибели мучеников, главным образом в XI–XII вв. Это был период мусульманского Ренессанса, время общего социально-экономического подъема, развития городов, ремесел, искусства и культуры в регионе.

Большая часть святынь, в том числе машады, устанавливались в удобных для поминальных церемоний местах, иногда предельно отдаленных от реальных погребений. Мавзолеи в основном принадлежали религиозным деятелям, богословам, шейхам, шахидам. Преобладание таких святынь было знаковым явлением времени, отражением общего духа в жизни общества, где почитание могил мучеников являлось важным проявлением веры, сплоченности.

³⁶² Гольдциер И. Культ святых... . 1938. С. 136–137.

ния широких слоев общества, выражением интересов высшего духовенства и властной элиты, по инициативе и на средства которых часто и возводились святыни.

Особенно активная деятельность в создании крупных культовых центров развернулась в XIV—XV вв., когда суфизм вышел на стадию политизации и святыне могилы стали играть ключевую роль во внутренней политике правителей³⁶³.

Практика создания архитектурных мемориалов, связанных с религиозными лидерами, особенно ярко проявилась при Амуре Темуре. На рубеже XIV—XV вв. в городе Туркестан (Южный Казахстан) был создан крупнейший в масштабах Среднего Востока культовый комплекс, мавзолеев-ханака, посвященный основателю суфийского ордена «йасауи» Ходже Ахмаду Ясауи. В это время повсюду в Средней Азии были перестроены (достроены) разного рода святыни, поклонение которым приобрело статус государственной политики.

При Темуридах этот процесс продолжался. В XV в. воздвигались новые сакральные центры или перестраивались старые в традиционных местах почитаемых могил (мавзолеев XV в. над могилой шейха ал-алама Сайф ад-Дина Бохарзи XIII в. в Бухаре³⁶⁴, комплекс-ханака Абди-Дарун в Самарканде³⁶⁵, ханака XV в. у мавзолея Ат-Термизи в Термезе, реконструируется мавзолеев Абу Саида XII в. в Меана (Туркменистан), возводится гробница-ханака над могилой (?) шейха Наджм ад-Дина Кубра XIII в. в Куня Ургенче и т.д.).

Наиболее крупные религиозно-культурные центры, до сего дня играющие важную политическую и социально-экономическую роль в жизни мусульманских стран, сложились в Северном Хорасане. В Иране

и Афганистане существуют и приносят большие доходы машады, основанные в XV в. при Шахрухе (сын Амира Темура) и султане Хусейне Байкара (комплекс XV в. у могилы ханбалитского шейха XI в. Абдаллаха Ансари близ Герата, полифункциональный комплекс Мазари-Шариф с мнимой могилой четвертого праведного халифа Али в Афганистане³⁶⁶, машад шиитского имама ар-Резы в Мешхеде), где на протяжении веков проходят важные в жизни государства религиозные обряды.

Одновременно это были выдающиеся памятники архитектуры, к созданию которых привлекались придворные зодчие своего времени (например, Кавам ад-Дин Ширази — главный зодчий гератского двора при Шахрухе³⁶⁷), воплощавшие высокий уровень строительного искусства эпохи Темуридов.

«Машад Кусама» XI в. в Самарканде входит в число наиболее ранних культовых центров мусульманского Востока.

Как и другие крупные святыни, «машад Кусама» основан по инициативе духовенства в союзе с правящей элитой из недавних кочевников — Караханидов, заинтересованных в легитимности власти на завоеванных землях.

Известно, что многие местные святыни заменяли хадж в Мекку, который в средние века был трудным и опасным³⁶⁸. Не исключено, что «машад Кусама» для местного населения был местом совершения «малого хаджа». Семикратный традиционный обход (таваф) «гробницы царевича Кусама» упомянут в «Малой Кандие» (XII—XV вв.)³⁶⁹.

В средние века гробница Кусама ибн Аббаса являлась второй по значению свя-

³⁶³ Додхудо́ева Л. Культ святынь... . 2008. С. 36—38.

³⁶⁴ Шейх ал-алам (шейх мира) Сайф ад-Дин Бохарзи — основатель крупной суфийской общины «кубравийа» в Фатхабаде близ Бухары в XIII в.

³⁶⁵ Комплекс Абди-Дарун в Самарканде возник в XV в. при Улугбеке у могилы XII в. самаркандского судьи IX в. Абдал-Маз ад-Дина, генеалогия которого восходит к халифу Осману (см.: Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Выдающиеся памятники... . 1958. С. 122).

³⁶⁶ Халиф Али был убит в 661 г., могила его в Наджафе (Ирак). В XII в. близ Балха в селе Ходжа Хайрон был основан Мазар Али, который разрушен в XIII в. при монголах. В XV в. при Хусейне Байкара примерно на том же месте основан Мазари-Шариф, который превратился в крупный экономический центр Афганистана (см.: Бартольд В.В. Сочинения. Т. III. 1965. С. 473).

³⁶⁷ Пугаченкова Г.А. Зодчество... . 1976. С. 53.

³⁶⁸ Мец А. Мусульманский ренессанс. 1966. С. 255.

³⁶⁹ Малая Кандия. 1906. С. 262.

тыней в мусульманском мире «после гробницы великой, благоухающей, пресветлой Пророка Мухаммада», как следует из «Малой Кандии»³⁷⁰. В последующие столетия значение святыни росло по восходящей.

Внутренняя политика Караханидов в XI—XII вв., а в XIV—XV вв. Темуридов, нашла прямое отражение в жизни комплекса Шахи-Зинда. На обоих этапах святыня почиталась на государственном уровне, являлась предметом первостепенного внимания правителей, придворной элиты, застраивалась престижными царскими гробницами.

При Караханидах Шахи-Зинда — главная мусульманская святыня Самарканда, сакральный и научно-образовательный центр с богатым некрополем. При Амире Темуре ансамбль Шахи-Зинда — загородный царский некрополь у главной святыни города, застроенный мавзолеями кровной родни государя по женской линии (сестра, племянница, жены), придворной военной и духовной знати.

При Улугбеке Шахи-Зинда — важная святыня, почитаемая на государственном уровне, как и при Амире Темуре. Зиарат к могиле Кусамы по внешнему склону городища Афрасиаб оформляется парадной входной группой с порталом, мечетью и зимней баней для омовений. Впервые появляется двусторонний подход к святыне, действует старый западный от южных ворот для горожан Самарканда и одновременно — главный вход для элиты общества, царской свиты, ученых математиков и астрономов во главе с Улугбеком, направлявшихся в обсерваторию мимо ансамбля Шахи-Зинда.

При Улугбеке благоустраивается весь внешний склон Афрасиаба, где выстраиваются террасы для подъема на городище и двухкупольная гробница «Матери султана», благоустраивается территория напротив входного портала.

На протяжении веков ансамбль Шахи-Зинда менял архитектурный образ, ху-

дожественно-декоративный стиль, функциональный акцент и состав культовых зданий, представленных здесь, как ни на каком другом памятнике Самарканда, во временной взаимосвязи, преемственности традиций и инноваций.

Караханидский ансамбль почти полностью исчез с лица земли, в то время как темуридский некрополь Шахи-Зинда во всем своем блеске сохраняется до наших дней и представляет важную страницу в истории культуры и строительного искусства Самарканда.

Существующий ансамбль XIV—XV вв. известен как шедевр средневекового зодчества Средней Азии. Высокий социальный заказ определил столь же высокий архитектурно-художественный облик царских гробниц ансамбля Шахи-Зинда. К строительству мавзолеев были привлечены лучшие местные и иноземные мастера, которых Темур свозил из завоеванных стран. Имена некоторых из них запечатлены на главных фасадах, включены в сложные орнаментальные композиции, но большая часть огромной армии инженеров, архитекторов, эпиграфистов и дизайнеров, создавших этот уникальный шедевр, осталась неизвестной.

Ансамбль Шахи-Зинда XIV—XV вв. составляют в основном небольшие однокамерные мавзолеи, архитектурный строй, художественный облик которых при внешней схожести в каждом здании отмечен печатью индивидуального творчества.

Главное же достоинство ансамбля в его художественном образе, в необыкновенном разнообразии декоративно-облицовочных приемов, узоропостроений растительного, геометрического и эпиграфического характера при сохранении единого стиля. Шахи-Зинда XIV—XV вв. — своего рода живая энциклопедия, представляющая монументальное зодчество не только Самарканда, но фактически всего центрального Мавераннахра, где самаркандская школа задавала тон. Второго такого огромного по масштабам и исто-

³⁷⁰ Малая Кандия. 1906. С. 260.

рико-культурной значимости памятника зодчества, раскрывающего строительное дело, эстетические приоритеты, традиции и новации в духовной и материальной культуре региона на протяжении веков, в Средней Азии нет.

Небольшие однокамерные гробницы ансамбля Шахи-Зинда не подавляют массой или огромными масштабами, как другие шедевры темуридского Самарканда, напротив, слагаемые ансамбля XIV в. камерны и изящны. Эффект в гармонии и соразмерности масштабов, сплошной полихромной палитре, составляющей панораму ансамбля.

На протяжении короткого времени, примерно в сто лет, кардинально менялись конструкции и архитектура комплекса. Ранние мавзолеи XIV в. (Ходжи Ахмада, 1360/61 г., вскрытые в «средней группе») отличаются приземистые пропорции, одинарный купол, небольшие фундаменты, отсутствие цоколя, автономные от наземной камеры погребальные склепы.

В конце XIV — начале XV в. меняются вертикальные пропорции мавзолеев, вытянутых за счет двойных куполов, установленных на граненый или цилиндрический барабан. Особенно выразительно этот инженерный прием представлен в мавзолеях Туман-ака и «Матери султана», где мощные подкупольные конструкции (ребра жесткости) скрыты за высоким цилиндрическим барабаном. Это увеличило высоту мавзолеев XV в. в три раза (с 8 до 24 метров) по сравнению с первыми гробницами XIV в.

На основе многолетнего археолого-архитектурного изучения подземной части мавзолеев — склепов комплекса Шахи-Зинда и других мавзолеев Самарканда, обширных данных по погребальному обряду в Средней Азии, выявлена эволюция конструкций и архитектуры склепов, связанных с заупокойной культовой практикой в XIV—XV вв. С рубежа XIV—XV вв. в склепах мавзолеев Самарканда и других городов Мавераннахра (Шахрисябз) стал совершаться не

только погребальный, но и поминальный обряд. Кроме дромоса в склепах появился дополнительный ступенчатый ход для поминальных посещений.

Эволюция однокамерного мавзолея Шахи-Зинда особенно выразительна в художественном облике зданий, где на коротком промежутке времени менялся и комбинировался разный облицовочный материал. Памятники XIV—XV вв. из ансамбля Шахи-Зинда дают представление о резной поливной терракоте, всех видах расписных майолик, наборной кашинной и кирпичной мозаике, сосредоточенных на внешних фасадах. В Мавераннахре и Средней Азии в целом наборная кашинная мозаика с XV в. становится ведущим видом архитектурного декора.

В интерьерах можно видеть многоцветные росписи по ганчу с большим количеством позолоты, ганчевые и керамические сталактиты, драпирующие инженерные, переходные к куполу конструкции, решетки-панджара с ажурным узором и цветными стеклянными вставками. Все это придает необыкновенное очарование ансамблю Шахи-Зинда.

Особую страницу в истории сложения ансамбля представляет некрополь Караханидов, от которого на поверхности земли уцелел только много раз перестроенный, но сохранивший первоначальную объемно-планировочную основу комплекс Кусам ибн Аббаса XI в. Другие здания XI—XII вв. после ухода династии Караханидов с исторической арены в начале XIII в. стали разрушаться, а в XIV в. при Темуридах были разобраны на кирпич при возведении царских гробниц.

Представления об исчезнувшем ансамбле Караханидов, архитектурном строе и декоре зданий XI—XII вв. получены в процессе археологических работ. Раскопки показали, что и на этом этапе здесь существовал не менее богатый некрополь, составлявший яркую страницу в становлении и развитии самаркандской школы зодчих домонгольской поры.

Одним из важнейших открытий археологических работ в комплексе Шахи-Зинда явилось обнаружение первой мечети XI в. в «машаде Кусама» и медресе Кусамийа, построенного у святыни в 1066 году от имени первого караханидского правителя Западного тюркского каганата. Точная идентификация этого медресе на основе вакфа 1066 г. и других письменных свидетельств является уникальной в археологической практике.

Медресе Кусамийа относится к типу зданий дворово-айванной планировочной композиции, истоки которой уходят в парфянское зодчество. В средние века эта планировка обогатилась периметральной застройкой и угловыми аудиториями, стала универсальной для сооружений разных функций (караван-сарай, дворцы, госпитали, ханаки), в том числе медресе. Композиция плана медресе Кусамийа XI в. стала типологической «матрицей» в развитии медресе Мавераннахра последующих столетий. Синхронные медресе Среднего и Ближнего Востока (в Харгирде, Рее, Багдаде) по архитектуре и планам были иными.

Шахи-Зинда как крупный сакральный центр Самарканда развивался в зависимости от политической истории страны и духовно-этических приоритетов времени.

С приходом в 20-е гг. XIII в. в Средней Азии к власти монголов-шаманистов и утратой ислама, в некоторой степени государственного статуса, связана почти 100-летняя пауза в застройке некрополя. Но и в это время мусульманская святыня оставалась важным религиозно-культовым центром Самарканда. По данным Ибн Баттуты (30-е гг. XIV в.), загородную святыню в понедельник и пятницу посещали не только горожане Самарканда, к ней приходили также монголы с богатыми дарами.

Одним из показателей важной роли «машада Кусама» во времена разрушения Самарканда монголами в 20-е годы XIII в. было восстановление канала, подающего воду к ансамблю, в то время как город на Афрасиабе был обезвожен и покинут.

Канал, на берегу которого стоял «машад», действовал в XIV в., по данным Ибн Баттуты, и судя по всему, вплоть до появления современного водопровода, протянутого по той же линии от южных Кешских ворот к некрополю.

Для истории строительного дела Средней Азии интерес представляет уникальное двухъярусное объемно-планировочное решение «машада Кусама», возведенного по единому проекту. Структура комплекса Кусама XI в. в два яруса (с перепадом в 2,5 м) не имеет аналогов в архитектурном наследии Средней Азии.

Представляется, что «машад Кусама», выполненный в черновой кладке без архитектурно-декоративной разработки внешних стен, являлся отражением мистико-аскетичной философии раннего суфизма, где почиталась простота и бедность. При этом гробницы караханидского некрополя у «машада» были богато украшены декором.

Коллекция резной неполивной терракоты XI–XII вв. из ансамбля, уникальная по своему составу, нигде более в Средней Азии не известна в таком разнообразии узоров и орнаментальных композиций. Формы декоративных плит позволили в ряде случаев графически реконструировать внешний вид исчезнувших гробниц XI–XII вв.

Коллекцию декора XI–XII вв. из комплекса Шахи-Зинда дополняет резное дерево (консоль и фриз мечети XI в. из «машада Кусама»), сохранившееся *in situ*. Тончайшее по узору, виртуозное по исполнению резное дерево при всей оригинальности мотивов позволяет говорить о едином художественном направлении искусства резьбы по дереву Самарканда XI в. с верхнезарафшанским резным деревом (Исфара, Чорку, Обурдон, Урмитан), не выходящем за рамки центрального Мавераннахра.

В целом, материалы из комплекса Шахи-Зинда показывают, что самаркандская школа зодчих при всем своеобразием на всех этапах развивалась в едином русле с твор-

ческими и техническими достижениями строительного искусства Средней Азии. Гений древних мастеров-керамистов, архитекторов и строителей региона неповторимым образом воплощен в художественном образе ансамбля.

За время своего существования ансамбль Шахи-Зинда пережил не только периоды строительного подъема, но и спадов.

С приходом к власти Шейбанидов в начале XVI века столица государства переносится в Бухару, ансамбль Шахи-Зинда теряет значение династийного. Шейбаниды (и последующие династы) больше не строят здесь царских гробниц. В главных городах Средней Азии на смену портално-купольным мавзолеям в XVI–XVII вв. приходит новый тип погребального сооружения — «дахма» в мраморной облицовке.

Ансамбль Шахи-Зинда неоднократно перестраивался и расширялся, но первоначальная общая планировочная композиция, связанная с градостроительной сетью на юге домонгольского Самарканда, оставалась неизменной.

Последняя реконструкция ансамбля, выполненная в 2004–2005 гг., несколько изменила привычную, просуществовавшую многие века структуру ансамбля в виде узкого коридора, сделав ее более удобной для потоков современных туристов.

До нас ансамбль Шахи-Зинда дошел в полуразрушенном состоянии. Руками местных самаркандских, бухарских и ташкентских мастеров-реставраторов, исследователей-историков, археологов, архитекторов, художников-дизайнеров эта уникальная сокровищница средневекового зодчества изучена, отреставрирована. Она является предметом гордости и историко-культурным достоянием Республики Узбекистан.

CONCLUSION

Shahi-Zinda ensemble is a unique monument of architecture of Central Asia in the period of Amir Temur and his dynasty, which was formed nearby an important Muslim shrine — ‘Mashad Kusam’.

Shahi-Zinda as one of the largest shrines in Central Asia working up to nowadays has played an enormous role in the life of the Muslim community for the past ten centuries. Religious and architectural basis of Shahi-Zinda — the complex of Kusam ibn Abbas (‘Mashad Kusam’ with a cenotaph) appeared at the beginning of the 11th century, about 300 years before the construction of the Temurids’ ensemble in the 14th – 15th centuries.

Kusam ibn Abbas, one of the preachers, a missionary of Islam, a member of the first campaigns of the Arabs into Central Asia, kinsman and companion of the Prophet Muhammad, was killed in the last quarter of the 7th century near Samarkand. In more than three centuries after the arrival of Islam in Central Asia the memorial complex in honor of the eminent shahid was founded in the early 11th century to southern part of the city.

The centuries have passed, but in our time Shahi-Zinda has not lost its great significance in the spiritual and cultural life of society. For some people it is a revered tomb, cultic shrine, where the funeral ritual ceremonies and religious beliefs of Muslims are realized. For others it is a huge cognitive layer of history, culture and art of construction in the medieval Central Asia.

At all stages Shahi-Zinda was the main sanctuary of Samarkand, the most vivid and expressive symbol of the state.

In this book Shahi-Zinda appears as a complex many-sided phenomenon in medieval culture of Central Asia, shown with the background of the region’s history, political and socio-economic change.

In the process of archaeological and architectural studies conducted in the second half of the 20th century, it became possible to recreate the ‘life history’ of the monument,

to follow the stages of the development of design, architecture, décor and many other aspects of the spiritual and material culture of medieval Central Asia for centuries.

There were identified several historical, cultural and chronological stages of Shahi-Zinda active life, the most important of which relates to the reign of the Karakhanids (the 11th – 12th centuries) and the Timurid dynasty (the 14th – 15th centuries) when Samarkand was the capital of the state. They were the most dynamic periods of construction activity in the ensemble associated with the state and socio-economic stability of the two great empires of Central Asia.

At the reign of the Karakhanids 'Mashad' was a major sacred center of Samarkand, part of which was Hanafi Kusamiya madrasah built in 1066 by Ibrahim Tamgach Bogra Khan (1046-1068) 'for people of science and religion'. It formed a multifunctional cultic center, which reflected religious and, to some extent, intellectual atmosphere of life in the medieval Samarkand. In the 11th – 12th centuries a rich necropolis of the Karakhanid nobility grew up next to 'Mashad'.

This book is the first to describe historical and cultural significance and genesis of 'Mashad' (imaginary tomb shrines) in the Muslim world. Veneration of holy places, forming on their basis religious and educational centers was universal practice. Since ancient times, the worship of relics of various kinds has been a traditional socio-ideological phenomenon in the cultural history of Eurasia.

'The power of graves' was particularly strong in the Middle Ages. It was transformed in the shape depending on the dominant ideology, and it is still an important determinant of society's civilization up to now. The practice of erecting of shrines, including 'Mashad' was in all times determined by historical, cultural and political situation and was expression of the interests of the ruling elite and the clergy.

In the late 10th – early 11th centuries Islam became the state religion in many countries

of Eurasian continent from Spain to Eastern Turkestan. During this period, there came wide spreading of Sufism, which subsequently began playing an important part in the formation of the spiritual and intellectual environment in the Muslim society, the revival of the cult of saints, the emergence of a large number of mausoleums over the graves of ancestors, in some cases even of the pre-Islamic origin.

The Arab conquest of the East in the late 7th – early 8th centuries and introduction of Islam generated a huge number of 'martyrs' – shahids who died for faith. The names of the most famous martyrs were cultivated for centuries in the historical memory (legends, traditions and written sources) and with establishment of Islam, they had become among the revered Muslim saints.

Architectural image of the 'holy places' in Central Asia began forming many centuries after the death of the martyrs, mainly in the 11th – 12th centuries. It was the period of Muslim Renaissance, the time of general social, economic and urban growth, development of crafts, arts and culture in the region.

Most of the holy sites, including 'Mashad', were mounted in the places convenient for memorial ceremonies, sometimes quite far from the actual burials. Mausoleums were mainly built for religious leaders, theologians, sheikhs, and martyrs. The predominance of these shrines was a significant phenomenon of that time reflecting general spirit in society, where the veneration of tombs of the martyrs was an important manifestation of faith uniting the wider community, an expression of the interests of the higher clergy and the ruling elite, who often initiated construction of shrines and presented means.

A particular activity in creation of large cult centres was spread in the 14th – 15th centuries, when Sufism reached the stage of politicization and holy tombs began to play a key role in the internal policy of the rulers.

The practice of creating architectural memorials associated with religious leaders, especially prospered under Amir Temur. At the turn of the 14th – 15th centuries in the

city of Turkestan (southern Kazakhstan) the largest Middle East cult complex, khanakamausoleum dedicated to the founder of the 'Yasaviya' Sufi Order Khoja Ahmad Yasavi was erected. At that time everywhere in Central Asia they rebuilt (completed) all sorts of shrines, the worship of which had acquired the status of state policy.

Under the Temurids' rule that process continued. In the 15th century the new sacred centers were constructed or rebuilt in the old traditional places of respected graves (mausoleum of the 15th century over the tomb of Sheikh Saif al-Alam al-Din Bokharzi, the 13th century in Bukhara, Abdi Darun khanaka-complex in Samarkand, khanaka in the 15th century, at the mausoleum of Al-Termizi in Termez, Abu Sa'eed mausoleum, the 12th century in Meana (Turkmenistan) is under reconstruction, a tomb khanaka over the grave (?) of Sheikh Najm al-Din Kubra, the 13th century in Kunya Urgench was built and so on.

The largest religious cult centres, playing an important political and socio-economic role in the lives of Muslim countries even now, have developed in northern Khorasan, Iraq and Afghanistan territories have 'Mashads', based in the 15th century under Shohruh (Amir Temur's son) and Sultan Hussein Baikara (complex of the 15th century by the tomb of Hanbali Sheikh, the 11th century Abdallah Ansari near Herat, a multifunctional complex Mazari-Sharif with the imaginary grave of the fourth righteous caliph Ali in Afghanistan, 'Mashad' of Shiite Imam ar-Reza in Mashhad, where for centuries important state religious ceremonies have been conducted.

At the same time they were outstanding architectural monuments, which involved the best court architects of that time (e.g. Kavam al-Din Shirazi – the chief architect at the court of Shohruh in Herat) and embodied a high level of architectural art of the Temurid period.

'Mashad Kusam' of the 11th century in Samarkand is one of the earliest cult centers of the Muslim East.

Like other major shrines of the Muslim East, 'Mashad Kusam' was founded on the initiative of clergy in alliance with the ruling elite of the former nomads – the Karakhanids interested in the legitimacy of power on the conquered lands.

It is known that many local shrines worked as a substitute to hajj to Mecca, which in the Middle Ages was difficult and dangerous. It is possible that 'Mashad Kusam' was such a place for the local population to perform a 'small pilgrimage'. The rite of seven-time traditional walking around (tawaf) the 'tomb of Prince Kusam' was mentioned in Minor Kandiya (the 12th – 15th centuries).

In the Middle Ages the tomb of Kusam ibn Abbas was the second important shrine in the Muslim world 'after the great, fragrant, most lucent grave of the Prophet Muhammad' according to Minor Kandiya. In the next centuries the value of the shrine grew prospectively.

Domestic policy of the Karakhanids in the 11th – 12th centuries and one of the Temurids in the 14th – 15th centuries found its evidence in Shahi-Zinda. At both stages Shahi-Zinda was worshiped at the state level and was the subject of priority to the rulers of the court elite where prestigious royal tombs were built.

At the reign of the Karakhanids Shahi-Zinda was a major Muslim shrine in Samarkand, sacred, scientific and educational center with a rich necropolis. Under Amir Temur the ensemble of Shahi-Zinda became a countryside royal necropolis near the main sanctuary of the city, built up with mausoleums to female close relatives of the monarch (sister, niece, wife), military, court and spiritual nobility.

In the time of Ulugbek Shahi-Zinda was an important 'shrine', venerated at the state level, as under Amir Temur. Ziyarat procession to the grave of Kusam along the external slope of Afrosiab site was initiated through a front entrance group with a portal, a mosque and a winter bathhouse for ablutions. For the first time there appeared two-way approach to the shrine, the western path from the southern

gate for all the citizens of Samarkand and the main entrance for the elite, the royal retinue, scientists, mathematicians and astronomers, led by Ulugbek on his way to the observatory alongside Shahi-Zinda.

Under Ulugbek the entire outer slope of Afrasiab was reconstructed, there were built terraces to climb the site of necropolis and a double-dome tomb of 'Sultan's Mother', the area in front of the entrance portal was rearranged.

For centuries ensemble Shahi-Zinda changed its architectural image, artistic and decorative style, functional focus and composition of religious buildings which are presented here, much better than in any other monument of Samarkand, in the time connection, continuity of tradition and innovation.

The Karakhanid ensemble almost entirely disappeared from the face of the earth, while under the Timurids Shahi-Zinda was preserved in all its splendour to this day and presents an important page in the history of culture and art of construction of Samarkand.

The existing ensemble of the 14th - 15th centuries is known as a masterpiece of medieval architecture of Central Asia. High social order predetermined a high architectural and artistic image of royal tombs in Shahi-Zinda. The best local and foreign craftsmen were brought from the conquered lands to construct the mausoleums of the ensemble. Some of their names written on the main facades were included in the complex ornamental compositions, but most of the vast army of engineers, architects, designers and epigraphists who created this unique masterpiece, remained obscure.

The ensemble Shahi-Zinda of the 14th - 15th centuries mainly consists of small single-chamber tombs and in spite of some external similarity of architectural structures and artistic appearance, each building is marked by a powerful individual creativity.

The main value of the ensemble is its artistic image with a fantastic variety of decorative facing techniques of pattern-

like vegetable, geometric and epigraphic character still maintaining a uniform style. Shahi-Zinda of the 14th - 15th centuries is a kind of living encyclopedia, representing not only the monumental architecture of Samarkand, but virtually the architectural tradition of all central Mavarannahr, where Samarkand school was number one. There is hardly another such a large-scale, historically and culturally significant monument of architecture, revealing civil construction technologies, aesthetic priorities, traditions and innovations in spiritual and material culture of the region in the length of centuries in Central Asia.

Small single-chamber tombs of Shahi-Zinda do not suppress people with its enormous size like other masterpieces of the Timurids' Samarkand, on the contrary, all the parts of the 14th century ensemble are miniature and elegant. The effect comes out of harmony and proportionality of scales, continuous polychrome palette which comprises the panorama of ensemble.

During a short time, for about a hundred years, the design and architecture of Shahi-Zinda had cardinally changed. Early Shahi-Zinda mausoleums of the 14th century (Khoja Ahmad, 1360/61, those uncovered in the 'Middle group') are distinguished by squat proportions, a single dome, small foundations, absence of cockle, burial vaults autonomous from the ground cameras.

In the late 14th - 15th centuries the vertical proportions of mausoleums had changed, elongated by double domes mounted on cylindrical or faceted drums. This construction principle is brightly presented in Tuman-aka mausoleum and in 'Sultan's Mother' mausoleum, where powerful dome structures (ribs) are hidden behind a high cylindrical drum. That increased the height of the mausoleums of the 15th century three times (from 8 to 24 meters), compared to the first tombs of the 14th century.

Based on years of archaeological and architectural study of the underground mausoleum-crypts of Shahi-Zind and other

Samarkand mausoleums, comprehensive data on the burial rites in Central Asia, there was traced evolution of structures and architecture of crypts associated with the funeral cult practices in the 14th – 15th centuries. With the turn of the 14th – 15th centuries the crypts in mausoleums of Samarkand and other cities of Transoxiana (like Shahrisabz) were not only for funerals, but for memorial ceremonies as well. The additional stepped pathway for memorial visiting was constructed next to dromos in the crypts.

Evolution of the single-chamber mausoleum in Shahi-Zinda is especially expressive in artistic images of the buildings where within a short interval of time masters changed and combined different facing materials. Monuments of the 14th – 15th centuries in Shahi-Zinda give an idea of carved glazed terracotta, all types of painted majolica, composite kashin and brick mosaic, centered on the outer facades. In Mavarannahr and in the whole Central Asia since the 15th century kashin mosaic became the leading type of architectural décor.

The interiors present multicolored murals over ganch surface with plenty of gilding, ganch and ceramic stalactites draping structural transition to the dome, lattice-panjara with an openwork pattern and colored glass inserts. All this renders an unusual charm to Shahi-Zinda ensemble.

A special page in the history of the formation of Shahi-Zinda ensemble is presented by the Karakhanids necropolis; the only survived part of which is Kusam ibn Abbas complex from the 11th century, which was reconstructed many times, but still retaining its original space and planning base. Other buildings of the 11th – 12th centuries began to collapse at the early 13th century after the end of the Karakhanid dynasty and in the 14th century, under the Timurids, they were dismantled for bricks while constructing new royal tombs.

Information about the missing Karakhanid ensemble, its architectural structure and decorations of buildings in the 11th – 12th

centuries was obtained in the course of archaeological work. Excavations showed that at that stage of the history Shahi-Zinda possessed no less rich necropolis, which was a bright page in the development of Samarkand school of architecture in the pre-Mongol period.

One of the most important discoveries of archaeological study in Shahi-Zinda was the discovery of the first mosque of the 11th century around 'Mashad Kusam' and Kusamiya madrasa built at the shrine in 1066 on behalf of the first Karahanid ruler of Western Khaganate. Accurate identification of this madrasa, based on waqf dated 1066 and other written sources is a unique case in archaeological practice.

Kusamiya Madrasa refers to the type of a building with a yard – ayvan planning composition, the origin of which goes back to the Parthian architecture. In the Middle Ages, this plan was enriched with a perimeter going constructions and corner audiences, finally becoming universal for structures of different functions (caravanserais, palaces, hospitals, and khanaka), including madrasa. Composition of the plan of Kusamiya madrasa of the 11th century became a typological 'matrix' in the development of Mavarannahr madrasa in the following centuries. Contemporary madrasas of Near and Middle East (Hargirde, Rhea, Baghdad) were different in planning and architecture.

Shahi-Zinda as a major sacred center of Samarkand was developed according to the country's political history, spiritual and ethical priorities of the time.

Starting from the Mongols' invasion the shaman power in Central Asia and loss of Islam as a state status, there followed almost 100-year break in the building of the necropolis. But even at that time the Muslim shrine remained an important religious cult center of Samarkand. According to Ibn Battuta (the 1330s), on Mondays and Fridays the suburban shrine was not only visited by citizens of Samarkand, but the Mongols also came with rich gift.

One of the signs of importance of 'Mashad Kusam' during the destruction of Samarkand by the Mongols in the 1220s was restoration of the canal supplying Shahi-Zinda site with water, while the rest of Afrasiab was dry and abandoned. According to Ibn Battuta, the canal near 'Mashad' acted in the 14th century, apparently, up to time when modern running water system was built stretching along the same line from the southern gate to the Kesh gate of Shahi-Zinda.

A unique two-tier construction of 'Mashad Kusam', built according to a single project presents interest to the history of construction industry in Central Asia. The structure of Kusam of the 11th century, having two tiers (with a drop of 2.5 m) has no analogues in the architectural heritage of Central Asia.

It seems that 'Mashad Kusam', built in rough masonry, without architectural and decorative design of exterior walls, is a reflection of the mystical-ascetic philosophy of early Sufism, where simplicity and poverty were respected. At the same time the tombs in the Karakhanid necropolis at 'Mashad' were richly decorated.

Collection of carved unglazed terracotta of the 11th – 12th centuries from Shahi-Zinda is unique in its composition and nowhere else in Central Asia presented by such a variety of patterns and ornamental compositions. The forms of decorative plates, found in excavations, allowed in some cases graphically reconstruct the appearance of missing tombs of the 11th – 12th centuries.

Collection of décor of the 11th – 12th centuries in Shahi-Zinda is complemented by carved wood (a console with a frieze from the mosque of the 11th century in 'Mashad Kusam') preserved inside of the wall. Refine in patterns and masterly performed, carved wood of Shahi-Zinda with all the originality of a motif, gives a hint on universal artistic tradition of woodcarving of the 11th century in Samarkand and carved wood from upper stream Zarafshan areas (Isfara Chorku, Oburdon, Urmitan), still within territory of central Maverannahr.

Generally, information obtained in Shahi-Zinda shows that Samarkand school of architecture with all its originality was at all stages developed in the mainstream with creative and technical achievements of construction art in Central Asia. The genius of the ancient masters of ceramics, architects and builders of the region was uniquely embodied in the artistic image of the Shahi-Zinda ensemble.

During the period of existence the ensemble of Shahi-Zinda passed through both construction rise and decline.

When the Sheybanids came to power in the early 16th century and the state capital moved to Bukhara, Shahi-Zinda soon lost its position as a dynastic shrine. The Sheybanids (and the subsequent dynasties) no longer built royal tombs there. In the major cities of Central Asia as a substitution to portal and dome mausoleums of the 16th – 17th centuries there came a new type of a burial structure – 'dakhma' faced with marble.

The ensemble of Shahi-Zinda was repeatedly rebuilt and expanded, but its initial general planning connected with urban infrastructure in the south of Samarkand, remained unchanged.

The latest reconstruction of the ensemble completed in 2004-2005 has changed its habitual historical structure with a narrow corridor, making it easier for the modern tourist flows.

Shahi-Zinda ensemble came down to our time in a ruined state. With the efforts of Samarkand, Bukhara and Tashkent restorers, researchers, historians, archaeologists, architects, artists, designers, this unique treasure of medieval architecture was studied, restored and is now a matter of pride and historical and cultural heritage of the Republic of Uzbekistan.

ЛИТЕРАТУРА

- Абашин С.А. Шахмардан // Ислам на территории бывшей Российской Империи. Энциклопедический словарь. Вып. 2. Москва, 1999.
- Абдурасулев Р.Р., Ремпель Л.И. Неизвестные памятники архитектуры бассейна Кашкадарьи // Искусство зодчих Узбекистана. Ташкент, 1962.
- Абу Тахир Ходжа. «Самария». Описание древностей и мусульманских святынь Самарканда (перевод В.Л. Вяткина) // СКСО. Вып. VI. Самарканд, 1899.
- Акимовский О.Г., Иванов А.А. К чтению надписей с именами мастеров на мавзолеях Шахи-Зинда // История и культура народов Средней Азии. Москва, 1976.
- Аликберов А.К. Кырхлар // Ислам на территории бывшей Российской Империи. Энциклопедический словарь. Вып. 3. Москва, 2001.
- Альмеев Р., Некрасова Е. Некрополь Чор-Бакр. Бухара, 1996.
- Аминов Б. Генеалогия сейидов с погребальной эпиграфикой некрополя Шахи-Зинда (рукопись). Самарканд, 2010.
- Аршавская З.А., Ртвеладзе Э.В., Хакимов З.А. Средневековые памятники Сурхандарьи. Ташкент, 1981.
- Аскарлов Ш. Архитектура Темуридов. Ташкент, 2009.
- Атаходжаев А. Работы Шахи-Зиндинского отряда в 2004 г. // Археологические исследования в Узбекистане 2004-2005 гг. Вып. 5. Ташкент, 2006.
- Атаходжаев А. К исторической топографии домонгольского Самарканда // Вклад Узбекистана в развитие исламской цивилизации. Ташкент-Самарканд, 2007.
- Ахраров И., Ремпель Л.И. Резной штурк Афрасиаба. Ташкент, 1971.
- Ахунбаев Х.Г. Дворец ихшидов Согда на Афрасиабе. Самарканд, 1999.
- Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I. Москва, 1963.
- Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Сочинения. Т. II. Ч. I. Москва, 1963.
- Бартольд В.В. Улугбек и его время. Сочинения. Т. II. Ч. 2. Москва, 1964.
- Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Ч. 2. Москва, 1964.
- Бартольд В.В. Сочинения. Т. III. Москва, 1965.
- Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Ленинград, 1973.
- Бетгер Е.К. Извлечение из книги «Пути и страны» Абуль Касима ибн Хаукаля // Труды САГУ. Т. IV. Ташкент, 1957.
- Богомолов Г.И. К изучению этнокультурных связей Чача (предметы с изображениями руки с гордища Канка) // Казахстан и Евразия сквозь века. Алматы, 2010.
- Большаков О.Г. Два вакфа Ибрахима Тамгачхана в Самарканде // Страны и народы Востока. Вып. X. Москва, 1971.
- Бородин И.Ф. Интерьер зданий Самарканда времени Улугбека // СА. 1962. № 2.
- Бретаницкий Л.С. Об одном малоизвестном памятнике таджикского зодчества // МИА. 66. Москва-Ленинград, 1958.
- Бретаницкий Л.С. Зодчество Азербайджана XII-XV вв. Москва, 1966.
- Булатова В.А. К истории сложения ансамбля Шахи-Зинда в XV в. // Из истории эпохи Улугбека. Ташкент, 1965.
- Булатова В.А., Ноткин И.И. Мавзолей Туглу-Текин (Эмира Хусейна) // Зодчество Узбекистана. Вып. 2. Ташкент, 1970.
- Буниятов Дж.З., Гасанов Т.Б. Два самаркандских вакфа середины XI в. // Восточное историческое исследование и специальные исторические дисциплины. Вып. 2. Москва, 1994.
- Вамбери А. Путешествие по Средней Азии из Тегерана по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, предпринятое в 1863 г. с научной целью по поручению Венгерской академии в Пеште членом её А. Вамбери. Москва, 1867.
- Веймарн Б., Коптерева Т., Подольский А. Искусство арабских народов. Москва, 1960.
- Веймарн Б.В. Искусство Средней Азии. Москва - Ленинград, 1940.
- ВИА, Т. 1, М. 1970.
- Виноградов А.Н. Мавзолей восьмигранник в ансамбле Шах-и-Зинда в Самарканде // МИТАУ. Вып. 1. 1950.
- Волин С.Л. Старейшие письменные известия о Шахи-Зинда // Изв. УзФАН. Ташкент, 1940. № XI.
- Воронин Л.Н. Устройство оснований в памятниках архитектуры Средней Азии // МИТАУ. Вып. 1. 1950.
- Воронина В.Л. Средневековый город Средней Азии // Советская археология. Москва, 1959. № 1.
- Воронина В.Л. Резное дерево Чорку // Архитектурное наследство. Вып. 16. Москва, 1967.
- Воронина В.Л. Архитектура Ирана // ВИА. Т. 8. Москва, 1969.
- Воронина В.Л. Конструкции и художественный образ в архитектуре Востока. Москва, 1977.
- Гольдциер И. Культ святых в исламе. Москва, 1938.
- Горячева В.Д. Городская культура тюркских Каганатов на Тянь-Шане (середина VI — начало XIII в.). Бишкек, 2010.
- Гражданкина Н.С. Строительные материалы ансамбля Шахи-Зинда // Зодчество Узбекистана. Вып. 2. Ташкент, 1970.
- Гулямов Я.Г., Ахраров И. Раскопки мавзолея в Яккабаде // ОНУ. Вып. 8-9. Ташкент, 1969.

- Давидович Е.А. Дискуссионные вопросы в книге Беленицкого А.М., Бентович И.Б., Большакова О.Г. Средневековый город Средней Азии // Древность и средневековые народы Средней Азии (История и культура). Москва, 1978.
- Демидов С. Машад-ата // Ислам на территории бывшей Российской Империи. Энциклопедический словарь. Вып. 4. Москва, 2003.
- Денике Б.П. Архитектурный орнамент Средней Азии. Москва - Ленинград, 1939.
- Джахангиров В.А., Засыпкин Б.Н. Исследование мавзолея, приписываемого астроному Казы-Заде-Руми // Архитектура республик Средней Азии. Москва, 1951.
- Джуракулов М., Некрасова Е.Г., Ходжайов Т.К. Позднефеодальные некрополи, как исторический источник (учебное пособие). Самарканд, 1991.
- Додхудоева Л. Культ святых при темуридах: социально-политический аспект // Культурные ценности. 2004-2006. Санкт-Петербург, 2008.
- Дудин С.М. Орнаментика и современное состояние старинных самаркандских мечетей // Известия Императорской Археологической Комиссии. Вып. 7. Санкт-Петербург, 1903.
- Дудин С.М. Отчет о работах в мавзолеях Шахи-Зинда в Самарканде // Известия по изучению Средней и Восточной Азии. Санкт-Петербург, 1906. № 6.
- Дудин С.М. Отчет о поездке в Самарканд летом 1908 г. // ИРКОМ. Санкт-Петербург, 1910. № 10.
- Дудин С.М. К вопросу о технике изразцовых мозаик Средней Азии // Известия РАИМК. Т. IV. Москва, 1925.
- Егеров В.В. Архитектура города Болгара // МИА. 61. Т. 11. Москва, 1958.
- Засыпкин Б.Н. Архитектура Средней Азии. Москва, 1948.
- Засыпкин Б.Н. Вопросы изучения и реставрации ансамбля Шахи-Зинда // Зодчество Узбекистана. Вып. 2. Ташкент, 1970.
- Захидов П.Ш. Шахи-Зинда: невероятное и очевидное // «Правда Востока», 7 апреля 1978 г.
- Захидов П.Ш. Великий кешк Дилькушо (архитектурные тайны Ишрат-ханы). Ташкент, 2007.
- Зезенкова В.Я. Краниологический материал из мавзолея Ширинбек-ака // Зодчество Узбекистана. Вып. 2. Ташкент, 1970.
- Иманкулов Д. Монументальная архитектура юга Киргизстана XI—XX вв. Бишкек, 2005.
- Исамиддинов М.Х. Истоки городской культуры самаркандского Согда. Ташкент, 2002.
- Истахри. Bibliotheca Geographorum Arabicorum (Перевод с арабского Чехович О.Д.). I-1870. С. 316.
- Кныш А.Д. Мусульманский мистицизм. Санкт-Петербург - Москва, 2004.
- Костенко А. Поездка в Самарканд // Туркестанский сборник. Т. 24. СПб., 1870.
- Кочнев Б.Д. Караханидский каганат // Очерки по истории государственности Узбекистана. Ташкент, 2001.
- Крюков К.С. Пропорции в архитектуре (анализ памятников Древнего Египта, Греции, Рима, Центральной Азии). Ташкент, 1995.
- Культура и искусство древнего Узбекистана. Каталог выставки. Москва, 1991.
- Лапин С.А. Перевод надписей на исторических памятниках Самарканда // СКСО. Вып. IV. Самарканд, 1896.
- Лапин С.А. Шахи-Зинда и его намогильный памятник // СКСО. Вып. IV. Самарканд, 1896.
- Литвинский Б.А. Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968.
- Литвинский Б.А. Погребальный обряд древних ферганцев в свете этнографии // Изв. ООН АН Таджикской ССР. Душанбе, 1968. № 3 (53).
- Литвинский Б.А. Курганы и курумы западной Ферганы. Москва, 1972.
- Малая Кандия (перевод В.Л. Вяткина) // СКСО. Вып. VIII. Самарканд, 1906.
- Мамедов М. Мавзолей Султана Санджара. Стамбул, 2004.
- Мамедов М.А. Архитектурный комплекс Меанабаба. Санкт-Петербург, 2008.
- Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию // МИА. 136. Т. V. Москва - Ленинград, 1966.
- Маньковская Л.Ю. Архитектурные памятники Кашкадарьи. Ташкент. 1971.
- Маньковская Л.Ю. О типологии мемориального зодчества Средней Азии. Мавзолеи в Фудина и Касби // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. Москва, 1979.
- Марков Е. Памятники Самарканда // Азиатская Россия. Москва, 1903.
- Массон М.Е. и др. Мавзолей Ишрат-хана. Ташкент, 1958.
- Массон М.Е. Краткое сообщение о результатах исследования фундаментов мавзолея Ходжа Ахмада в группе Шахи-Зинда в 1922 г. // Известия ТОРГО. Т. 17. Ташкент, 1924.
- Массон М.Е. Результаты археологического надзора за ремонтно-исследовательскими работами Самкомстариса на мавзолеях Гур-Эмир и Ак-сарай в Самарканде в 1924 г. // Известия Среднеазиатского комитета по делам музеев и охраны памятников старины. Вып. 1. Ташкент, 1926.
- Массон М.Е. Рецензия на книгу Julius Smolik. Die timuridischen Baudenkmäler in Samarkand aus der Zeit Tamerlans / Wien-1928 (Труды Гос. Публичной библиотеки УзССР. Т. 1. Ташкент, 1936).
- Массон М.Е. Обсерватория Улугбека. Ташкент. 1941.
- Массон М.Е. О происхождении мавзолея Туркан-ака в Самарканде // МИТАУ. Вып. 1. 1950.
- Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. Москва, 1938.

- Мец А. Мусульманский ренессанс. Москва, 1966.
- Мукаддаси. *Bibliotheca Geographorum Arabicorum* (Перевод с арабского Чехович О.Д.). III-1876 (2-е изд 1906). С. 278.
- Муминов А.К. Кокандская версия исламизации Туркестана // Подвижники ислама. Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. Москва, 2003.
- Муминов А.К. Самаркандская среда теологов (VIII-XII века) // Роль города Самарканда в истории мирового культурного развития. Материалы международного научного симпозиума, посвященного 2750-летию юбилею города Самарканда. Ташкент-Самарканд, 2007.
- Насреддинов Ш.Н. Баня XV в. у ансамбля Шахи-Зинда // Археологические исследования в Узбекистане 2004-2005 гг. Ташкент, 2006.
- Некрасова Е.Г., Шрайбер Ф. Новые данные о мавзолеях Шабурган-ата и Абдурахман-вали // САУ. 1990. № 2.
- Немцева Н.Б. Исследования в «западном коридоре» архитектурного ансамбля Шахи-Зинда // ИМКУ. Вып. 5. Ташкент, 1964.
- Немцева Н.Б. Раскопки на территории мавзолея Безымянный 2 в комплексе Шах-и Зинда // ИМКУ. Вып. 7. Ташкент, 1966.
- Немцева Н.Б. К истории сложения средней группы мавзолеев ансамбля Шахи-Зинда // Материалы исследования по истории и реставрации архитектурных памятников Узбекистана. Вып. 1. Ташкент, 1967.
- Немцева Н.Б. Малоизученный мавзолей из ансамбля Шахи-Зинда // ОНУ. Ташкент, 1969. №№ 8, 9.
- Немцева Н.Б. Раскопки архитектурного комплекса Ходжа Машад в Саяте на юге Таджикистана // Советская археология. Москва, 1969. № 3.
- Немцева Н.Б. Стратиграфия южной окраины городища Афрасиаб // Афрасиаб. Вып. 1. Ташкент, 1969.
- Немцева Н.Б. Ансамбль Шахи-Зинда в XI—XII вв. // Зодчество Узбекистана. Вып. 2. Ташкент, 1970.
- Немцева Н.Б. К истории тканей и одежды населения Средней Азии XV в. // Из истории искусства великого города. Ташкент, 1972.
- Немцева Н.Б. Шахи-Зинда. К истории ансамбля и исторической топографии юга Самарканда. Автореферат кандидатской диссертации. Ташкент, 1972.
- Немцева Н.Б. Медресе Тамгач Богра-хана в Самарканде // Афрасиаб, В. III. Ташкент, 1974.
- Немцева Н.Б. Истоки композиции и этапы формирования ансамбля Шахи-Зинда // СА. Москва, 1975. № 3.
- Немцева Н.Б. Доисламские черты погребального обряда в склепах Шахи-Зинды // Всесоюзная сессия, посвященная итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1976—77 гг. (тезисы и доклады). Ереван, 1978.
- Немцева Н.Б. История изучения ансамбля Шахи-Зинда // История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978.
- Немцева Н.Б. Новая интерпретация так называемого мавзолея Казы-заде Руми // СА. Москва, 1981. № 4.
- Немцева Н.Б. Многофункциональный мемориально-культовый комплекс Ходжа Машад на юге Таджикистана // ОНУ. Ташкент, 1995. № 5, 6, 7, 8.
- Немцева Н.Б. Ещё раз о медресе Тамгач Богра-хана в Самарканде // ОНУ. Вып. 4, 5. 1996.
- Немцева Н.Б. Ханака Сайф ад-Дина Бахарзи. Бухара, 2003.
- Немцева Н.Б. Легенды и предания как исторический источник в изучении памятников зодчества Узбекистана // Археология и история Центральной Азии. Самарканд, 2004.
- Немцева Н.Б. О назначении мечети Анау // КЦ - 2002-2003. Санкт-Петербург, 2004.
- Немцева Н.Б. О водоснабжении юга Афрасиаба (по материалам Шахи-Зинды) // ИМКУ. Вып. 35. Ташкент, 2006.
- Немцева Н.Б. Истоки медресе Средней Азии (краткий обзор) // Роль города Самарканда в истории мирового культурного развития (материалы международного научного симпозиума, посвященного 2750-летию юбилею города Самарканда). Ташкент-Самарканд, 2007.
- Немцева Н.Б. Машад Кусам в Самарканде: историческая ретроспектива // КЦ. — 2004-2006. Санкт-Петербург, 2008.
- Немцева Н.Б. Машады в мусульманском мире (историческая ретроспектива) // ИМКУ. Вып. 36. Ташкент, 2008.
- Немцева Н.Б. Зодчество Самарканда при Караханидах // Древние цивилизации на Среднем Востоке. Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию Г.В. Шишкиной. Москва, 2010.
- Немцева Н.Б. К истории ансамбля Шахи-Зинда в эпоху Караханидов // Казахстан и Евразия сквозь века. Алматы, 2010.
- Немцева Н.Б. Южные ворота Самарканда // ИМКУ. Вып. 37. Самарканд, 2013.
- Немцева Н.Б., Шваб Ю.З. Ансамбль Шахи-Зинда (историко-архитектурный очерк). Ташкент, 1979.
- Нильсен В.А. Монументальная архитектура Бухарского оазиса XI—XII вв. Ташкент, 1956.
- Нильсен В.А. Архитектура Средней Азии V-VIII вв. Ташкент, 1966.
- Ноткин И.И. Развитие структуры однокупольного сооружения XIV—XV вв. в ансамбле Шахи-Зинда // Архитектурное наследство. Вып. 13. Москва, 1961.
- Ноткин И.И. Сталактиты XIV в. из ансамбля Шахи-Зинда // Зодчество Узбекистана. Вып. 2. Ташкент, 1970.
- Обельченко О.В. Кенотафы Согда // Средняя Азия: археология, история, культура. Материалы международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г.В. Шишкиной. Москва, 2000.

- Панкратьев Г.А. Исторические памятники Самарканда. Самарканд, 1910.
- Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII-XV вв. Ленинград, 1966.
- Плетнев И.Е. Реконструкция портала мавзолея Ходжа Ахмада в ансамбле Шахи-Зинда // Гражданское строительство и архитектура в IV строительноматематической зоне. Вып. IX. Ташкент, 1960.
- Плетнев И.Е. Архитектурный комплекс у мавзолея Гур-Эмир // Сборник научных трудов Таш. ЗНИИЭП. Вып. VI. Ташкент, 1964.
- Плетнев И.Е., Шваб Ю.З. Формирование сложных архитектурных комплексов у мавзолеев Кусамы ибн Аббаса и Гур-Эмира // МИРАПУ. Вып.1. Ташкент, 1967.
- Плетнев И.Е., Шваб Ю.З. К вопросу о формировании группы построек ансамбля Шахи-Зинда // САУ. 1967. № 5, 6.
- Прибыткова А.М. Памятники архитектуры XI в. в Туркмении. Москва, 1955.
- Пугаченкова Г.А. К проблеме возникновения шатровых мавзолеев Хорасана // Материалы ЮТА-КЭ. Вып. 1, Ашхабад, 1949.
- Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры южного Туркменистана. Москва, 1958.
- Пугаченкова Г.А. Мечеть Анау. Ашхабад, 1959.
- Пугаченкова Г.А. Араб-ата // ИЗУ. Вып. 11. Ташкент, 1963.
- Пугаченкова Г.А. Зодчество Центральной Азии XV в. Ташкент, 1976.
- Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана. Ташкент, 1958.
- Путеводитель по Шахи-Зинда (составители Атаходжаев А., Пидавев Ш.) Ташкент-Самарканд, 2007.
- Путешествие Ибн Баттуты. Арабский мир и Центральная Азия (перевод с арабского Н. Ибрагимова, Т. Мухтарова). Ташкент, 1996.
- Ремпель Л.И. Архитектурный орнамент Узбекистана (история развития, теория построения). Ташкент, 1961.
- Ремпель Л.И. Об отражении образа согдийского искусства в исламе (к вопросу о культах Шахи-Зинды, Хозрет Хызра и Ходжи Данияра в Самарканде) // Из истории искусства великого города. К 2500-летию Самарканда. Ташкент. 1972.
- Ртвеладзе Э.В. Государство Газневидов // Очерки по истории государственности Узбекистана. Ташкент, 2001.
- Ртвеладзе Э.В. Цивилизации, государства, культуры Центральной Азии. Ташкент, 2008.
- Саламзаде А. Вопросы реставрации мавзолея XIV в. в Барде // Вопросы реставрации памятников зодчества Азербайджана. Баку, 1960.
- Самарканд в 1868 г. Из воспоминаний художника В.В. Верещагина // Русская старина. СПб., 1888.
- Сарианиди В. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашхабад, 2002.
- Северный Б. Эдем Востока // Вестник знания. 1926. № 4.
- Семенов А.А. К вопросу о датировке Рабат-и Малика в Бухаре // Труды САГУ. Вып. 22. Ташкент, 1951.
- Сенкульский Л.И. Путеводитель по Самарканду. Самарканд, 1908.
- Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. Москва, 1969.
- Снесарев Г.П. Хорезмийские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии. Москва, 1983.
- Соколова Н.И. Орнаментика мазаров Туркан-ака и Ширин-бек-Ака (К вопросу о стиле) // Искусство в Средней Азии. Москва, 1930.
- Соловьев М.М. Экскурсия в Бухару 1841-1842 г. при участии натуралиста А. Леманна. Москва-Ленинград, 1936.
- Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингизхана. Алматы, 2001.
- Тереножкин А.И. Отчет об археологических работах в Шахи-Зинда // Зодчество Узбекистана. Вып. 2. Ташкент, 1970.
- Томаев Г.И. Резная майоликовая мозаика в архитектуре Средней Азии XIV – XV вв. Москва, 1951.
- Туркестанский альбом. Часть археологическая, 1 (составлен А. Л. Куном). Ташкент, 1871-1872.
- Умняков И.И. Архитектурные памятники Средней Азии XIV – XV вв. Москва, 1951.
- Федотов А.Т. Древняя монументальная декоративная керамика Туркестанского края. О древней технике производства изразцов Средней Азии // Известия Института архитектурной технологии. Вып. 11. Ленинград, 1924.
- Федченко А.П. Топографический очерк Зарафшанской долины и заметки о соседних бекствах и памятниках Самарканда. Москва, 1870.
- Феодорович Е.Ф. Исследования средневековых тканей Самарканда // Из истории искусства великого города. Ташкент, 1972.
- Филимонов В.М. Древнее резное дерево из комплекса Кусамы ибн Аббаса в ансамбле Шахи-Зинда // Искусство зодчих Узбекистана. Ташкент, 1962.
- Филимонов В.М. Новые данные о мавзолее Кусамы-ибн-Аббаса // Зодчество Узбекистана. Вып. 2. Ташкент, 1970.
- Хакимов А., Шваб Ю.З. Султан-Саадат // Искусство зодчих Узбекистана. Вып. IV. Ташкент, 1969.
- Ханыков Н. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843.
- Хаукаль. Bibliotheca Geographorum Arabicorum (Перевод с арабского Чехович О.Д.) II-1873. С. 493.
- Хмельницкий С.Г. Между арабами и тюрками. Рига, 1992.
- Хмельницкий С.Г. Между Саманидами и монголами. Ч. 1. Берлин - Рига, 1996.
- Хмельницкий С. Чорку. Берлин - Рига, 2002.
- Хмельницкий С.Г. Дворцы Хутгалья. Берлин, 2006.
- Чехович О.Д. Бухарские документы XIV в. Ташкент, 1965.

- Шараф ад-Дин Али Йазди. Зафар-наме. Пер. А. Ахмедова, Ташкент, 2008.
- Шахурин К.А. Ещё раз о погребении Тимура // Материалы по истории Узбекистана. Ташкент, 1963.
- Шваб Ю.З. Мавзолей «Неизвестный-2» из ансамбля Шахи-Зинда в Самарканде // САУ. Ташкент, 1963. № 3.
- Шваб Ю.З. К истории сложения северной группы ансамбля Шахи-Зинда // ИМКУ. Вып. 5. Ташкент, 1964.
- Шваб Ю.З. Мавзолей 1360/61 г. из ансамбля Шахи-Зинда // МИИРАПУ. Вып. 1, Ташкент, 1967.
- Шваб Ю.З. Композиция ансамбля Шах-и Зинда в XIV—XV вв. // СНИР строительного и архитектурного факультета ТашПИ за 1968 г. Вып. 72. Ташкент, 1970.
- Шваб Ю.З. Опыт реставрации оконных решеток с цветным остеклением в мавзолее Ширинбек-ака // Практика охраны и реставрации памятников искусства. В. IV. Москва, 1970.
- Шваб Ю.З. Гирих Фахри Али и семигранники в декоре архитектурных памятников Востока // СНИР ТашПИ и СамГАСИ за 1972 г. Вып. 100. Ташкент, 1973.
- Шваб Ю.З. О датировке большой мечети Шах-и Зинда // СНИР архитектурного факультета ТашПИ за 1970-73 гг. Вып. 111. Ташкент, 1974.
- Шваб Ю.З. Опыт реставрации самаркандского сооружения XI—XII вв. // СНИР архитектурного факультета ТашПИ за 1973. Вып. 116. Ташкент, 1974.
- Ширинов Т.Ш., Исамиддинов М.Х. Археология древнего Самарканда. Ташкент-Самарканд, 2007.
- Шишкин В.А. О мнимом мавзолее «Улуг-Бегим» в Шахи-Зинда // ОНУ. Ташкент, 1962. № 11.
- Шишкин В.А. Гур-Эмир // Научные труды ТашГУ. Вып. 232. Ташкент, 1966.
- Шишкин В.А. Надписи в ансамбле Шахи-Зинда // Зодчество Узбекистана. Вып. 2. Ташкент, 1970.
- Шишкина Г.В. Бухарские ворота средневекового Самарканда // Афрасиаб. Вып. IV. Ташкент, 1975.
- Ягодин В.Н., Ходжайов Т.Т. Некрополь древнего Миздахкана, Ташкент, 1970.
- Якубовский А.Ю. Самарканд при Тимуре и тимуридах. Ленинград, 1933.
- Якубовский А.Ю. Из истории археологического изучения Самарканда // ТОВЭ. Ленинград, 1940.
- Casimir M.I., Glatzer B. Sah-I Mashad, A Recently discovered Madrasah of the Ghurid Period in Gargistan (Afghanistan) East and West. 1971.
- Cohn-Wiener E.A. Turan. Berlin, 1930.
- Godard A. Art de l'Iran. Paris, 1962.
- Godard A. L'origine de la madrasé de mosqué et du caravanserai á quatre iwans, Ars Islamica, XV-XVI. 1951.
- Herzfeld E. Der wandschmuck der Bauten von Samarra und seine ornamentik. Band I. Berlin, 1923.
- Khadr M. Deux actes de waqf d'un Qarahaniide d'Asie Centrale avec une introduction par Claude Cahen // Journal Asiatique, t. CCLV. Paris, 1967.
- Krafft H.A. A travers le Turkestan russe. Paris, 1902.
- Lehmann A. Reise nach Buchara und Samarkand in den Jahren 1841 und 1842. Nach den hintezlasfenen Schriften des selhen bearbeitet und mit Anmerkungen veruchen von G.V. Helnersen. St.-Petersburg, 1851.
- Nemceva N. B. Etappen der Herausbildung der Ensembles Schah-i Sinda in Samarkand // Zeitschrift fur Archeologie (ZFA), 12, Berlin- 1978.
- Nemzeva N. B. Istoki kompozitsii i Etapy Formirovaniya Ansblya Shahi-Zinda (The Origins and Architectual Development of the Shahi-I Zinde) — translated, with additions, by J.M Rogers and Adil Vasin. Iran, London, 1977. V.XV.
- Pope A. Architectural ornaments, Survey of Persian Art. T. 11, V. London-New-York, 1939.
- Pumpelly R. Explorations in Tukestan, vol.I. Washington, 1908.
- Smolik I. Die Timuridischen Baudenkmäler in Samarkand aus der Zeit Tamerlans. Wien, 1928.
- Wilber D.N. The Architecture of Islamic Iran, The II, Khanid Period. New York, 1969.
- Wilkinson Ch. Nishapur. Some Early Islamic Buildings and Decoration. New-York, 1987.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В.А. Шишкин

Надписи в ансамбле Шахи-Зинда

// Зодчество Узбекистана. Вып. II. Ташкент, 1970. С. 7-71.

Впервые чтением надписей на архитектурных памятниках Самарканда занялся, по поручению самаркандского военного губернатора Н.Я. Ростовцева, переводчик областного правления Серали Лапин. Не владея в достаточной мере арабским и персидскими языками, переводчик привлек к этому самаркандского жителя Мирзу Абдусаида Ма'сума. Переводы С. Лапина опубликованы в «Справочной книжке Самаркандской области» и изданы отдельной брошюрой-оттиском¹. Публикация надписей не отличается полнотой: в нее вошла лишь часть того эпиграфического материала, который содержится в надписях на памятниках Самарканда.

В Шахи-Зинда С. Лапин сделал попытку перевести также лишь небольшую часть надписей. Кроме того, переводы Лапина не отличаются точностью, а часто представляют собою пересказ своими словами содержания надписей, как они были поняты переводчиками — самим Лапиным и его консультантом Абдусаидом².

Переводы некоторых надписей из Самарканда, в том числе и в Шахи-Зинда, дал также в своем альбоме фотографий Г.А.Панкратьев³. Характеристика переводов С.Лапина может быть отнесена и к пе-

реводам, помещенным в альбоме Г.А.Панкратьева.

Некоторые, очень немногие сведения о надписях в Шахи-Зинда приводит в комментариях к переводу «Самарии» В.Л.Вяткин⁴. Если прибавить к этому работу французского ученого Э.Блоше, страдающую ошибками и неточностями⁵, то этим, насколько известно автору, исчерпывается все, что было сделано в дореволюционное время в области эпиграфики Самарканда.

Мало изменилось положение и до настоящего времени. В отношении памятников ансамбля Шахи-Зинда появился в печати только небольшой этюд М.Е.Массона, в котором он дает новый перевод и толкование надписей мавзолея Туркан-ака (который он предложил называть мавзолеем Шади-Мульк) и приводит некоторые соображения о других сооружениях этого ансамбля⁶.

Задача предлагаемой работы — частично восполнить пробелы текста и переводы сохранившихся надписей ансамбля Шахи-Зинда. При этом автор не претендует ни на сколько-нибудь углубленное освещение связанных с надписями вопросов истории, ни на анализ надписей в палеографическом отношении. В предлагаемой публикации не уделено место и искусствоведческому анализу — значению эпиграфического орнамента в архитектуре, играющего боль-

¹ Лапин С.А. Перевод надписей на исторических памятниках Самарканда. СКСО. Вып. IV. Самарканд, 1896. Отдел IV. С. 22-1; там же: Шахи-Зинда и его намогильный памятник. С. 45-39.

² С резко отрицательной рецензией на эту книжку выступили Н.Ф. Петровский («Туркестанские ведомости», № 13, 1896) и В.Л. Вяткин, считавший, что «Лапин недостаточно знал сам арабский язык, слишком доверчиво пользовался услугами мулл» («Туркестанские ведомости», № 20, 1896).

³ Панкратьев Г.А. Исторические памятники Самарканда. Самарканд, 1910.

⁴ СКСО, 1898. Вып. VI. Самарканд, 1899.

⁵ Blochet E. Les inscriptions de Samarkand, Revue Archéologique. Vol. I. 1897. P. 67-109.

⁶ Массон М.Е. О происхождении мавзолея Туркан-ака в Самарканде // МИТАУ. Вып. 1. Москва, 1950. С. 46. См. также поправку к этой статье: Шишкин В.А. О мнимом мавзолее «Улуг-Бегим» в Шахи-Зинда // ОНУ. Ташкент, 1962. № 11. С. 66, 67.

шую роль в декоре зданий, начиная, как это можно видеть на примере мавзолея Араб-ата, со второй половины X в.

Большая часть надписей, главным образом тех, которые содержат исторические данные, сохранилась фрагментарно. Поэтому не все надписи, в которых часто недостает самых существенных деталей, могут быть полностью поняты и расшифрованы. Эти надписи нередко оставляют широкое поле для реконструкций, гипотез и предположений.

Кроме того, значительно затрудняет прочтение надписей и использованное их составителями весьма витиеватое курсивное письмо, получившее широкое распространение в XIV в., которое встречается на большей части памятников Шахи-Зинда.

Лишенные не только харакатов, обозначающих пропускаемые в письме гласные, но и диакритических знаков в виде точек над буквами и под ними, надписи нередко допускают различные варианты чтения, значительно отличающиеся один от другого. Это в особенности сказывается в тех случаях, когда фрагмент надписи слишком незначителен и не дает достаточного контекста. Поэтому чтение (а, следовательно, и перевод) некоторых надписей имеет лишь предположительный характер, что и отмечается автором в каждом случае.

Возможные реконструкции надписей, допускаемые автором в арабских и персидских текстах, а также соответственно и в переводах, заключены в квадратные скобки. Лакуны, пропуски и не разобранные слова (они оговариваются в примечаниях) отмечаются многоточиями.

Вводные и пояснительные слова в переводах надписей даются в круглых скобках.

Входной портал ансамбля Шахи-Зинда. Большая арабская надпись над входом под аркой портала выполнена в мозаике: белые буквы по синему фону, орнаментированному голубыми побегими, спиралями и листочками. Надпись сохранилась на правой щековой стене полностью,

на щипцовой — в виде незначительного фрагмента, на левом пилоне — с лакунами.

«Лучшее из зданий, украшений и роскоши то, что (обладает) совершенным достоинством и величием в соединении с образами смысла/...Абд ал-Азиз баха/дур-сул[тан, сын]...султана Улугбека Курагана. Построено в 838 (1434/35 год)».

Неправильное прочтение этой надписи С. Лапиным⁷, повторенное В.Л. Вяткиным⁸, вызвало ошибку у В.В. Бартольда.

Основываясь на том, что Абд ал-Азиз назван в надписи якобы «ханом», В.В. Бартольд пришел к заключению, что Улугбек назначил своего младшего сына «подставным ханом», подобно тому, как при Темуре назначались такие ханы из Чингизидов⁹.

Ошибка установлена М.Е. Массоном, выяснившим, что Абд ал-Азиз назван не «ханом», а только «бахадуром»¹⁰. Это оговорено в издании сочинений В.В. Бартольда редактором тома Ю.Э. Брегелем.

Почерк надписи — типичный для XV в. четкий сульс. В первой части надписи (на правом пилоне) читается вписанная в верхней трети полосы надписи строка, выполненная стилизованным куфи. В этой строке сохранилось начало того хадиса, который мы встретим неоднократно в других надписях ансамбля Шахи-Зинда.

«Сказал Пророк Аллаха (привет ему): «Ал-Кусам, сын Аббаса похож...»

Кусаму, сыну Аббаса, посвящена также более мелкая арабская надпись, помещенная в мозаичной полосе непосредственно над замком входной арки. Сохранился фрагмент без начала и конца.

«...наружностью и характером на меня, распространитель арабской (власти), сын дяди

⁷ Лапин С.А. Перевод надписей..., 1896. С. 16.

⁸ Вяткин В.Л. «Самария» // Справочная книжка Самаркандской области за 1898 г. Самарканд, 1899. Прим. на С. 178 и 250.

⁹ Бартольд В.В. Улугбек и его время. Сочинения. Т. II. Ч. 2. Москва, 1964. С. 98, 99.

¹⁰ Массон М.Е. Пугаченкова Г.А. Шахриябз при Темуре и Улугбеке // Труды САГУ, нов. серия. Вып. 61. Гуманитарные науки. Кн. 6. Ташкент, 1953. Прим. 161 на С. 95, 96. Здесь неправильно указано, что дата обозначена не только цифрами, но и «словами».

Пророка, привет ему, и был он призван в местность Самар[канд]...»¹¹.

Выкладка из цветных майоликовых кирпичей облицовки пилонов содержит стилизованные под прямоугольный куфи выражения: «вечность (принадлежит) Аллаху», «хвала Аллаху», «о милосердный!», «о милостивый!».

На верхней притолоке двери входа вырезаны цифры (1329—1911 г.), относящиеся к году ее изготовления.

На полотнищах двери вырезана арабская надпись, весьма обычная для дверей мазаров, мечетей и т.п.

*«Спешите к молитве до (своей) смерти;
спешите к покаянию до погребения».*

Внутри порталного сооружения, с правой стороны от входа, в стену вделана мраморная плита с персидской надписью, выполненной почерком насталик, характерным для XIX в. Выполнение относительно грубое. Размеры плиты 110×60 см.

Поле плиты разбито на 14 прямоугольных картушей: 12 — горизонтальных и два последних по левому краю — вертикальных.

«(Перед) входом к сыну дяди посланника господина

нет в мире подобного мне злодея.

*Я, отверженный, стыжусь (этого) сильнее
с каждым днем;*

смилуйся, укажи мне праведный путь.

*Почернело мое лицо — надежда на тебя,
на освобождение от гнева твоего в день возмездия;*

пусть я развратник и злодей, (все же) покрой (меня своею) милостью,

о боже, по щедрости и милосердию (твоему) в день воскрешения,

чтобы я, раб твой, совершающий разврат и беззакония,

(рассчитывал) на великодушие господина в день страшного суда.

Покрой меня одеждой милосердия,

одари меня (местом) в раю.

Я — эмир «безгрешный» по имени;

пусть это имя будет иметь место и на небесах».

Надпись не датирована, но так как она составлена от имени «безгрешного» эмира — бухарского эмира Шах-Мурад Ма'сума, правившего в 1785-1800 гг., годами его правления определяется и время изготовления плиты. «Ма'сум» (безгрешный) — часть собственного имени эмира, известного своим религиозным ханжеством и дервишским образом жизни, после смерти превратилась в распространенное в народе прозвище¹².

Айван мечети. Деревянный потолок айвана расписан растительно-геометрическим орнаментом, масляными красками¹³. На балке-мауэрлате, лежащей на глухой западной стене сооружения, в отрезках между врезанными в нее поперечными балками сделана следующая персидская надпись.

«Нет божества, кроме Аллаха; Мухаммад — посланник Аллаха.

Высокая мечеть возникла в сезон весны; место поклонения благочестивых, знак щедрости.

Чистый сад сына дяди посланника сделает-ся знаком рая, местом благоволения.

О боже! Целью милости твоей осыпь голову строителя этого здания.

Море милостей своих сделай обильным; прости мои грехи, о прощающий!

Ибо я раб, простертый у ног (твоих), пристыженный из-за грехов, (которые) совершаю ночью и днем.

Однако надеюсь я на твое милосердие, (ибо) милость твоя всеобъемлюща, прощение твое велико.

На тело мое сшей одежду вечную; прикрой (ею) мои грехи, о покрывающий (прегрешения)!

Год окончания этой (постройки) подскажет разум: «дом надежды» скажи, о прощающий!

¹¹ Этому выражению предшествовал текст, аналогичный предыдущей надписи.

¹² Семенов А.А. Надпись на могильной плите бухарского эмира Шах-Мурад Ма'сума (1200—1215) 1785—1800 гг. Эпиграфика Востока. Вып. 7. 1953. С. 41—44.

¹³ Вошли в употребление в Средней Азии для росписи стен и потолков не раньше конца XIX века.

Работа мастера Сиддика¹⁴. В году 1328 (1910)».

Двухкупольный нижний мавзолей. Мавзолей сохранил мало из своего декоративного убранства. Из надписей, украсивших его, сохранились набранный мозаикой из цветных майоликовых кирпичиков текст хадиса на барабане большого купола и фрагмент надписи, выполненной на майоликовых плитках под остатками большой арки несуществующего ныне портала, находившегося на южной стороне. Надпись на барабане купола арабская. «Сказал Пророк, молитва и привет ему: могила — ничтожнейшее из обиталищ будущего мира и лучшее из обиталищ этого мира».

Значительный интерес представляет небольшой фрагмент арабской надписи в северо-восточном углу несохранившейся порталной арки на южной стороне.

«...прибежище шариата и веры и предшественник (б.м. — «наставник») султана...»

Памятник не сохранил даты постройки, но по архитектурным данным он, несомненно, относится ко времени Улутбека (1409—1449).

Со ссылками на существовавшее в Самарканде предание двухкупольный мавзолей считался обычно местом погребения кормилицы Темура и ее дочери, иногда он упоминался под названием просто мавзолея «матери и дочери». М.Е. Массон высказал в 1941 г. предположение, что этот мавзолей, «состоящий из двух перекрытых стройными куполами помещений», был возведен Улутбеком над останками крупного ученого своего времени, «Платона эпохи», математика и астронома Кази-заде Руми¹⁵, скончавшегося, как сообщают источники, в период постройки обсерватории, очевидно, в 30-х годах XV в. С тех пор мавзолей назывался в описаниях Шахи-Зинда то «мавзолеем Кази-заде Руми» без всяких оговорок, то как «приписываемый

Кази-заде Руми», то просто без имени, как один из мавзолеев неизвестных лиц¹⁶.

Цитированный остаток надписи позволяет сделать некоторые заключения. Прежде всего, он заставляет полностью отвергнуть предположение о женском погребении. Во-вторых, мавзолей построен для погребения в нем ученого человека нецарского рода, «предшественника», (или даже «наставника») султана. Султаном этим мог быть только Улутбек. Следовательно, предположение М.Е. Массона, иногда ставившееся под сомнение, иногда отвергавшееся, получает солидное подкрепление публикуемым остаткам надписи, на которую, по-видимому, раньше никто не обращал должного внимания.

Нельзя не обратить внимания в связи с этим и на необычайно вытянутые вверх пропорции мавзолея. Расположенный на склоне Афрасиаба, значительно ниже всех мавзолеев эмиров и темуридских принцев, вершиной своего голубого купола он равняется с «царскими» гробницами, как бы указывая на то, что и человек незначительного происхождения может сравняться своими трудами и знаниями с великими мира сего. Эта особенность здания вместе с прочтенными остатками надписей, как нам кажется, делает вполне вероятным отождествление двухкупольного мавзолея с местом погребения одного из крупнейших представителей астрономической и математической науки XV в.

Мавзолей Эмир-заде. Имя лица, погребенного в этом мавзолее, неизвестно, так как в надписях на здании оно не сохранилось.

В большой надписи, обрамлявшей вход, сохранились только начало и конец, как и на многих других зданиях ансамбля.

Начало надписи в виде широкой вертикальной полосы — на правом устое портала. Конец надписи — на левом устое.

¹⁴ В литературе о памятниках архитектуры Средней Азии обычно Сиддик или имя мастера неправильно передается как Садык.

¹⁵ Массон М.Е. Обсерватория Улутбека. Ташкент. 1941. С. 20.

¹⁶ А.Н. Виноградов, со ссылкой на мнение Б.Н. Засыпкина, высказывал предположение, что мавзолеем Кази-заде Руми был мавзолей «Восьмигранник», расположенный рядом с мавзолеем Ширинбек-ака. Виноградов А.Н. Мавзолей восьмигранник в ансамбле Шах-и-Зинда в Самарканде // МИТАУ. Вып. 1. Москва, 1950. С. 10.

«Указал к возведению этого здания, возвышенного постройкой, предохраненного от разрушения, эмир прославленный...»

«...в божьем благословенном месяце шаввале года семьсот восемьдесят восьмого (конец октября - ноябрь 1386 года)».

Надпись выполнена на майоликовых плитках почерком, тяготеющим еще к курсивам XIV в., но с некоторыми элементами, как бы сближающими ее со стилем сульс, вытесняющим все типы письма с конца этого века. Особенность надписи, резко отличающая ее от более ранних, — аккуратно проставленные точки и даже огласовка.

Кроме этой надписи следует упомянуть о надписях на рельефных майоликовых квадратных плитках, которым облицованы щеки порталной арки. Это своего рода «ребусы». Прямоугольными геометризованными буквами — стилизацией под шриффт куфи — вписаны на одних плитках сура Корана «Очищение» (112, стихи 1—4), на других — четыре раза повторенный символ «Нет божества, кроме Аллаха».

Набором таких же квадратных майоликовых плиток декорирован был и самый вход в мавзолей. В этих плитках таким же прямоугольным куфи изображены имена «Мухаммад» и «Али».

Под полосой большой надписи, как на правом, так и на левом пилонах помещены горизонтально расположенные прямоугольники майоликовых плит, на которых сделана одинаковая в обоих случаях надпись:

«Поистине, власть этого дня (принадлежит) Аллаху единому, всемогущему».

Ниже этих надписей, также на обоих пилонах, большие майоликовые плиты-панно, где по фону, орнаментированному побегами и листьями, в хитром сплетении буквенной вязи помещено выражение из Корана:

«Аллах избавит тебя от них (от отвратившихся от прямого пути). Он — слышащий, знающий» (Коран, 2, 131).

Все надписи этого мавзолея — арабские.

Мавзолей эмира Хусейна (Туглу-Текин). Фрагмент большой арабской надписи портала (резная поливная майолика) сохранился только на левом устое:

«...дом его Туглу-Текин, дочь эмира Ходжам'а, а сын ее и зрачок глаза ее эмир са'ид, мученик эмир Хусейн, сын Каракутлуга, да напоит Аллах его сад (могилу). Принял мученичество в (месяце) зул-ка'да года семьсот семьдесят седьмого (март-апрель 1375 г.)».

Дверной проем входа в мавзолей обрамляет надпись, содержащая персидские стихи:

«Если (даже) дворец мой вершины достигнет Сатурна,

[Все равно] придется выпить яд этого мира.

Если год повернется...

...нет мне места.

В этой темной могиле без близких и людей остается надежда на милость твою и только».

Кроме этих надписей, в пышный декор здания вкомпонованы в прямоугольные рамки отдельные изречения.

По сторонам от входа, справа:

«Этот мир — мгновенье (букв. «час»)».

Слева:

«Этот мир тленен».

На левом пилоне портала под большой надписью:

«Этот мир — оковы будущего мира».

На капителях и базах трехчетвертных колонок, обрамляющих арку портала:

«Царство (принадлежит) Аллаху».

Мавзолей Улджай Шади-Мульк-ака. Большая надпись портала выполнена, как и все другие надписи на этом шедевре строительного и декоративного искусства среднеазиатских зодчих, в резной майолике курсивным почерком XIV в. Сохранилась приблизительно первая треть надписи на правом устое и ее конец — на левом. Середина отсутствует.

«...[Кутлуг] Туркан-ака для кристалла царства, утечи семьи, сокровища ее сердца Улджай Шади-Мульк-ака. А переселилась она в могилу милости (божьей) в день двадцато-

го джумада ал-ахир, в году семьсот семьдесят третьем (29 декабря 1371 г.)».

Эта надпись, как правильно установил М.Е. Массон, ясно повествует, что мавзолей возведен старшей сестрой Темура Кутлуг Туркан-ака для погребения ее дочери Улджай Шади-Мульк. Он же предложил называть это здание не мавзолеем Туркан-ака, как было до этого принято, а в соответствии с надписью, мавзолеем Шади-Мульк¹⁷, что уже прочно вошло в литературу.

Вторая, прекрасно сохранившаяся, надпись проходит в виде широкой горизонтальной полосы внутри арки портала:

«Эта кровля, полная украшений, и этот раззолоченный свод — выражение красоты в память о том, что все украшения и все искусство, которое ты видишь в этом мире, все от милости творца и создателя».

Персидская надпись, обрамляющая вход в мавзолей.

«Это — сад, в котором погребено сокровище счастья; это — гробница, в которой затерялась драгоценная жемчужина, в которой с грацией нашла прибежище (обладающая) станом кипариса. Средство успокоения в том, чтобы (нам) быть вдвоем под землей подобно тому, как Сулейман унесен был ветром с той, которая была драгоценным камнем печати счастья».

На цоколе переднего фасада, по обе стороны от входа, помещены два больших круга, в которых вписано персидское двустиишье:

«Искренней верности от тленного мира не жди.

Не жди, что свод и кровля сделаются куполом неба».

В различных частях переднего фасада помещены в прямоугольных рамках хади-сы — изречения, приписываемые пророку Мухаммаду:

«Благочестие — огонь».

«Этот мир — обитель тления».

«Смерть — добыча будущего мира».

«Смерть — отдых верующего».

В выкружках, обрамляющих арку входа, на капителях, базах колонок, в тягах и на карнизах внутри здания многократно повторяется изречение: *«Царство (принадлежит) Аллаху».*

Мавзолей Улджай Шади-Мульк-ака — одно из немногих средневековых зданий Самарканда, сохранивших имена его талантливых строителей. В двух ячейках сталактитового заполнения верхней части свода портала сохранились надписи, выполненные в майолике. Чтение первой из этих надписей не вызывает сомнений:

«Работа мастера Шамс ад-Дина».

Вторая еще с конца прошлого столетия обычно читалась: *«Работа мастера Зайн ад-Дина».*

Однако такое чтение возможно только при предположении, что в ней пропущены два знака. М.Е. Массон предложил читать имя «Бареддин»¹⁸.

Надпись с именем автора вырезана в рельефной майолике на базе изразцовой трехчетвертной колонки арки портала:

«Работа Зайн ад-Дина, сына Шамс ад-Дина Бухари».

В этой надписи есть интересная особенность: слово, входящее в состав имени как отца, так и сына, вписано только один раз. Если предположить, что такая же своеобразная зашифровка сделана и в цитированной выше надписи, где слог также написан только один раз вместо двух, и там вполне удовлетворительно читалось бы имя Зайн ад-Дин. В этом случае к именам бухарских по происхождению мастеров — отца и его сына — не нужно было бы добавлять третьего сомнительного имени Бареддин.

Мавзолей Ширинбек-ака. Внутри арки портала по всем ее трем сторонам проходит широкая полоса мозаичной надписи, выполненной стилем сульс.

«Это могила царевны великой, милостивой Ширинбек-ака, дочери Тарагая, да осветит Ал-

¹⁷ Массон М.Е. О происхождении мавзолея Туркан-ака в Самарканде // МИТАУ. Вып. 1. 1950.С. 48.

¹⁸ Там же. С. 49.

лах его¹⁹ душу. В году VLV (1385/86 год)».

На левой щековой стене большой арки портала сохранилось мозаичное четырехугольное панно, в котором читается текст:

«Господь твой, обладающий величием и милостью».

Неожиданными по содержанию выглядят надписи, украшающие пилоны портала. Вместо обычных надписей, посвященных постройке здания, говорящих о смерти погребенного в нем или религиозных текстов, здесь начертаны изречения, приписываемые Сократу. На правом пилоне:

«Сказал Сократ: — Человек в этом мире огорчается всеми его обстоятельствами».

Дальше сохранились отдельные элементы букв и слов, не дающие возможности прочтения. Также скудны остатки надписей и на соответствующем месте северного (левого) пилон.

Вторая сторона надписи проходит параллельно первой по внешнему краю пилон:

«Сказал Сократ: — Поистине люди в этом мире подобны птицам радующимся... этот мир подобен силку с помещенной в нем приманкой».

Ротонда-мавзолей «Восьмигранник».

Надписи, несомненно помещавшиеся в прямоугольных панно над каждой арочкой, совершенно исчезли. Внутри мавзолея, в основании купола, сохранились остатки коранического текста (Коран 2, 256), написанного клеевыми красками строгим сульсом.

Мавзолей неизвестного лица на западной стороне коридора. Остатки мавзолея открыты раскопками Н.Б. Немцевой в 1964 г. Сохранилось трехступенчатое надгробие, выложенное майоликовыми плитками. Первая сверху ступень облицована восемью плитками (по три с каждой длинной стороны и по одной в торцах). Каждая из этих плиток содержит сложную вязь одного и того же выражения:

«Сказал Пророк: — Могила — сундук (человеческих) деяний».

Вторая сверху ступень также облицована плитами с повторяющимися группами букв.

Связного чтения эти плитки не дают и изготовлены, по-видимому, не для этого надгробия, а использованы как подручный материал, может быть, при его ремонте.

Мавзолей неизвестного лица работы мастера Али Насафи. Вся порталная часть мавзолея, как и восьмигранный барабан купола, покрыта эпиграфическим орнаментом. Барабан и боковые стороны портала облицованы квадратными майоликовыми плитками, имитирующими набор из поливных кирпичиков — синих и голубых. Узор, образуемый этими ложными кирпичиками, представляет собою элементы надписи в стиле до крайности геометризованного прямоугольного куфи. Однако плитки составлены настолько случайно, что надписи оказались нечитаемыми. Только на некоторых плитках можно прочесть слово «Мухаммад», так как оно целиком вписано в квадрат плитки.

Устои портала орнаментированы переплетающимися лентами, образующими сложный узор с вписанными в них восьмиконечными звездами и вытянутыми вертикально продолговатыми фигурами.

Ленты покрыты сплошь письмом упрощенного геометризованного прямоугольного куфи. В этих надписях можно прочесть отдельные выражения, обрывки фраз, слов.

Майоликовые плитки, образующие ленты, составлены также случайно, без учета написанного на них текста. Мастер явно руководствовался при этом только длиной отрезка, нужным ему пересечением или уголком. Надписи содержат много раз повторяющуюся в разных местах фразу (ни в одном случае не законченную) и обрывки коранических стихов (суры: 109, ст. 1; 112, 114, ст. 2, 3), также повторяющихся многократно.

Арабские тексты содержатся и в фигурах, образуемых пересечением лент.

¹⁹ Притяжательная частица относит это благопожелание только к отцу погребенной.

В продолговатых фигурах (во всех сохранившихся) дважды повторяется вязь букв, образующих текст:

«Этот мир — радость для людей греха; будущий мир горек для людей (приверженных к) этому миру, и оба они — радость для людей божьих».

На обоих устоях симметрично повторяются восьмиугольные звезды.

В верхней, выполненной расписной майоликой:

«Нет безопасности, кроме как у праведника,

Нет близости, кроме как у единомышленников,

Нет творения, кроме как для исчезновения,
Нет дружбы, кроме как во сне».

В средней звезде (резная майолика), разделенной на квадраты и неправильные прямоугольные фигуры, вписаны имена шиитских имамов: Али, Хасан, Хусейн, Али Зайн ул-Абидин, Мухаммад ал-Бакир, Джа'фар ас-Садик, Муса ал-Казим, Али ар-Реза, Мухаммад ал-Джавад, Али Аскари, Хасан ал-Хамт, Мухаммад ал-Махди.

Нижняя звезда (рельефная майолика) занята кругом, в который по спирали вписан стих «Престол» (Коран. 2, 257).

Остатки майоликовой надписи сохранились в обрамлении входа в мавзолей. В отличие от описанных, они выполнены тем шрифтом-вязью, который типичен для XIV в. Прочтению эта надпись не поддается, так как плитки майолики перепутаны. Поэтому здесь возможны (без контекста, в значительной степени предположительно) отдельные слова без взаимной их связи. Однако с полной уверенностью можно сказать, что ни имени погребенного, ни даты смерти или погребения эта надпись в сохранившейся части не содержит.

Такое обращение с майоликовыми плитами, содержащими надписи, когда они независимо от текста монтировались как попало на стенах здания, заставляет предположить, что изготовивший надписи «машшак» и мастер-строитель, устанавливавший эти надписи на стенах здания,

действовали независимо один от другого. Последний, быть может, и не понимал этих надписей, сделанных не обычным шрифтом для письма, а затейливой и нелегко читаемой стилизацией.

Описываемый мавзолей не имеет даты. Не позволяют надписи на нем установить и принадлежность мавзолея определенному лицу. Но очень ценным является то, что нам известны имена мастеров, возводивших здание.

На основании правой колонки, фланкирующей арку портала, читается:

«Работа мастера Али Насафи»

На левой колонке в соответствующем месте:

«Работа мастера Али...»

Нисбу или прозвище этого второго мастера, которого звали также Али, прочесть не удалось.

Все надписи мавзолея арабские.

Мавзолей «Безымянный 2». Мавзолей расположен по западной стороне прохода, севернее мавзолея, построенного Али Насафи.

Здесь сохранились остатки надписи на пилонах арки портала в виде двух фрагментов, выполненных в майолике. Буквы выступают слабым рельефом.

На правом пилоне осмысленного чтения надписи установить не удалось.

На левом:

«...сразу. Земля — бремя для людей, а люди для земли...»

Кроме этой надписи сохранился фрагмент надписи внутри арки портала в виде горизонтальной майоликовой полосы. Здесь содержался текст стиха «Престол», от которого уцелела лишь вторая часть (Коран 2, 257).

В литературе о Шахи-Зинда мавзолей часто приписывался некой «Улуг-бегим» или «Улуг-Султан-бегим». Это утверждение было основано на неправильном чтении отдельно взятых слов в надписи. В действительности в надписи никакого имени нет²⁰.

²⁰ Шишкин В.А. О мнимом мавзолее «Улуг-Бегим» в Шахи-Зинда // ОНУ. Ташкент, 1962. № 11. С. 66, 67.

Мавзолей эмира Бурундука. Снаружи — ремонтная кладка XV в. с выложенными из поливных кирпичиков словами:

«Вечность (принадлежит) Аллаху», «Царство (принадлежит) Аллаху».

Внутри мавзолея, на северной и южной сторонах, одинаковые прямоугольные алебастровые панно с изображенными квадратными куфи именами Мухаммада, Абу-Бакра, Омара, Хасана и Хусейна с благопожеланием:

«Да будет Аллах доволен ими всеми».

Других надписей на этом памятнике нет.

Хонако Туман-ака. Над южным входом в большом мозаичном прямоугольнике почерками насх (верхняя строка) и сульс (нижняя строка) написано:

«С соизволения Аллаха всевышнего (заложил) основание этой мечети пресветлая царица, упоминаемая под именем Хайр ан-Ниса,

Туман-ака, дочь эмира справедливого Мусы, да возлюбит ее Аллах и признает достойной».

Правее входа в стену вделано другое мозаичное панно, в котором в верхней строке мелкими желтыми буквами, в нижней строке — белыми буквами написано:

«Сказал Али ибн Абу-Талиб, да помилует Аллах лицо его: — Нет величия без повиновения Аллаху всевышнему».

Над северным входом в хонако помещены два мозаичных панно. В правом из них в верхней строке желтыми буквами:

«Сказал пророк, да приветствует его Аллах».

Вторая строка белыми буквами:

«Спешите к молитве до погребения»

В левом панно белыми буквами продолжение текста:

«и спешите к раскаянию до смерти».

Мелкими желтыми буквами в верхней строке:

«Удостоверил Аллах всевышний и удостоверяет посланник милостивый».

Эпитафия эмира Са'ида

На мраморной плите (высота 63 см, ширина 23 см), вделанной в стену хонако Туман-ака, помещен текст:

«(1) Кончина (2) эмира великого, (3) эмира сейида Абу (4) Са'ида, сына эмира великого, (5) эмира сейида Махди, (6) сына эмира великого, эмира (7) сейида Хайдара, (8) в месяце благословенном (9) Джемаде II (10) года... тридцать третьего».

Левый нижний угол камня, на котором были обозначены сотни лет из приводимой даты смерти, отбит. Камень, во всяком случае, не современен хонако и вделан в стену при каком-то ремонте здания.

Разыскать какие-либо данные об упоминаемых в надписях эмирах нам не удалось.

Мавзолей Туман-ака. Большая надпись на устоях арки портала выполнена белыми буквами по синему полю, орнаментированному побегами и листочками. На правой стороне сохранилось:

«Во имя Аллаха милостивого, милосердного. Боже! Одарил ты нас светом в сердце, светом в могиле, светом в слухе, светом в ... светом...»

На левой:

«...мне...Мухаммад по милости твоей, о милосердный!»

Под надписью на левом устое одна горизонтальная строчка мелкими буквами:

«Писал шейх Мухаммад, сын Ходжи Бандгаран Тугра-бази» (специалист по составлению тугра, очевидно, — прозвище машшока).

Надпись сохранилась хорошо за исключением ее конца; слово «Бандгаран» читается предположительно. Проскользнувшие неоднократно в литературу указания, что в надписи содержится нисба «Табризи», явно ошибочны.

Не мешает отметить, что шейх Мухаммад, оставивший образцы своего искусства, был незаурядным мастером своего дела и что надписи мавзолея Туман-ака наряду с надписями мавзолея Ширинбек-ака, исполненные очень четким и ясным письмом сульс, принадлежат к числу лучших произведений этого вида искусства.

По архивольту большой арки портала проходила полоса надписи белыми бук-

вами по черному фону; на левой стороне уцелело начало надписи:

«Сказал Аллах всевышний в ясном стихе своей книги...»

За этим вступлением мог следовать только коранический текст.

Некоторые данные о самом мавзолее сохранились в фрагментарно дошедшей до нас надписи внутри арки портала, в виде горизонтальной полосы:

«[Построено] это здание могилы озаренной по указанию...»

...да продлит Аллах ее султанство, в году восемьдесят восьмом (1405/1406 год)».

Вопрос об атрибуции этого мавзолея встречает значительные затруднения. По «Самарии» Абу Тахира Ходжи, написанной в первой половине XIX в., к западу от мион-сарая (помещения перед входом в мазар Кусамы ибн Аббаса) находится мавзолей жены Темура Туман-ака, дочери эмира Адиля, сына Мусы²¹. Это указание весьма неточно. Прежде всего, оно основано, по видимому, на надписи, которая (см. ранее) имеется над входом в хонако. Однако надпись прочтена неверно, на что указал В.Л. Вяткин²²: слова «эмир справедливый» были поняты как собственное имя. Мавзолей, именуемый мавзолеем Туман-ака, явно другое здание, построенное позднее, чем хонако, которое по сообщениям Шараф ад-Дина Йезди и Гияс ад-Дина Али посетил Темур после своего индийского похода.

Постройка мавзолея датирована 808 годом хиджры, соответствующим 1405/1406 г. В это время царица Туман-ака, которой было около 39-40 лет, была жива. В тревожное время борьбы между претендентами на наследство Темура по желанию Шейха Нур ад-Дина она была отправлена Халиль Султаном к нему в Саганак²³.

По словам В.В. Бартольда, царица Шади-Мульк, жена Халиль Султана, уго-

ворила своего мужа выдать за эмиров и видных представителей войска всех жен и наложниц Темура. Эта участь постигла и Туман-ака. После смерти Шейха Нур ад-Дина, который был убит в 1411 г., Туман-ака была, по требованию Шахруха, прислана в Самарканд и в том же году увезена им в Герат²⁴.

В связи с этим возникает несколько предположений.

Первое: в том случае, если это действительно место погребения царицы Туман-ака, а не кого-либо другого, постройка предпринята ею самой задолго до смерти как место будущего погребения, скорее всего незадолго до смерти Темура.

Второе: царица Туман-ака приказала построить это здание для кого-то из своих родственниц и могла позднее быть погребена в этом же здании.

Третье: мавзолей, приписываемый Туман-ака, никакого отношения к этой царице не имеет и построен какой-то другой царицей из семьи Темура.

Решить вопрос в пользу того или иного предположения представляется весьма затруднительным, и только некоторые косвенные данные — связь этой гробницы с хонако Туман-ака, к которой она пристроена, да повторение слова «нурия» в надписях наводят все же на мысль, что это блестяще выполненное здание как-то связано с именем Туман-ака.

Кстати, это слово «нурия» (светлая, ода-ренная) понималось иногда как собственное имя, а здание называлось Нурия или Нури²⁵. Некоторые авторы предпочитали называть его «мавзолеем 808 г.» или «мавзолеем 1405 г.»²⁶. В последнее время утвердилось название «мавзолей Туман-ака»²⁷.

²⁴ Там же. С. 87, 95.

²⁵ Полупанов С.Н. Архитектурные памятники Самарканда. Москва, 1948. С. 23. Кстати укажем, что эта книга пестрит множеством грубых ошибок.

²⁶ Например: Якубовский А.Ю. Самарканд при Темуре и Темирадах. Ленинград, 1933. С. 36, 37.

²⁷ Засыпкин Б.Н. Архитектура Средней Азии. Москва, 1948. С. 86; Пугаченкова Г.А. Самарканд, Бухара. Москва, 1961. С. 37 и др.

²¹ Абу Тахир Ходжа. «Самария». Описание древностей и мусульманских святынь Самарканда (перевод В.Л. Вяткина) // СКСО. Вып. V. Самарканд, 1899. С. 172.

²² Там же. Прим. 70 на стр. 250.

²³ Бартольд В.В. Улугбек и его время. Сочинения. Т. II. Ч. 2. Москва, 1964. С. 85.

Однако достаточно твердых данных для этого мы не нашли.

Сохранилась обрывками также часть надписи, проходящей по архивольту арки входной двери.

«...ему чистые...кроме (тех, которые) удалились. Сказал милостивейший из пророков Мухаммад, привет ему: — Могила — дверь, и все люди входят в нее... лицо его...»

На барабане купола мавзолея уцелели остатки коранического текста (Коран 3, 182).

Мавзолей Ходжи Ахмада. Надпись на левом пилоне портала мавзолея (лакуны восстановлены по старым фотографиям, сделанным в XIX в.):

«... да продлит Аллах их вечность, чтобы сделалась могила озаренной, садом счастья Ходжи Ахмада, которому не было по красоте никого подобного, в...»

Надписи выполнены в резной рельефной мозаике почерком, несколько отличающимся от других надписей Шахи-Зинда, выполненных почерками, характерными для XIV в., несколько большей лапидарностью и относительной простотой начертаний букв.

В орнаментированное поле полосы надписи местами вставлены маленькие клейма с добавочными надписями, не связанными с основным текстом. Справа, сверху, между «алифами» и «ламами» вплетена прямоугольными буквами вязь с обычной фразой: *«Царство принадлежит Аллаху»*.

На левой стороне, приблизительно в середине сохранившейся части надписи вкомпоновано небольшое клеймо в виде листочка, на котором вырезаны слова: *«Работа Фахр Али»*. Это имя либо зодчего, возводившего мавзолей, либо машшока, составившего надпись. Внизу — сложное переплетение букв: *«Да уважит Аллах его великодушные»*, что относится, по-видимому, к погребенному.

По архивольту арки портала проходит надпись с персидскими стихами:

«Если бы шахом Ирана и царем Китая ты был,

[Конец твой (все же) будет здесь — под землей,

Зачем ты привязываешь сердце]»²⁸ к этому тленному миру»²⁹,

если конец (всех твоих) дел будет таким?»

Жалкие остатки персидской надписи, в которой можно прочесть только два слова, сохранились в прямоугольном обрамлении двери.

Однако еще В.Л. Вяткин видел эту надпись в значительно лучшем состоянии. Он записал³⁰:

«...к сокровищу земли положил...как сокровище из драгоценностей эпохи...но ушел на райскую лужайку его дух из этой...»

Дата смерти погребенного в мавзолее Ходжи Ахмада или дата постройки здания не сохранились. Неизвестной остается и личность Ходжи Ахмада.

Мавзолей 1361 г. От большой надписи, обрамляющей портал в этом здании, сохранился только конец:

«...свет подола ее целомудрия. Окончено здание тринадцатого сафара года семьсот шестьдесят второго (12 декабря 1361 года)».

По сообщению Абу-Тахира-Ходжи, это мавзолей над прахом одной из жен Темура — Кутлуг-ака³¹. Неточности и ошибки, нередкие в труде Абу-Тахира-Ходжи, заставляют отнестись с осторожностью и к этому сообщению.

Однако и данных, которые противоречили бы ему, надпись также не содержит.

Здание построено для погребения какой-то знатной замужней женщины, принадлежавшей к кругам крупных феодалов своего времени. Сведения о семье Темура и его ранних женах весьма скудны, на что указал В.В. Бартольд³².

Темур, которому в период возведения мавзолея было около 25 лет, был еще не

²⁸ Текст дополнен по записи в одной из тетрадей В.Л. Вяткина, переданных на хранение в Центральный исторический архив УзССР. Источник этих дополнений нам неизвестен.

²⁹ Эти слова в настоящее время также утрачены и прочитаны нами по старой фотографии.

³⁰ В этой тетради, находящейся в ЦИА УзССР.

³¹ Абу Тахир Ходжа. «Самария». 1899. С. 172.

³² Бартольд В.В. Улугбек и его время. 1964. С. 40.

«миродержцем», повелителем народов, а всего лишь предводителем феодальной группировки, заключавшей союзы то с ханом Моголистана, то с эмиром Хусейном, но тем не менее, он пользовался уже значительным влиянием.

Возможность возведения Темуром мавзолея над могилой рано умершей молодой жены не исключается, но все же кажется в известной мере сомнительной.

Остальные надписи, сохранившиеся на мавзолее, носят чисто религиозный характер. В раме, окаймляющей дверь в мавзолей, содержится стих «Престол» (Коран 2, 256).

Непосредственно над замком арки входа, внутри этого обрамления, помещена квадратная плита, совершенно аналогичная плитам на мавзолее Эмир-заде и послужившая, вероятно, прототипом для последних, в которую вписана квадратным куфи по спирали сура «Очищение» (Коран 112). На обеих щечковых стенах арки портала помещены прямоугольники, в которых таким же квадратным шрифтом написаны слова: «Аллах», «Мухаммад», «Абу Бакр», «Осман», «Али».

Вход к мазару Кусам ибн Аббаса. На двухстворчатой двери, закрывающей вход, в верхних филенках вырезано на правой створке:

«Двери рая, открытые для народа»,

На левой:

«...и милость вечная для милостивых».

На планке двери вырезаны надписи — вверх:

«Работа Сейида Юсуфа Ширази».

Внизу:

«в году восемьсот седьмом (1404/1405 г.)».

То есть дверь изготовлена приблизительно в то же время, когда строился «мавзолей Туман-ака», в период последнего похода Темура, его смерти и начала раздора между его наследниками.

Над входом вделано большое мозаичное четырехугольное панно, в котором написано в верхней строке мелкими желтыми буквами; в нижней — крупными белыми:

«Сказал Пророк арабский, хашимитский, корейшитский, мекканский, мединский, при-

вет ему: — Ал-Кусам ибн ал-Аббас больше всех людей похож на меня внешностью и характером».

Надгробный камень 758 г.х. Вделан в стену рядом с указанной выше дверью, справа от нее. Размеры плиты: высота 45 см, ширина 35 см. Надпись помещена на поле, образованном орнаментальной аркой, опирающейся на колонки:

*«Эмир справедливый
великий сын эмира
величайшего Казагана. Да осветил Аллах
их ложа, да улучшит Аллах достоинство
их*

*в день очищения (и) довольства. В рамазане
года 758 (август-сентябрь 1357 год)».*

Имя погребенного сына Казагана, правившего с 1346 по 1358 г.г., который, судя по дате эпитафии, умер еще при жизни отца, прочесть не удалось. Судя по небольшим размерам камня, можно предположить, что он умер еще малолетним.

Большая мечеть. Надпись, обрамляющая михраб мечети:

*«Сказал Аллах прославленный и всевышний
в ясном (стихе) своей книги».*

Дальше следует текст (Коран. 2, 139). Заключительная фраза:

*«Удостоверил Аллах великий, удостоверил
его посланник милостивый, и мы в этом из
(числа) свидетелей господа миров».*

Рядом с михрабом в нижнюю часть западной стены мечети у самого пола вделана большая плита из серого мрамора. Сверху и снизу плита обломана, а какая-то часть ее замазана алебастром.

На плите изображение фестончатой арки, обрамленной некогда со всех четырех сторон, а теперь только по бокам широкой полосой надписи, в которой читается (справа, сверху вниз):

*«(Сын) эмира Айлангира, сына эмира Ид-
жиля, сына эмира Караджар Нуйана, сына эми-
ра Сугуджиджина, сына эмира...».*

Эта часть той родословной, по видимому, в значительной мере вымышленной, а в конце совершенно фантастической, которая полностью сохранилась на мраморном надгробии Темура в мавзо-

лее Гур-Эмир³³. Той же родословной соответствует текст отрывка на левой стороне плиты, читающийся снизу вверх:

«...не был известен отец этого благородного, а только его мать Алан Кува. И забеременела она им, и не было это прелюбодеянием, а следствием чистого света (исходившего) от [одного из потомков Льва Аллаха – Али]»³⁴.

Поле внутри арочки заполнено следующей надписью:

- (1) «Дарующий пропитание,
- (2) создатель сотворенного, владыка пределений,
- (3) победитель побеждающих, справедливый в день воскрешения и страшного суда, собиратель людей в последний день (окончания мира),
- (4) прощающий, милосердный, награждающий. Хвала Аллаху, царю милости, изначальному, древнему, создателю (небесного престола)
- (5) великого, и небес, и земель. А он слышащий, знающий, принимающий раскаяние, награждающий,
- (6) кроткий, прощающий, милосердный. Хвала Аллаху великому! Он – начало и конец, явное
- (7) и тайное, вечный, дающий пропитание живым тварям, снабжающий дарами, отвращающий
- (8) несчастья, исцеляющий болезни. (он) прощает прегрешения, милует беглецов, любит праведных, покрывает должников,
- (9) охраняет боязливых. Хвала тебе, хвала тебе, хвала тебе! Нет божества, кроме тебя, милостивого, прощающего
- (10) заблуждения, прегрешения, награждающего, кроткого, знающего о вечности произрастания растений (посевов) и деревьев,
- (11) устроителя (смены) ночи и дня, творца жизни для (своих) созданий, распределителя пропитания, знающего сокровенные
- (12) огорчения. Ты, которому поклоняются

темнота ночи и свет дня, сияние луны и блеск солнца, шорох

(13) деревьев и журчание воды. Боже, ты, которому поклоняются небо и земля, суша и море и все, что в них. Боже,

(14) ты, которому нет ничего подобного, ты могущественный над всем! Боже, ты, который знает тайное и явное и то, что

(15) в сердце. Боже, ты, который прощает непокорного после того, как (он) погряз в грехах. Боже, ты, который сотворит все сущее, (и оно) возвращается

(16) к тебе для суда в день (всеобщего) воскрешения. Боже, ты, который простил меня (за) грехи мои. О, владыка, удали мои нужды подобно тому, как ты сказал:

(17) «Призывайте меня, и я буду внимателен к вам», и ты удостоверяешь свое обещание. Спаси нас от горя, заботы, нападения (врага), долгов, нищеты,

(18) несчастья, болезни. Ты помощник всех удрученных, угнетенных и пораженных. О боже! Ты, который сказал: «Не отчаивайтесь в милости Аллаха...»³⁵.

С. Лапин прочитал в свое время еще одну строку, которую он переводит:

«Ты верен словам своим. Ты не лжец. Избавь меня, хранитель, от бедствий в мире земном и в мире вечности, не позорь меня, владыка, при народах в день обещания. Велик бог, велик бог, нет бога, кроме бога»³⁶.

Вся плита с ее орнаментацией и распределением текста совершенно определенно подражает плите над могилой Темура. Приведенная выше молитвенная надпись не повторяет, как в родословной, текста надгробия Темура, но составлена в значительной части из тех же выражений и риторических оборотов.

Плита, несомненно, находилась над могилой одного из членов династии Темуридов, имя которого, как и время изготовления плиты, остается неизвестным. На своем месте около михраба мечети она, надо полагать, появилась позднее, уже в обломанном виде.

³³ Текст и перевод опубликованы А.А. Семеновым: Семенов А.А. Надписи на надгробиях Темура и его потомков в Гур-Эмире // Эпиграфика Востока. Н., 1948. С. 52, 53. Несколько иная редакция этой надписи на нефритовом надгробии Темура там же. С. 57, 58.

³⁴ В нашей надписи пропущено слово «рассказывают», которое восстанавливается А.А. Семеновым по остаткам букв (на камне это место отбито).

³⁵ Коран, 39. С. 54.

³⁶ Лапин С.А. Перевод надписей... 1896. С. 7.

Зиаратхана. Майоличная полоса надписи, опоясывающая стены помещения непосредственно по восьмиграннику основания купола, содержит коранический текст (Коран. 9, 18 — 21). В конце надписи:

«Окончено в году семьсот тридцать пятом (1334/1335 год)».

На деревянной панели, расположенной над оконной решеткой между помещением зиаратханы и помещением с надгробием Кусамы ибн Аббаса, вырезан текст уже встречавшегося хадиса:

«Сказал Пророк, привет ему: — Кусам, сын Аббаса, больше всех людей похож на меня внешнею и характером».

На самой решетке, на вделанном в середину ее деревянном шестиугольнике, персидское четверостишие:

«Гнет из сердца от поклонения тебе исчезает;

достойным становится от поклонения тебе каждый недостойный.

Цари кладут головы на твой порог.

Предмет желанья обоих миров становится из-за тебя доступным».

В северо-восточном углу зиаратханы сохранилась очень старая одностовчатая дверь, в верхней части которой стилизованным и орнаментальным письмом куфи вырезаны слова:

«Молитва, но не власть и имущество».

Некоторые интерес представляют надписи, сделанные тушью на старом слое штукатурки, открытом несколько лет назад при исследовании здания. Привожу некоторые из этих надписей:

1. *«Писал Абду.../Мухаммад... в/ месяце благословенном раби ал-ахир/года семьсот шестьдесят третьего (февраль-март 1360/61 года)».*

2. Надпись сохранилась плохо, смысла уяснить не удалось, но сохранилась частично дата:

«в году семьсот...третьем».

Почерки обеих этих надписей архаичные и могут вполне соответствовать представленным в них датам.

3. К концу XIV века должны быть отнесены по характеру письма следующие две персидские надписи:

«Нет мне счастья в этих двух мирах, кроме соединения (с божеством);

Я нищенствую постоянно с чашей (из) сердца дервишей».

«Ушла от меня милость. Теперь очередь моя,

чтобы (покрыть) голову пылью зиарата.

Боже, наставь того, кто читает (эту надпись),

помолиться за написавшего ее».

Таковы образцы вотивных надписей XIV в.

Штукатурка, на которой были сделаны приведенные ниже надписи, покрыта более поздним тонким слоем алебаstra. На ней удалось прочитать:

«Ты, как я — раб, грешный,

От каждого, кто (это) прочитает, жажду молитвы».

Почерк этой надписи — более поздний среднеазиатский насталик, может быть отнесен к XVII-XVIII в.

Этот слой штукатурки в свою очередь был покрыт новым, сохранившимся до недавнего времени.

Надгробие Кусамы ибн Аббаса. Надгробие представляет собою продолговатую пятиступенчатую пирамиду, облицованную сплошь майоликовыми плитками. Верхняя ступень имеет форму сводика — сагана. На торцовых сторонах этой ступени буквенная вязь:

«Это /могила сына дяди, господина/посланников, печати/ пророков и посланника/господа мира, привет ему, /амира правоверных/Кусамы и напоит их. / Умер в году пятьдесят седьмом (676/677 г.)».

Вторая ступень надписей не имеет, на третьей по всем четырем сторонам текст из Корана (3, 163 — 165).

Не начало ли этой надписи: *«И никак не считай мертвыми тех, которые убиты на пути Аллаха. Нет, они живы!»* — послужило поводом для легенды о «Живом царе» («Шахи-Зинда»), пребывающем где-то под землей?

На четвертой ступени:

«Этот высочайший из дворцов — рай, освещающий сердца, распространяющий свет и привлекающий благочестивых. «Для них сады, где текут реки» (Коран. 2, 23). Эта могила Кусама, сына Аббаса, вдохновленного беседой с господином руководителей и осчастливленных, пророком людей и духов, посланником Аллаха и наставником человечества. Да будет доволен им Аллах и да ниспошлет ему мир».

Нижняя ступень представляет собою невысокий цоколь без надписей.

Деревянная балка здания домонгольского времени

В процессе исследования истории сложения разновременных построек, прилегающих к мазару Кусама ибн Аббаса, архитектор В.М. Филимонов обнаружил к северу от зиаратханы небольшое замкнутое помещение. В нем на южной стене сохранился фрагмент того здания, которое предшествовало сооружению существующей ныне зиаратхане 735 г. хиджры. Этот фрагмент состоит из деревянного столба, покоящегося на нем архитрава — горизонтальной балки и резных деревянных же деталей в виде метопы и консоли над нею³⁷.

На балке-архитраве сохранился фрагмент надписи:

«Да простит Аллах его, его родителей и всех мусульман. О милостивый из милостивых! В (месяце) мухарраме...»

Остается неизвестным, к чему относилась несохранившаяся дата: к кончине Кусама (едва ли можно сомневаться, что эпитафия посвящена была ему) или к дате постройки.

По своему стилю надпись, выполненная так называемым «цветущим» куфи, в котором верхушки букв переходят в растительные завитки и листочки, резко отличается от всех, описанных выше.

По характеру письма и по историко-архитектурным данным, подробно разобраным в статье В.М. Филимонова, надпись может быть датирована XI—XII вв.

Этим единственным в ансамбле Шахи-Зинда фрагментом надписи домонгольского времени мы и заканчиваем описание³⁸.

³⁷ Филимонов В.М. Древнее резное дерево из комплекса Кусама ибн Аббаса в ансамбле Шахи-Зинда // Искусство зодчих Узбекистана. Ташкент, 1962. С. 267 и след.

³⁸ Статья не была закончена автором, предполагалась заключительная часть.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АН — «Архитектурное наследство», сборник
ИЗУ — «Искусство зодчих Узбекистана», сборник
ИМКУ — «История материальной культуры Узбекистана», сборник
ИРКОМ — Известия русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях.
КСИИМК — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР».
КЦ — «Культурные ценности», международный ежегодник
МИА — «Материалы и исследования по археологии СССР», сборник
МИИРАПУ — «Материалы и исследования по истории и реставрации архитектурных памятников Узбекистана», сборник
МИТАУ — «Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана», сборник
ОНУ — «Общественные науки в Узбекистане», журнал
РАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры
СА — «Советская археология», журнал
САГУ — Среднеазиатский государственный университет
СамГАСИ — Самаркандский государственный архитектурно-строительный институт
САУ — «Строительство и архитектуры Узбекистана», журнал
СКСО — «Справочная книжка Самаркандской области»
СНИР — Сборник научно-исследовательских работ
ТашЗНИИЭН — Ташкентский зональный научно-исследовательский институт типового и экспериментального проектирования
ТашПИ — Ташкентский политехнический институт
ТОВЭ — «Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа», сборник
ТОРГО — Туркестанское отделение Русского Географического общества
УзФАН — Узбекский филиал Академии наук СССР
ЭВ — «Эпиграфика Востока», журнал
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция Академии наук Туркменской ССР

СОДЕРЖАНИЕ

От ответственного редактора	5
Предисловие	6
От автора	7
Введение	8
Письменные данные и история изучения	15
Стратиграфия и историческая топография юга городища Афрасиаб	29
Водоснабжение комплекса Шахи-Зинда	32
Южные ворота Самарканда в X—XII в.	49

ГЛАВА 1

ШАХИ-ЗИНДА ПРИ КАРАХАНИДАХ, XI – XII ВВ.

История и легенды	57
Машады в мусульманском мире	61
«Машад Кусама»	66
Архитектура «машада Кусама»	67
Резные деревянные конструкции XI в.	76
Мавзолей «царевича Кусама»	80
«Машад Кусама» (композиция, типология, стиль)	90
Исчезнувшие памятники Шахи-Зинда, XI–XII вв.	96
Медресе Кусамийа, 1066 г.	97
Статус «машада Кусама» при Караханидах	127
Вакф 1066 г. и некоторые комментарии	129
Гробница Лачин-бека, XI в.	132
«Арабески» под покровом земли	138
Самаркандская школа зодчих при Караханидах	148
Шахи-Зинда при монголах. XIII в.	154

ГЛАВА 2

ШАХИ-ЗИНДА ПРИ АМИРЕ ТЕМУРЕ,

XIV — начало XV вв.	155
Мавзолей Ходжи Ахмада, 40-е годы XIV в.	156
Мавзолей 1360/61 г.	160
<i>Шахи-Зинда во время правления</i>	
Амира Темура (с 70-х гг. XIV в.)	163
Гробницы на крепостной стене, XIV в.	182

Мавзолей Шади-Мульк-ака, 1371/72 г.	182
Мавзолей Туглу-Текин (эмира Хусейна), 1375 г.	185
Мавзолей Эмир-заде, 1386 г.	187
Мавзолей Ширинбек-ака, 1385/86 г.	188
Мавзолей 90-х годов XIV в.	192
«Безымянный-1» (работы усто Алима Насафи)	192
Безымянный-2»	194
Мавзолей эмира Бурундука, 90-е годы XIV в.	196
Комплекс Туман-ака, 1405/06 г.	201
Исчезнувшие гробницы XIV в. (западная сторона)	206
Мавзолей, вскрытые по восточной стороне, XIV в.	214
Резной мрамор из мавзолея 30	217
«Западный коридор», начало XV в.	219

Глава 3 ШАХИ-ЗИНДА ПРИ УЛУГБЕКЕ,

XV в.	224
Входная порталная группа	226
Мавзолей «Матери султана»	229
«Средняя группа» Шахи-Зинда в XV в.	251
Склеп XV в. за мавзолеем «Безымянный 2»	251
«Восьмигранник»	255

Глава 4 ШАХИ-ЗИНДА в XVI – XIX вв.

Заброшенная святыня	258
«Нижний дворик», XVIII – XIX вв.	265
Заупокойный культ по материалам Шахи-Зинда	266
Склепы Средней Азии	270
Вместо Заключения	275
Conclusion	281
Литература	287
Приложение	
В.А. Шишкин «Надписи в ансамбле Шахи-Зинда»	292
Принятые сокращения	307

Немцева Н.Б. Ансамбль Шахи-Зинда: история — археология — архитектура.
— Самарканд, 2018. — 310 с., илл.

Технический редактор — А.А. Степанова

Фотографии: Немцева Н., Арапов А., Зуев А., Кокозиди Ю., Данилов С.

Перевод на английский: Калужин А., Костюшкин Д.

Дизайн и верстка: Джабриев О., Кокозиди И., Кокозиди В.

Тираж — 150 экз.

ISBN 978-9943-357-47-1

МИЦАИ: Самарканд, Университетский бульвар, 19
www.unesco-iicas.org

Отпечатано в СП «MEGA BOSMA»

© МИЦАИ, 2018



Немцева Нина Борисовна

Археолог, известный среднеазиатский исследователь-медиевист, кандидат исторических наук. Вся творческая жизнь автора посвящена изучению материальной культуры и искусства средневековой Средней Азии. Основное направление исследований – археолого-архитектурные памятники.

Вела многолетние археологические работы на крупных архитектурных ансамблях и отдельных объектах Узбекистана, Казахстана, Таджикистана. Автором опубликовано пять монографий и около 150 научных статей.